

Л. А.
МЕЙ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

Л. А. МЕЙ

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Л. А. МЕЙ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

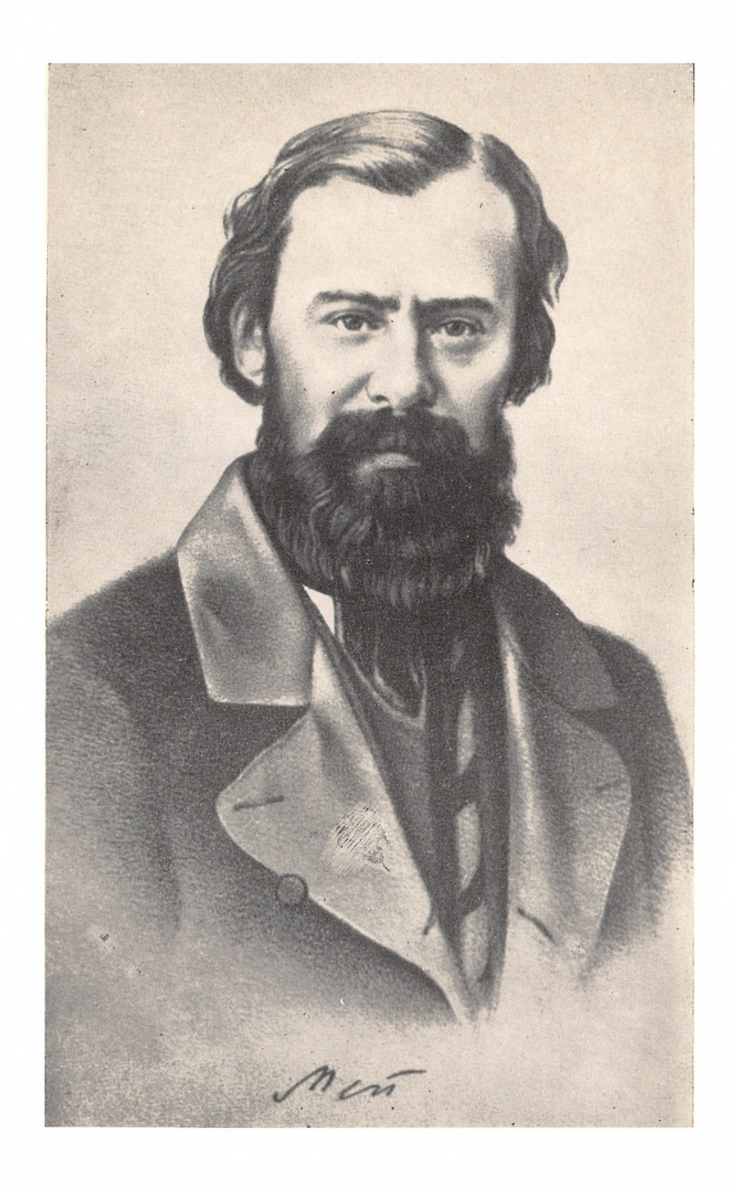
Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
К. К. Бухмейер

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1972

Р 1
М 45

Л. А. Мей (1822—1862) — даровитый, оригинальный поэт и переводчик. Многие его стихотворения (в том числе в антологическом роде, фольклорные стилизации и другие) создали ему репутацию тонкого, виртуозного лирика. Широкой известностью пользуются драмы Мея «Царская невеста» и «Псковитянка», на сюжет которых написаны одноименные оперы Н. А. Римского-Корсакова. Разнообразные по жанрам и манере письма, стихотворные произведения поэта достаточно полно представлены в настоящем издании.

7-4-2
320-72

Мей

Л. А. МЕЙ

Л. А. Мею — оригинальному поэту — не слишком повезло у современников.

В бурную эпоху 60-х годов XIX века для демократического лагеря он был типичным представителем «чистого» искусства, к тому же по силе своего поэтического дарования уступающим наиболее крупным его представителям. И Чернышевский и Добролюбов отдавали Мею должное главным образом как переводчику. Писарев вообще отзывался о его стихах крайне пренебрежительно.

Не вполне жаловали Мея и литераторы близкого ему направления, даже из непосредственного окружения (например, члены «молодой редакции» «Москвитянина», затем В. Р. Зотов, Я. П. Полонский и др.). Как правило, здесь его считали «голым талантом», то есть поэтом, обладающим незаурядными силами и средствами, и отказывали в «миросозерцании», а порой даже в поэтической индивидуальности. Интересно, что первое обвинение наиболее остро было сформулировано Я. П. Полонским, тоже не отличавшимся особенной последовательностью и определенностью воззрений. «В произведениях Мея, — писал он в 1859 году, — не отразилось ничего из того, что кругом его занимало, волновало, заставляло страдать и бороться или распутничать и тешиться наше русское общество 60-х годов. Между ним и Меем был как бы постоянный туман». [1]

Не лучше обстояло дело и после смерти поэта. Издание его сочинений 1862—1863 годов на фоне общественных и литературных событий той эпохи прошло незамеченным. И уже очень скоро Мея

---

[1] Л. А. Мей как человек и писатель. (Из литературных воспоминаний). — «Русский вестник», 1896, № 9, с. 112—113.

стали называть «забытым поэтом». Редкие статьи его друзей и поклонников появлялись через десятилетия в связи с выходом сочинений поэта или крупными юбилейными датами и, по существу, не вносили ничего нового в уже сложившуюся точку зрения.

В этой судьбе была своя логика, как была своя логика и в том, что только после Октября, в процессе критического освоения культурного наследия прошлого, было по-настоящему пересмотрено творчество этого несомненно значительного художника, у которого как у знатока русского языка Горький советовал учиться молодому поколению поэтов. [1]

Благодаря трудам советских исследователей становится все яснее вклад Мея в русскую поэзию и постепенно рассеивается тот «туман», который якобы стоял между Меем и его современниками, то есть, иными словами, обнажаются сложные связи поэта с литературно-общественной жизнью его эпохи.

1

Недолгая жизнь Мея (он умер, едва достигнув сорока лет) не очень богата событиями. Однако она небезынтересна, так как в какой-то мере типична для начавшей формироваться в 40—50-е годы XIX века разночинной интеллигенции.

Лев Александрович Мей родился 13 февраля 1822 года в Москве в небогатой дворянской семье. Отец его, отставной офицер, участник Бородинского сражения, умер еще молодым, причем за смертью его последовало почти полное разорение семьи. [2]

Детство Л. А. Мея прошло у бабушки Аграфены Станиславовны Шлыковой, где поселилась с тремя маленькими детьми молодая вдова. Патриархальный стародворянский уклад этой семьи, состояв-

---

[1] Письмо П. Л. Вячеславову от 25 февраля 1929 года (Архив М. Горького). — «Литература и жизнь», 1960, 26 августа.

[2] Биограф Л. А. Мея, А. Г. Полянская, рассказывает, что Александр Иванович Мей, участвуя компаньоном в каком-то коммерческом деле, скопил небольшой капитал и на эти деньги решил приобрести имение. Захватив с собой около шестидесяти тысяч рублей ассигнациями, А. И. Мей вместе с женой отправился туда для завершения сделки. По дороге открылась старая рана в груди, через несколько часов он скончался, а у потерявшей сознание жены его были украдены все деньги. Произошло это, вероятно, около 1827 года, так как А. И. Мею было в это время не более тридцати пяти лет, а его старшему сыну Льву — года четыре. (См.: «К биографии Л. А. Мея». — «Русская старина», 1911, № 3, с. 658.)

шей из одних женщин,[1] в котором немаловажную роль играли церковные праздники и отправление религиозных обрядов, несомненно сказался на формировании личности будущего поэта. Вероятно, здесь, в Хамовниках, в маленьком домике, нанимаемом у приходского священника, были заложены основы религиозных воззрений Мея, вполне традиционных, но, может быть, именно поэтому никогда не подвергавшихся затем пересмотру.

Здесь же, в тесном общении с крепостными слугами, на кухне и в передней, куда постоянно ускользал мальчик в поисках живых впечатлений, возник и его глубокий интерес к народной поэзии. Отсюда вынес Мей и прекрасное знание русского языка. В автобиографических очерках «Кирилыч» (1855), «Софья» (1856), «На паперти» (1859) поэт впоследствии мастерски описал своих крепостных учителей, с благодарностью вспоминая слышанные от них песни, сказки, пословицы и рассказы.

В 1831 году Мей поступил в Московский дворянский институт. Оттуда за отличные успехи он был переведен в 1836 году на казенный счет в Царскосельский лицей, который и окончил в 1841 году.

Лицей в ту пору был уже далеко не пушкинским. Из рассадника вольнолюбивых идей он превратился в типичное для николаевской эпохи казенное заведение, по-видимому не дававшее к тому же особенно серьезных знаний. Во всяком случае Е. А. Штакеншнейдер, познакомившаяся с Меем в 1850-х годах, с явным удивлением записала в своем дневнике: «Он лицеист, а между тем образованнее и более знающий, чем лицеисты бывают обыкновенно».[2]

Лицеистам скорее прощались тайные пирушки и самовольные поездки на тройках в Петербург,[3] чем хотя бы намек на самостоятельную или, тем более, либеральную мысль. Как раз с одиннадцатого курса лицея, курса Мея, вынужден был уйти, например, после непрерывных столкновений с начальством М. В. Петрашевский, аттестованный гувернерами как воспитанник «крайне строптивого характера и либерального образа мыслей».[4]

В лицее уже не учили мыслить и не готовили «граждан». Но все-таки в студенческой среде сохранялись некоторые традиции лицейского «первого курса» (то есть первого выпуска). Лицеисты инте-

---

[1] Вместе с А. С. Шлыковой жили также ее незамужние дочери, старшая из которых, Е. И. Шлыкова, вела все хозяйство.

[2] Дневник и записки, М.—Л., 1934, с. 126.

[3] Во всех этих запрещенных развлечениях Мей принимал активное участие.

[4] См.: В. Р. Зотов, Петербург в сороковых годах. — «Исторический вестник», 1890, № 6, с. 536—537.

ресовались литературой, издавали рукописные журналы, причем каждый выпуск выдвигал своих Пушкиных. На одиннадцатом курсе таковыми считались Л. А. Мей и В. Р. Зотов; их сочинениями и заполнялись в основном лицейские журналы «Вообще» и «Столиственник».

Должно быть, в лицее Мей впервые ощутил себя поэтом. В 1840 году он даже решился вслед за В. Р. Зотовым опубликовать в журнале «Маяк» два своих произведения: стихотворение «Лунатик» и отрывок из поэмы «Колумб» «Гванагани», — оба в романтическом духе.

В лицее же окреп и усилился его интерес к русской истории, пробудившийся еще дома, в Москве, где он с увлечением читал Карамзина. Из ранних стихотворений Мея на исторические темы им написаны «Царскосельские воспоминания»[1] и «Вечевой колокол». Вероятно, некоторую роль в развитии исторических интересов Мея сыграла его дружба с В. Р. Зотовым, сыном драматурга «ложновеличавой» школы Рафаила Зотова, писавшего на исторические темы. В. Р. Зотов разделял увлечение Мея историей (сам он в 1842 году дебютировал драмой в стихах «Святослав», а в 1844 году опубликовал драму «Новгородцы»).

Стихотворение «Вечевой колокол» — самое значительное из всего, что было написано Меем в лицейскую пору. И не только потому, что здесь Мей показал хорошее владение стихом и свойственную ему в дальнейшем любовь к сложному ритмическому рисунку, к свободной смене размеров, но и по самому решению избранной темы. Явным сочувствием к попранной новгородской «вольности» «Вечевой колокол» примыкает к декабристской традиции.[2] В этом смысле стихотворение стоит особняком в лицейской лирике Мея, не только не оппозиционной, но и содержащей некоторые верноподданнические мотивы. Вероятно, трактовка темы была навеяна литературными впечатлениями поэта, в частности той же «Историей» Карамзина.

---

[1] В лицейском журнале «Вообще» это стихотворение озаглавлено «Царскосельские воспоминания», но в тетради стихов лицеиста Н. П. Степанова (Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР) носит название «Екатерина II». В Полном собрании сочинений Мея 1887 года стихотворение из цензурных соображений было разделено на два отрывка; второй из них, рисующий любовное объяснение между Екатериной II и Потемкиным, назван «Отрывок из неоконченной поэмы» и сопровожден примечанием: «Отрывок этот представляет, кажется, сцену между Елизаветой Английской и графом Эссексом».

[2] Герцен опубликовал его впоследствии в «Голосах из России» (Лондон, 1857).

Вообще, лицейские стихотворения Мея и по темам, и по средствам их раскрытия подражательны: в «студенческих» песнях («Прощание лицеиста со шпагой», «Песня лицеиста»), в отрывке «Москва» чувствуется влияние Языкова, а «Лунатик» и «фантазия» «Мысли и звуки» составлены из общих мест романтической поэзии 30-х годов.

Однако в этих подражательных вещах Мей обнаруживает неученическое владение стихом, ритмическую изобретательность и характерную для него склонность к «роскошным», как говорили в XIX веке, картинам, перенасыщенным колоритными подробностями.

Окончив лицей, Мей вернулся в Москву и поступил младшим чиновником в канцелярию московского генерал-губернатора. Начался московский период в жизни Мея, очень важный в его идейном и художественном становлении.

К сожалению, никаких подробностей о жизни, занятиях, характере развития и даже о поэтической деятельности Мея в первую половину 1840-х годов мы почти не знаем. Из воспоминаний А. Г. Полянской явствует только, что до 1844 года он исправно ходил каждый день на Тверскую, в канцелярию генерал-губернатора, а вечера проводил в доме своих дальних родственников Полянских, где начал в ту пору завязываться его роман с С. Г. Полянской, в 1850 году ставшей женой поэта. Из тех же воспоминаний известно, что в период временного разрыва с С. Г. Полянской, длившегося с 1844 по 1849 год, Мей занимался серьезным изучением «богословских наук, древних писателей и русских летописей».[1] С 1841 по 1845 год Меем было написано очень немного: цикл стихотворений 1844 года, посвященный отношениям с С. Г. Полянской (одно из них было напечатано в «Москвитянине» в 1845 году), стихотворения «Сосна» и «Волынская дума», также опубликованные в «Москвитянине».

Между тем Москва этих лет жила довольно напряженной литературно-общественной жизнью, и это не могло пройти совершенно бесследно для молодого поэта.

Если в середине 1841 года, когда Мей вернулся домой, в Москве было относительное затишье (Станкевич умер, Белинский переехал в Петербург, Герцен находился в новгородской ссылке, Огарев за границей; молодая либеральная профессура Московского университета еще только разворачивала свою деятельность), то начиная с 1842 года положение начало решительно меняться. «Москва входила тогда, — пишет Герцен, — в ту эпоху возбужденности умственных интересов, когда литературные вопросы, за невозможностью полити-

---

[1] «К биографии Л. А. Мея». — «Русская старина», 1911, № 4, с. 90.

ческих, становятся вопросами жизни». К 1842 году «сортировка по сродству» между славянофилами и западниками уже произошла и оба «стана» были «на барьере», в «полном боевом порядке». «Война» эта, принявшая к середине 40-х годов чрезвычайно ожесточенный характер, по выражению Герцена, «сильно занимала литературные салоны в Москве». [1]

Такие факты, как статьи Белинского против славянофилов, публичные лекции Грановского в университете по западно-европейской истории средних веков в 1843—1844 годах, ответные лекции С. П. Шевырева о древней русской словесности, поэтические инвективы Языкова против западников, — все это вряд ли могло пройти мимо молодого человека, готовящегося связать свою будущность с литературой.

Конечно, разобраться во всем этом Мею, который своим предшествующим опытом совершенно не был подготовлен к участию в такой напряженной идейной борьбе, было трудно. [2] Тем не менее выбор он сделал: во второй половине 40-х — начале 50-х годов поэт оказался в стане «славян», хотя и не в рядах его активных борцов.

По свидетельству той же А. Г. Полянской и ряда мемуаристов (Н. В. Берга, И. Ф. Горбунова), Мей постоянно бывает в эту пору у М. П. Погодина, где собирались виднейшие московские славянофилы (С. П. Шевырев, А. С. Хомяков, И. В. и П. В. Киреевские, А. И. Кошелев и др.). С 1849 года он начинает регулярно печататься в погодинском «Москвитянине», а несколько позже входит в его «молодую редакцию» [3] (заведует отделами русской и иностранной литературы) и тесно сближается с кружком, группировавшимся сначала вокруг А. Н. Островского, а затем вокруг Ап. Григорьева. Посещает Мей в эти годы и другие литературные салоны Москвы, в частности салон «середины» Е. П. Ростопчиной и даже входит в его «завязь», по выражению Н. В. Берга.

Кружок Ап. Григорьева, который посещали все члены «молодой редакции», был очень своеобразным. «На первом плане и видном месте стояла в нем „русская народная песня“». Здесь пели Т. И. Филиппов, певец А. О. Бантышев, молодой купец-ярославец М. Е. Со-

---

[1] «Былое и думы». — Собр. соч. в 30-ти томах, т. 9, М., 1956, с. 152.

[2] В литературе о Мее уже отмечалось, что из лицея он вынес «почти полное непонимание насущных социальных вопросов современной ему жизни» (Г. М. Фридлендер, Л. А. Мей. — Л. А. Мей, Избранные произведения, «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1962, с. 10).

[3] Кроме А. Н. Островского, в нее входили Ап. Григорьев, Е. Н. Эдельсон, Т. И. Филиппов, Б. Н. Алмазов, Н. В. Берг и др.

болев, известный собиратель песен П. И. Якушкин; «ходуном ходила» гитара в руках М. А. Стаховича и гитариста-цыгана Антона Сергеевича, «сплошной смех раздавался в зале от рассказов Садовского». Хороших певцов и гитаристов разыскивали по московским погребкам и трактирам. [1]

В апреле 1850 года Мей женится на С. Г. Полянской; на зиму едет с женой в Петербург (к дяде — П. И. Мею), где присутствует на первой постановке «Царской невесты» (драма была напечатана в 1849 году в «Москвитянине» и поставлена тогда же в Москве). А после возвращения в Москву весной 1851 года уезжает вместе с семьей Полянских в имение Б. С. Озерова [2] Бурцево (Смоленской губ.). Там он пробыл до самого вступления в должность инспектора 2-й Московской гимназии, на которую был назначен в марте 1852 года. Во время пребывания в Бурцеве Мей много занимался языками, [3] в частности — польским, переводил Мицкевича, собирал в окрестных деревнях фольклор.

К инспекторству Мей приступил с большим рвением, но гуманные принципы, которыми он руководствовался (требовал хорошего содержания пансионеров и хорошего обращения с ними гувернеров, поддерживал способных учеников из бедных семей и т. п.), очень скоро осложнили его отношения с начальством, и это заставило его думать о переводе в другое место.

Весной 1853 года Мей с женой едет в Петербург хлопотать через министра просвещения А. С. Норова, с которым он был знаком, о переводе на Юг (якобы в связи с болезнью жены) и более в Москву не возвращается.

Вопрос, почему Мей навсегда уехал из Москвы, не совсем ясен. Тут, вероятно, целый комплекс причин: нелады с начальством, трения с Погодиным, очень ограниченные в Москве возможности для публикации стихотворных произведений, может быть даже и болезнь жены, на чем настаивает А. Г. Полянская. Но главной причиной, вероятно, было желание С. Г. Мей вырвать мужа из обстановки, которая уже начала губительно сказываться на его таланте (в частности,

---

[1] См.: С. В. Максимов, А. Н. Островский. (По моим воспоминаниям). — В кн.: А. Н. Островский. Драматические сочинения, т. 1, СПб., кн-во т-ва «Просвещение». [1909] с. 12—14.

[2] Б. С. Озеров был другом брата С. Г. Полянской и тесно сошелся в Москве с самим Меем.

[3] Получив дома и в лицее хорошую филологическую подготовку и постоянно совершенствуясь в дальнейшем, Мей владел греческим, латинским, древнееврейским, немецким, французским, итальянским, английским и польским языками.

пить Мей начал в Москве, и отрицательную роль здесь сыграл, видимо, кружок Ап. Григорьева). На это обстоятельство намекает письмо С. Г. Мей к сестре от 22 января 1854 года. Жалуясь на ужасающее безденежье (нечего есть, нет денег заплатить почтальону), она в то же время пишет: «А все-таки для нас Петербург спасение, он не дает засыпать, побуживает беспрестанно искать комфорта и средства к достижению его. А Москва, где с голоду не умрешь и сыт не наешься, погубила было раз моего мужа, а теперь, я думаю, погубила бы его без возврату. Перетерпим тяжелые времена, но все-таки чего-нибудь добьемся». [1]

Однако «перетерпеть тяжелые времена» им, пожалуй, так и не удалось. В Петербурге для Мея началась полуголодная жизнь интеллигентного пролетария, вечная борьба с нуждой, литературная поденщина, подточившая его силы и приведшая к ранней смерти.

Началось с того, что А. С. Норов предоставил Мею место инспектора во 2-й Одесской гимназии, но тот не смог его занять, так как не на что было выехать из Петербурга, да и не пускали кредиторы (нависла угроза долговой тюрьмы). И хотя даже мебель семьи была отправлена в Одессу, сам Мей туда не поехал и в конце концов был уволен из 2-й Одесской гимназии «по болезни». «Это Норов сделал большую милость, — пишет сестре С. Г. Мей, — следовало исключить за неявку к должности». [2]

Редкие, случайные литературные заработки (стихи в это время печатались неохотно и оплачивались плохо) не давали сводить концы с концами. Не оправдались надежды и на свой журнал, о котором мечтал Мей: денег на его приобретение решительно не было. [3] В 1854 году Мей печатает в «Отечественных записках» привезенную с собой из Москвы драму «Сервилия» [4] с посвящением великой княгине Марии Николаевне, однако предполагаемого эффекта посвящение не дало, пьеса даже не была разрешена цензурой к постановке.

Выручил Мея в эту пору А. В. Старчевский, фактический редактор «Библиотеки для чтения», который предложил поэту переехать к нему на квартиру с условием расплачиваться за нее корректурой

---

[1] Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. С. Г. Мей).

[2] Письмо, датируемое летом 1854 г. — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. С. Г. Мей).

[3] См.: С. А. Рейсер, Л. А. Мей. — Л. А. Мей, Стихотворения и драмы, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1947, с. VII, XII—XIII.

[4] Что пьеса была написана еще в Москве, явствует из цитированной выше переписки С. Г. Мей с сестрами, где рассказывается о хлопотах в связи с задуманным посвящением.

журнала. Предложение Старчевского было вызвано, вероятно, тем, что, приняв на себя по просьбе Сенковского редактуру «Библиотеки для чтения», он «имел в виду усилить чисто русский национальный элемент в отделе словесности».[1] Мей был для этого вполне подходящей фигурой.

Небольшой заработок в «Библиотеке для чтения» сначала в качестве корректора и автора статей в «Энциклопедическом лексиконе», а потом в качестве постоянного сотрудника журнала и члена его редакции позволили Мею кое-как удержаться на поверхности. Однако чтобы существовать, он вынужден был до конца своих дней печататься чуть ли не во всех журналах, журнальчиках, газетах и альманахах своего времени. Причем львиную долю в его публикациях составляли переводы.

В Петербурге Мей, уже приобретший к тому времени некоторую известность, был сразу принят литературной средой. Он сблизился с М. Л. Михайловым и Шелгуновыми, познакомился с Н. Ф. Щербиной, А. Н. Майковым, И. С. Тургеневым, начал бывать в салоне «поэтов нового поколения» у А. А. Солнцева (чиновника по особым поручениям при генерал-губернаторе), в литературно-художественном салоне скульптора Ф. П. Толстого, где наряду с художниками бывали все крупнейшие писатели того времени, в салоне архитектора А. И. Штакеншнейдера, у А. О. Смирновой и в литературно-музыкальном кружке бывшего лицеиста, литератора-дилетанта графа Г. А. Кушелева-Безбородко.

Вскоре, несмотря на неустроенный быт, начались вечера и у самого Мея, где среди прочих литераторов бывал и Чернышевский.[2] На этих вечерах не говорили о политике, хотя общественный подъем второй половины 1850-х годов захватил в известной мере и Мея: в 1859 году он даже обращается с письмом к известному деятелю крестьянской реформы Я. И. Ростовцеву, где выражает желание «стать под общее знамя родного дела» хотя бы в качестве «рядового, добросовестного исполнителя».[3] Желание это, однако, удовлетворено не было.

В 1857 году выходит первый небольшой сборник стихотворений Мея, встреченный критикой очень прохладно. В накалявшейся общественной атмосфере стихотворения поэта, написанные преимуще-

---

[1] См.: А. В. Старчевский, Воспоминания старого литератора. — «Исторический вестник», 1891, № 8, с. 335.

[2] Известно, что Мей присутствовал на защите диссертации Чернышевского и был назван в прессе среди личных друзей и знакомых диссертанта.

[3] Письмо от 3 июля 1859 г. — «Русское слово», 1889, № 1, с. 194.

ственно в предшествующую эпоху, прозвучали несовременно и камерно. Не принес Мею сборник и денег, постоянную нужду в которых усугублял полубогемный быт поэта.

Воспоминания современников рисуют Мея безалаберным, но очень добрым, женственно мягким человеком. Он был чрезвычайно отзывчив на чужую беду. Мог, например, отдать все свои только что вымоленные в какой-нибудь редакции деньги литератору, у которого заболели дети, в то время как у самого в комнате замерзала от холода вода. Он всячески заботился о молодых писателях, стараясь найти им работу, рекомендовать в журнал или просто накормить и ободрить. И очень любил (здесь сказывались его лицейские и московские замашки) собрать у себя гостей, устроить пир, на который уходили все заработанные или, чаще, занятые деньги. К тому же Мей продолжал пить. «Жаль Мея, — записывает в своем дневнике Е. А. Штакеншнейдер, — он гибнет и погибнет». [1]

Роковую в этом смысле роль сыграл в жизни Мея Г. А. Кушелев-Безбородко. Этот молодой меценатствующий богач, которого беспорядочная жизнь и кутежи превратили к 25-ти годам почти в развалину, вел на диво широкую жизнь. Переезжая со своей «свитой» из дворца во дворец, из имения в имение, он повсюду устраивал пышные праздники в честь Л. И. Голубцовой (урожд. Кроль), ставшей в 1857 году его женой. Это была женщина весьма сомнительной репутации, в светское общество доступ ей был закрыт, и потому ближайшее окружение Кушелевых составляла не светская, а литературно-музыкальная среда, к тому же еще не первого разбора. [2]

В это-то окружение, его нездоровую нравственно атмосферу, и попали Мей с женою, которых поначалу граф возносил и баловал, а потом, по выражению Е. А. Штакеншнейдер, держал «в слишком черном теле». [3] Постоянные кутежи и легкая жизнь при графе затягивали Мея, хотя он тосковал по независимости и продолжал изыскивать всевозможные средства, чтобы упрочить свое материальное положение.

В 1858 году он предпринимает попытку устроиться на штатное место делопроизводителя в Археографической комиссии, занимающейся изданием летописей (он был причислен к этой комиссии уже

---

[1] Дневник и записки, с. 128.

[2] Здесь были преимущественно третьестепенные литераторы и поэты, такие как Н. И. Кроль (брат Л. И. Голубцовой), Г. Ф. Моллер, В. В. Толбин и др. Я. П. Полонский и Ап. Григорьев, сотрудничавшие в «Русском слове», появились в этом кружке ненадолго.

[3] Дневник и записки, с. 238.

давно, но работал сверхштатно). Но в этом месте ему было отказано. Не оставляет Мей и своих намерений основать собственный журнал или газету. В 1858—1861 годах он задумал издавать «Листок для грамотного люда», потом листок «Мирское слово», но разрешения на это добиться не удалось. В 1861 году появляется первая книга «Сочинений и переводов Л. А. Мея» — «Былины и песни». Издание было предпринято по инициативе и на средства лицейских товарищей поэта В. П. Ефремова и Г. В. Кондоиди. Успеха оно не имело, и других книг не последовало.

Только в начале 60-х годов, незадолго до смерти Мея, его материальное положение стало несколько налаживаться. С. Г. Мей получила разрешение и начала издавать на занятые деньги журнал «Модный магазин».[1] Он пошел хорошо, и Меи стали постепенно выбираться из долгов. Тогда же Кушелев-Безбородко предложил Мею издать собрание его сочинений в трех томах, которое и начало выходить с 1861 года, но закончено при жизни поэта не было.

В начале мая 1862 года Мей, который последние годы постоянно болел, простудился и 16 мая умер от «паралича легких», подписав накануне последний лист первого тома своего собрания сочинений.

2

При первом взгляде на творческое наследие Мея мы сразу различаем здесь два ряда произведений, образующих два самостоятельных и очень различных мира.

Первый — празднично приподнятый, богато расцвеченный красками, эпически спокойный и тематически ограниченный. Он возникает в произведениях, сюжеты для которых черпаются поэтом только из области, достойной, по его представлениям, поэтического воспроизведения (истории, народно-поэтических преданий). Это мир «Цветов» и «Камей», переложений из Библии и русских летописей, наконец «Царской невесты» и «Псковитянки».

Здесь в «песнях красоте свободного певца», по выражению Мея, почти нет места «грехам раба и человека», то есть самому автору, живой чувствующей личности; в очень малой степени тут присутствует и современная ему действительность.

Второй, субъективный, лирический, мир имеет совсем иную

---

[1] Подробнее см. об этом: С. А. Рейсер, Л. А. Мей. — Л. А. Мей, Стихотворения и драмы, с. XIII—XIV.

окраску. Это неприкрашенный мир чувств доброго, скромного, не очень удачливого и очень одинокого, даже неприкаянного человека. Человека, отзывчивого на чужую беду и с какой-то трогательной сдержанностью, почти со стыдливостью говорящего о себе.

Здесь поэт не «лунатик», не «свободный певец», а труженик, причисляющий себя к «чернорабочей братии» («Дым»), испытывающий муки творчества («Он весел, он поет...») и порой изнемогающий в прозаической борьбе с цензурой («О господи, пошли долготерпенье...»). Он «городская мышь», «питерщик», грезящий подчас сельским привольем чужих поместий («Деревня»). Он тоскует по молодым своим надеждам и свежести чувств («Знаешь ли, Юленька...», «Ау-ау!», «Молодой месяц»), по любви и человеческому сочувствию («Чуру», «Зачем?»), по силе и независимости («Сумерки», «Канарейка»); может быть, даже переживает глубоко затаенную личную драму («Я не обманывал тебя...», «Многим», «Огоньки», «Где ты...»). Здесь есть место его человеческим грехам («Как наладили: «Дурак»...», «Милый друг мой! Румянцем заката...») и каким-то туманным надеждам на лучшее будущее для его народа («Барашки», «Греза», «Спать пора!»). Этот мир не широк, не ярок, но искренен и гуманен.

Конечно, такое деление творчества поэта на два обособленных мира условно и внеисторично, так как не учитывает ни их взаимопроникновения, ни, главное, эволюции Мея, в которой немаловажную роль сыграло общественное движение 1860-х годов и вызванный им расцвет реалистической литературы. Забегая вперед, надо сразу сказать, что самое возникновение второго, субъективного мира поэзии Мея почти целиком следует отнести к петербургскому периоду жизни поэта, то есть ко второй половине 1850-х годов, и что в это же время начинает нарушаться отрешенность от современной действительности его «песен красоте».

Однако, несмотря на эти оговорки, два мира поэзии Мея все-таки существуют, и между ними, особенно в первой половине 1850-х годов, проходит достаточно четкая грань.

В этом, несомненно, одна из своеобразнейших черт творчества Мея, отчасти восходящая к общему принципу поэзии романтизма, но обусловленная также и тем развитием, которое проделала русская литература в 50—60-е годы XIX века.

И здесь мы вплотную подходим к вопросу об эстетической и общественной позиции Мея, об истоках его художественных интересов и воззрений.

Мей как поэт формировался в 1840-е годы. Точнее, в Москве 1840-х — начала 1850-х годов. Многие сильные и, в еще большей сте-

пени, слабые стороны его дарования порождены именно этим временем, той литературно-общественной атмосферой, которая его тогда окружала.

Речь, конечно, идет не только о влиянии славянофильских идей. Современные исследователи творчества Мея справедливо ограничивают это влияние.[1] Однако, думается, нет основания его и преуменьшать.

Поэтические завоевания Мея были сделаны им не только вопреки, но и благодаря определенному воздействию на него славянофильского окружения, в частности — так называемой «молодой редакции» «Москвитянина». Справедливо и то, конечно, что немаловажную роль в его художественном становлении сыграли совсем другие факторы. Например, как уже говорилось, общие тенденции развития поэзии 1840-х — начала 1850-х годов, переживающей кризис романтизма, или характерное для того времени напряженное внимание к вопросам истории, народности, национального характера, связанное с вопросом о дальнейших исторических путях России и подогреваемое успехами русской исторической науки в эти годы.

Само по себе отделение в поэзии мечты от действительности, возвышенного от низкого, мира поэтического от мира «житейской суеты» — не новость в романтической литературе и в русской поэзии 40-х годов. Оно вообще типично для направления «чистого» искусства, к которому, в силу значительной отрешенности от «жгучих» вопросов современности, должен быть причислен и Мей. Тут поэт вполне традиционен.

Правда, столкновение двух миров, «раздирающее» сердце романтического поэта, у Мея, в отличие от многих его современников, не становится ни лирической темой, ни специфической окраской лиризма. Привычной романтической коллизии этих двух миров у него, пожалуй, уже не существует. Во всяком случае, у него нет осознанного и декларативного их противопоставления.

Мир обыденной действительности для Мея может быть и не совсем равноценен поэтически миру «красоты»: он воспринимает первый как нечто глубоко личное, домашнее. Однако эта действительность и не отвергается, не осмеивается поэтом во имя мира идеального. Это ново и является шагом вперед по сравнению с романтической традицией.

Своеобразно и содержание «возвышенного» мира поэзии Мея.

---

[1] См., например: Л. М. Лотман, Лирическая и историческая поэзия 50—70-х годов. — «История русской поэзии», т. 2, Л., 1969, с. 175—176; Г. М. Фридлендер, цит. статья, с. 26.

Несмотря на различие тем, сюжетов, источников вдохновения поэта, этот мир образует довольно устойчивое единство, которое не было до конца разрушено даже эволюцией поэта в 1860-е годы. В основе этого единства лежит пристальное внимание Мея к «народам и племенам», то есть к национальному характеру и нравам различных народов, запечатленным в истории и фольклоре.

Нравы и характеры Древнего Рима эпохи его упадка, Древнего Востока (по Библии) и, главное, русский национальный характер — вот что преимущественно занимает Мея. И корни этого интереса и особого отношения к истории, фольклору, несомненно, следует искать в московском периоде жизни поэта, прежде всего в «молодой редакции» «Москвитянина» и кружке Ап. Григорьева.

3

При всем разнообразии взглядов членов «молодой редакции», всех их объединяла любовь к русскому народному быту и творчеству, некоторая идеализация патриархального русского мира, представление о неизменности основ национальной жизни и русского национального характера.

В поисках самобытного и коренного в русской жизни иные из них обращаются к купечеству, классу, где, по мнению Ап. Григорьева, «сохранились наиболее остатки народного быта и развились притом на свободе, широко и вольно», так как не были «стиснуты» крепостным гнетом,[1] другие к крестьянству и допетровскому периоду русской истории, и все они — к устной народной поэзии. Причем, если Герцен, например, обращаясь к русскому песенному фольклору, слышал в нем не только жалобы и печаль, но и «смелый клик», «угрозу», «гнев, вызов»[2] и считал молодецкую удаль одной из характерных черт русского народа, Ап. Григорьев и другие члены кружка полагали, что в русском национальном характере «начало простоты и смирения всегда побеждает начало бунтарское и тревожное».[3]

---

[1] «Замечания об отношении современной критики к искусству». — «Москвитянин», 1855, № 13-14, с. 118.

[2] «О развитии революционных идей в России». — Собр. соч. в 30-ти томах, т. 7, М., 1956, с. 186.

[3] Б. О. Костелянец, Поэзия Аполлона Григорьева. — Аполлон Григорьев. Стихотворения и поэмы, «Б-ка поэта» (М. с.), М.—Л., 1966, с. 50.

От славянофилов старшего поколения «молодую редакцию» отличало помимо ряда «оттенков»,[1] как они говорили, еще и отсутствие «сухого, резкого, теоретического пуританизма»,[2] свойственного вождям славянофильского лагеря. «Молодая редакция» не разделяла и воинствующего консерватизма М. П. Погодина, хотя воззрения ее членов в начале 1850-х годов не были ни атеистическими, ни радикальными.

Живой интерес Мея к народному творчеству, к русской истории, который он принимал за особую любовь к русскому народу, и такая черта его невыработанного и противоречивого мировоззрения, как традиционное приятие православной религии и монархической власти (если возможно, то без крайностей самовластья), естественно привели его в лагерь «славян».

Естественно также, что его устроил именно тот теоретически «смягченный», как бы «охудожествленный» вариант славянофильства, который могла предложить ему «молодая редакция» «Москвитянина».

Он не заимствовал и не выработал в этом кругу законченной и определенной системы взглядов, но несомненно вынес оттуда глубокий интерес к национальному характеру, прежде всего русскому, к различным типам и проявлениям его; известную идеализацию патриархального русского быта и специфическое понимание сущности русской натуры.

На развитие этих интересов оказали некоторое воздействие и московские ученые, в первую очередь — близкие к славянофильским кругам, такие, например, как историк И. Е. Забелин или филолог Ф. И. Буслаев. Подобно им, «Мей хотел через осмысление остатков старины в современном быту, традиционных форм искусства и исторических отложений в народной речи проникнуть в прошлое народа и увидеть отдаленные исторические события в их непосредственной яркости и живости».[3]

Особую роль в формировании исторических воззрений Мея сыграл профессор Московского университета историк С. М. Соловьев,

---

[1] Оттенки были довольно существенными: например, теоретическое отрицание «молодыми» служебной роли искусства; большее внимание к отдельной личности, не поглощаемой, по их мнению, совершенно национальной «общностью», а отсюда и несколько иное понимание путей развития России.

[2] Ап. Григорьев, Письмо к Ап. Майкову от 9 января 1858 года. — «Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии», Пг., 1917, с. 215.

[3] Л. М. Лотман, Лирическая и историческая поэзия 50—70-х годов. — «История русской поэзии», т. 2, с. 176.

один из создателей «государственной», или «юридической», исторической школы. Соловьев в середине 1840-х годов пережил увлечение славянофильскими теориями и некоторое время (как раз в конце 1840-х — начале 1850-х годов) был принят как «свой» и в славянофильских, и в западнических кругах. С первыми его роднили монархизм и признание религии одним из определяющих начал в жизни русского народа, со вторыми — признание закономерности петровского периода в русской истории и довольно резкая критика николаевской действительности. В политическом отношении Соловьев был сторонником умеренных реформ, в которых видел путь совершенствования русской монархии. Отрицательно относясь к крепостному праву, он в то же время очень боялся освобождения крестьян «снизу».

Наибольшее внимание уделялось Соловьевым, как и другими историками государственной школы, эпохам становления и укрепления русской государственности, и в первую очередь московскому периоду русской истории, положившему предел соперничеству «старых» (вечевых) и «новых» (княжеских) городов. Этому периоду и была посвящена кандидатская диссертация Соловьева, защищенная им в 1847 году.

Влияние общей направленности концепции Соловьева заметнее всего сказалось в «Псковитянке» Мея, но от Соловьева поэт воспринял и некоторые частности его концепции, например идею географической среды как фактора, определяющего развитие той или другой народности. В творчестве Мея начала 1850-х годов эта идея обрела поэтическое воплощение.

От московских историков идет у Мея и романтическое толкование всемирной истории как культурного творчества ряда великих народов.

В первых же произведениях, опубликованных поэтом в Москве и сразу по приезде в Петербург, проявились все основные особенности возвышенного мира поэзии Мея, были определены его темы, общая направленность и характерная стилистическая окраска.

Наиболее значительным из написанного Меем в этот период была «Царская невеста» (1849), сразу выдвинувшая его как драматурга и поэта.

«Царская невеста» появилась в пору совершенного упадка русской исторической драматургии. Это было время между Пушкиным и Островским, когда в условиях николаевской реакции исторической темой завладели драматурги так называемой «ложно-величавой школы», создатели официозной исторической драмы. Н. В. Кукольник, Н. А. Полевой, Р. М. Зотов, П. Г. Ободовский и другие заполонили

сцену ура-патриотическими произведениями, где «народ» выводился только для прославления и утверждения монархической власти, охраняемой верными подданными и божественным промыслом. Ходульные характеры и страсти, фальшиво простонародный и неумело архаизированный язык сочетались здесь с мелодраматическими эффектами и определенной сценической ловкостью, позволявшими произведениям такого рода удерживаться в театре. На этом фоне «Царская невеста» была несомненно явлением из ряда вон выходящим.

Знаменательным и отчасти полемичным был самый выбор исторического периода, к которому относилось действие драмы, не менее знаменательными были и выведенные в ней характеры.

Хотя «Борис Годунов» Пушкина как будто бы доказал и «трагедийность» допетровской истории, и даже возможность построения исторической драмы без традиционного любовного конфликта, Н. В. Кукольник, например, и в 1839 году продолжал утверждать, что «Древняя и Средняя истории России до Петра едва ли заключают в себе достаточные стихии для драмы», так как там отсутствуют «крайние» страсти, которые только и являются «драматическими страстьми». И прежде всего там нет «двигателя всех искусств, любви, или ее драматического спутника, ревности».[1] Положение русской женщины в эту пору, особенности ее домашней жизни исключали, по его мнению, развитие и проявление любовной страсти.

Правда, через пять лет Н. В. Кукольник опубликовал драму «Боярин Федор Васильевич Ба́сенок» (1844), где действие происходит при Василии Темном, а в качестве первопричины исторических событий выдвинут любовный конфликт. Однако вялый, пассивный характер героини, неверной жены добродетельного Басенка, был будто нарочно создан для того, чтобы подтвердить правоту теоретических выкладок Кукольника.

«Царская невеста» Мея противостояла «ложно-величавой» традиции своими главнейшими художественными принципами (хотя некоторые следы воздействия на пьесу современного ей репертуара в ней все-таки можно было обнаружить).

Уже чистый, живой русский язык, легкий, свободный стих, естественность диалогов драмы, фольклорность ее, бытовые подробности, в большинстве очень достоверные, — все это производило на современников впечатление свежести и было положительно оценено критикой как своего для Мея круга (М. П. Погодиным,[2] А. А. Гри-

---

[1] Н. Кукольник, О русской народной драме. — «Библиотека литературно-художественных статей», кн. 2, СПб., 1839, с. 38—39.

[2] «„Царская невеста". 1849». — «Москвитянин», 1849, № 12.

Горьевым[1]), так и другой ориентации (А. В. Дружининым,[2] Ф. А. Кони[3]).

Вместе с тем столь же единодушно отмечались композиционная рыхлость пьесы, наличие «лишних» сцен и эпизодов, неестественность с точки зрения исторического быта некоторых сцен и положений, в частности — натянутость и мелодраматичность развязки. Погодин, а позднее Кони, например, справедливо указывали, что «театральное» появление в царевнином тереме Любаши, а также присутствие и «неистовство» там Грязного — вещь невозможная по обычаям того времени, так как «заветная палата» царской невесты была доступна только царю да «избранным женщинам». «Вон из нравов», по выражению Кони, было и то, что женщины, тем более девушки-невесты, выходят гулять на улицу, участвуют в беседах и даже холостых попойках мужчин.

В оценке же характеров драмы мнения разделились: одни (в основном «друзья») хвалили оба центральных женских образа, другие — опричников и Любашу. Но никто из критиков не коснулся существа «Царской невесты» и ее строения в целом. Недостатки драмы объяснялись, как правило, неопытностью молодого драматурга.

Между тем очевидно, что и достоинства и погрешности пьесы восходят к ее идейному замыслу и драматическому конфликту, тесно связаны со взглядами Мея на историю, русский характер и фольклор.

Наиболее серьезный разбор «Царской невесты» в наши дни принадлежит Г. М. Фридлендеру. Исследователь намечает в драме две группы героев, две социальные среды. Одна из них, воплощающая в себе «основы русской национальной жизни», представлена купеческими семьями Собакиных и Сабуровых, боярином Лыковым. Грязной же и прочие опричники, будучи непосредственными исполнителями воли царя, выступают «в качестве носителей зловещих, разрушительных исторических сил, несущих гибель простому человеку».[4] Тем самым в драме выявляется противопоставление «основ русской национальной жизни» «губительной и обезличивающей стихии самодержавной государственности».[5] Иными словами, она изображает «кон-

---

[1] «Русская изящная литература в 1852 г.». — «Москвитянин», 1853, № 1.

[2] «Письма иногороднего подписчика в редакцию «Современника» о русской журналистике. VIII». — «Современник», 1849, № 12.

[3] Театральная летопись. «Пантеон и репертуар русской сцены», 1850, № 1.

[4] Г. М. Фридлендер, цит. статья, с. 31.

[5] Там же, с. 32.

фликт между самодержавной властью и судьбой простых обыкновенных людей». [1]

Несомненно, что мораль опричников мыслилась Меем как прямое отрицание морали Лыковых и Собакиных. Лыков, например, не мог бы оклеветать и убить своего соперника, как это сделал Грязной, не стал бы домогаться чужой невесты или увозить из родительского дома девушку, не бросил бы ее, разлюбивши. Далеко не случайно, что Грязной опричник, а Любаша — «одна из воспитанниц Александровской слободы», по определению автора. Но хотя внутренний облик этих героев носит следы того разложения нравов, которое было характерно для царского окружения, Мей скорее угадывает возможную среду для подобных натур среди социальных групп эпохи Грозного, чем непосредственно обусловливает ею их появление.

Подобно другим членам «молодой редакции» «Москвитянина» (А. Григорьев, А. Н. Островский), Мей в отличие от старших славянофилов живо ощущал внутреннюю враждебность основ патриархального мира человеческой личности. На это обстоятельство совершенно справедливо указал в своей статье Г. М. Фридлендер [2], не считая, однако, что это вносит существенные коррективы в его формулировку идеи пьесы.

Между тем не самодержавию как таковому и не самодержавной государственности как таковой, противопоставляемой «национальным основам», выносится приговор в драме Мея, но всякому произволу, всякому насилию над личностью, над человеческим чувством, в том числе и насилию патриархальных отношений.

Грозный столько же возглавляет второй лагерь, разрушающий патриархальные устои, сколько и первый, их охраняющий. Его произвол нисколько не противоречит миру «национальных основ» и патриархальных отношений, вполне допускающих деспотизм царя, князя, любого феодала и даже главы семьи. Покорность царской воле трактуется Меем в «Царской невесте» как черта, принадлежащая благочинию патриархального мира. Хранитель устоев этого мира купец Собакин, прослышав о предстоящем избрании невесты для царя, сам везет свою просватанную дочь в Александровскую слободу, а молодой Лыков, сколь ни любит свою невесту, покорно готов отдать ее «царю и государю» («Я более души своей люблю Мою невесту... Но я слуга царю и государю»).

Таким образом, Марфа в качестве царской невесты жертва не только самодержавной государственности, но и той самой патриар-

---

[1] Там же, с. 31.
[2] Там же, с. 32—34.

хальной морали, тех «национальных основ», которые этой государственностью разрушались.

Это была очень широкая гуманистическая позиция и вместе с тем крайне расплывчатая и противоречивая.

Весьма примечательна и авторская трактовка лагеря «самодержавной государственности», совсем не сводимая к черным только тонам.

Сам Иван IV присутствует лишь в речах персонажей, причем наиболее развернутая его оценка как государственного деятеля дана Малютой, и ей в пьесе ничего не противопоставлено, кроме «злых», по выражению Лыкова, речей иноземцев, называющих царя «грозным».

Да, грозен он как божия гроза, —

подхватывает Малюта,

Без устали карает лиходеев,
А праведным вещает благодать!
Нет, это скудоумные наветы
Предателей, злословящих царя...
...Он грозен!.. Ох, гроза-то — милость божья!
Гроза гнилую сóсну изломает
Да целый бор дремучий оживит!

Право же царя олицетворять собою «божию грозу» обосновывается самим принципом самодержавия: «Царь казнить и жаловать волён», «венчанному владыке не гоже под приставниками быть». И то, что Грозный первым понял это, ставится ему в заслугу.

Малюта защищает здесь Грозного почти буквально по Соловьеву, который положительно оценивал историческую роль Грозного, его внешнюю и внутреннюю политику, значение опричнины. [1]

Отзвук этой нашумевшей в ту пору теории несомненно слышится в «Царской невесте», несмотря на то что Мей не прощает Грозному чинимого им и его приближенными насилия.

Царь в драме не кровавый деспот, не психически больной человек, а главное — не власть, принципиально враждебная народу. Достаточно сравнить «Царскую невесту» хотя бы с «Песней про купца Калашникова», чтобы почувствовать своеобразие освещения Ивана Грозного и его приближенных в драме Мея.

---

[1] Смысл деятельности Грозного, по Соловьеву, был в прогрессивном утверждении самодержавия и основ русской государственности. Беспощадный к реакционному боярству, Грозный в то же время пекся якобы о благе народном, его репрессии не касались демократических слоев населения.

Это прежде всего относится к Григорию Грязному. Он не только насильник, пользующийся своей безнаказанностью, но и человек, способный на большое чувство, на раскаяние и самопожертвование.

Сотоварищи Грязного, включая Малюту, также не похожи на преступников. И не только потому, что Мей как настоящий художник избегает сгущения красок, но и потому, что все ужасы эпохи Грозного — массовые казни, узаконенный разврат и разбой его приближенных — остаются за пределами пьесы, в сюжете ее почти не реализуясь.

Мею, как уже отчасти говорилось, было свойственно несколько идеализировать патриархальный быт, в котором он видел быт народный. Отсюда, например, его попытка представить в смягченном виде суровые домостроевские законы патриархальной семьи, отсюда, главное, и та насыщенность «Царской невесты» бытовыми подробностями и фольклором, которая даже славянофилам казалась чрезмерной (Погодин, например, считал «лишними» рассказ Петровны, присказки Калиста, сцену с кумом Парфеном и кумом Савелием). Для Мея же этот быт был средою, формировавшею привлекательные черты национального характера, к которым поэт, наряду с честностью, правдивостью, верностью чувству, долгу, отечеству, относил, несомненно, и преданность престолу.

Но если из двух героинь драмы Мей отдает явное предпочтение Марфе, то делает он это не за «смирение» ее, эту добродетель патриархального мира, а скорее наоборот: за то, что Марфа вопреки всему (в том числе и «воле отчей», воле царской) сохраняет верность своей любви и благородство в чувстве, а также потому, что страдает она и погибает безвинно. Оскорбленная и страстно борющаяся за свое счастье Любаша хотя и внушает сочувствие автору, но одновременно осуждается им. И опять-таки не за то, что во имя любви, проявив непокорность, она нарушила узаконенные нормы патриархальной семьи, а потому, что в своей борьбе нарушает закон нравственный, то есть осуждается за свою причастность ко злу, неправде, насилию, жертвой которых она сама является.

Для Мея «и удалые, и смиренные» натуры — это два исконных типа русского характера, запечатленных не только в истории народа, но и в русской народной поэзии. Об этом сам поэт прямо говорит в примечаниях к «Царской невесте», поясняющих ее замысел. Оба контрастных женских образа подсказаны народными лирическими песнями: Марфа — «робкая и застенчивая девушка, покорная воле отчей, покорная своему жеребью»; Любаша — натура действенная, страстная. Обе, хотя и совершенно по-разному, отстаивают

свое право любить, и обе гибнут в этой борьбе. Причем Мей (в отличие от Кукольника, например) именно в общественном положении русской женщины, в ее домашней жизни, какой она была в прошлом, в частности в эпоху Грозного, сумел найти источник подлинного драматизма. И то, что центральными образами драмы являются женские, делает гуманистический пафос пьесы особенно выразительным: положение русской женщины как личности даже во времена Мея было достаточно трагичным.

Для Дружинина герои «Царской невесты», взятые из допетровской истории, были совершенно мертвы, от этого времени в современной общественной жизни не осталось, по его мнению, решительно никаких следов: обычаи, нравы и даже «страсти» людей получили после Петра I совершенно иное развитие. Но это не было так для Мея, который создавал быт и типы русских характеров эпохи Грозного не только опираясь на фольклор, но и «по аналогии с нынешней жизнию народа»; он сумел нащупать в прошлом коллизию, живой нитью связавшую драму с современной ему действительностью и ее насущными запросами. Н. А. Римским-Корсаковым были по достоинству оценены и глубокий лиризм женских образов драмы и несомненная прогрессивность ее идеи. Эти черты сохранили пьесу не только как музыкальное, но и как литературное произведение вплоть до наших дней.

Одновременно и вслед за драмой Мей пишет целый ряд стихотворений по мотивам народных поверий: «Хозяин» (1849), «Русалка» (1850), «Вихорь» (1856), «Оборотень» (1858), в основном трактующих любовную тему.

Во второй половине 1850-х годов в «русской» поэзии Мея намечаются определенные сдвиги.

Написанная им после смерти Николая I «Запевка» («Эх, пора тебе на волю, песня русская...») была замечена и даже с сочувствием процитирована Добролюбовым, который истолковал ее как намек на необходимость освобождения народа (или воспользовался ею для подобного намека).[1]

В эту пору Мея начинают привлекать характеры стойкие, доблестные, героические («Песня про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую», 1857 или 1858; «Песня про боярина Евпатия Коловрата», 1858; «Александр Невский», 1861). Обостренное выражение принимает у него в это время и типичный для его произведений конфликт между «вассалом» и «сюзереном», разрушающим его счастье («Песня

---

[1] См.: Н. А. Добролюбов, Стихотворения Л. Мея. СПб., 1857. — Собр. соч. в 9-ти томах, т. 2, М.—Л., 1962, с. 162.

про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую»). Л. М. Лотман уже был отмечен этот почти единственный вид конфликта между властью и народом, до которого поднимается Мей[1] (если не считать «Псковитянки», конечно). Надо сказать, что этот конфликт имел некую притягательную силу для Мея. Он ищет его в Библии («Притча пророка Нафана»), вносит его, даже вопреки летописному рассказу, в «Песню про боярина Евпатия Коловрата», а в несколько ином, преломленном виде он встречается и в лирике поэта («Дым», «Где ты?», «Многим» и др.).

Однако удальство, богатырский размах, которые теперь начинает замечать Мей в русском характере, связаны у него обязательно с патриотическим подвигом: его с «помощью божией» совершают «благолепные» и «благоверные» русские витязи, всегда поборники не только свободы родины, но и православной веры.

Оттого в этих произведениях рядом с патриотическими мотивами соседствуют религиозные, особенно усиливающиеся в начале 1860-х годов («Волхв», 1861; «Александр Невский», 1861).

Во второй половине 1850-х годов появляется у Мея среди произведений на русские темы ряд лирических песен в народном духе, часто написанных от лица женщины, но очень тесно сближающихся по своим настроениям с интимной лирикой самого Мея этих лет («Ты житье ль мое. . .», «Как у всех-то людей светлый праздничек. . .», «Как вечор мне, молодешеньке. . .» и др.).[2]

4

Античная тема в творчестве Мея была начата драмой «Сервилия» и небольшой поэмой «Цветы». Точнее — тема императорского Древнего Рима, так как типичная для антологической поэзии «гармоническая» Греция Мея почти не привлекала.

---

[1] См.: «Лирическая и историческая поэзия 50—70-х годов». — «История русской поэзии», т. 2, с. 173.

[2] К этим произведениям Мея примыкают его переводы из славянских поэтов, славянских народных песен и его проза — «физиологические» очерки «Охота» (I—II), рисующие старомосковский быт, а также «Софья» и «Кирилыч», в которых Мей выводит контрастные типы русских характеров, по-прежнему отдавая предпочтение «смиренному» и «покорному». Своей направленностью очерк «Кирилыч» вызвал неодобрительный отзыв Добролюбова, который справедливо отметил его асоциальность, упор на «чувствительность» сердца у крестьян и крестьянок (Собр. соч. в 9-ти томах, т. 6. М.—Л., 1963, с. 50).

Эта поэзия уже не была собственно антологической,[1] хотя некоторую дань этому жанру Мей все-таки отдал, решая традиционную для «чистого» искусства тему творческого вдохновения с характерных для этого направления романтических позиций: божественная красота вдохновляет художника на творчество, которое делает его сопричастным бессмертным богам («Галатея», «Муза», «Дафнэ», «Фринэ»).

Увлечение антологической поэзией в 1840—1850-е годы, через которое прошел даже Белинский, отчасти объяснялось «исчерпанностью и утомительностью вульгарного романтизма с его аффектированной страстностью, с его симуляцией грандиозных переживаний и вдохновенных видений».[2] Однако немаловажную роль в распространении этого жанра сыграло то обстоятельство, что гармонический и спокойный мир «эллинской» красоты, мир «чистых наслаждений» был своего рода убежищем от неприглядной и противоречивой действительности, а иногда и принципиальной позицией для поэтов лагеря «чистого» искусства, отстаивающих свое право быть выше насущных потребностей общества и народа.

Мей такой откровенно воинствующей позиции не занимал, да и от самого жанра в его творчестве осталось, кроме перечисленных выше произведений, только эпическое спокойствие, с которым поэт изображает картины Древнего Рима; самое же содержание их решительно не имеет ничего общего с антологической поэзией.

Его занимают нравы и быт императорского Рима, запечатленные в трудах римских историков и произведениях древнего искусства. Мир отнюдь не гармонический, который Белинский считал «неистощимым источником для трагического вдохновения».[3] Впрочем, до этого трагизма Мей никогда не поднимался.

Попытка создать на этом материале историческую драму, которую Мей предпринял в начале 1850-х годов (очевидно, не без влияния поэмы Ап. Майкова «Три смерти»[4]), не была особенно успеш-

---

[1] См.: Л. М. Лотман, Лирическая и историческая поэзия 50—70-х годов. — «История русской поэзии», т. 2, с. 172.

[2] Б. Я. Бухштаб, Русская поэзия 1840—1850-х годов. — «Поэты 1840—1850-х годов», «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1962, с. 20.

[3] Стихотворения Аполлона Майкова. — В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 4, М., 1955, с. 22.

[4] Из письма Г. П. Данилевского к М. П. Погодину от 26 декабря 1851 года известно, что Мей читал у Ростопчиной «Выбор смерти» (первоначальное название поэмы «Три смерти») Майкова (Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина).

ной. Руководствуясь своим пониманием национального характера (это, как и в «Царской невесте», декларировано в предисловии), Мей сделал образы своих римлян чрезмерно холодными и риторическими, что, конечно, не могло придать живости действию и пойти на пользу драме. Кроме того, и характеры-то были выбраны особого склада: с одной стороны — холодно-стоические, с другой — христиански-покорные (Сервилия Мея напоминает Марфу). Драма, как и «Царская невеста», оказалась построенной на любовном конфликте, по отношению к которому некоторые ее линии выглядели совершенно лишними.

Противополагая христианству стоицизм в качестве высшего нравственного достижения Древнего Рима, Мей, возможно, учитывал замечания Белинского по поводу поэмы Майкова «Олинф и Эсфирь», героем которой был эпикуреец. «...Поэт, — писал Белинский, — избрал эпоху уже выродившегося, умирающего Рима; но в противоположность христианству, он бы должен был избрать последнего римлянина, который независимо от всего окружающего его, в своем личном характере выразил бы, — сколько стоистической жизнью и трагической смертью, столько же и тоской по цветущим временам своего отечества, — все субстанциальное, все, чем велик был республиканский Рим».[1]

Однако хотя Мей, как бы последовав советам Белинского, вывел на сцене стоиков, ничего «республиканского» в его драме не оказалось. «Сервилия» в идейном отношении весьма проигрывала по сравнению с «Выбором смерти». Майков противопоставлял тирании несломленное человеческое достоинство; его герои умирают в открытом конфликте с неправой властью. Мей заставляет своих стоиков искать поддержки у Нерона в борьбе против его лукавых приспешников и даже обрести эту поддержку. Трагического в драме тоже не было: героиня «истаивала» от душевных мук, равно потрясая друзей и врагов своим христианским смирением.

«Сервилия» была встречена критикой крайне неодобрительно. Зато следующее произведение Мея на античную тему — «Цветы» —

---

[1] Стихотворения Аполлона Майкова. — Полн. собр. соч., т. 6, с. 23. Несколько выше критик рассказывает, в чем видит он это величие: «Страстное самозабвение в идее государственности, в идее политического величия своего отечества, пафос к гражданской свободе, к ненарушимости и неприкосновенности прав сословий и каждого гражданина отдельно, гражданская доблесть, в цветущие времена великой республики, и гордая, стоистическая борьба с роком, увлекающим к падению великую отчизну великих граждан...» (с. 22).

вызвало необыкновенный восторг Ап. Григорьева как «перл во всякой литературе, картина настоящего мастера». Особенно здесь поразил Григорьева тон повествования, та эпичность, в которой он ранее, рассматривая близкие его сердцу произведения Мея на русские темы, видел доказательство полного отсутствия у автора каких-либо воззрений на жизнь. Теперь, в «Цветах», его восхищает «какое-то ироническое спокойствие, даже холодность, или, лучше, выдержанность в рисовке, в пределах которой певец Тамары ⟨то есть Лермонтов⟩ не в силах был бы удержаться, по самому свойству своего жгучего и бурного вдохновения. Это, одним словом, нечто особенное, красота, пока исключительно только Мею принадлежащая».[1]

Ап. Григорьев был прав как в определении авторского тона, так и в противопоставлении Мея Лермонтову, с балладами которого, порою слишком, сближают произведения Мея современные исследователи. «Цветы», где художественные особенности меевского мира красоты проявились особенно выпукло, действительно поражают самой манерой повествования: она более походит на манеру живописца, чем поэта.

Эта небольшая поэма своей холодноватой картинностью, яркостью красок, обилием исторических и «местных» подробностей, самой «роскошью» изображения приводит на память живописные произведения Семирадского.

Автор как лирик не вмешивается в свое повествование. Только легкая ирония в тоне позволяет почувствовать его присутствие в изображаемом. Это соответствует задаче поэта верно передать нравы, быт, характеры гибнущей римской цивилизации, тесно связанной, по его представлениям, с географической средой, определяющей самый характер «племени» и его развитие.[2] Отсюда и описательность произведений Мея, в которой его неоднократно упрекали, отсюда и пристальное внимание к «местным» краскам, перегружавшим эти описания. Правда, уже в лицейских произведениях Мея можно было

---

[1] «„Библиотека для чтения". Январь и февраль». — «Москвитянин», 1855, № 3, с. 172.

[2] С. М. Соловьев выделял три фактора исторического развития народов: 1) географическую среду, 2) характер племени, 3) внешние сношения с другими народами. Мей концентрировал свое внимание на географической среде. Добролюбов в 1857 году назовет эти исторические представления Мея «беспорядочным набором» «школьных воспоминаний, оставшихся от изучения географии, истории, естественных наук и древней литературы» (Собр. соч. в 9-ти томах, т. 2, с. 162).

заметить некоторую склонность поэта к живописным описаниям («Гванагани»), однако там это было только склонностью. Получив же теоретическое подкрепление, описательность, или, вернее, картинность, стала стойкой чертой стиля возвышенной поэзии Мея, всех трех основных ее линий.

Стихотворение «Отойди от меня, сатана!» (1851) можно считать в этом смысле идейной и поэтической декларацией Мея. Евангельский сюжет об искушении Христа земной властью Мей раскрывает здесь в виде картин древних, сменяющих друг друга цивилизаций, возлагая сокровенные надежды на пробуждение еще спящего и скованного морозом Севера (России):

Он воспрянет и, долгий нарушивши мир,
  Глыбы снега свои вековые
  И оковы свои ледяные
С мощных плеч отряхнет на испуганный мир...

Если новые веяния второй половины 1850-х годов почти не оставили следа в «античных» стихотворениях Мея,[1] то в библейских переложениях (за исключением «Еврейских песен»), жанре, который в русской литературной традиции всегда имел гражданский подтекст, они нашли наиболее ощутимое выражение. Порой, однако, это вторжение современности выглядит несколько чужеродно в художественной ткани произведения, носящей на себе сильный отпечаток преимущественного интереса Мея к быту и нравам народов. Обычно это вторжение происходит в концовке стихотворения. «Давиду — Иеремием» (1854) и «Юдифь» (1856) подобным образом связаны с Крымской войной; в «Эндорской прорицательнице» (1857) — самом, пожалуй, «радикальном» стихотворении Мея — он так откликается на смерть Николая I и клеймит умершую с ним эпоху:

То царство распадется в прах,
В пучине зол и бед потонет,
Где царь пророков вещих гонит
И тщится мысль сковать в цепях!

В «Слепорожденном», представляющем собой совершенно самоценную картину, в которой, как всегда, особую роль играет описание географической среды, в данном случае — скупой природы Палести-

[1] В «Камеях», как и в «Цветах», только с большой натяжкой можно искать намеки на современность.

ны,[1] в самом конце вдруг тоже появляется робкий намек на современность (наступление новой эпохи). Целиком современный подтекст имеют только стихотворения «Отрбковица», отразившее восторженное отношение Мея к крестьянской реформе 1861 года, и «Пустынный ключ» — прямое выражение дум поэта, потерявшего в боевой обстановке 60-х годов своего читателя.

Зато «Еврейские песни» совершенно свободны от злободневных ассоциаций. Местный, «восточный» колорит сгущен здесь до чрезвычайности. Он сказывается в изысканных стихотворных формах и затейливых сравнениях, в обилии экзотических названий мест, предметов, растений, даже в постоянном упоминании специфических восточных ароматов (мирра, смирна, шафран и т. п.). Мей, по-видимому, несмотря на свою религиозность, видел в Библии памятник культуры Древнего Востока и живо ощущал фольклорную основу «Песни Песней».[2]

5

Наиболее интересным достижением Мея во второй половине 1850-х годов (не говоря о «Псковитянке») было развитие «субъективного» мира его оригинальной поэзии, единодушно осужденной критиками.

Когда в 1857 году вышел первый сборник стихов Мея, содержащий наряду с произведениями его высокой лиры незначительное число лирических стихотворений, последние вызвали резко отрицательное отношение критики всех лагерей, сохранявшееся до самой смерти поэта.

Произошло это в основном по двум причинам. Во-первых, в сборник было включено очень немного стихотворений этого рода,

---

[1] Это одна из лучших картин Мея, показывающая, какой энергии и выразительности он мог достигнуть в этом жанре:

Истомен воздух воспаленный,
Земля бестенна; тишина
Пески сыпучие объемлет;
Природа будто бы больна
И в забытьи тяжелом дремлет,
И каждый образ, и предмет,
И каждый звук — какой-то бред.
Порой, далеко, точкой черной
Газель, иль страус, иль верблюд
Мелькнут на миг — и пропадут;
Порой волна реки нагорной
Простонет в чаще тростника,
Иль долетит издалека
Рыканье голодной львицы,
Иль резкий клекот хищной птицы
Пронижет воздух с вышины,
И снова всё мертво и глухо...
Слабеет взор, тупеет ухо
От беспредметной тишины...

[2] См. об этом также: Г. М. Фридлендер, цит. статья, с. 16.

причем далеко не лучших. В основном цикл 1844 года, посвященный роману Мея с его будущей женой С. Г. Полянской, и несколько альбомных безделушек. Вплоть до выхода второго тома сочинений поэта (в издании Кушелева), то есть до конца 1862 года, лирика Мея в собранном виде вообще не была известна современникам. Кое-что прошло незаметно в журналах, а некоторые вещи остались в рукописи и были опубликованы только через много лет после смерти поэта (даже в советское время).

Во-вторых, и то, что стало известно современникам по журнальным публикациям или в списках, было настолько узко-субъективным, настолько не имело ничего общего с духовными борениями или философским осмыслением мира, так мало соприкасалось с наболевшими вопросами действительности, что современники, Полонский например, считали Мея «половинным» талантом, не создавшим ни одного стиха, который бы «ударил по сердцам с неведомою силой». Полонский отказывал Мею даже в «поэтической личности», так как не находил в его лирике «миросозерцания», этого «цветка», вырастающего на почве «поэтической личности».[1] В отсутствии выработанного миросозерцания упрекал не раз Мея и Ап. Григорьев, не только в рецензиях, но и в письмах второй половины 1850-х годов[2] (то есть в то время, когда он сам уже отошел от идей «молодой редакции»).

Основания для таких упреков были: в мировоззрении Мея, крайне расплывчатом, невыработанном и противоречивом, консервативные стороны постоянно давали себя знать, хотя поэт не доходил и не мог дойти до сервилизма Майкова (в «Коляске») или реакционных выходок Фета (в его публицистике).

Однако «поэтическая личность» у Мея, несомненно, была и его суженный субъективный мир был гуманен, а потому и общеинтересен.

От лучших лирических произведений Мея веет глубокой человечностью. Такие стихотворения его, как «Чуру», «Зачем?», «Сумерки», «Знаешь ли, Юленька», не могут не тронуть читателя даже в наши дни. Кроме того, в лирике Мея наличествуют интересные стилевые

---

[1] «Стихотворения Мея». — «Русское слово», 1859, № 1, с. 78, 80.

[2] Так, например, он называет Мея в письме к Ап. Майкову от 29 ноября 1857 года «голым бессодержательным талантом», у которого «огромный тенор безо всякой личной манеры», и противопоставляет его Майкову, «высокому таланту», «возвышенной жаждущей правды натуре» («Ученые записки Тартуского университета», т. 139, 1963, с. 346).

черты, связывающие ее с реалистической поэзией 1850—1860-х годов.

Даже любовная лирика Мея 1844 года, при всей своей художественной слабости, не была общим местом романтической поэзии этого времени.[1] Мей ищет путей к передаче своих собственных чувств и оттенков чувства; ему еще не удается сделать здесь свое «отдельное» — общезначимым, но даже самая тенденция к «особости» выражения индивидуального любовного переживания, явившаяся реакцией на эпигонский романтизм, была прогрессивна. Эта тенденция вообще была свойственна нарождающейся реалистической лирике, и ей отдал дань в своих интимных стихотворениях 1850-х годов отчасти даже Некрасов, который тоже не всегда достигал на этом пути успеха. Примером может служить хотя бы его стихотворение «Где твое личико смуглое...» (1855) с его каламбурной, нарушающей единство стиля концовкой.

Во второй половине 1850-х годов Мею удается достигнуть подкупающей искренности и задушевности лирической интонации, безошибочно действующих на читателя. Ему совершенно чужд литературный штамп, обветшалая образность романтической поэзии. Его стихи — это почти всегда естественный разговор с очень близкими ему людьми, главным образом женщинами (хотя этот разговор часто и не любовного содержания). Лирика его как будто не предназначена для печати. Мей свободно вводит в поэтическую ткань этих «домашних» стихотворений домашние имена своих собеседниц: Юленька, Катя, Любá. Это было настолько ново и необычно в ту пору, что вызвало даже пародии,[2] хотя одно из пародированных стихотворений, несомненно, относится к лучшим произведениям Мея. Речь идет о стихотворении «Знаешь ли, Юленька», очень характерном для манеры и настроения зрелой лирики Мея.

Оно обращено к подруге юношеских лет поэта, свидетельнице его лучших дней, и посвящено воспоминанию о «бывалых веснах» и юных «грезах». Сюжет, таким образом, вполне традиционный. Однако решен он далеко не традиционными средствами. И это создает впечатление особой искренности поэта, подлинности и человеческой неповторимости выраженного чувства.

Необычность употребленных Меем поэтических средств прежде всего в их крайней простоте, которая соответствует теплоте и доверительности авторской интонации. В стихотворении всего восемь

---

[1] См. об этом также: Г. М. Фридлендер, цит. статья, с. 13—14.
[2] Пародии Н. Л. Гнута, напечатанные в «Искре» в 1860 году. См. примечания к стихотворениям № 40 и № 45.

строк; между двумя обращениями («Знаешь ли, Юленька») нет как будто ничего, кроме перечисления внешних примет далекой поры, которой повеяло «на сердце» поэта.

Но в этом перечислении вдруг возникают совсем непривычные в контексте «весен» и «грез» — «дачка», «талые зорьки», «пеночка», «Невка», в этом ряду все одинаково звучащие ласково-уменьшительно и передающие наивность той полудетской поры и растроганность поэта воспоминанием.

Не меньшее впечатление, чем простота и искренность тона, производит сдержанность поэта. Он не жалуется. Из текста стихотворения мы знаем только, что живет он не так, как прежде, и что грезы, видно, не сбылись. Но о тяжком настоящем поэта можем только догадываться по той грустной нежности, с которой говорит он о «бывалых веснах», по горькой и какой-то стеснительной усмешке концовки: «. . .Глупо! . . А всё же приснилося. . .»

Реалистический характер поэтики этого стихотворения не оставляет сомнения.

На рубеже 1850-х и 1860-х годов намечается в творчестве Мея еще одна линия, говорящая об усвоении поэтом художественных принципов реализма. В его стихотворениях возникают картины живой современной действительности, приближающие произведения этого рода к жанру «физиологического очерка» («Дым», 1861; «Тройка», 1861; «На бегу», 1862). Продолжавшийся в 1850-е годы процесс воздействия прозы на поэзию затронул и Мея, правда с некоторым опозданием, но само появление этой линии в его творчестве, линии, нарушающей, кстати, границу между его объективным праздничным и скромным субъективным миром, — очень знаменательно. Характерно и проникновение лирической струи в эпический мир красоты Мея, которое можно наблюдать в эти годы, с одной стороны, хотя бы в «Арашке» (1858) и «Фейерверке» (1859), с другой — в «Сампсоне» (1861) или «Пустынном ключе» (1861). Очевидно, что Мей был на пороге какого-то нового этапа своего поэтического развития.

6

Драма Мея «Псковитянка» занимает совершенно особое, очень важное место в его творчестве и очень значительное в истории русской исторической драматургии.

Хотя Мей остается в этой драме в пределах историко-бытового жанра, однако здесь нашли отражение такие коренные социальные вопросы эпохи 1860-х годов, как самодержавие и народоправство,

власть и народ, власть и отдельная человеческая личность с ее правом на счастье и даже протест.

Нельзя забывать также, что Мей был первым серьезным художником эпохи 60-х годов, попытавшимся поставить и решить в драматической форме эти вопросы. Завершение «Псковитянки» относится к 1859 году, тогда как драматические хроники А. Н. Островского и трилогии А. К. Толстого были созданы уже в 1860-х годах. Оба писателя так или иначе учитывали опыт Мея (пусть даже отталкиваясь от него), хотя, конечно, подлинным пролагателем путей для исторической драматургии 1860-х годов (в том числе и для Мея) был Пушкин.

Слабые стороны мировоззрения Мея, никогда не посягавшего на такие незыблемые, с его точки зрения, общественные устои, как царская власть или православие, помешали ему последовательно и верно решить выдвинутые жизнью вопросы.

Однако мощный общественный подъем 1860-х годов, захвативший и Мея, а также безусловная гуманность поэта помогли ему выразительно и сочувственно показать (в знаменитой сцене веча) свободолюбивый дух народа [1] и, быть может неосознанно, дать в образе Грозного не только мудрого государственного деятеля, носителя идеи единой общегосударственной власти, но и человека, готового тиранически и кроваво отстаивать принцип самовластья, человека, равно опасного и для «виновных» и для «правых». Образ Грозного двоится в пьесе.

В монологе царя, который является довольно точным переложением теории С. М. Соловьева, положительно оценивавшего государственную деятельность Грозного и опричнину, утверждается прогрессивность монархической власти и чуть ли не демократический ее характер. Однако сколько бы ни наказывал Грозный сыну:

Храни тебя Заступница — обидеть
Единого от малых сих... —

в памяти читателя и зрителя остается не это, а страшный рассказ о кровавой расправе Грозного в Новгороде:

Вот целый месяц с Волховского моста
В кипучий омут мученых бросают:
Сначала стянут локти бечевою
И ноги свяжут, а потом пытают

[1] Для Мея вече — народ.

Составом этим огненным, *поджаром,*
Да так в огне и мечут с моста в воду...
А кто всплывет наверх, того зацепят
Баграми и рогатиной приколют
Аль топором снесут ему макушку...
Младенцев вяжут к матерям веревкой —
И тоже в воду...

Не уничтожает монолог Грозного и глубокого впечатления от четвертого действия драмы, от напряжения и страха, с которым ждут вступления царя во Псков его ни в чем не повинные граждане.

Не в пользу Грозного говорит и финал пьесы: жестокость царя приводит к гибели его собственную дочь Ольгу и ее жениха Тучу. Причем сочувствие автора явно на стороне погибших и смерть Ольги выглядит возмездием Грозному.

Двойственность заложена и в построении драмы. В ней как бы два конфликта: исторический — между народом и властью, между Псковом, его вольницей, и самодержавием; и второй, частный — между отдельными лицами и разрушающей их счастье властью (конфликт Ивана с Тучей и Ольгой). Оба конфликта пересекаются, несколько напоминая этим романы Вальтера Скотта,[1] с тем отличием, однако, что в «Псковитянке» сделана попытка решить не частный конфликт в зависимости от исторического, а исторический конфликт в зависимости от частного, даже более — при помощи частного.

Грозный окончательно решается помиловать Псков, потому что внезапная встреча с незаконной дочерью смягчает его сердце, а его единственное столкновение с псковской вольницей — это столкновение с Тучей, имеющее лишь косвенное отношение к историческому конфликту: Туча пытается освободить из царской ставки захваченную Матутой Ольгу, свою невесту, и погибает вместе с нею.

Из немногочисленных отзывов, появившихся после опубликования «Псковитянки» в «Отечественных записках», наиболее интересной была статья Ап. Григорьева, сразу указавшего на противоречивость драмы и очень высоко поставившего ее 3-й и 4-й акты (то есть сцены веча и въезда Грозного во Псков), в которых он увидел средоточие всей пьесы.

Двуконфликтность «Псковитянки» была в известной мере следствием того, что личный конфликт предшествовал в замысле исто-

---

[1] Ап. Григорьев видел слабость драмы в ее вальтер-скоттовском принципе, то есть в смешении исторических и вымышленных лиц.

рическому. Драма была задумана и даже частично написана еще в 1849 году, когда Мея глубоко интересовала идея национального характера. Следы этого увлечения и соответствующей первоначальной коллизии явственно различаются в «Псковитянке», и Григорьев, сам переживший подобное увлечение, очень точно и прямо указал на них: «У Мея, — писал он, — фигуры с ярлыками на лбу. Вот вам Стеша Матута, долженствующая представлять удалую женскую натуру, и под пару ей удалец Четвертка...».[1] Увидел он и необязательные сцены, идущие от раннего замысла драмы.

Если в «Царской невесте», даже в «Сервилии», бытовые и нравоописательные сцены как-то были связаны с основной направленностью драм, в центре которых стояли национальные характеры (хотя уже здесь подобные сцены осуждались критикой), то в «Псковитянке», драме, где в конце концов главенствующее положение занял конфликт исторический, эти сцены (или разговоры, подробности) действительно оказались лишними, «порожними», по выражению Ап. Григорьева. Они остались от старого замысла и ничего не давали новому. Сравнивая Мея и Островского, Григорьев очень верно замечает, что у Островского быт — это «самая жизнь, самая правда», он нужен ему для его драм. Иными словами, у Островского из быта вырастают его драматические конфликты, а быт в драмах Мея, особенно в «Псковитянке», не участвует в коллизии и потому отчасти приобретает чисто этнографическое значение.

Примечательно, что Григорьев резко выступил в своей рецензии против С. М. Соловьева, следование концепции которого исказило, по его мнению, образ Грозного. Хотя дело было, конечно, не в Соловьеве, а в самом Мее, в том, почему поэт воспользовался этой концепцией, да еще в накаленной атмосфере конца 1850-х годов.

После смерти Николая I, ознаменовавшей наступление новой эпохи, отношение прогрессивного лагеря к С. М. Соловьеву и его исторической теории довольно круто переменилось. «Раздался свисток судьбы», по собственному выражению Соловьева, «декорации переменились», и он «из либерала, нисколько не меняясь, стал консерватором».[2]

В обстановке складывающейся революционной ситуации такие стороны воззрений Соловьева, как отстаивание прогрессивности монархизма или признание одним из высших начал в жизни общества православной религии, стали особенно заметными.

---

[1] «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой, II. «Псковитянка», драма Л. Мея». — «Время», 1861, № 4, с. 128.
[2] С. М. Соловьев, Записки, кн-во «Прометей» Н. Н. Михайлова [б. г. и б. д.], с. 152.

Мей, который увлекся идеями Соловьева еще в свой «московский» период, не просто сохранил им верность в новую эпоху, — концепция Соловьева, не замечавшего классового характера государства и верившего в возможность союза твердого самодержавия с лучшими представителями народа, оказалась для него прибежищем во время надвигающейся революционной бури. Она позволяла надеяться на «мирное» урегулирование вопроса, благотворную деятельность усовершенствованной монархической власти, которая, заботясь «о малых сих» и следя за соблюдением законов, достигнет в конце концов общественной гармонии. Освобождение крестьян «сверху», социального и экономического смысла которого Мей не понимал, для него было, вероятно, одним из доказательств, что подобная деятельность возможна.

Мея толкали к Соловьеву характерные для дворянского лагеря литературы либеральные упования и смутный страх перед народной революцией. И все-таки чувством Мей в «Псковитянке» не до конца с Соловьевым, а порой даже совсем не с Соловьевым. И это самое главное.

Можно, и так иногда делается исследователями, судить драму Мея с точки зрения современной исторической науки, говорить о верности установленным фактам исторической и психологической трактовки образа Грозного, но гораздо важнее для нас, пожалуй, определить, в какой мере Мей сумел победить здесь консервативные черты своего мировоззрения и боязнь революции, в какой мере он служил демократическому движению «сердечным смыслом» своего произведения.

И если рассматривать «Псковитянку» с этой точки зрения, надо признать, что третий и четвертый акты драмы — действительно ее истинное средоточие и что их следует отнести к лучшим страницам исторической драматургии 1860-х годов, как бы ни расценивали мы вече и деятельность Ивана Грозного.[1]

Не случайно драма, едва только появившаяся на сцене, была

---

[1] Кстати, современные историки, признавая прогрессивность образования единого общерусского государства, придерживаются различных точек зрения на новгородский и псковский «поход» Грозного. А. А. Зимин, например, полагает, что это необходимый последний удар, завершивший разгром сепаратистских тенденций Новгорода и Пскова («Опричнина», М., 1964), а Р. Г. Скрынников связывает его совсем с другими устремлениями Грозного, так как необходимости в последнем ударе не существовало: Новгород и Псков были уже окончательно сломлены. По его мнению, «совершенно очевиден» «социальный смысл террора, обращенного против новгородских низов» («Опричный террор», Л., 1969, с. 33).

сейчас же запрещена по распоряжению министра Тимашева,[1] а в 1865 году, после хлопот И. А. Гончарова, который в своем докладе квалифицировал вече как «историческую окаменелость», была поставлена в урезанном виде (сняты некоторые реплики Четвертки) и вскоре снова запрещена.

Заметным явлением в русской исторической драматургии делают «Псковитянку» и такие ее достоинства, как язык и характеры.

Мея часто называли и называют знатоком русского языка. Надо сказать, что эта сторона его дарования особенно проявилась в драматической поэзии. Язык исторических драм Мея — это в своей основе живой разговорный русский язык, к тому же, если не социально, то психологически индивидуализированный.

В «Псковитянке» М. Уманская отмечает даже такое интересное, свойственное большой драматургии явление, как изменение стилистического характера речи (вплоть до ее лексического состава) не только в зависимости от персонажа, которому она принадлежит, но и от конкретной ситуации, от определенного психологического момента.[2]

Хотя Мей писал не всегда ровно и в его произведениях, главным образом высоких, часто попадаются слова и выражения неточные и даже безвкусные,[3] — в драмах, особенно в «Псковитянке», он, как правило, соблюдает должную меру и такт и в архаизации языка, и в передаче народной речи. Здесь мы почти не встречаемся с выражениями «хвастливо простонародными», по определению Белинского, то есть с подделкой под народную речь. Между тем как «Спаситель», «Александр Невский» или даже «Песня про

---

[1] См.: Н. В. Дризен, Драматическая цензура двух эпох. 1825—1881, кн-во «Прометей» [б. м. и б. д.], с. 160—161. В рапорте цензора Н. Нордстрема от 23 марта 1861 года докладывалось: «В настоящей драме заключается исторически верное описание страшной эпохи царя Иоанна Грозного, живое изображение Псковского веча и его буйной вольницы. Такие пьесы всегда были запрещаемы» (там же).

[2] «Русская историческая драматургия 60-х годов XIX века». — «Ученые записки Саратовского гос. пед. ин-та», вып. 35, Вольск, 1958, с. 297—298.

[3] Я. П. Полонский, например, с негодованием цитировал строки из «Еврейских песен» Мея:

Всколыхнуло грудь пуховую
Перекатною волной...

«Как дрябло это слово «пуховую» и как трудно вообразить себе, чтоб грудь молодой отроковицы была похожа на „перекатную волну“» («Русский вестник», 1896, № 9, с. 110). См. об этом подробнее: С. А. Рейсер, Л. А. Мей. — Л. А. Мей. Стихотворения и драмы, с. XXX.

боярина Евпатия Коловрата» в этом отношении неудачны: в них чувствуется языковая фальшь, соответствующая «благолепности» содержания.

Удачей Мея в «Псковитянке» следует признать и живую разноголосицу веча, созданную под явным воздействием «Бориса Годунова».

Среди созданных в драме образов на первом месте по выразительности стоит сам Грозный — сложный и противоречивый характер, в котором коварство, жестокость и подозрительность довольно убедительно сочетаются с проницательным умом, расчетливостью политика и нежными чувствами отца. Интересны по замыслу полный человеческого достоинства Туча и удалец Четвертка. Первый, однако, получился несколько вялым и бледноватым, а второй действительно ходит с ярлыком «удальца» на лбу.

Как всегда у Мея, привлекательны женские образы драмы (Вера Шелога, Надежда Насонова, Ольга), лиризм которых по-прежнему тесно связан с фольклорной традицией.

Произведениям Мея часто вообще отказывают в народности, называя их только талантливыми стилизациями.

С этим нельзя полностью согласиться. Помимо стилизаций, которые действительно имеются у Мея,[1] мы встречаемся в его творчестве и с явлением более глубокого и серьезного использования народной поэзии, постижения не только формы, но и самого духа ее.

Доказательством служит правдивость и жизненность созданных им на основе народных песен женских образов, близость лучших его «русских» песен к подлинной народной поэзии. Самое чувство, вложенное в них, народно по своей сути, а не только по средствам выражения.

Однако из всего идейного и эмоционального богатства народной лирической поэзии Мей выбирает лишь сферу преимущественно любовных переживаний, а потому его постижение народной жизни и духовного богатства народа носит, конечно, очень односторонний характер. Недаром в рецензии на сборник стихотворений 1857 года Н. А. Добролюбов иронически заметил, что стихотворения Мея на мотивы, взятые из народных песен, написаны «все больше на тему старого мужа и молодой жены».[2]

---

[1] «Песня про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую», «Песня про боярина Евпатия Коловрата», «Спаситель», «Как наладили: „Дурак“. . .» и др.

[2] Собр. соч. в 9-ти томах, т. 2, с. 162.

Несколько тонких и верных мыслей высказал по этому поводу и В. Крестовский в статье, посвященной творчеству Некрасова. Если народность Некрасова — это «проникновение в самую глубокую сущность народной жизни со стороны ее насущных потребностей и затаенных, незримых страданий», если, по мнению писателя, Кольцов «задевал эти струны народной жизни со стороны, так сказать, психологической», то «в таланте Мея элемент русского, народного принял не социальный, не современный, а какой-то археологический колорит. Во всех его лучших вещах этого рода, — утверждал Крестовский, — вы невольно чувствуете Русь, и Русь народную; если хотите, Русь вечную... да только не Русь современного нам народа».[1]

Действительно, Мей использует фольклор именно для раскрытия национального характера вообще, в частности психологии русской женщины, вне зависимости от ее социального положения, а в известной мере даже от истории.

7

Тема Мей-переводчик заслуживает особого внимания.

Во-первых, потому, что поэт находился в числе лучших переводчиков своего времени, выдвинувшего таких мастеров стихотворного перевода, как, например, В. С. Курочкин или М. Л. Михайлов. Во-вторых, по удельному весу переводов в творчестве Мея: наверное, большая половина из всего написанного поэтом — переводы и переложения.

Для 1850—1860-х годов характерен переход к массовому переводческому творчеству, осознанно ставящему перед собой просветительские цели. Это оказалось возможным и необходимым лишь с появлением демократического читателя, в своем большинстве не владеющего иностранными языками. Появляются переводчики-профессионалы, которых вообще не знала предшествующая эпоха; один за другим выходят сборники, задачей которых было познакомить русскую публику с наиболее интересными явлениями мирового поэтического искусства — от песен различных народов до творчества того или иного писателя в целом (например, «Сербские народные песни», 1847, и «Песни разных народов», 1854, Н. В. Берга; «Шиллер в переводе русских писателей», 1857—1860, Н. В. Гербеля; «Песни Беранже», 1858, В. С. Курочкина и другие). Большее внимание начинает уделяться точности перевода.

---

[1] Стихотворения Н. Некрасова, 2 части, СПб., 1861. — «Русское слово», 1861, № 12, с. 62—63.

Конечно, крупные поэтические индивидуальности по-прежнему, так же как и писатели предшествующего периода, стремятся переводить лишь интересное для себя или родственное по духу и направлению. Поэтому имя В. С. Курочкина связано в истории русской поэзии с Беранже, М. Л. Михайлова — с Гейне и Бернсом, Н. В. Берга — с сербскими народными песнями.

Встречается в 1850-е годы и более «всеядное» отношение к переводимым авторам. В этой «всеядности» не раз упрекали, кстати, и Мея, которому действительно приходилось много переводить «на заказ» (например для сборника Гербеля «Шиллер в переводах русских писателей» и др.) и который переводил с английского, французского, немецкого, итальянского, польского, чешского, украинского, белорусского, с древнееврейского и древнегреческого.

Однако большинство переводов Мея возникает далеко не случайно, они связаны с его коренными поэтическими интересами и через них — с его оригинальным творчеством.

Мея и здесь, в этой области, привлекает прежде всего национальный характер, и опять-таки главным образом в «вечных» своих проявлениях.

Этот интерес объединяет переводы из народных славянских песен и славянских поэтов с переводами из Анакреона и Феокрита, из Беранже, Дюпона и Надо, а также объясняет особое внимание Мея к любовной теме, в свое время неодобрительно отмеченное Добролюбовым,[1] который, однако, так же как и Чернышевский, считал Мея превосходным переводчиком.

Во второй половине 1850-х годов Мею в его переводческой деятельности удается выйти за пределы излюбленной тематики. Значительно расширяется круг переводимых им поэтов: с 1858 года он обращается к творчеству Шевченко, Сырокомли, Беранже, Дюпона, Надо, Гейне (с 1859 года начинает переводить его «Романцеро»), осуществляет драматические переводы из Шиллера. Как уже было отмечено, Мей в эту пору «охотно выбирал для перевода те стихотворения Беранже и поэтов его круга, темы и идеи которых были созвучны идеям передовой части русского общества накануне крестьянской реформы 1861 года»,[2] жертвуя при этом иногда даже дорогими ему характерными бытовыми красками.

Хотя некоторые переводы Мея носят отпечаток спешки и недоработки, в целом Мей был переводчик очень серьезный. Он тщательно изучал оригинал, знакомился с имеющимися уже переводами

---

[1] См.: Собр. соч. в 9-ти томах, т. 2, с. 160—161, 163—164.
[2] Г. М. Фридлендер, цит. статья, с. 54.

(не только на русский язык), стремился точно передать смысл и стилистический образ произведения.

Лучшие переводы Мея не уступают оригинальным созданиям поэта. Часть из них Мей никогда не отделял от своих собственных стихотворений, например «Еврейские песни», несмотря на их близость к перелагаемому оригиналу.

* * *

После смерти поэта знакомые его с особенной настойчивостью утверждали в своих воспоминаниях, что Мей был совершенно равнодушен к обвинениям критики, упрекавшей его в отсутствии мировоззрения и несовременности. Никогда не принимая их близко к сердцу, он якобы спокойно творил в тишине свое дело.

Однако это неверно. Сохранились поэтические свидетельства того, что Мей тяжко переживал разлад со своим временем, хотя и пытался скрыть это.

Готовя, например, к печати свое стихотворение «Арашка» (1858) о попугае екатерининских времен, напомнившем ему предание о птице, говорившей на языке уже исчезнувшего племени, Мей зачеркнул очень знаменательную концовку:

О, боже мой! Как понял я Арашку!
Ему приветны только старый сад
Да, в куще кедров, дедовские бюсты,
А новой жизни непонятен склад:
Ее призывы для него молчат,
И оживленные хоромы внука пусты.

А в 1861 году он проговаривается о своем тайном желании и надежде быть не только понятным, но и необходимым для людей:

Вот так и ты, певец: хоть веря, но молча,
Ты, вдохновенный, ждешь, пока возжаждут люди
Всем сердцем — и тогда ты освежишь им груди
Своею песнею, и закипит, звуча,
Она живой струей *Пустынного ключа*. . .

(*«Пустынный ключ»*)

При жизни Мея этого не случилось.

Беда была в том, что в грозовую эпоху 60-х годов слабые, консервативные стороны мировоззрения Мея помешали ему быть по-настоящему «полезным» своему народу, он оказался в «стане безвред-

ных»,[1] и не более того. Его время отплатило ему за это ранним забвением.

Однако лучшее в творчестве Мея постепенно все же нашло дорогу к публике.

Характерно, что в этом процессе особую роль сыграла музыка, подарившая вторую жизнь драмам Мея, а также многим оригинальным и переводным его стихотворениям.

Композиторов (особенно популярен был поэт в «Могучей кучке»), видимо, привлекала в творчестве Мея простота и задушевность поэтической интонации, подлинно народный колорит многих его русских песен, лиризм женских образов его драматургии; центральные же сцены «Псковитянки», несомненно, могли увлечь Римского-Корсакова и своим напряженным драматизмом.

В свое время Вл. Пяст[2] с восторгом писал о виртуозности поэта. Однако для нас Мей интересен совсем не этим, — мы ценим в нем прежде всего лирическую и гуманную стихию его таланта, до сих пор сохраняющую свою притягательную силу.

«Царская невеста» и «Псковитянка» Мея, такие стихотворения, например, как «Зачем ты мне приснилася...», «Хотел бы в единое слово...» и многие другие романсы поэта — все это живые факты современной поэтической и музыкальной культуры.

К. Бухмейер

---

[1] Первым известные строки Некрасова: «И не иди ты в стан безвредных, когда полезным можешь быть», — применил к Мею М. Загуляев на вечере памяти Мея в 1918 году.

[2] Вл. Пяст, Л. А. Мей и его поэзия, СПб., 1922.

СТИХОТВОРЕНИЯ

I

ЛИРИКА

1. ГВАНАГАНИ

(Отрывок из поэмы «Колумб»)

Где цветущий Гванагани,
Красоты чудесной полн,
На далеком океане
Подымается из волн;
Где ведет свой круг экватор;
Где в зеленых камышах
Шевелится аллигатор;
Где на девственных полях
Разостлалися пататы;
Каплет с та́ро млечный сок;
Бледно-желтый маниок
Разливает ароматы;
Где играет ветерок
На листках сальсапарели,
Как на жалобной свирели;
Где кружится над травой
Насекомых легких рой;
Где из пальмового ство́ла
Льются листья через край,
Где порхает в них веселый
Разноцветный попугай;
Где на птичках с изумрудом
Спорят яхонт и топаз;
Где над лиственным сосудом
Золотистый ананас

Из земного вывел лона
Многогранную корону;
Где весь год канва лугов
Шита бисером цветов;
Где под тяжестью плодов
Гнется книзу ветвь банана;
Где мелькают в тростниках
Змеи, утии,[1] гуаны,[2] —
Там в каштановых лесах,
Там в древесных шалашах,
Вдоль затопленной саванны,
Дикий варварский народ
Жизнь свободную ведет.
Там дикарь с головоломом
И с копьем из тростника
Гонит робкого зверька,
Иль по горным он обломам
Смело лезет за гнездом
Красной цапли, — иль потом,
Диким зверем не пугаем,
За зеленым попугаем
В лес кокосовый бежит;
А в тени дерев лежит
На гама́ке, в полдень жаркий,
Медноцветная дикарка;
Иль она с закатом дня
У зажженного огня,
Полный гибельной отравы,
Выжимает сок кассавы,
Или в легком челноке,
Смелой ручкой налегая
На послушные пагаи,[3]
Мчится резвая, нагая,
По излучистой реке.

Как проста и как спокойна
Жизнь беспечных дикарей!

---

[1] Зверьки из рода грызунов.
[2] Род змей.
[3] Туземные весла.

И мучительный и знойный
Не знаком им жар страстей.
В них добра не зрело семя
И порока голос тих;
Как им жить: то знают Земе,[1]
Старый Бутий[2] и кацик.
Их закон один — свобода,
Их желания — покой,
Водит их инстинкт слепой,
Учит их — сама природа.
Чудны эти племена,
И природа там чудна;
Полно всё очарованья,
И недавнего созданья
Там на всем печать видна.

⟨1840⟩

2. ЛУНАТИК

Поэт! ты лунатик. Чрез суетный свет
Тебя, как луна, вдохновенье ведет,
Ведет, — и повсюду открыта дорога
Любимцу природы, посланнику бога;
Ты ходишь над бездной по темени скал,
Ты скачешь, как серна, с горы на обвал,
Орлом на утесы взлетаешь с размаха,
В тебе есть все чувства, — и нет только страха!
Ты громко привольную песню поешь,
Ты, очи открывши, по миру идешь;
Глядишь — и не видишь ты мир, — но высóко
Тогда созерцает духовное око.
И громко взывает испуганный свет:
«Сойди ко мне ближе, поэт мой, поэт!»
Ты слышишь призванье, ты внемлешь прошенью,
И вмиг покидает тебя вдохновенье;
Очнувшись, боишься ты сам высоты,
И сходишь скорее — и падаешь ты!

---

[1] Домашний бог.
[2] Жрец.

Смеется безжалостно свет над тобою;
А ты — ты страдаешь могучей душою:
И звуком еще как струна ты дрожишь,
Но, тяжко страдая, упорно молчишь,
Пока не сомкнет сон орлиные очи
До новой твоей вдохновительной ночи.

⟨1840⟩

3

Когда ты, склонясь над роялью,
До клавишей звонких небрежно
Дотронешься ручкою нежной,
И взор твой нальется печалью,

И тихие, тихие звуки
Мне на душу канут, что слезы,
Волшебны, как девичьи грезы,
Печальны, как слово разлуки, —

Не жаль мне бывает печали
И грусти твоей мимолетной:
Теперь ты грустишь безотчетно —
Всегда ли так будет, всегда ли?

Когда ж пламя юности жарко
По щечкам твоим разольется,
И грудь, как волна, всколыхнется,
И глазки засветятся ярко,

И быстро забегают руки,
И звуков веселые волны
Польются, мелодии полны, —
Мне жаль, что так веселы звуки,

Мне жаль, что ты так предаешься
Веселью, забыв о печали:
Мне кажется всё, что едва ли
Ты так еще раз улыбнешься...

1844

—

Не знаю — отчего такъ грустно мнѣ при ней?
Я не влюбленъ въ нее: кто любитъ, тотъ ревнуетъ,
Онъ боленъ, пасмуренъ любовію своей,
Онъ день и ночь въ огнѣ, онъ плачетъ и тоскуетъ.
Я не влюбленъ... при ней бываетъ грустно мнѣ
И только... Отчего? незнаю... Оттого-ли,
Что душно и у ней такой-же простору волѣ,
Что сердце и у ней въ такомъ-же дремлетъ снѣ?
Иль отъ предчувствія, что никогда напрасно
Её, а вѣрно мнѣ ее придется полюбить?..
Кто знаетъ!.. А полюбить я не хотѣлъ бы сдуру;
А я и лучше предпочелъ — по своему грустить.
Взгляните, вотъ она: небрежно локонъ вьется,
Спокойно дышитъ грудь, ясна лазурь очей...
Она такъ хороша, такъ весело смѣется.
Не знаю — отчего такъ грустно мнѣ при ней?

Л. Мей

1844 г.

4

Не знаю, отчего так грустно мне при ней?
Я не влюблен в нее: кто любит, тот тоскует,
Он болен, изнурен любовию своей.
Он день и ночь в огне — он плачет и ревнует...
Я не влюблен... при ней бывает грустно мне —
И только... Отчего — не знаю. Оттого ли,
Что дума и у ней такой же просит воли,
Что сердце и у ней в таком же дремлет сне?
Иль от предчувствия, что некогда напрасно,
Но пылко мне ее придется полюбить?
Бог весть! А полюбить я не хотел бы страстно:
Мне лучше нравится — по-своему грустить.
Взгляните, вот она: небрежно локон вьется,
Спокойно дышит грудь, ясна лазурь очей —
Она так хороша, так весело смеется...
Не знаю, отчего так грустно мне при ней?

1844

5. БЕГИ ЕЕ

Беги ее... Чего ты ждешь от ней?
Участия, сочувствия, быть может?
Зачем же мысль о ней тебя тревожит?
Зачем с нее не сводишь ты очей?

Любви ты ждешь, хоть сам еще не любишь,
Не правда ли?.. Но знаешь: может быть,
Тебе придется страстно полюбить —
Тогда себя погубишь ты, погубишь...

Взгляни, как эта ручка холодна,
Как сжаты эти губы, что за горе
Искусно скрыто в этом светлом взоре...
Ты видишь, как грустна она, бледна...

Беги ее: она любила страстно
И любит страстно — самоё себя,

И, как Нарцисс, терзается напрасно,
И, как Нарцисс, увянет, всё любя...

Не осуждай: давно, почти дитятей,
Она душой и мыслью стала жить;
Она искала родственных объятий:
Хотелось ей кого-нибудь любить...

Но не с кем было сердцем породниться,
Но не с кем было чувством поделиться,
Но некому надежды передать,
Девичьи сны и грезы рассказать.

И показалось ей, что нет на свете
Любви — одно притворство; нет людей —
Всё — дети, всё — бессмысленные дети,
Без сердца, без возвышенных страстей.

И поняла она, что без привета
Увянуть ей, как ландышу в глуши,
И что на голос пламенной души
Ни от кого не будет ей ответа.

И только богу ведомо, как ей
Подчас бывало тяжело и больно...
И стала презирать она людей
И веру в них утрачивать невольно.

Науку жизни зная наизусть,
Таит она презрение и грусть,
И — верь — не изменят ни разговоры,
Ни беглая улыбка ей, ни взоры.

Но с каждым днем в душе ее сильней
И доброты и правой злобы битва...
И не спасет ее от бед молитва...
Беги ее, но... пожалей о ней.

1844

6. ОКТАВЫ

(Е. Г. П⟨олян⟩ской)

1

Мечтой любимой, думою избранной
Вы часто переноситесь на юг;
Вам холодно на родине туманной —
Вас здесь томит мучительный недуг,
И вас на берег свой обетованный
Италия манит к себе, как друг,
И снятся вам летучие гондолы,
И слышатся напевы баркаролы.

2

Италия, любимица богов,
Владычица развенчанная мира!
Замолк победный крик твоих орлов,
И с плеч твоих скатилася порфира,
И не гремят мечи твоих сынов;
Но всё тебя поет и славит лира,
Всё рвется в небеса твоя душа,
Всё хороша ты, дивно хороша!

3

По-прежнему тебя волна лелеет,
По-прежнему цветут твои цветы,
По-прежнему любовью воздух веет,
По-прежнему с лазурной высоты
Тебя лобзаньем страстным солнце греет:
Всё та же ты, и вечно та же ты —
В венке из роз, с улыбкой молодою...
И что же наша Русь перед тобою?

4

Зимой у нас туманы, снег, мороз;
В весну и в осень — дождик непрерывный;
А летом — зелень бледная берез,
Кой-где трава, цветочки... Климат дивный:

Порою задыхаешься без гроз,
Порою мерзнешь...
Ветер заунывный
Поет всё ту же песню с давних пор:
Ему у нас раздолье и простор...

5

Иные любят (впрочем, ведь иные),
Иные любят ветра грустный стон,
Степей раздолье, глыбы снеговые,
Лесов дремучих непробудный сон,
Метели наши, вьюги завивные,
Уныло-мерный колокола звон,
Родной мороз, да тройку удалую,
Да песню молодецки-заливную.

6

Но что́ за вкус! Что́ это за народ!
Порой у нас бывают чудны ночи:
Прозрачен, необъятен небосвод,
А белый снег на поле что есть мочи
Мороз тяжелым молотом кует,
И смотрят неба пламенные очи
Так пристально, что думы в небеса
Летят невольно, как зарей роса.

7

Но то ли ночь Италии прекрасной!
Всё тихо; рощи пальмовые спят;
Вдали чуть слышен лепет моря страстный;
С цветов струится тонкий аромат.
Купается в лазури месяц ясный;
И вот звучат, стихают, вновь звучат
Октавы вдохновенного Торквато...
Любил и я Италию когда-то.

8

Любил и я перелетать мечтой
На берега Италии святые;
Но не гондолы с песнею живой,
Не небеса, не волны голубые,
Не Рим и Капитолий вековой,
Не Этна и Везувий огневые,
Не Апеннинов дикая гряда
Влекли меня в Италию тогда.

9

В тот миг, когда из нравственных пеленок
Душа освободится навсегда,
Когда, как в клетке запертый орленок,
В груди забьется сердце и когда
Природа нам шепнет: «Ты не ребенок», —
В тот миг я полюбил... Прошли года,
А и теперь осталось в сердце что-то,
В чем не могу я дать себе отчета.

10

Я с *нею* никогда не говорил,
Но я искал повсюду с нею встречи,
Бледнея и дрожа, за ней следил,
Ее движенья, взгляд, улыбку, речи
Я жадно, я внимательно ловил,
А после убегал от всех далече,
Ее в мечтах себе я представлял,
Грустил, вздыхал, томился, ревновал.

11

Не рассказать — что делалось со мною.
Не описать волшебной красоты...
С весенним солнцем, с розовой зарею,
С слезой небес, упавшей на цветы,
С лучом луны, с вечернею звездою
В моих мечтах слились ее черты...
Я помню только светлое виденье —
Мой идеал, — отраду и мученье.

12

. . . .

13

Но я недолго любовался ею:
В Италию уехала она —
И я мечтой послушною моею
Перелетел на юг. Отчуждена
Была от мира мысль моя: пред нею
Была повсюду чудная страна,
И издали мой призрак неизбежный
Манил меня улыбкой грустно-нежной.

14

И долго этот бред томил меня,
И долго-долго я не знал покою:
В тиши ночей, докучном шуме дня
Знакомый образ был передо мною;
Да и теперь порой невольно я
Перенесусь в Италию мечтою —
И южный зной в лицо повеет мне,
И кровь кипит, и голова в огне.

15

Но быстро это чувство пронесется —
И снова я на родине святой;
И сердце так легко, так ровно бьется:
Родная песня льется надо мной...
Как верный друг, мне холод к сердцу жмется..,
Играет ручка с русою косой, —
И блещут очи темно-голубые,
Задумчивы, как небеса родные.

1844
Москва

7. ОКТАВЫ

(С. Г. П⟨олян⟩ской)

В альбомы пишут все обыкновенно
Для памяти. Чего забыть нельзя?
Всё более иль менее забвенно.
Писать в альбомы ненавижу я,
Но вам пишу и даже — откровенно.
Не знаю я — вы поняли ль меня?
А я, хоть вас еще недавно знаю,
Поверьте мне, вас очень понимаю.

Мне говорили многое о вас,
Я слушал всё внимательно-покорен:
Народа глас, известно, божий глас!
Но слишком любопытен был и вздорен,
И несогласен этот весь рассказ,
Притом же белый свет всегда так черен:
Я захотел поближе посмотреть,
О чем так стоит спорить и шуметь.

Я познакомился — вы были мне соседка.
Я захотел понять вас, но труды
Мои все пропадали, хоть нередко
Я нападал на свежие следы.
Сначала думал я, что вы кокетка,
Потом, что вы — уж чересчур горды;
Теперь узнал: вы заняты собою,
Но девушка с рассудком и душою.

И нравитесь вы мне, но не за то,
Что вы любезны, хороши собою:
Меня не привлечет к себе никто
Уменьем говорить и красотою,
Хорошенькое личико — ничто,
Когда нет искры чувства за душою,
А женский ум — простите ль вы меня? —
Почти всегда — пустая болтовня.

Но вы мне нравитесь, как исключенье
Из женщин, именно за то, что вы
Умели обуздать в себе стремленье

И пылкость чувств работой головы,
За то, что есть и в вас пренебреженье
К понятьям света, говору молвы,
Что вам доступны таинства искусства,
Понятен голос истины и чувства.

За это я люблю вас и всегда
Любить и помнить буду вас за это.
Кто знает? может быть — пройдут года, —
Вас отравит собой дыханье света,
И много вы изменитесь тогда,
И всё, чем ваша грудь была согрета,
Придется вам покинуть и забыть;
Но я сказал, что буду вас любить...

Любить за прежнее былое... много
Я вам обязан... несколько минут
Идем мы вместе жизненной дорогой,
Но с вами версты поскорей бегут.
Я не считаю их: ведь, слава богу,
Куда-нибудь они да приведут,
И всё равно мне — долже иль скорее...
А все-таки мне с вами веселее!

Другая б приняла слова мои
За чистое любовное признанье,
Но вам не нужно объяснять любви,
Но с вами мне не нужно оправданье.
Попутчики пока мы на пути,
И разойдемся; лишь воспоминанье
Останется о том, кто шел со мной
Тогда-то вот дорогою одной.

И то навряд: свое возьмет забвенье.
Забудете меня вы... Впрочем, я
И не прошу вас — сделать одолженье
И вспомнить обо мне: ведь вам нельзя
Мне уделить хотя одно мгновенье...
Мне одному?.. Вы поняли меня?
Конечно, да: вы сами прихотливы
И сами, как и я, самолюбивы...

1844

8. КАНУН 184... ГОДА

Уж полночь на дворе... Еще два-три мгновенья —
И отживающий навеки отживет
И канет в прошлое — в ту вечность без движенья...
Как грустно без тебя встречать мне Новый год...
Но, друг далекий мой, ты знаешь, что с тобою
Всегда соединен я верною мечтою:
Под обаянием ее могучих чар,
Надеждой сладкою свидания волнуем,
Я слышу бой часов и каждый их удар
Тебе передаю горячим поцелуем.

1844 (?)

9. СОСНА

Во сыром бору сосна стоит, растет;
Во чистом поле метель гудит, поет;
Над землею тучи серые шатром;
На земле снега пушистые ковром;
Вьюга, холод, но печальная сосна
Неизменна, как весною зелена.
Возвратится ли веселая весна,
Пробудится ли природа ото сна,
Прояснеют, улыбнутся небеса,
В листья нежные оденутся леса,
Заблестит сквозь зелень ландыш серебром,
Засинеет незабудка над ручьем,
Взглянет солнце с неба чистого светлей,
И зальется звонкой трелью соловей —
Всё по-прежнему печальна, зелена,
Думу думает тяжелую сосна.
Грустно, тяжко ей, раскидистой, расти:
Всё цветет, а ей одной лишь не цвести!
Собирая иглы острые свои,
Хочет в землю глубоко она уйти
Иль, сорвавшися с извивистых корней,
В небо взвихриться метелью из ветвей.
Да крепка земля, далеки небеса —
И стоит она, угрюмая краса,

И весною и зимою зелена,
И зимою и весною холодна...
Тяжело сосной печальною расти,
Не меняться никогда и не цвести,
Равнодушным быть и к счастью и к беде,
Но судьбою быть прикованным к земле,
Быть бессильным — превратиться в бренный прах
Или вихрем разыграться в небесах!

⟨1845⟩

10

О ты, чье имя мрет на трепетных устах,
Чьи электрически-ореховые косы
Трещат и искрятся, скользя из рук впотьмах,
Ты, душечка моя, ответь мне на вопросы:

Не на вопросы, нет, а только на вопрос:
Скажи мне, отчего у сердца моего
Я сердце услыхал, не слыша своего?

Конец 1840-х или начало 1850-х годов

11. БАРКАРОЛА

Стихнул говор карнавала,
На поля роса упала,
Месяц землю серебрит,
Всё спокойно, море спит.
Волны нянчают гондолу...
«Спой, синьора, баркаролу!
Маску черную долой,
Обойми меня и пой!..»
— «Нет, синьор, не скину маски,
Не до песен, не до ласки:
Мне зловещий снился сон,
Тяготит мне сердце он».
— «Сон приснился, что ж такое?
Снам не верь ты, всё пустое;
Вот гитара, не тоскуй,
Спой, сыграй и поцелуй!..»

— «Нет, синьор, не до гитары:
Снилось мне, что муж мой старый
Ночью тихо с ложа встал,
Тихо вышел на канал,
Завернул стилет свой в пóлу
И в закрытую гондолу, —
Вон, как эта, там вдали —
Шесть немых гребцов вошли...»

⟨1850⟩

12. СЕКСТИНА

Опять, опять звучит в душе моей унылой
Знакомый голосок, и девственная тень
Опять передо мной с неотразимой силой
Из мрака прошлого встает, как ясный день;
Но тщетно памятью ты вызван, призрак милый!
Я устарел: и жить и чувствовать — мне лень.

Давно с моей душой сроднилась эта лень,
Как ветер с осенью угрюмой и унылой,
Как взгляд влюбленного с приветным взглядом милой,
Как с бором вековым таинственная тень;
Она гнетет меня и каждый божий день
Овладевает мной всё с новой, с новой силой.

Порою сердце вдруг забьется прежней силой;
Порой спадут с души могильный сон и лень;
Сквозь ночи вечныя проглянет светлый день:
Я оживу на миг и песнею унылой
Стараюсь разогнать докучливую тень,
Но краток этот миг, нечаянный и милый...

Куда ж сокрылись вы, дни молодости милой,
Когда кипела жизнь неукротимой силой,
Когда печаль и грусть скользили, словно тень,
По сердцу юному, и тягостная лень
Еще не гнéздилась в душе моей унылой,
И новым красным днем сменялся красный день?

Увы!.. Пришел и он, тот незабвенный день,
День расставания с былою жизнью милой...
По морю жизни я, усталый и унылый,
Плыву... меня волна неведомою силой
Несет — бог весть куда, а только плыть мне лень,
И всё вокруг меня — густая мгла и тень.

Зачем же, разогнав привычную мне тень,
Сквозь ночи вечныя проглянул светлый день?
Зачем, когда и жить и чувствовать мне лень,
Опять передо мной явился призрак милый,
И голосок его с неотразимой силой
Опять, опять звучит в душе моей унылой?

⟨1851⟩

13

О господи, пошли долготерпенье!
Ночь целую сижу я напролет,
Неволю мысль цензуре в угожденье,
Неволю дух — напрасно! Не сойдет
Ко мне твое святое вдохновенье.

Нет, на кого житейская нужда
Тяжелые вериги наложила,
Тот — вечный раб поденного труда,
И творчества живительная сила
Ему в удел не дастся никогда.

Но, господи, ты первенцев природы
Людьми, а не рабами создавал.
Завет любви, и братства, и свободы
Ты в их душе бессмертной начертал,
А твой завет нарушен в род и роды.

Суди же тех всеправедным судом,
Кто губит мысль людскую без возврата,
Кощунствует над сердцем и умом —
И ближнего, и кровного, и брата
Признал своим бессмысленным рабом.

1855 (?)

14. В АЛЬБОМ

(Е. П. М⟨айко⟩вой)

Желаю вам резвой виллисой
По жизненной сцене порхать,
Печаль и тоску за кулисой,
Как скучных глупцов, оставлять.

Желаю вам время седое
На пляску с собой заманить
И силой страстей молодою
До смерти его закружить.

Желаю вам с каждой денницей
В цветистых мечтах умирать
И с каждой полуночью — жрицей
Волшебной любви оживать.

Когда же улыбкой прощальной
Вас дольная жизнь подарит
И занавес вас погребальный
Со светом навек разделит,

Желаю, чтоб вызвал вас, Дженни,
На сцену забывчивый свет
И милой, пленительной *тени*
Признательно бросил букет.

⟨1856⟩

15. В АЛЬБОМ

(Т. П. Е⟨ремее⟩вой)

Я видел мельком вас, но мимолетной встречей
Я был обрадован: она казалась мне
Чего-то нового отрадною предтечей, —
И хоть на миг один я счастлив был вполне.
Простите же мое невольное желанье
Оставить по себе у вас воспоминанье:

Всё легче на душе, всё как-то веселей...
Так путник, встретив храм среди чужой пустыни,
На жертвенник ему неведомой богини
Приносит скудный дар — и в путь идет смелей.

⟨*1856*⟩

16. В АЛЬБОМ

(Гр. Е. П. Ростопчиной)

Я не хочу для новоселья
Желать вам нового веселья
И всех известных вам обнов,
Когда-то сшитых от безделья
Из красных слов.

Но дай вам бог под новым кровом
Стереть следы старинных слез,
Сломать шипы в венце терновом
И оградиться божьим словом
От старых гроз.

А если новые печали
На долю вам в грядущем пали,
Как встарь, покорствуйте творцу
И встретьте их, как встарь встречали, —
Лицом к лицу.

Пусть вера старая основой
Надежде старой будет вновь,
И, перезрев в беде суровой,
Пускай войдет к вам гостьей новой
Одна любовь.

⟨*1856*⟩

17. КРАСАВИЦЕ

Природа севера за ним от колыбели
Суровой нянькою ходила много лет:
Ни песен для него уста ее не пели,
Не улыбалися отзывно на привет,

И только с каждым днем мертвее и мертвее
Слагалися черты старухина лица,
И нá сердце его всё было холоднее,
И он не понимал ни жизни, ни творца...
Не понимал он слов — *тревога, страсть, желанье...*
Блаженство и *восторг*... Но — встретилася ты —
В природе мертвенной познал он обаянье
И вековечный строй любви и красоты.

6 октября 1856

18. ПОКОЙНЫМ

Когда раскинет ночь мерцающие сени
И пóлы темные небесного шатра,
Толпой у моего бессонного одра
Сбираетеся вы, возлюбленные тени...
Незримы для других, неслышимы другим,
Вы взору моему являетеся ясно
В бесплотных призраках и внятно, хоть безгласно
Мне шепчете: «Усни — отраден сон живым».
Не засыпаю я, но в области мечтанья
Какой-то двойственной я жизнию живу —
Не *здесь*, но и не *там*, ни в сне, ни наяву:
То греза памяти, то сон воспоминанья...
И будто волшебством всё оживает вновь,
Чем сердце некогда и билося и жило,
Что некогда оно, страдая, схоронило —
Желания, мечты, надежды и любовь.
Летучей чередой, падучею звездою
Мелькают предо мной знакомые черты:
Отец, младенец-брат и ты, родная, ты, —
Бледна, болезненна, под ранней сединою,
Вконец истомлена неравною борьбой,
Но незнакомая с упреком и с укором,
Но с всепрощающей улыбкою и взором,
Переглянувшимся отчаянно с судьбой.
О мать моя, скажи, скажи мне: для чего же
Печально ты глядишь в загадочную высь

И словно молвишь мне: «Бедняжка, не борись:
Для силы есть предел и для терпенья тоже»?

Но нет, я не забыл примера твоего:
Я помню, как в тебе двоились силы прежде
При первом отдыхе от горя, при надежде
На милость божию и на покров его.
Мгновенно домик наш и все мы веселели;
В беседе дружеской, за трапезой простой
Звучали за полночь и смех и голос твой,
А чудные глаза пылали и темнели.

Мой милый Сашенька, с тобою связан я
Всей братской памятью от самой колыбели,
И много раз к моей горячечной постели
Охранным ангелом слетала тень твоя.
Вот как теперь гляжу на детскую: о стекла
Дробится солнышко в рассыпчатых лучах;
Ты прыгаешь, смеясь, у няньки на руках;
Игрушка в ротике пурпуровом намокла;
Глазенки светятся весельем неземным;
Под тонкой кожей кровь играет в каждой жилке,
Как будто никогда ей не остыть в могилке
Под вешней муравой и камнем гробовым...

Отец мой, и к тебе судьба была сурова
И в полном цвете сил свела нежданно в гроб.
Ребенком я глядел на твой остывший лоб,
На впалые глаза и на парчу покрова...
Спокойно я тебя поцеловал в уста,
Спокойно подошел к могиле за толпою
И видел, как тебя засыпали землею
И как поверх легла тяжелая плита.
И были новы мне — весенняя погода,
Кудрявые верхи кладбищенских берез,
И голос дьякона, и резкий стук колес,
И запах ладана, и скопище народа.
Потом я позабыл надолго о тебе,
А если вспоминал — случайно, на мгновенье,
Как грезу сонную, как смутное виденье,
Безместное в моей безвыходной судьбе.
Теперь, ты знаешь сам, в душе моей другое:

Воспоминания мне сладостней всего,
И часто думой я у гроба твоего...
Отец, простил ли ты дитя свое родное?..

Но тени новые... И ближе всех одна...
Как нежны очерки лица и шеи белой,
Как горделив погиб у этой брови смелой,
Как молодая грудь легко округлена!
Красавица, с земли на небо улетая,
Ты отдохнула ль там тревожною душой,
Забыла ль прошлое, иль в небо за тобой
Бессменной спутницей умчалась страсть земная?
Бывало, вечером, — всё сумрак обовьет,
За кровлями заря край неба нарумянит,
И первая звезда слезою крупной канет
На темную лазурь с неведомых высот, —
К раскрытому окну припав с немой истомой,
Поникнув головой, дыханье затая,
Ты слушаешь: реки ленивая струя
Не донесла ль к тебе иль благовест знакомый,
Иль мерный бой часов того монастыря,
Где скрыла от тебя таинственная ряса
Празднолюбивого ханжу и ловеласа...
Ты слушаешь — горишь и гаснешь, как заря...
Как угасает всё прекрасное на свете...

Две бабушки мои... Одна, как на портрете,
В роброне с кружевом и с лентой голубой
Поверх напудренной прически величавой;
Вся — молодость и жизнь; усмешка на губах;
Сапфира перелив в разнеженных глазах,
Полузавешенных ресницею лукавой...
Другая бабушка отцветшую красу
Прикрыла, как могла, под складками капота,
Под рюшками чепца, без меры и без счета,
Под одногорбыми очками на носу.
Прямою сверстницей невозмутимых парок
Старушка тянет нить из вечного мотка...
И спицами стучит, и пятку у чулка
Спускает бережно... Давно оплыл огарок;
Давно внучата спят... Не спит из них один:
Упорно он глядит на блещущие спицы,

На чепчик бабушки, на белые ресницы,
На губы сжатые и впадины морщин..
О, многое с тех пор для внука миновало,
И много прожил он и дум, и чувств, и дней;
Но как жалеет он о бабушке своей
И скромной комнатке, где по́д вечер всё спало!

И вы, в толпе теней, друзья моей весны,
Былые спутники на жизненной дороге!
Сошлися весело на школьном мы пороге
И смело в путь пошли, судьбой увлечены.
Я отставал от вас: одни вслед за другими,
Умчалися вы вдаль и скрылися из глаз,
Но след ваш свеж еще, и догоню я вас
У общей пристани, за гранями земными.
Последним перегнал меня недавно — ты,
Поклонник пламенный и мученик искусства:
Не мог ты подчинить труду живого чувства,
Рассудком обуздать не мог своей мечты —
И пел, что пелося, без ладу, без разбора,
Как малое дитя, едва ли разумев,
Что есть условный строй, наслушанный напев...
Не мог перенести ты злого приговора
Заносчивых судей: доверчивый поэт,
Ты видел в га́ере Ахилла гнев и силу,
И — грустно вымолвить — сложил тебя в могилу
Нахальной выходкой журнальный пустоцвет.
Но суд потомства чужд служения кумиру:
Над урною твоей, непризнанный певец,
Повесит он и твой поруганный венец
И робкою рукой настроенную лиру.
Мир праху твоему!..

Отшельник старый, дед...
Завален грудой книг в невзрачном кабинете,
Науки труженик, запутавшийся в сети
Сухой схоластики, ты мистицизма бред
Считал за истину, конечную идею
Искал в среде, где нет начала и конца,
И солнцем признавал лампаду мудреца...
Ты истину узнал, представши перед нею...
Поникшее чело, из-под склоненных век

Едва приметный взор, не прежний, горделивый,
А взор сознания, спокойно-прозорливый,
Всё говорит в тебе: «безумен человек!»

Две тени, две сестры... Одна — дитя душой,
С слепою верою в прекрасное, благое,
В земное счастие, в призвание земное,
В любовь, в поэзию — во всё, что у другой
Тяжелым опытом навек убито было,
Во что поверила когда-то и она,
Но что в ней осмеял рассудок-сатана,
Что сердце прокляло, презрело и забыло.
Проносится она, несхожая чета,
Как воплощение насмешки и восторга,
Порыва и любви, презрения и торга, —
Жизнь — как была, и жизнь — как светлая мечта...

Мечтою жизнь была и для тебя, мой милый,
Мой незабвенный друг, товарищ бурных лет,
Загадка, для какой разгадки даже нет...
Порою юноша, порою старец хилый,
Порою твердый муж совета и труда,
Порой изнеженный, ребячливый сангвиник,
В душе христианин, в привычках истый циник,
Роскошный цвет ума, увядший без плода!
Ты всех спокойнее... ты, окруженный сонмом
Полуночных теней, по-прежнему мне мил,
Ты будто говоришь: «Я верил и любил —
Я верю и люблю... Помолимся и вонмем!»

И следом за тобой мелькают все они,
Все, сердцу моему знакомые, родные, —
Былые образы и призраки былые.
Как над могилами блудящие огни,
Они колеблются и теплются уныло,
И в этих огоньках и в каждой вспышке их
Горит частица дум, частица чувств моих,
Упавшая слезой над свежею могилой.

Толпой у моего бессонного одра
Сбираетеся вы, возлюбленные тени,

Когда раскинет ночь мерцающие сени
И полы темные небесного шатра.
Вы все вокруг меня, вы живы, вы воскресли.
Не правда ли — вы здесь, вы не обман пустой?
Но... если вы — мечта и вызваны мечтой?
Но если нет вас здесь и нет нигде? Но если?..
Молчи, лукавый ум, сомнений не буди:
Я верю пламенно в присутствие не сущих,
Я верю — есть союз меж живших и живущих,
Как есть бессмертие и вечность впереди!

16 декабря 1856

19

Не верю, господи, чтоб ты меня забыл,
Не верю, господи, чтоб ты меня отринул:
Я твой талант в душе лукаво не зарыл,
И хищный тать его из недр моих не вынул.

Нет! в лоне у тебя, художника-творца,
Почиет Красота и ныне и от века,
И ты простишь грехи раба и человека
За песни Красоте свободного певца.

⟨1857⟩

20. ТЫ ПЕЧАЛЬНА

Кому-то

Ты печальна, ты тоскуешь,
Ты в слезах, моя краса!
А слыхала ль в старой песне:
«Слезы девичьи — роса»?

Поутру на поле пала,
А к полудню нет следа...
Так и слезы молодые
Улетают навсегда,

Словно росы полевые,
Знает бог один — куда.

Развевает их и сушит
Жарким пламенем в крови
Вихорь юности мятежной,
Солнце красное любви.

30 июля 1857
С. Кораллово

21

Убей меня, боже всесильный,
Предвечною правдой своей,
Всей грозною тайной могильной
И всем нерекомым убей —

Любви ты во мне не погубишь,
Не сдержишь к бессмертью порыв:
Люблю я — затем, что *ты* любишь,
Бессмертен — затем, что *ты* жив!

19 октября 1857

22. ЦЕРЕРА

Посвящается графу
Григорию Александровичу
Кушелеву-Безбородко

Rachette me fecit. [1]

Октябрь... клубятся в небе облака,
Уж утренник осеребрил слегка
Поблекшие листы березы и осины,
И окораллил кисть поспелую рябины,
И притупил иголки по соснам...
Пойти к пруду: там воды мертво-сонны,

---

[1] Рашетт меня сделал (лат.). — *Ред.*

Там в круг сошлись под куполом колонны
И всепечальнице земли воздвигнут храм,
Храм миродержице — Церере...

Там
Я часто, по весенним вечерам,
Сидел один на каменной ступени
И в высь глядел, и в темной той выси
Одна звезда спадала с небеси
Вслед за другой мне прямо в душу... Тени
Ложилися на тихий пруд тогда
Так тихо, что не слышала вода,
Не слышали и темные аллеи
И на воде заснувшие лилеи...
Одни лишь сойка с иволгой не спят:
Тревожат песней задремавший сад, —
И этой песне нет конца и меры...
Но вечно нем громадный лик Цереры...
На мраморном подножии, в венце
Из стен зубчатых, из бойниц и башен,
Стоит под куполом, величественно-страшен,
Спокоен, и на бронзовом лице
Небесная гроза не изменит улыбки...
А очертания так женственны и гибки,
Так взгляд ее живительно-могуч,
И так дрожат в руках богини ключ
И пук колосьев, что сама природа,
А не художник, кажется, дала
Ей жизнь и будто смертным прорекла:
«Склонитесь перед ней — *вот сила и свобода*!»

Но вот, без мысли, цели и забот,
Обходит храм, по праздникам, народ;
На изваяние не взглянет ни единый,
И разве старожил, к соседу обратясь,
Укажет: «Вон гляди! беседку эту князь
Велел построить в честь Екатерины».

19 октября 1857
Безбородкино

23. ЗАГАДКА

(Людмиле Петровне Шелгуновой)

Развязные, вполне живые разговоры,
Язвительный намек и шуточка подчас,
Блестящие, как сталь отпущенная, взоры
И мягкий голос ваш смущают бедных нас.
Но угадайте, что поистине у вас
Очаровательно и сердце обольщает?
В раздумье вы? . . Так я шепну вам на ушко:
Кто знает вкус мой, тем и угадать легко,
А кто не знает, пусть посмотрит: угадает. . .

10 декабря 1857

24. МАЛИНОВКЕ

Посвящается Варваре Александровне Мей

Да! ты клетки ненавидишь,
Ты с тоской глядишь в окно;
Воли просишь. . . только, видишь,
Право, рано: холоднó!
Пережди снега и вьюгу:
Вот олиствятся леса,
Вот рассыплется по лугу
Влажным бисером роса,
Клетку я тогда открою
Ранним-рано поутру —
И порхай, господь с тобою,
В крупноягодном бору.
Птичке весело на поле
И в лесу, да веселей
Жить на *воле*, петь на *воле*
С красных зорек до ночей. . .
Не тужи: весною веет;
Пахнет в воздухе гнездом;
Алый гребень так и рдеет
Над крикливым петухом;
Уж летят твои сестрицы
К нам из-за моря сюда:
Жди же, жди весны-царицы,
Теплой ночи и гнезда.

Я пущу тебя на *волю*;
Но, послушай, заведешь
Ты мне песенку, что полю
И темны́м лесам поешь?
Знаешь, ту, что полюбили
Волны, звезды и цветы,
А задумали-сложили
Ночи вешние да ты.

1857

25. ОТВЕТ ФЕЛЬЕТОНИСТУ

Я горжусь 44-м
За *нее*, за страсть мою:
Для чего ж пером истертым
Нацарапал ты статью?

Что́ глумишься над собратом,
Как мальчишка, — хи-хи-хи?
Вспомни, милый, в 35-м
Я прощал тебе стихи;

Так, конечно, обороны
И отместки не ищу
И, конечно, фельетоны
В 57-м прощу.

1857

26. ПРИ ПОСЫЛКЕ СТИХОВ

(Кате Мей)

Года прошли с тех пор обычным чередом,
Как, силы юные в семейной лени тратя,
С тобою вечера просиживал я, Катя,
В глуши Хамовников и на крылечке том,
Где дружба и любовь давно порог обила,
Откуда смерть сама раздумчиво сходила...
Года прошли, но ты, не правда ли, всё та?
Всё так же для тебя любезны те места,

Где в праздник, вечером, умчась из пансиона,
Ты песню слушала доверчиво мою
И знала, что пою — не зная, что́ пою,
Под звучный перелив знакомого нам звона?
Возьми же, вот тебе тетрадь моих стихов
На память молодых и прожитых годов...
Когда нас Чур стерег, дымилась вечно трубка
И жизнь цвела цветком, как ты, моя голубка!

⟨1858⟩

27. ГРАФИНЯ МОНТЭВАЛЬ

(Легенда)

Стала зима... зашумели дожди... В Ардиэрской долине
Мутный поток по наклонному руслу змеей извивался,
Жадно глотая дорогой деревья, ворочая корни;
С высей окружных за ним, как змеята, сползали
Тонкие струи и в злобе бессильной шипели,
Твердые перси гранита, одна за другой, уязвляя.
Город Боже был затоплен; лачужки и ветхие зданья,
Словно в испуге, к подошве обрыва скалистого жались;
Ветер по улице выл и шатался, как пес отощалый;
К ночи сильней холодало, а снежные хло́пки крутились,
Прялися в сетку, спускалися белой сплошной занавеской,
Так что и замка Боже, и скалы его не было видно...
Только кой-где просверкнет и погаснет, как искра, окошко.

В эту-то пору, в декабрьский холодный и пасмурный вечер,
С поздней работы домой возвращался усталый могильщик.
В дверь постучался — ему отворили... Худая-худая
Девочка, лет девяти, на пороге обитом стояла,
Слабый ночник закрывая от ветра продрогшей рукою.

«Батюшка! — крикнула. — Ждали мы, ждали тебя — не дождались:
Радость господь посылает нам: маленький братец родился.
Матушка крепко кричала, да бабушка с ней... не отходит,
Так что мы обе с утра не видали ни крошечки хлеба...
Ты ведь принес нам, не правда ли?.. Я голодна, как котенок...»
Молча-нахмурясь, ступил за порог своей двери могильщик...
Молча-рыдая, крестил-целовал он и мать, и ребенка.
Молча сел зá стол... На грудь тяжело голова опустилась;
Сами собой зароилися в ней неотвязные думы...
Думал он:
«Господи! вот умерла и графиня Сусанна,
Мать сердобольная сирых и бедных... ее хоронили,
Как подобает графине... И граф Монтэваль неутешен...
Истинно горько... И нам, беднякам, помогла бы, наверно...
С мертвой что взять? . .»
И задумался накрепко бедный могильщик.

Было над чем:
Монтэвали в супружестве два года жили,
Так что кругом себя божьего мира глядя- не видали:
Точно как голубь с голубкой гнездо потаенное вили...
Но захворала графиня каким-то особым недугом...
Прежде — бессонница, слабость, по телу как будто мурашки...
После за сердце хватало... и вдруг ее грянуло об пол!..
Граф испугался... Врачи, как грачи, налетели всей стаей,
Стали усердно графиню лечить, но всё чаще и чаще

Обморок с нею случался, и жаркая жизнь застывала
С часу на час в молодом и изнеженном теле...
Ночью однажды она приподнялась тревожно в постеле,
Крикнула: «Дайте воды мне, воды!» — опрокинулась навзничь,
И...
трех минут не прошло как врачи исступленному графу
Тщетно шептали: «Молитеся господу, граф: отстрадала!»

В прежние старые годы смотрели на смерть христиански:
День похоронный в те годы считался кануном воскресным;
Как под венец убирали покойных и в гробы их клали
С радостной мыслию встретить их на́ небе в брачном наряде.
Верен был церкви и граф: оградившись крестом животворным,
Мощно сдавил он змию подсердечную, слезы и горе —
Всё позабыл для великого часа святого обряда
И приказал — совершать над усопшей обычные требы...
Тело графини обмыли; одели в богатое платье;
Свежим венком из цветов беломраморный лоб ей обвили,
Перстни на пальцы надели, — все лучшие перстни покойной...
Два дня спустя по скалистой и узкой дороге из замка
Поезд печальный тянулся торжественно к церкви божейской:
Там, под церковными хорами, в пращурном склепе семейном,
Долженствовали покоиться юной графини останки...
Все обыватели были на скорбной ее панихиде,
И с фимиамом кадила молитвы их к небу неслися
За упокой ее *духа* в небесных селениях с миром...
Вот литию уж пропели, и вот отошла панихида,

Вот по ступенькам и гроб незаклепанный сносят монахи,
Вот он и скрылся... Тогда-то раздалось по церкви рыданье —
Граф зарыдал и шатнулся: сломилась железная воля,
И на руках домочадцы снесли его замертво в замок.

«С мертвой что взять?..» — думал Жак...
И невольно пред ним появился
Образ усопшей графини в венке на челе побледнелом,
В платье богатом... На замерших персях скрещенные руки
Золотом, жемчугом, светлыми камнями перстней сияли...

Встал он... фонарь снял со ржавого гвоздика...
«Ждите! — промолвил. —
Буду я скоро...» И вышел...
Ненастье и было ненастьем...
Только ни снега, ни слякоти Жак от волненья тогда не заметил:
Грудь нараспашку, без шапки, зажженный фонарь под полою,
Словно горячечный, шел он к собору старинному прямо...
Сторож дозорный попался ему и, крестясь, отшатнулся:
«Господи! знать, не за добрым пришлось человеку из дому
Выйти, что вышел он к ночи, в глухую, ненастную пору...
Как бы беды не случилося в городе?..» Сторож подумал,
Да как всмотрелся, рукою махнул: «Э! да ведь это могильщик...

Им и господь приказал полуночничать: видно, что церковь
Надо ему отпереть — потому и торопится, бедный. . .»

Темной и сонной, но чутко уснувшею каменной грудой
Нá небе облачном еле виднелась громада собора;
Южные двери сомкнулися в дреме... Когда же могильщик
К ним подходил, показалось ему, будто крепкие створы
Медленно, словно покойника тяжкие веки, раскрылись,
Будто ресницы моргают и холодом нá сердце пашут,
Будто глядит на него провалившийся глаз из-за двери...

Скрипнули петли... Пронесся под сводом глухой отголосок...
Звучными хорами Жак к алтарю перешел торопливо;
Сзади престолосветильника приподнял дверь опускную
И в погребальные склепы по лестнице узкой спустился.
Было в них мрачно и сыро, и затхло, и веяло смертью;
Кой-где туманною звездкой мерцала во мраке лампада;
Справа и слева стояли, надменно красуясь гербами,
Доблестных графов, графинь, баронесс и баронов гробницы:
Лилии, бердыши, копья, шеломы, мечи и знамена
Вдоль по стенам, обомшившимся плесенью серой, тянулись;
На горностаевых мантиях громко гласили девизы
О пресловутых деяньях усопших... Из каждой гробницы
Слышалось вещее слово Евангелья: «Во время оно. . .»

Гроб Монтэваль, по обряду, одет был парчовым покровом;
Подле лежала плита полощенного черного камня:
Ею заутро останки усопшей графини Сусанны
Были должны отделиться навеки от дольного мира...
Сдернул парчу золотую привычной рукою могильщик;
Смело ножом отвинтил заколоченный гроб и небрежно
Сбросил тяжелую крышу на старые плиты помоста,
Так что на трупе покойницы вся пелена колыхнулась
И лепестки у нее задрожали в венке погребальном...
Жак ничего не видал; пелену торопливо откинул
И с охладелой руки стал снимать драгоценные перстни...
А хорошо снарядилася в гроб молодая графиня —
Словно как вспрыснулась мертвой водой и живой поджидала.
Синяя тень окружила потухшие синие очи;
Синяя тень между губ горделивой улыбкой застыла;
Кудри, как травка, спаленная летней грозой, золотились;
Строго нахмурились брови, — как будто на бой одиночный
Самую смерть вызывала с презреньем графиня Сусанна.
Жак ничего не видал...
Не снимались упрямые перстни
С пальцев покойной графини... И выступил потом холодным
Ужас на бледном челе у могильщика.
Если б не мысли
О захворавшей жене и о детях, наверно бы кинул
Жак свой фонарь и свой нож и бежал без оглядки из склепа.
Но перед ним ночником из окошка моргала лачужка,
Где умирали от голода дети и мать их больная...
«Нет, не погибнут! — подумал он. — Что ей в запястьях и перстнях?

Разве за золото-камни покойникам рай отворяют?
Память тебе вековечная... Только прости мне, графиня:
Жак не себя, а свою беспомóщную сéмью спасает!»
Крепко схватил ее за руку он... И ему показалось,
Будто в ответ ему руку легонько графиня пожала,
И содрогнулась в нем каждая жилка, и чуть он не вскрикнул...
Но — пролетело мгновенье — он снова взял мертвую руку,
Нож приловчил и глубоко надрезал всю кисть у покойной...
«Ох, как мне больно!» — покойница крикнула...
Нож так и выпал
Из пораженной, как громом небесным, руки святотатца.
Да оглянулся господь милосердный на бедного Жака,
На нищету и любовь, искусившую честное сердце:
Не обезумел несчастный могильщик от смертного страха,
Не завершил преступленьем кровавым проступка, а прямо
Бросился в замок Божейский...
Его неутешный владелец
Спать не ложился: в молельне, при свете полночной лампады,
Он на коленях стоял и ломал себе руки, рыдая
Перед распятьем...
Могильщика еле впустили,
Как ни кричал и ни клялся он всеми святыми, что графа
Должен немедленно видеть.
Давно уже зá полночь было,
И петухи уж пропели, когда опустили для Жака
Цепи подъемного моста...
Но как покаянно признался
Жак в своем умысле графу, то знали божейские стены,
Да развалились они, поросли лопухом и крапивой
И ничего не расскажут...
А старые люди слыхали,

Что уж не в склепе графиню нашли — на ступеньках алтарных.
(Верно, очнувшись, на свет фонаря, добралася до церкви.)
Что восприемником был от купели у Жакова сына
Граф Монтэваль; а графиня Сусанна лежала с неделю
Или с другую, да после и встала на долгие годы,
И никогда своей милостью графской семьи умножавшейся Жака
Не оставляла... Должно быть, господь испытует и смертью
Только затем, чтобы в вечность уверовал смертный... Должно быть...
Божьи пути нам неведомы...
А рассказали мы правду.

Примечание

Этот рассказ заимствован из старой французской хроники.

Действие происходит около 1625 года, в замке *Боже* и в городке того же имени. Городок лежит в Ардиэрской долине, между двух гор; он прорезан небольшим горным потоком. Замок Боже выстроен был в X столетии одним из древнейших французских баронов Бернардом Божоле.

В начале XII столетия владельцем старого замка был Гумберг IV, известный своим жестоким обращением с вассалами. Любопытны свидетельства хроники о распоряжениях достопочтенного барона. Например: он предоставлял мужьям право бить своих жен до крови, с тем, однако, чтобы от побоев не воспоследовала смерть; дозволял поселянам ходить на чужие нивы, без спроса жать и вязать снопы, а — в награду за труд — брать себе десятый колос и т. д.

В 1640-х годах обитала в замке дочь Людовика XI Анна Французская, регентша во времена малолетства Карла VIII. Она была замужем за сиром Пьером Бурбоном де Боже.

Вместе со своим супругом она сделала несколько пристроек к замку, роскошно убрала комнаты и разбила великолепные сады.

В первую революцию замок Боже как народное достояние был продан с молотка: купивший его промышленник сломал старое здание и перепродал его на своз.

В настоящее время от замка уцелели кое-где развалины. Вообще, замок Боже, по словам хроники, не богат воспоминаниями о выдержанных им осадах или о посещениях знаменитых лиц, но известен странным, чудесным происшествием с одной из его владелиц; происшествие это в свое время изумило всю Европу.

Оно-то и служит основой предлагаемого рассказа.

26 января 1858

28. СУМЕРКИ

Оттепель... Поле чернеет;
Кровля на церкви обмокла;
Так вот и веет, и веет —
Пахнет весною сквозь стекла.
С каждою новой ложбинкой
Вóдополь всё прибывает,
И ограненною льдинкой
Вешняя звездочка тает.
Тени в углах шевельнулись,
Темные, сонные тени,
Вдоль по стенам потянулись,
На пол ложатся от лени...
Сон и меня так и клонит...
Тени за тенями — грезы...
Дума в неведомом тонет...
Нá сердце — крупные слезы.
Ох, если б крылья да крылья,
Если бы доля да доля,
Не было б мысли *«бессилья»*,
Не было б слова — *«неволя»*.

22 марта 1858

29. АРАШКА

Дворовые зовут его *Арашкой*...
Ученые назвали бы *ара*;
Граф не зовет никак, а дачники *милашкой*
И *попенькой*...
Бывало, я с утра
Росистою дорожкою по саду
Пойду гулять, — он на одной ноге
Стоит на крыше и кричит: «Эге!
Bonjour!» [1] Потом хохочет до упаду,
За клюв схватившись лапою кривой,
И красною качает головой.

[1] Здравствуйте! (Франц.). — *Ред.*

Никто не помнит, как, когда, откуда
Явился в дом Арашка... Говорят,
Что будто с корабля какого-то, как чудо,
Добыл его сиятельный...
Навряд!
Мне кажется, Арашку подарили —
Или визирь, иль pospolita rada,[1] или —
Не знаю кто. Быть может, что сама
Державина бессмертная Фелица?..
Положим — так...
А попугай — всё птица...
Он не забыл Америки своей, —
И пальмовых лесов, лиановых сетей,
И солнца жаркого, и паутины хочет,
А над березами и соснами хохочет...
Не знаю, почему припомнилось...
Читал
Когда-то я индийское преданье
О племени... Забыл теперь названье,
Но только был героем попугай...
Вот видите... в Америке есть край,
На берегах — пожалуй — Ориноко.
Там ток реки прорыл свой путь глубоко
Сквозь кручу скал... И брызжут, и гремят,
И в прорезь рвутся волны... Водопад...
Сюда-то в незапамятное время
Укрылося войной встревсженное племя
Затем, чтоб с трубкой мира отдохнуть
В тени утесов и пещер прибрежных
От дней, вигвамам тяжких и мятежных;
Пришло сюда и кончило свой путь...
И спит теперь от мала до велика
В пещере: всех горячка унесла...
Но нет, не всех: осталася улика,
Что был народ какой-то, что была
Когда-то жизнь и здесь...
Над водопадом,
На выступе гранитных скал, сидит
Седой ара́ и с потускневшим взглядом

---

[1] Государственный совет (польск.). — *Ред.*

На языке утраченном кричит
Какие-то слова...
И наотмашку
Гребет веслом испуганный дикарь;
Всё — мертвецы, а были *люди* встарь...

25 мая 1858

30. ОДУВАНЧИКИ

Посвящается всем барышням

Расточительно-щедра,
Сыплет вас, за грудой груду,
Наземь вешняя пора,
Сыплет вас она повсюду:
Где хоть горсточка земли —
Вы уж, верно, расцвели.
Ваши листья так росисты,
И цветки так золотисты!
Надломи вас, хоть легко, —
Так и брызнет молоко...
Вы всегда в рою веселом
Перелетных мотыльков,
Вы в расцвет — под ореолом
Серебристых лепестков.
Хороши вы в день венчальный;
Но... подует ветерок,
И останется печальный,
Обнаженный стебелек...
Он цветка, конечно, спóрей:
Можно выделать *цикорий*!

30 мая 1858

31. КАНАРЕЙКА

Говорит султанша канарейке:
«Птичка! Лучше в тереме высоком
Щебетать и песни петь Зюлейке,
Чем порхать на Западе далеком?

Спой же мне про за-море, певичка,
Спой же мне про Запад, непоседка!
Есть ли там такое небо, птичка,
Есть ли там такой гарем и клетка?
У кого там столько роз бывало?
У кого из шахов есть Зюлейка —
И поднять ли так ей покрывало?»

Ей в ответ щебечет канарейка:
«Не проси с меня заморских песен,
Не буди тоски моей без нужды:
Твой гарем по нашим песням тесен,
И слова их одалыкам чужды...
Ты в ленивой дреме расцветала,
Как и вся кругом тебя природа,
И не знаешь — даже не слыхала,
Что у песни есть сестра — свобода».

⟨1859⟩

32

Он весел, он поет, и песня так вольна,
Так брызжет звуками, как вешняя волна,
И всё в ней радостью восторженною дышит,
И всякий верит ей, кто песню сердцем слышит;

Но только женщина и будущая мать
Душою чудною способна угадать,
В священные часы своей великой муки,
Как тяжки иногда певцу веселья звуки.

⟨1859⟩

33. ЧУРУ

Ты непородист был, нескладен и невзрачен,
И постоянно зол, и постоянно мрачен;
Не гладила тебя почти ничья рука, —
И только иногда приятель-забияка
Мне скажет, над тобой глумяся свысока:
«Какая у тебя противная собака!»

Когда ж тебя недуг сломил и одолел,
Все в голос крикнули: «Насилу околел!»
Мой бедный, бедный Чур! Тобою наругались,
Тобою брезгали, а в дверь войти боялись,
Не постучавшися: за дверью ждал их *ты*!
Бог с ними, с пришлыми!.. *Свои* тебя любили,
Не требуя с тебя статей и красоты,
Ласкали, холили — и, верно, не забыли.

А я... Но ты — со мной, я знаю — ты со мной,
Мой неотходный пес, ворчун неугомонный,
Простороживший мне дни жизни молодой —
От утренней зари до полночи бессонной!
Один ты был, один свидетелем тогда
Моей немой тоски и пытки горделивой,
Моих ревнивых грез, моей слезы ревнивой
И одинокого, упорного труда...
Свернувшися клубком, смирнехонько, бывало,
Ты ляжешь, чуть дыша, у самых ног моих,
И мне глядишь в глаза, и чуешь каждый стих...
Когда же о́т сердца порою отлегало
И с места я вставал, довольный чем-нибудь,
И *ты* вставал за мной — и прыгал мне на грудь,
И припадал к земле, мотая головою,
И пестрой ла́пою заигрывал со мною...
Прошли уже давно былые времена,
Давно уж нет тебя, но странно: ни одна
Собака у меня с тех пор не уживалась,
Как будто тень твоя с угрозой им являлась...

Теперь ты стал еще любовнее ко мне:
Повсюду и везде охранником незримым
Следишь ты за своим хозяином любимым;
Я слышу днем тебя, я слышу и во сне,
Как ты у ног моих лежишь и дремлешь чутко...
Пережила ль тебя животная побудка
И силой жизненной осталась на земле,
Иль бедный разум мой блуждает в тайной мгле —
Не спрашиваю я: на то ответ — у бога...

Но, Чур, от моего не отходи порога
И береги покой моей родной семьи!

Ты твердо знаешь, кто чужие и свои, —
Остерегай же нас от недруга лихого,
От друга ложного и ябедника злого,
От переносчика усердного вестей,
От вора тайного и нéзваных гостей;
Ворчи на них, рычи и лай на них, не труся,
А я на голос твой в глухой ночи проснуся.
Смотри же, узнавай их поверху чутьем,
А впустят — сторожи всей сметкой и умом,
И будь, как был всегда, доверия достоин...
Дай лапу мне... Вот так... Теперь я успокоен:
Есть сторож у меня!.. Пускай нас осмеют,
Как прежде, многие: *немногие* поймут.

⟨1859⟩

34. МИМОЗА

(С...)

Цветут камелия и роза,
Но их не видит мотылек:
Ты жизнь и смерть его, *ты* — греза
Певца цветов, моя мимоза,
Мой целомудренный цветок,
Затем что в звучном строе лета
Нет и не будет больше дня
Звучней и ярче для поэта,
Как тот, когда сложилась эта
Простая песнь: «Не тронь меня».

⟨1859⟩

35. ПОЛЕЖАЕВСКОЙ ФАРАОНКЕ

Ох, не лги ты, не лги,
Даром глазок не жги,
Вороватая!

Лучше спой про свое
Про девичье житье
Распроклятое:

Как в зеленом саду
Соловей, на беду,
Разыстомную

Песню пел-распевал —
С милым спать не давал
Ночку темную...

27 января 1859

36. ЗЯБЛИКУ

Мне гроза дана в наследство:
Гром и молнию стеречь
Научило рано детство,
И понятна мне их речь.

Только молния-первинка
В сердце врежется стрелой —
Оживал я, как былинка,
Освеженная грозой.

Только в серой тучке грянет
Громозвучная краса,
За собою так и манит
Душу прямо в небеса!

А пройдет гроза, бывало,
В нашем садике цветы
Все поднимут покрывало:
Запоешь тогда и ты.

И тогда, смеясь над няней,
Убегал я в мокрый сад,
Под малинник, где заранее
Мне готов был водопад.

И бумажный я кораблик
В лужу мутную спускал.
Но тогда, мой милый зяблик,
Я тебя не понимал.

Не слыхал твоей я песни,
Хоть звучала мне она:
«Божье де́ревцо, воскресни,
Где гроза, там и весна!»

Начало 1859

37. ФЕЙЕРВЕРК

Много взвивалось потешных огней,
Брошенных смелой рукою людей, —
Дна допроситься у неба;
Да неизведано дно в небеси,
И в бирюзовой бездонной выси
Звезды, сопутницы Феба,
Не увидали взлетевших ракет,
Будто их не было в небе и нет,
Будто из темного сада,
С каждого дерева, с ветки, с листка,
Не разбросала их чья-то рука
И не глядела дриада...
Нет: меж ветвей не глядит уж она...
Но, как богиня лесов, зелена,
В дымке струистой хитона,
Вся, как цветок, создана для венца,
Кисти и песен, струны и резца,
Ты поглядела с балкона
Вслед за ракетой и быстрой мечтой
Обогнала ее в мгле голубой,
Выше надзвездной границы,
И замечталася — бог весть о чем...

Между тем тени вставали кругом
Из повседневной гробницы;
Шли по аллеям, дорожкам, кустам,
По закурённым до сна цветникам
Ладаном ночи; скользили —
Где меж толпы, обогнувшей балкон,
Где меж далеко белевших колонн
Черный свой саван спустили,

Где охватили, припавши за куст,
Мраморный цоколь, иль бронзовый бюст,
  Или предсение храма...
Вот и бенгальские гаснут огни —
И потонуло в росистой тени
  Всё — и картина, и рама...
Всё... Воцарилась ночная краса...

Что ж ты пытливо глядишь в небеса,
Что же не сводишь с них взора?
Что тебе звезды с небес говорят?
То ли, что гаснет и огненный взгляд
  Так же безвременно скоро,
Как и ракета, что в их вышине
Дщерям земли недоступны оне
  И что лазурной стезею
Много земных звезд умчалось туда,
Только назад ни одна никогда
  С неба не спала звездою?
То ли они говорят, что, пока
Летний день долог и ночь коротка,
  Надо ловить наслажденья;
Что пред святым алтарем красоты
Надо кошницами сыпать цветы,
  Жечь фимиам воскуренья;
Что потому-то всё дышит кругом
И красоты и любви торжеством:
  Пышные эти палаты,
Статуи, куполы, арки, столпы,
Шелест внизу изумленной толпы,
  Стройные звуки сонаты,
Сдержанный шепот привычных похвал,
Вся эта роскошь, весь блеск и весь бал —
  Всё для тебя?..
            Отчего же,
В небо взглянувши, задумалась ты?
Знаю, ты светской бежишь суеты,
  Да и оков ее тоже;
Знаю, устала ты сердце губить,
Хочется жить тебе, хочется жить
  Страстью разумно-свободной,

И отрекаешься ты со стыдом —
Быть человеку потешным огнем,
А не звездой путеводной.

20 июля 1859

38. НАД ГРОБОМ

Не может быть, чтоб этот труп
Был всё... Не может быть: иначе
Юдольный рок наш был бы груб
И жизнь не стоила задачи...

Пусть *всё* не вечно на земле;
Но *это всё,* что духом жило, —
К нему у трупа на челе
Печать бессмертье приложило.

Усопший! Я твой бренный лоб
Лобзаю с верой, что когда-то,
Как брат, ты сам мне вскроешь гроб
И воскресишь лобзаньем брата!

24 октября 1859

39. ДЕРЕВНЯ

Посвящается
Надежде Дмитриевне
П⟨оловце⟩вой

ВСТУПЛЕНИЕ

Желали вы, — и я вам обещал
Препроводить слияние посланья
С идиллией — не то чтоб пастораль,
А так, стихи... Приличного названья
Пока еще я к ним не подобрал;
Но входят в них мечты, воспоминанья,
Намеки, грусть, природа при луне, —
Короче, всё, что нужно вам и мне.

Вот вам стихи; как следует, с скандовкой
И с рифмами, надеюсь прочитать
Вам лично их с приличной обстановкой:
Весенний день начнет уж догорать,
И вы, склонясь ленивою головкой,
Задумчиво мне будете внимать...
Кто первый роль не выдержит — не знаю:
Увидим там... Теперь я начинаю.

1

Они прошли, прошли, былые дни
Спокойствия вдали от шума света!
Когда ж опять вернутся к нам они?
Конечно, мы дождемся снова лета
И двадцати трех градусов в тени,
Но эта лень, невозмутимость эта —
Не верится, что вновь когда-нибудь
Мы усладим ей жизненный наш путь.

Я восставал на жизнь тех домоседов-
Помещиков, которые, как ай
В своем дупле, в углу отцов и дедов
Сидят весь век, чем их ни вызывай.
Теперь их лень я понял... Грибоедов
Давно сказал: «Деревня летом — рай!»
Да! в хорошо устроенных именьях
Блаженна жизнь, как в праведных селеньях.

Вы помните?.. Бывало, мы в саду
Сидим в тени; по листьям ветер жаркой
Лепечет что-то, как больной в бреду;
Над нами вяз темно-зеленой аркой
Спускается; луч солнца по пруду
Бежит струей чешуйчатой и яркой;
Рой пчел жужжит на полевых цветах,
И воробьи чиликают в кустах.

Сидим... В руках дымятся папиросы,
А лень курить, — лениво ищет взор
Знакомых мест: вот нива, вот покосы,
Дорожка на зеленый косогор...

С малиной и клубникою подносы
Нетронуты стоят, и разговор
Чуть вяжется... не худо б прогуляться,
Да как с скамьей дерновою расстаться?
Вот, вечером...

2

Да: *вечером* пришлось
Приписывать к былому полустишью;
Но сколько лет меж нами пронеслось,
Но как давно покровскому затишью
Я стал чужой, и как давно мы врозь?..
Не сельской я, а городскою мышью,
По чердакам, не в зелени полей,
Гложу листы... печатанных статей.

Конечно, пища вовсе недурная,
И много пользы от нее подчас;
Но все-таки, о прежнем вспоминая,
Я умственно не отводил бы глаз
От оных мест потерянного рая
(Не Мильтона — могу уверить вас!),
Где услаждали молодость не книги,
А лес да луг с живою змейкой Скниги.

И точно: речка чудно хороша
По вечерам... Тогда жара отхлынет,
И, полной грудью на́ воду дыша,
Зеленый берег понемногу стынет;
То ветвь сосны, то стрелку камыша
Прозрачной тенью в воду опрокинет,
И тень за тенью — стройны и легки —
Лениво тонут в пурпуре реки.

Как весело тогда по косогору,
Промоиной песчаной, на коне
Взбираться вверх к темнеющему бору
И кланяться то ели, то сосне,
Чтоб веткою колючей, без разбору,
Не наклонялись, сонные, оне...

Но вот и гребень глинистый обрыва,
Багровый весь от зорного отлива.

И что за вид оттуда за рекой!
Не знаю — вам, а мне тоска сжимала
Всю внутренность рукою ледяной,
Когда с обрыва я глядел, бывало,
Вниз на реку... Зато, о боже мой!
Рвалася вон душа и ликовала,
И призраком казалася печаль,
Когда смотрел я за́ реку, в ту даль...

В ту даль, где я оставил много-много
И радостей, и жизни молодой,
Куда вилась знакомая дорога...
Но я боюсь вам надоесть собой, —
Забылся я: простите, ради бога!
Мы с вами на обрыве за рекой...
Уже темно. Огни зажглись в избушках,
Заря погасла на лесных верхушках.

Под нами сетка из цветов и трав,
Весною опрокинутый стаканчик,
Льет запах ландыш, под кустом припав,
И мотыльком порхает одуванчик;
И, к холке ухо левое прижав,
Мотает мордой ваш гнедой Буянчик,
Упрямится — нельзя ль щипнуть травы,
Да не дают: его упрямей вы...

Хоть несколько боитесь, если ухо
Прижмет он к холке... А домой пора,
Пока росы нет на́ поле и сухо...
Вот лай собак с господского двора
И стук колес донесся нам до слуха:
К вам гости — и, наверно, до утра!
В галоп, Буянчик! право, опоздаем:
Чу! десять бьет — всё общество за чаем...

1848 — конец 1850-х годов

40. ЗНАЕШЬ ЛИ, ЮЛЕНЬКА

(Ю. И. Л⟨ипи⟩ной)

Знаешь ли, Юленька, что мне недавно приснилося?..
Будто живется опять мне, как смолоду жилося;
Будто мне на́ сердце веет бывалыми вёснами:
Просекой, дачкой, подснежником, хмурыми соснами,
Талыми зорьками, пеночкой, Невкой, березами,
Нашими детскими... нет! — уж не детскими грезами!
Нет!.. уже что-то тревожно в груди колотилося...
Знаешь ли, Юленька?.. глупо!.. А всё же
приснилося...

⟨1860⟩

41. ОБЛАКА

(Из альбома)

Светло, цветно, легко, нарядно,
Дивяся собственной красе,
Любовно-близко и отрадно
По небу вы плывете все.
Взглянуть на вас — тоска и мука:
Вы рядом, жизнь вам весела...
Но вот, не менее светла,
Разоблачила вас наука
И вашу долю поняла:
Одни — вы плаваете низко,
Другие — ох как высоко,
И то, что кажется так близко,
Быть может, очень далеко...

⟨1860⟩

42. КОГДА ОНА НА МИГ...

Когда она на миг вся вспыхнет предо мною,
И сонный взор сверкнет падучею звездою,
И губы бледные окрасит ярко кровь —
Тогда я, как дитя, в вампиров верю вновь,
Тогда понятно мне, что темная есть сила
И что в себе таит и жизнь и смерть могила.

22 мая 1860

43. ПАМЯТИ ГЕЙНЕ

Певец! Не долго прожил ты, —
И жить не стало силы;
Но долго будет рвать цветы
Любовь с твоей могилы,

И вековечно не замрет
Над нею отзвук песни, —
Пока господь не воззовет:
«Встань, Лазарь, и воскресни!»

22 июля 1860

44

Друг мой добрый! Пойдем мы с тобой на балкон,
Поглядим на осенний, седой небосклон —
Ни звезды нет на небе, и только березы
Отряхают с листочков предсмертный свой сон,
Верно, знают, что им посулил уже он —
Морозы.

Верно, знают... Пускай их!.. А знаем ли мы,
Что дождемся, и скоро, с тобою зимы,
Что уж осень осыпала вешние грезы,
Словно желтые листья с берез, и, немы,
Звезды капают с неба нам в душу сквозь тьмы,
Что слезы.

Только нет, ты не верь мне, не верь же ты мне:
Я и болен, и брежу в горячечном сне,
И гремят мне, и слышатся давние гро́зы...
Но вот ты улыбнулась, я верю весне —
И опять запылают листочки в огне
У розы.

Всё взяла... Да зачем же — сама пореши —
Ты не вырвала вон из моей из души
Занозы?

30 августа 1860

45. ЛЮБЕ

Взгляните на лилии...

В тот миг, в полуночь ту таинственную мая,
Когда всё расцветет, весной благоухая,
И каждый миг твердит: «Лови меня, лови!»,
Когда дрожит звезда на небе от любви
И голубой глазок фиалка раскрывает,
Не зная — где она, не зная — чтó она,
Не зная, что есть жизнь, полуночь и весна,
И кто-то, с небеси, цветочки поливает, —
Ты знаешь ли, Любá, я думаю о чем?
Я думаю, что — да: сионские одежды
Даются лилии единой — не царю
Еврейскому; что вешнюю зарю
Встречают вешний взор и вешние надежды;
Что мудрость, вера — всё, чем в жилах бьется кровь,
В *любви,* не ведущей, что в мире есть *любовь.*

17 сентября 1860

46. НИКОЛАЮ СТЕПАНОВИЧУ КУРОЧКИНУ

Я люблю в вас не врача,
Не хвалю, что честно лечите,
Что рецептами сплеча
Никого не искалечите.

Я люблю в вас смелость дум,
Руку дружественно-твердую,
И пытливо-гордый ум,
И борьбу с невзгодой гордую...

6 декабря 1860

47. ГРЕЗА

Спал тяжело я, как будто в оковах, но в вещем во сне
Синее, звездное небо пригрезилось мне;
Каждою яркой звездою, сопутницей ночи,
Жгло мне сквозь веки оно отягченные очи;

Но терпелив был я, силен и крепок тогда...
Вдруг, в полуночи, на север скатилась звезда
И услыхал я:
«Внемлите глас божий: для божья народа
Царственно с неба падучей звездою слетает Свобода!..»

1860 (?)

48. ДЫМ

Ох, холоднó!.. Жаль, градусника нету...
А у меня, с заутрени, мороз
На стекла набросал гирлянды белых роз,
И все — одна в одну, как есть по трафарету...
И все — одна в одну — под небом голубым,
Все трубы в небеса стремят посильный дым.
И засмотрелся я на них сегодня...
Трубы!
Все оглянул я вас и думал: «Люди грубы:
Твердят им мелочность и гордость свысока,
Что жизнь юдольная ничтожна и низка
И вообще внизу узка у жизни тропка.
О трубы!.. Не понять не зябшим, что есть топка,
Что на земле она, но что порой и дым
Летит о господе под небом голубым
И — может быть — горе рассказывает что-то.

Быть может...»

Вот и я, пиитом чердачка,
Столицу обозрел, конечно, свысока,
И видел я: Нева, и Крепость, и Исакий,
И Академия, и мост через Неву,
И *Стрелка* с Биржею, и всё, что видит всякий,
Побывши в Питере, во сне иль наяву...
Я «питерщик» вполне... На Питере съел зубы:
Затем и говорят со мною даже трубы,
И дымом говорят.

«Вот, — говорит одна, —
Вы, сударь, видите, что я совсем бедна,
Что истопель принес мне дворник за послугу...
Да как же к празднику не угодить друг другу?»

«Ариша! — говорю я мысленно трубе. —
Жила бы ты себе у батюшки в избе,
Доила бы коров, купалась под Купало
И...»
Только из трубы дым по ветру умчало...

Но пристально за ним я по ветру смотрю:
Он обнялся с другим...

«Ариша! — говорю. —
Как раз туда! для нас, чернорабочих братий,
Там постлан целый ряд фланелевых кроватей;
Там есть и доктора, там есть и фельдшера;
Там, помнишь, родила Марфушина сестра?..
И померла...»

Бежит родоприимный дым,
Стеляся саваном под небом голубым...

А рядом — черный дым, как с чу́много погоста,
Как с погребального потухшего костра,
Где зараженных жгли с полночи до утра.
Да, заживо здесь жгут, под буйный возглас тоста,
Безумных юношей...
И вьется чумный дым,
Ехидною клубясь под небом голубым,
С собою унося весь пепел лицемерья
Перед природою, обмана чувств, безверья —
И радужных бумажек...

Вот валит
Дым тучей; где-то здесь — недалеко горит.
Кто погорел — бедняк или богатый?
Что вспыхнуло — лачуга иль палаты?..
Иль просто занялись сарай и сеновал?
Иль пламя охватить готово весь квартал?
Не знаю... Пусть горит: быть может, и сгорело
В пожаре темное и казусное дело...

Вот, мерной сотней труб, строений длинный ряд
Дымится, окаймив широкий плац-парад,
И за колонною подвижная колонна,

Волнуяся, идет на приступ небосклона,
И кажется — в дыму сомкнулися полки,
И веют знамена́, и искрятся штыки...

Вот жиденькой и седенькой кудрёй
Завился дым в лазури голубой...
Одним-один дрожит согбенный над камином
Сановник отставной, томим чиновным сплином.
Давно ли, кажется, в приемной у него
Просители пороги обивали?
И целые часы почтительно зевали
В надежде встретить взор орлиный *самого*?
Давно ли, важен, горд и величав по месту,
Он мог рассчитывать на каждую невесту
И твердо сознавал, что каждой будет мил?
Но он себя берег и браком не спешил...

Да для чего ему и торопиться было,
Когда по нем у стольких сердце ныло,
Когда у Кларочки иль Фанни столько раз
Сверкали молнии любви из томных глаз!
Давно ли? А теперь фортуна изменила —
И Кларочка свой взор с насмешкой отвратила...
Коварная судьба всё разом отняла —
И вот, уж под судом за добрые дела,
Покинутый, больной, дрожит перед камином
Сановник отставной, томим чиновным сплином.

Перед камином же задумалась и ты...
Кругом тебя ковры, и бронза, и цветы,
И роскошью всё дышит горделивой...
Так что ж ты вдаль глядишь с улыбкою ревнивой
На стиснутых губах? Зачем в глазах тоска?
Не образ ли своей соперницы счастливой
Ты видишь в трепетном мерцаньи камелька!
И вот летит струя лукавого дымка,
И вот разносит он, на воле и просторе,
Сожженными в письме, любовь твою и горе...

И много говорят мне трубы... В клубах дыма
Я вижу образы живые... Много их,

И малых и больших, чредой воздушной мимо
Промчались в небесах морозно-голубых.

Сказал бы я им вслед... А впрочем, что скажу я?
Ужели, от трубы к иной трубе кочуя,
Я стану говорить, что дороги дрова;
Что вот последний грош сейчас сожгла вдова
Страдальца бедного...
                                        Что далее, вот там,
Дымится фабрика, а здесь — науки храм,
А тут — гостиный двор, театры, магазины;
А это-де — не дым, а пар, и от машины,
Что, может быть, уйдет за тридевять земель,
В то царство, где никто и не бывал досель,
Где, может быть, и нет, под многотрубной крышей,
Ни вздорожалых дров, ни дворника с Аришей,
Ни бесприютных вдов; где не бежит из труб
Каким-то узником тюремным дымный клуб
И будто говорит с выси́ такие речи:
«Нет солнца, холодно́ — зато есть плошки, свечи,
Пожалуй, и дрова казенные и печи...»
В такое царство я с тобою, беглый дым,
Понесся бы теперь под небом голубым...

Да́!.. есть глубокий смысл в сравненьи
                                                            простодушном
Всей нашей жизни сей с тобой, полувоздушным.

Да!.. есть глубокий смысл в предании святом,
      Из века в век таинственно хранимом,
      Что весь наш грешный мир очистится огнем
            И в небесах исчезнет дымом.

⟨*1861*⟩

49. АУ-АУ!

Ау-ау! Ты, молодость моя!
Куда ты спряталась, гремучая змея?
Скажи, как мне напасть, нечаянно, нежданно,
На след лукавый твой, затертый окаянно?

Где мне найти тебя, где задушить тебя
В моих объятиях, ревнуя и любя,
И обратить всю жизнь в предсмертные страданья
От ядовитого и жгучего лобзанья?..

⟨1861⟩

50

Я не обманывал тебя,
Когда, как бешеный любя,
Я рвал себе на части душу
И не сказал, что пытки трушу.

Я и теперь не обману,
Когда скажу, что клонит к сну
Меня борьба, что за борьбою
Мне шаг до вечного покою.

Но ты полюбишь ли меня,
Хотя в гробу, и, не кляня
Мой тленный труп, любовно взглянешь
На крышу гроба?.. Да?.. Обманешь!

⟨1861⟩

51. БАРАШКИ

По Неве встают барашки;
Ялик ходит-ходенём...
Что вы, белые бедняжки,
Из чего вы, и о чем?

Вас теперь насильно гонит
Ветер с запада... чужой...
Но он вам голов не склонит,
Как родимый, озерной.

Не согреет вас он летом,
Алой зорькой не блеснет,
Да и липовым-то цветом
С моря вас не уберет.

Что ж вы, глупенькое стадо,
Испугалися-то зря?
Там и запада не надо,
Где восточная заря.

Где невзгода — уж не горе,
Где восстал от сна народ,
Где и озеро, что́ море,
Гонит вас: «Вперед, вперед!»

⟨1861⟩

52

Милый друг мой! румянцем заката
Облилось мое небо, и ты,
Как заря, покраснела за брата
Прежней силы и юной мечты.

Не красней ты и сердцем воскресни:
Я ничем, кроме ласки и песни,
И любви без границ, без конца,
За тебя не прогневал Отца...

Преклонись же с молитвой дочерней
И попомни, что были всегда
И зарей и звездою вечерней
Утром — те же заря и звезда.

⟨1861⟩

53. ЗАЧЕМ?

Зачем ты мне приснилася,
Красавица далекая,
И вспыхнула, что в полыме,
Подушка одинокая?

Ох, сгинь ты, полуночница!
Глаза твои ленивые,
И пепел кос рассыпчатый,
И губы горделивые —

Всё наяву мне снилося,
И всё, что греза вешняя,
Умчалося, — и нá сердце
Легла потьма кромешная...

Зачем же ты приснилася,
Красавица далекая,
Коль стынет вместе с грезою
Подушка одинокая?..

⟨1861⟩

54. ГДЕ ТЫ?

Он тебя встретил, всему хороводу краса,
Встретил и понял — что значит девичья коса,
Понял — что значат девичьи смеховые речи
И под кисейной рубашкой опарные плечи.
Понял он это и крепко тебя полюбил,
И городских и посадских красавиц забыл...

Но отчего же, Наташа, забыла и ты,
Как у вас в Троицу вьют-завивают цветы,
Как у вас в Троицу красные девки гурьбами
На воду ходят гадать с завитыми венками,
Как они шепчут:
«Ох, тонет-потонет венок:
Ох, позабудет про девицу милый дружок!»

Не потонули — уплыли куда-то цветы,
Да уплыла за цветами, Наташа, и ты...
И позабыл он... И даже не знает — не скажет, —
Где ты?.. И свежей могилки твоей не укажет...
Но пробудились цветочки, и шепчут они:
«Спи, моя бедная!.. Будут пробудные дни...»

9 февраля 1861

55. ОГОНЬКИ

Посвящается
Аполлону Александровичу
Григорьеву

По болоту я ржавому еду,
А за мною, по свежему следу,
Сквозь трясину и тину, по стрелкам густой осоки́,
Кудри на́ ветер, пляшут кругом огоньки.

Разгорелись и, в пляске устойкой,
Оземь бьются они перед тройкой,
То погаснут, то вспыхнут тревожно по темным кустам,
Будто на смех и страх ошалелым коням.

Отшарахнулись кони, рванулись;
Гривы дыбом, и ноздри раздулись:
Чуют, верно, своей необманной побудкой они,
Что не спросту в болоте зажглися огни...

Не глядел бы: болотная пляска
Для меня — только мука и тряска,
И не верю я в душу живую болотных огней;
И в трясину свою не сманить им коней.

Знаю их — без покрова и гроба:
Душит их пододонная злоба,
И честно́й люд и божий весь мир ненавидят они...
Погоняй-ка, ямщик!..
Но теснятся огни,

Забегают пред тройкой далече,
И ведут со мной пошептом речи
На глухом, да понятном и жгучем своем языке:
«Благовестная тайна горит в огоньке! —

Говорят... — Всепрощающей силой
Колыбель примирилась с могилой...
По зажорам, по прорубям, рытвинам, омутам, рвам
Не придется плясать уже нашим детям.

Наша мука детей искупила,
И теперь мы — не темная сила:
Мы надеемся, верим и ждем нашей пытки конца,
Чтоб зажечься в чертоге у бога-отца».

По болоту я ржавому еду,
А за мною, по свежему следу,
Сквозь трясину и тину, по стрелкам густой осоки́,
Кудри на́ ветер, пляшут кругом огоньки.

8 мая 1861

56. СКАЖИТЕ, ЗЕЛЕНЫЕ ГЛАЗКИ

Скажите, зеленые глазки:
Зачем столько страсти и ласки
Господь вам одним уделил,
Что всё я при вас позабыл?

Лукавые ваши ресницы
Мне мечут такие зарницы,
Каких нет в самих небесах, —
И всё зеленеет в глазах.

Скажите: каким же вы чудом
Зажглися живым изумрудом
И в душу мне ввеяли сны
Зеленым покровом весны?

Зачем?..
Да зачем и вопросы?
Знакомы мне слезные росы,
И вешняя зелень, и новь,
И всё, кипятящее кровь...

Да, опытом дознал я тоже,
Что стынет весеннее ложе,
Что вянет, своей чередой,
Зеленая травка зимой.

И нет уж в ней ласки и страсти,
И рвет ее ветер на части,
И гнется она и летит,
Куда ее вихорь крутит...

Зачем же, зеленые глазки,
У вас столько страсти и ласки
Горит в изумрудных лучах,
Что всё зеленеет в глазах?

10 мая 1861

57. СПАТЬ ПОРА!

С полуночи до утра,
С полуночным сном в разладе,
Слышу я в соседнем саде:
«Спать пора! Спать пора!»

С полуночи до утра
Это перепел крикливый
В барабан бьет на мотивы:
«Спать пора! Спать пора!»

«Нет! — я думаю. — Ура!
Время нам пришло проспаться,
А не то что окликаться:
«Спать пора! Спать пора!»

Нет, ты, пташечка-сестра,
Барабань себе, пожалуй,
Да словами-то не балуй:
«Спать пора! Спать пора!»

Глянь из клеточки с утра
Ты на божий мир в оконце
И не пой, коль встало солнце:
«Спать пора! Спать пора!»

12 июня 1861

58. ПОМПЕИ

Кого-то я спросил: «Бывали вы в Помпеи?»
— «Был, — говорит, — так что ж?» — «Как что?..
Да все музеи
В Европе и у нас, с конца и до конца,
Гордятся дивами и кисти и резца
Художников помпейских...»
— «Вероятно,
Но мне помпейское искусство непонятно,
Затем что я его в Помпеи не видал,
А видел я один песчаный вал,
Да груды пепла, да такие ямы,
Что были, может, там и статуи богов,
И знаменитые седалища жрецов,
И творческой рукой воздвигнутые храмы, —
Быть может; только их Бурбоновский музей
Все выкопал до мраморных корней».
— «А что же говорят об этом ладзарони?»
— «Молчат... На берегу ждут первой ранней тони
И точат о песок заржавые ножи...»

И вот, подумал я, теперь ты мне скажи,
Художник кесарей, маститый мой Витрувий:
Зачем Помпеи ты на лаве воздвигал,
Как будто бы не помнил и не знал,
Что сердце у твоей Италии — Везувий?
Но нет, ты прав: свободная страна,
Врагам одни гробы и выдала она...

29 июня 1861

59. С КАРТИНЫ ОРАСА ВЕРНЕ[1]

В одной сорочке белой и босая,
На прикрепленных к дереву досках,
С застывшею слезой в угаснувших глазах,
Лежит она, красавица, страдая
В предсмертных муках...
Черная коса
Растрепана; полураскрыты губы,

[1] Картина находится в галерее гр. Г. А. Кушелева-Безбородко.

И стиснуты немой, но жгучей болью зубы,
И проступает пот на теле, что роса...
Бедняжечка! Над ней — и небо голубое,
И померанца сень душистая — в плодах,
И всё вокруг нее в сияньи и цветах —
 А уж у ней распятье золотое
 Положено на грудь... И вот уж второпях,
С прощальным и напутственным поклоном,
Уходит от нее и духовни́к-монах,
Под серой рясою и серым капюшоном,
 И впереди, с зажженною свечой,
 Могильщик-каторжник с обритой головой;
Он рот закрыл платком, он весь дрожит от страха,
Как будто перед ним — не смертный одр, а плаха...

Одну, без помощи, без дружеской руки,
Оставить бедную в последние мгновенья —
О господи, в них нет ни искры сожаленья!..
 Но что это? Взгляните: у доски
 Разбросаны одежды в беспорядке —
Плащ фиолетовый с мантильей голубой,
И платья женского меж них белеют складки,
 И рукоятка шпаги золотой
Видна из-под одежд, а вот и ларчик рядом,
С резьбой и с дорогим узорчатым окладом;
 В нем серьги, и запястья, и жемчу́г —
Больная всё сняла, когда сразил недуг,
Лишь обручального кольца снять не хотела...
А!.. У нее в руке — еще рука,
Чужая, мертвая, и вся уж потемнела...
Вот отчего одна скривилася доска:
С нее свалился труп — страдальцев было двое!..
 Припав к земле кудрявой головой,
Лежит, повержен ниц, мужчина молодой!..
Он весь накрыт плащом; со смертью в грозном бое
 Он не сробел до самого конца
 И ниц упал, чтоб мертвого лица
 Не увидала милая подруга...

Но замерла у ней рука в руке супруга:
Страдалице легко с ним вместе умирать —
И никому их рук теперь не разорвать,

И скоро уж конец, и скоро эти очи
Неразрешимой тьмой загробной, вечной ночи
С улыбкой злобною завесит смерть сама...
Глядите... вслушайтесь — шепнула: «Умираю».
Нет, не глядите, прочь!.. Теперь я понимаю:
Прочь, поскорее прочь:
у ней — чума, чума!

26 июня 1861

60. ТРОЙКА[1]

Посвящается
Николаю Егоровичу
Сверчкову

Вся в инее морозном и в снегу,
На спуске пóд гору, в разгоне на бегу,
Постромки опустив и перегнув дугу,
Остановилась бешеная тройка
Под заскорузлыми вожжами ямщика...
Что у коней за стати!.. Что за стойка...
Ну!.. знать, у ямщика бывалая рука,
Что клубом удилá осеребрила пена...
И в сторону, крестясь, свернул свой возик сена
Оторопевший весь со страху мужичок,
И с лаем кинулся на переём Волчок.

Художник! удержи ты тройку на мгновенье:
Позволь еще продлить восторг и наслажденье,
За тридевять земель покинуть грусть-печаль
И унестись с тобой в желанную мне даль...

22 июля 1861

61. МОЛИТВА

Боже мой, боже! Ответствуй: зачем
Ты на призывы душевные нем,
И отчего ты, господь-Саваоф,
Словно не слышишь молитвенных слов?

---

[1] Частная картинная галерея.

Нет, услыхал ты, узнал — отчего
Я помолилась? .. Узнал — *за кого.*
Я за *него* помолилась затем,
Что на любовь мою глух был и нем
Он, как и ты же...
Помилуй, господь!
Ведаешь: женщина кровь есть и плоть;
Ведая, женской любви не суди,
Яко сын твой вскормлен на женской груди.

29 сентября 1861

62. МНОГИМ...

Ох ты, бледная-бледная,
Ох ты, бедная-бедная
И тоскливо-тревожная мать!
Знать, голубка, тебе не признать,
Где ты даром гнездо себе свила, —
Где его повивала и крыла,
Где грозою его унесло
Со птенцом твоим вместе в село...
Там давно просвещенье прошло:
Милосердье там *«падших»* не гонит
И младенцев контора хоронит...

Ох ты, бедная-бедная!
Ох ты, бледная-бледная,
Не узнаешь ты спросту, — ей-ей! —
Где в могилах зовет матерей
Номерная душонка детей? ..

29 сентября 1861

63. ЛИЦЕИСТАМ

(Застольная песня)

Собрались мы всей семьей —
И *они,* кого не стало,
Вместе с нами, как бывало,
Неотлучною душой!

Тени милые! Вы с нами!..
Вы, небесными лучами
Увенчав себе чело,
Здесь присущи всем собором
И поете братским хором
Нам про Царское Село, —

Где, маститой тайны святы,
Встали древние палаты,
Как немой завет веков;
Где весь божий мир — в картинах;
Где, «при кликах лебединых»,
В темной зелени садов,

Словно птички голосисты,
Распевали лицеисты...
Каждый был тогда поэт,
Твердо знал, что май не долог
И что лучше царскоселок
Никого на свете нет!

Помянем же мы, живые,
За бокалами дружней
И могилы, нам святые,
И бессмертный наш лицей!..

19 октября 1861

64. МОЛОДОЙ МЕСЯЦ

Ясный месяц, ночной чародей!..
Вслед за зорькой вечерней пурпурною
Поднимись ты стезею лазурною,
Посвети мне опять поскорей...
Сердце молотом в грудь мне колотится,
Сердце чует: к нему не воротится
Всё, с чего обмирало оно...
Всё далеко теперь... Но далекую
Пережил бы я ночь звездоокую —
При надежде... А то — всё темно.

1861 (?)

65. ЧЕТЫРЕ СТРОКИ

Нет предела стремлению жадному...
Нет исхода труду безуспешному...
Нет конца и пути безотрадному...
Боже, милостив буди мне, грешному.

1861 (?)

66. НА БЕГУ

Посвящается С. П. Колошину

В галерее сидят господа;
Судьи важно толкуют в беседке;
А народу-то сколько — беда,
Словно вешние мошки на ветке.
На обои перила реки
(Еле держат чугунные склепы)
Налегли всем плечом мужики,
Чуйки, шубы, поддевки, салопы.
И нельзя же: бег на десять верст!
Ходенем всё пошло в ожиданьи:
Поднял дьякон раздумчиво перст,
Погрузился в немом созерцаньи;
Бьются трое купцов об заклад;
Тараторят их три половины.
И глядят сотни глаз и глядят
На залитые в яхонты льдины,
На воткнутые в ярком снегу
И столбы, и с веревками стойки,
И знакомые всем на бегу
Призовые удалые тройки.
Что за стати у бойких коней!
Что за сбруя, за легкие сани!
А наездник-от, ей-же-вот-ей,
Вон, вон этот в нарядном кафтане,
Уж хорош больно!..

Я сквозь толпу,
Хоть бокам и была перебойка,
Пробрался-таки прямо к столбу...

Это что же за новая тройка?
Не видали...

В корню калмычок.
Две донечки дрожат на пристяжке;
У задка сел с кнутом паренек.
И в санях, и во всей-то запряжке
Ничего показного на глаз.
Сам наездник, быть надо, в харчевне...
Знать, в ночном побывал он не раз,
Да и вырос в глуши да деревне,
Что с дружками ему на бегу
Надо выпить пар с двадцать чаёчку?
Так и есть: вон лежит на снегу
Рукавица по кисть в оторочку.
Так и есть: вон и сам он в дверях
У харчевни. Легóк на помине!
Астраханка на черных бровях,
А дубленка на серой овчине.
Ждут звонка... Чу! .. Никак и звонят?..
Чу! В судейской самой прозвенели...
Тройки чинно сравнялися в ряд —
И последний звонок.

Полетели.
На дугу, на оглобли, гужи,
На постромки все враз налегая,
Понеслися, что в вёсну стрижи,
Дружка дружку шутя обгоняя.
Только новая всё отстает
Больше, больше, и вовсе отстала,
А с наездника, как поворот,
Шапка нáземь грехом и упала! ..
А он что же? Он тройку сдержал,
Поднял шапку, на брови надвинул,
У парнишки-то кнут отобрал,
Стал на место, как крикнет — и сгинул...

Боже, господи! Видишь во дню,
А не то чтобы ночью, с постели:
Словно вихорь завился в корню,
А в уносе-то вьюги-метели!

Закрутили весь снег, понесли
В изморозной сети, без догони,
До столба, до желанной дали...
Донеслися — и фыркнули кони...
И далеко ж умчались они
Ото всех, хоть и все догоняли
И догнали, что ласточку пни,
Да и то запыхались — устали...
А они?.. Нá возьми — подавай
Хоть сейчас ко крыльцу королевне.
А наездник?
Прости, брат, прощай!..
Знать, пирует с дружками в харчевне.

13 февраля 1861 или 1862
Петербург

67. ЗАБЫТЫЕ ЯМБЫ

Итак, вы ждете от меня
Письма по-русски для науки?
. . . .
. . . .
. . . . . С юных лет
Слова: письмо, печать, пакет
Во мне вселяли отвращенье.
Я думал: «Господи! писать
И слать по почте уверенье
В любви, и в дружбе, и в почтеньи,
Ведь это значит просто лгать:
Лгать перед сердцем, перед духом.
Коль человек полюбит раз,
Духовным оком, вещим слухом
Он видит нас, он слышит нас.
К чему ж писать? Я слышу, вижу».
Так думал я, и потому,
Совсем не веруя письму,
Я переписки ненавижу.

Но если отдан уж приказ,
Непослушанье безрассудно...

С чего начать?
Давно уж в моде
Беседу с дамой заводить
Намеком тонким о погоде,
А уж потом и говорить...
И говорить о всем об этом,
Что говорится целым светом,
На что с самих пеленок мать
Учила дочку отвечать,
Или сама, а были средства —
Через мадам, мамзель иль мисс...
(Здорова ли madame F⟨ern⟩iss?[1])
Простите: дней счастливых детства,
Дней первых слез, дней первых грез
Коснулся я... Бог с ними! Были
Да и прошли. Господь унес...

Мы о погоде говорили...
У нас плоха. Панелей плиты
Так и сочатся под ногой,
А крыши с самых труб облиты
Какой-то мыльною водой,
Как будто — вид довольно жалкой! —
Природа лапотки сняла,
Кругом подол подобрала
И моет грязною мочалкой
Всю землю к празднику весны...

Еще простите... Право, сны
О вечном солнце, вечном мае,
О том далеком, чудном крае,
Где дышишь вольно, где тепло,
Волнуют желчь мне тяжело...

Но станет и у нас погодка.
Весна идет: ее походка,
Ее приемы и слова —
Без льдинок катится Нева,
Мосты полиция наводит,

---

[1] Г-жа Фернисс (франц.). — *Ред.*

По мокрым улицам давно
Ночь белая дозором бродит,
Глядит порой ко мне в окно,
Особенно когда разгрязнет
И ехать некуда, — глядит,
Да так упорно, словно дразнит:
«Ну, что не спишь-то? — говорит. —
Ведь люди спят, ведь сон-то нужен;
Диви бы бал, диви бы ужин:
Нет, так вот, даром баловать!
Гаси свечу, ложися спать!»
И верить я готов беличке
И изменить готов привычке
Не спать ночей...
А есть в ночи,
Вы сами знаете, такое,
Что и светлей и жгучей втрое,
Чем солнца вешние лучи.
Дни длинны, ровны, монотонны,
Как ржавых рельсов полоса,
А ночи, ночи... небеса
Бывают звездны и бездонны,
Как чьи-то глазки...

Я не лгу
И доказать всегда могу
Сродство ночных небес с глазами.

Теперь, конечно, между нами,
Теперь я сплетничать начну.
Я видел некую жену
И видел девочку: глазенки
По сердцу гладят... Отчего
Намек на женщину в ребенке
Не занимает никого?
Как будто бог зерно положит,
И уж зерну не возрасти,
Как будто девочка не может
Девицей красной расцвести!
Нет! Я красавиц угадаю
И в зрелых женщинах узнаю,

Всегда узнаю, и впопад,
Какими в отрочестве были...

И вот одна вам наугад:
Соболья бровь, лукавый взгляд,
Лицо как кипень, плечи всплыли
Как две кувшинки — или две,
С ночи заснувшие в траве,
Две белотрепетные пташки
Всплывают рано на заре
Из моря донника и кашки
В росном, зернистом серебре...
Да, на цветы, на перья птицы,
На росы майского утра
Идет не столько серебра,
Как на плечо отроковицы,
Когда создатель сам на ней
Печать любви своей положит —
А всё, что создано, очей
Свести с красавицы не может.

Но переход-то мой к мечте
От сплетен слишком уж поспешен...
Что делать, аз есмь многогрешен
И поклоняюсь красоте.
. . . .
. . . .
Недавно ночью проезжал
Я мимо графского аббатства...
Остановился... Старый дом
Темнел завешанным окном
Угольной комнаты угрюмо,
Смотрел с такою тайной думой
На водополую Неву,
Что бог весть как, но предо мною
Восстали тени чередою...
И вот вам греза наяву.
Не бойтесь, нет во мне привычки
Пугать могилами: сову
На перышко последней птички
Вовеки не сменяю я;
Мне дроги, гроб и панихида,

И лития, и кутия,
Поверьте, смертная обида...

Так вот-с... почудился мне бал.
Сверкали люстры и уборы,
Цветился зал, звучали хоры,
Весь дом гудел, благоухал
И трепетал под стройным звуком.
На диво всем, в науку внукам
В нем дед вельможный пировал
Затем, что — было это время —
Он взял на плечи, и не зря,
Тяжелое, честнóе бремя
С рамен великого царя.
И вот он сам. Густые кудри
Белеют в благовонной пудре;
Лилейно-нежная рука,
Как мрамор дышащий мягка,
Красуется под кружевами.
Полусклоненный мощный стан
Затянут в бархатный кафтан,
Горит алмазными звездами
Грудь вдоль широкого рубца
Лазурной ленты, а с лица
Не сходит тонкая улыбка —
Почет приветливый гостям...
Но мчатся тени, мчатся шибко —
И улетели...
Вновь темно
Угольной комнаты окно...
Постойте! Снова озарилось:
Тихонько в комнату вошла
Она... задумчиво-светла,
Как ранний месяц... Мне приснилось,
Почудилось, быть может, но...
Портрет я изучил давно...
Кругом сиянье разливая,
Из рамы вышла как живая
И села, голову склоня...
Вы можете дразнить меня,
Осмеивать все эти грезы,
Не верить даже — я не прочь...

Но платье красное и розы
Такие, как у *ней* точь-в-точь,
Но белокурый пышный локон
Я видел явственно в ту ночь
В угольной комнате у окон...
Опять темно... и свет опять...
По тем же залам и гостиным,
Дивясь стату́ям и картинам,
Толпится не былая знать,
А новое, иное племя,
Грядущей «жатвы мысли семя»:
При блеске люстр, и ламп, и свеч,
Под звуки музыки стостройной,
Гуляют гордо и спокойно,
Ведя насмешливую речь.
Гостей встречает внук-вельможа,
Но не по платью одному:
Дорога знанью и уму!..

Теперь, покойных не тревожа
И отрекаяся от грез,
Я предложу живой вопрос:
У вас весна и незабудки?
И соловьи? и ночь тепла?
И вся природа ожила,
Не отрекаясь от побудки
Жить долго-долго?.. Сами вы
Спокойны, веселы, здоровы?
Или с чугунки и с Москвы
Все ваши нервные основы,
Как нить натянутой струны,
Тревожливо потрясены?

Еще вопрос. Решите сами,
Зачем пишу я к вам стихами?
Без шуток следует решить...
Быть может, потому, что с вами
Неловко прозой говорить?
Иль, выражаясь безыскусно,
Не потому ли, может быть,
Что вместе тошно, порознь грустно?..

22 апреля ⟨*1862*⟩

68. МОРОЗ

Посвящено кому-то

Голубушка моя, склони ты долу взоры,
Взгляни ты на окно: какие там узоры
На стеклах расписал наш дедушка-мороз
Из лилий, ландышей и белоснежных роз.
Взгляни, как расписал он тайно иль не тайно,
Случайно говоря, а может, не случайно,
Хотя бы, например, вот это бы стекло?
Взгляни ж: перед тобой знакомое село,
Стоит себе оно, пожалуй, на пригорке. . .
. . . .

Май 1862

ИЗ АНТИЧНОГО МИРА

69. ЦВЕТЫ

*Посвящается графу
Григорию Александровичу
Кушелеву-Безбородко*

Пир в золотых чертогах у Нерона,
Почетный пир для избранных друзей. . .
Сам кесарь сóзвал дорогих гостей
На празднества в честь муз и Аполлона;
Сам кесарь муз избрал средь гордых жен
И юных дев блистательного Рима:
Особый день был каждой посвящен,
И каждая была боготворима.
Уж восемь раз решали первенствó
Для новой музы брошенные кости,
И восемь раз ликующие гости
Меняли пир, меняли божество, —
И вот настал черед для Мельпомены,
Для остальной красавицы-камены.

Триклиниум. . . От праздничных огней
Горят богов изваянные лики,

Горит цветной помост из мозаики,
Горит резьба карнизов и дверей,
И светятся таинственные хоры.
На раздвижном высоком потолке
Озарено изображенье Флоры —
В венке из роз, с гирляндою в руке:
Склонившись долу светлыми кудрями,
Богиня на послушных облаках,
С улыбкою весенней на устах,
Проносится над шумными гостями,
И кажется, лилейные персты
Едва-едва не выронят цветы...

И кстати бы! Давно пируют гости;
Давно в кратéрах жертвенных вино
Пред статуи богов принесено
И рóзлито рабами на помосте;
Давно и навык и талант прямой
В науке пиршеств поваром показан;
Давно и пес цепочкой золотой
К тяжелому светильнику привязан...
А всё еще пирующим венков
Рабыни на чело не возлагали
И пышных лож еще не устилали
Живым ковром из листьев и цветов;
Но каждое покрыто было ложе
Иль тигровой, иль барсовою кожей.

Среди чертога ложа с трех сторон;
Одно из них с серебряною сенью:
С приличной для пирующего ленью
Возлег на нем сам Нерон-Аполлон.
Он в одеяньи светоносца бога:
Алмазами горит его венец;
Алмазами осыпанная тога
На олимпийский шита образец
Из белоснежной, серебристой ткани;
Ни обуви, ни пояса на нем;
Резной колчан сверкает за плечом;
Лук и стрела небрежно сжаты в длани.
У ног его Софоний-Тигеллин,
Наперсник и всемощный властелин.

Цвѣтъ.

Пиръ въ золотыхъ чертогахъ у Нерона
Почетный пиръ для избранныхъ друзей:
Самъ кесарь созвалъ дорогихъ гостей
На празднества въ честь Музъ и Аполлона.
Самъ кесарь Музъ избралъ средь гордыхъ женъ
И гордыхъ дѣвъ блистательнаго Рима:
Особый день былъ каждой посвященъ
И каждая была боготворима.
Ужъ восемь разъ роняли первенство
Для новой Музы брошены кости,
И восемь разъ ликующіе гости
Минули пиръ, минули торжество,
И вотъ настал передъ днемъ Мельпомены
Для остальной красавицы — камены.

Триклиніумъ... Отъ праздничныхъ огней
Сверкаетъ боговъ изваянные лики,
Горитъ цвѣтной помостъ изъ мозаики,
Горитъ рѣзьба карнизовъ и двери
И свѣтятся таинственные хоры.
На раздвижномъ высокомъ потолкѣ
Озарено изображенье Флоры
Въ вѣнкѣ изъ розъ, съ тирсомъ въ рукахъ:
Спадающимъ дождемъ свѣтлымъ изъ ризы,
Точно на пухлыхъ облакахъ,
Съ улыбкою весенней на устахъ,
Проносится надъ шумными гостями
И, кажется, и мгновенье перестанетъ
Едва-едва не выронитъ цвѣты.

И кстати бъ! Давно пируютъ гости,
Давно въ кратерахъ утренныхъ вино
Предъ статуи боговъ принесено
И розлито рабами на помостъ;
Давно и славятъ, и талантъ прямой

За дочерей Германика когда-то
В Калабрию он выпровожден был
И рыбаком дни жалкие влачил,
Пеняя на решение сената;
Сетями хлеб насущный добывал;
Привык к труду, не знаемому с детства,
И вдруг — отец богов ему послал
Нежданное, богатое наследство!
Купивши право снова въехать в Рим,
Явился он средь мировой столицы,
Завел коней, возничих, колесницы
И отличен был Нéроном самим.
Коварный, ловкий, наглый и пригожий,
Он образцом был римского вельможи.

Эпикуреец, баснословный мот,
Он Энобарба изумил недавно
Своею роскошью и выдумкой забавной:
На пруд Агриппы был им спущен плот,
Уставленный трапезными столами
И движимый десятками судов;
Придворные, одетые гребцами,
Под звуки лир и голоса певцов,
Вздымали мерно весла золотые
И медленно скользили по воде;
Когда ж на тихо дышащем пруде
Заколыхались сумерки ночные,
В густых садах зажглися фонари, —
И длился пир до утренней зари.

По берегам стояли павильоны;
У их порогов, с пламенем в очах,
С венками на заемных париках,
Гостей встречали юные матроны.
Бессильны кисть, и слово, и резец
Для этих жриц и избранниц Гимена...
И вот уже двурогий свой венец
Сронила в море сонная Селена...
Но Тигеллин в пирах не забывал
Ни гласных дел, ни тайных поручений...
Теперь, под гнетом смутных размышлений,
В триклиниум к Нерону он вступал,

Но понемногу стал повеселее, —
И скромно улыбается Поппее.

В тот день Поппея ездила с утра
По форуму; пред ней рабы бежали;
Испанские мулы ее теряли
Подковы из литого серебра;
Чернь жадная квадригу окружала
Кричала: «vivat!» [1], простиралась ниц...
Потом Поппея ванну заказала
Из молока девятисот ослиц;
Потом на пир заботливо рядилась:
Бесценным мирром тело облила,
Бесценный жемчуг в косы заплела
И вечером в триклиниум явилась,
Прекрасна, неизменно молода,
Как томная вечерняя звезда.

Под складками лазурного хитона,
Прозрачного, как утренний туман,
Сквозит ее полуразвитый стан,
Сквозит волна встревоженного лона.
Гибка, стройна, как тонкая лоза,
С приемами застенчивой девицы,
Поппея на стыдливые глаза
Склонила белокурые ресницы.
Казалось, эти детские уста
Одни приветы лепетать умели
И в этом взоре девственном светлели
Одна любовь, невинность, чистота...
Но кто знавал Поппею покороче —
Не верил ни в уста ее, ни в очи.

Давно ли на Октавию она
Бессовестно Нерону клеветала
И скорбную супругу заставляла
Испить фиал бесчестия до дна?!!

...Пронеслась гроза,
И прошлое давно забыто было,
А в настоящем — новая беда!

---

[1] Ура! (лат.). — *Ред.*

В созвездии младых красот тогда
Взошло другое, яркое светило...
Досужий Рим, в честь новой красоты,
Жег фимиам похвал и тонкой лести
И рассыпал поэзии цветы.
Сам кесарь с юной римлянкою вместе
Любил бывать, любил ей угождать,
К Поппее охлаждаясь понемногу;
Но та свою душевную тревогу
Старалася от кесаря скрывать:
В ней зависть, гнев и ревность возбудила
Последняя камена — Максимилла.

На первом ложе, с левой стороны
От ложа осененного Нерона,
Ты возлегла, красавица матрона,
Богиней цветоносною весны!
Пурпурная туника Мельпомены,
Не удержась на мраморе плеча,
Слилась с него на девственные члены,
Весь трепетный твой стан изоблича.
Твоя коса венцом трехзвездным сжата,
Но кажется, мгновение — и вот
Она алмазный обруч разорвет
И раздробится в иверни агата
О дорогую мозайку плит...

Соперница Киприды и харит,
Одной рукой ты оперлась на маску,
Другой — ритон с фалернским подняла;
Сама любовь лукаво расплела
Твоей котурны узкую подвязку;
Сама любовь глядит в твоих очах,
Пылает на зардевшихся ланитах,
Смеется на коралловых устах...
Недаром в избалованных квиритах,
В изнеженцах Неронова двора,
Ты пробудила дремлющие силы,
Недаром у порога Максимиллы
Они толпятся до ночи с утра,
Недаром всё сильнее и сильнее
Кипит вражда ревнивая в Поппее!

Не перечесть поклонников твоих,
От бедного плебея до вельможи!
Глава разгульной римской молодежи,
Законодатель пиршеств удалых,
Богач Петроний все дворцы и виллы,
Все земли, всех невольниц и рабов
Отдаст за взгляд приветный Максимиллы
И сам пойти в невольники готов;
Но Максимилле нужен не повеса:
Красавица взыскательна, горда —
Ей нужен муж совета и труда,
Могучий дух и воля Геркулеса.
А вот и он, вот северный Алкид,
Сын Альбиона дальнего, Генгит.

Когда на берег непокорной Моны,
Удобное мгновенье улучив,
Светоний темной ночью, чрез пролив,
Победные направил легионы
И римляне в глубокой тишине
К отлогому прибрежью подплывали, —
Весь остров вдруг предстал пред них в огне:
Столетние деревья запылали
И осветили грозные ряды
Британцев. С распущёнными власами,
Как фурии, с зажженными ветвями,
С речами гнева, мести и вражды,
В рядах носились женщины толпою
И варваров воспламеняли к бою.

При зареве пылающих дубов,
При возгласах друидов разъяренных,
Посыпался на римлян изумленных
Дождь камней, стрел и копий с берегов.
Смутился строй воителей могучих;
Но крикнул вождь — и вмиг на берега
Они внесли орлов своих летучих
И ринулись на дерзкого врага.
Тогда-то встречу сомкнутому строю,
Со шкурою медвежьей на плечах,
С дубиной узловатою в руках,
Предстал Генгит, всех выше головою,

И римлян кровь ручьями полилась,
И дорого победа им далась.

Британцев смяли. Ранами покрытый,
Генгит упал на груду мертвых тел
И взят был в плен, и нехотя узрел
И Тибр и Капитолий именитый.
На первых играх вождь британский был,
При кликах черни, выведен в арену
И голыми руками задушил
Медведя и голодную гиену.
Затем его позвали во дворец,
Одели в пурпур, щедро наградили,
Толпой рабов послушных окружили
И подарили волей наконец:
Как птица, ждал он ветерка родного,
Чтоб улететь в свою отчизну снова.

Но... Максимилла встретилась ему, —
И полюбил дикарь неукротимый,
И позабыл про Альбион родимый.
Суровый, равнодушный ко всему,
Что привлекало в городе всесветном,
В приемной у красавицы своей
Он сторожем бессменным, безответным
Встречал толпы приветливых гостей.
К нему привыкли, звали Геркулесом —
Он молча улыбался каждый раз
И не сводил с квиритки юной глаз.
И вот, в укор искателям-повесам,
Он предпочтен и полюбился ей
Отвагою и дикостью своей.

Однажды кесарь новую поэму
Читал у Максимиллы; тесный круг
Ее друзей и молодых подруг
Внимал стихам, написанным на тему:
«Canàce parturìens»[1]. Он читал
И с каждою строкой одушевлялся;
Под льстивый шепот сдержанных похвал

[1] Рожающая Канака (лат.). — *Ред.*

Гекзаметр, как волна, переливался...
Вдруг, на одной из самых сильных фраз,
Раздался храп заснувшего Генгита!
Приличье, страх — всё было позабыто,
И громкий хохот общество потряс:
Заслушавшись стихов поэмы чудной,
Британец спал спокойно, непробудно.

В душе Нерона вспыхнула гроза:
Он побледнел; виски налились кровью;
Под бешено нахмуренною бровью
Метнули искры впалые глаза,
И замер на устах оледенелых
До половины выливший стих,
И вздрогнул круг гостей оцепенелых;
Но быстрый гнев еще быстрей затих.
«Живи вовеки! — молвит Максимилла. —
Напрасно, кесарь, рассыпаешь ты
Пред варваром поэзии цветы:
В нем духа мощь убила плоти сила...»
Нерон смеялся, варвара обнял
И тут же всех присутствовавших звал
К себе на пир...

Давно пируют гости;
Давно в кратéрах жертвенных вино
Пред статуи богов принесено
И рóзлито рабами на помосте;
Давно и навык и талант прямой
В науке пиршеств поваром показан;
Давно и пес цепочкой золотой
К тяжелому светильнику привязан...
Нерон дал знак — и с озаренных хор
Певцов лидийских цитры зазвучали,
И стройный гимн пронесся в пирном зале.
Блеснул победно Максимиллы взор,
И, от бессильной зависти бледнея,
Потупила глаза свои Поппея.

Клир воспевал царицу торжества,
Любимицу младую Аполлона,
Сошедшую на землю с Геликона.

Пропетый гимн придворная молва
Приписывала кесарю негласно,
И, как ни скромен автор гимна был,
Но дружный хор приветствий шумных ясно
Венчанного поэта обличил.
Нерон едва приметно улыбался
И лиру приказал себе принесть:
Сам Аполлон, прекрасной музе в честь,
Хвалебный гимн пропеть намеревался.
Всё смолкло, словно гений тишины
Слетел с чертог на первый звук струны.

Нерон запел... Отчетливый, могучий
И гибкий голос кесаря звучал,
Гремел грозой, дрожал и замирал
В мелодии менявшихся созвучий.
В них слышались кипучая борьба
И мощный отзыв непреклонной власти,
И робкая, покорная мольба,
И плач, и смех, и тихий ропот страсти...
Певец умолк, а все еще вокруг
Ему внимали в сладком умиленье...
Но миг один — и всё пришло в волненье,
И весь чертог заколебался вдруг
Под непрерывный гром рукоплесканий,
Восторженных похвал и восклицаний.

В разгаре пир. Меняются чредой
Неслыханно-затейливые блюда;
Финифтью расцвеченная посуда
Везде блистает грудой золотой;
Прельщая вкус и удивляя взоры,
Обходят избалованных гостей
Заветные потéры и амфоры,
Бесценные и редкостью своей,
И нектаром, заботливо храненным:
Спокойное фалернское вино
Библосским искрометным сменено,
Библосское — хиосским благовонным,
Хиосское — фазосским золотым,
Фазосское — коринфским вековым.

Шумнее пир, смелее разговоры,
Некромней смех, живей огонь очей...
Одни в толпе ликующих гостей,
Потупили задумчивые взоры
Поппея и Софоний-Тигеллин;
На их челе сомнение, забота
И тайный страх... Но Рима властелин
Софонию шепнул украдкой что-то,
А на Поппею бросил беглый взгляд —
И лица их мгновенно просветлели...
Меж тем тимпаны, трубы и свирели,
И струны лир торжественно гремят,
И резвый рой менад гостей забавит,
И хор певцов царицу пира славит —

Красавицу, богиню из богинь...
Уж за́ полночь... Гостей не потревожа,
Поппея тихо поднялася с ложа
И, скрытая толпой немых рабынь,
Скользнула незаметно из столовой.
Но видел всё внимательный Нерон:
Он также встал, нахмуренный, суровый,
И также вышел из чертога вон,
Безмолвно опершись на Тигеллина,
И двери затворилися за ним...
Переглянулись с ужасом немым
Все гости по уходе властелина...
Вдруг затрещал над ними потолок,
И Флора уронила к ним цветок.

Упала пышнолиственная роза...
За ней другая, третья... словно вязь
В перстах лилейных Флоры расплелась,
И, волею богов, метаморфоза
Свершалась очевидно: с высоты
Лилися вниз дождем благоуханным
Мгновенно оживавшие цветы.
Поражены явлением нежданным,
Вскочили гости, слов не находя,
Чтоб выразить всю силу изумленья,
Но — минул краткий миг оцепененья,

И мерный шум цветочного дождя
Покрыли оглушительные крики:
«Живи вовеки, кесарь наш великий!

Да здравствует божественный Нерон!
Благословенны дни его драгие! . .»
Ликуют снова гости молодые,
И снова смех и чаш веселый звон
Триклиниум умолкший огласили.
Недавний страх и ужас далеки!
Из ярких роз и белоснежных лилий
Свиваются пахучие венки;
Плетутся вязи длинные фиалок,
Нарциссов, гиацинтов, васильков. . .
«Менад сюда! Канатных плясунов!
Вина! вина! Кто пить устал, тот жалок!
Придумывай скорей, архимагир,
Чем заключить достойнее наш пир!»

Все девять муз украшены венками;
На всех гостях гирлянды из цветов;
Все ложа, пол, весь длинный ряд столов
Усеяны, усыпаны цветами. . .
Пора рабам дать отдых и покой:
Генгит вскочил и ложе с места сдвинул
И пса толкнул могучею пятой:
Рванулся пёс, светильник опрокинул
И цепь порвал. . . И вот рабы ушли,
Ушли рабыни, плясуны, менады. . .
Кой-где погасли пирные лампады. . .
Веселый смех и крики перешли
В невнятные слитые разговоры;
Замолкнул клир и потемнели хоры. . .

И падают, и падают цветы,
И сыплются дождем неудержимым. . .
В лугах и злачных пажитях под Римом
Три дня их сбором были заняты
Селянки загорелые и дети. . .
И падают, и падают цветы,
И зыблются, как радужные сети,
Спущённые на землю с высоты.

Их сотня рук с потухших хор кидает
Корзинами, копнами; аромат
Вливает в воздух смертоносный яд;
Клокочет кровь, и сердце замирает
От жара и несносной духоты...
И падают, и падают цветы...

Напрасен крик пирующих: «Пощады!
Мы умираем!» Падают цветы —
Пощады нет: все двери заперты́;
Потухли всюду пирные лампады...
В ответ на вопль предсмертный и на стон
В железных клетках завывали звери,
И за дверями хохотал Нерон.
Еще мгновенье...
Растворились двери —
Великодушный кесарь забывал
Обиду, нанесенную поэту...
Впоследствии, припомнив шутку эту,
Позвал на пир гостей Гельогабал;
Но тем гостям плачевней жребий выпал:
Помешанный цветами их засыпал...

1854 или 1855

70. ФРИ́НЭ

«Ты, чужеземец, ревнуешь меня к Праксите́лю напрасно:
Верь мне, мой милый, что в нем я художника только любила, —
Он потому мне казался хорош, что искусство прекрасно,
Он для другой изменил мне — и я про него позабыла...
Впрочем, кого не смутили бы льстивые речи: «Гнатена,
Нет, не Киприду, — *тебя* породила жемчужная пена!
Будь образцом для статуи богини, бессмертия ради:
Имя твое и твоя красота не погибнут в Элладе!»

Я согласилася... Мрамора глыба — такая, что только бы нимфе
Или богине статую иссечь — красовалась в ваяльне;
Чуда резца животворного ждали всечасно в Коринфе,
А Праксите́ль становился скучнее, угрюмей, печальней.

«Нет, не могу! — говорил он, бросая резец в утомленьи. —
Я не художник, а просто влюбленный: мое вдохновенье —
Юноши бред, не она, Прометеева жгучая сила...
О, для чего в тебе женщина образ богини затмила?»

Прошлой зимою... — Налей мне вина из потера:
Вечер свежеет — по телу и холод и жар пробегает...—
Прошлой зимою в Коринфе у нас появилась гетера,
Именем Фри́нэ... Теперь ее всякий коринфянин знает;
Но, захотелось ли ей возбудить любопытство в народе
Или от бешеных оргий Афин отдохнуть на свободе,
Только она укрывалась от смертных, подобно богине...
Вскоре, однако ж, Коринф коротко познакомился
с Фри́нэ!

Вот подошли Элевзинские празднества.., Пестрой толпою
Жители Аттики шумно стекалися на́ берег моря:
Шли сановитые старцы, венчанные Крона рукою;
Отроки шли, с Ганимедом красою весеннею споря;
Юные жены и девы, потупив стыдливые взоры,
Ловко несли на упругих плечах храмовые амфоры;
Мужи и смелые юноши, вслед за седыми жрецами,
Жертвенных агнцев вели и тельцов, оплетенных цветами.

Все обступали толпой оконечность пологого мыса:
Против него, по преданию, вышла из моря Киприда.
Жрицы пафосской богини готовились, в честь Адониса,
Гимны обрядные петь: застонала в руках их пектида,
Звуки свирели слилися с ее обольстительным стоном...
Вдруг от толпы отделилася женщина... Длинным
хитоном
Был ее стан величавый ревниво сокрыт; покрывало
Белой, широкой волной с головы и до пят ниспадало.

Плавно, как будто бы чуткой ногою едва пригибая
Стебли росистых цветов, по прибрежию — далей
и далей —
К самой окраине мыса она подошла; не внимая
Шепоту ближней толпы, развязала ремни у сандалий;
Пышных волос золотое руно до земли распустила;
Перевязь персей и пояс лилейной рукой разрешила;

Сбросила ризы с себя и, лицом повернувшись к народу,
Медленно, словно заря, погрузилась в лазурную воду.

Ахнули тысячи зрителей; смолкли свирель и пектида;
В страхе упав на колени, все жрицы воскликнули громко:
«Чудо свершается, граждане! Вот она, матерь Киприда!»
Так ослепила своей олимпийской красой незнакомка...
Всё обаяние девственных прелестей, всё, чем от века
Жен украшала природа иль смелая мысль человека,
Всё эта женщина образом дивным своим затмевала...
Я поняла Праксите́ля и горько тогда зарыдала!

Но не Киприда стояла в волнах, а мега́рянка Фри́нэ.
Меж изумленных гражда́н живописцы... ваятели были:
Всех их прельстила гетера... прельщает их всех
и поныне;
Все в свою очередь эту гетеру безумно любили...
Многих она обманула, а прочих обманет жестоко:
Темную душу не всякий увидит сквозь светлое око...
С этого самого утра Гнатена с ваятелем — розно...
Может быть, он и раскаялся, только раскаялся поздно...

Что же сказать мне еще? Изваянье богини Киферы
Кончил давно Праксите́ль, и давно повторяет Эллада
Имя ваятеля с именем мне ненавистной гетеры;
Но — да хранят меня боги! — теперь я спокойна,
я рада...
Рада свободе...
Взгляни: потемнели высокие горы...
Тихо, в венцах многозвездных, проносятся вечные оры...
Ночь и природе и людям заветное слово шепнула:
«Спите!»
...О, если бы ревность... твоя, чужеземец,
заснула!

⟨1855⟩

71. МУЗА

Гр. Ф. П. Толстому

Видел однажды я музу: она, над художником юным
Нежно склонившись, венчала счастливца и миртом
и лавром,
В жарком лобзаньи устами к устам молодым припадала,

Перси лилейные крепко к высокой груди прижимала...
Видел я ласки пермесской богини другому,
Видел — и прочь от счастливой четы отошел я ревниво.

Видел в другой раз я музу: в объятья маститого старца
Пала она в целомудренно-страстном порыве,
В вещие очи любимца смотрелась она ненаглядно,
Кудри седые безмолвно кропила слезами,
Руки, из праха создавшие дива искусства, лобзала...
Видел я ласки пермесской богини другому —
Видел — и пал перед ней на колена в восторге.

10 февраля 1856

72. ГАЛАТЕЯ

1

Белою глыбою мрамора, высей прибрежных отброском,
Страстно пленился ваятель на рынке паросском;
Стал перед ней — вдохновенный, дрожа и горя...
Феб утомленный закинул свой щит златокованый
за море,
И разливалась на мраморе
Вешним румянцем заря...

Видел ваятель, как чистые кру́пинки камня смягчались,
В нежное тело и в алую кровь превращались,
Как округлялися формы — волна за волной,
Как, словно воск, растопилася мрамора масса послушная
И облеклася, бездушная,
В образ жены молодой.

«Душу ей, душу живую! — воскликнул ваятель
в восторге. —
Душу вложи ей, Зевес!»
Изумились на торге
Граждане — старцы, и мужи, и жены, и все,
Кто только был на аго́ре... Но, полон святым
вдохновением,
Он обращался с молением
К чудной, незримой Красе:

«Вижу тебя, богоданная, вижу и чую душою;
Жизнь и природа красны мне одною тобою...
Облик бессмертья провижу я в смертных чертах...»
И перед нею, своей вдохновенною свыше идеею,
Перед своей Галатеею,
Пигмалион пал во прах...

2

Двести дней славили в храмах Кивеллу, небесную жницу,
Двести дней Гéлиос с неба спускал колесницу;
Много свершилось в Элладе событий и дел;
Много красавиц в Афинах мелькало и гасло — зарницею,
Но перед ней, чаровницею,
Даже луч солнца бледнел...

Белая, яркая, свет и сиянье кругом разливая,
Стала в ваяльне художника дева нагая,
Мраморный, девственный образ чистейшей красы...
Пенились юные перси волною упругой и зыбкою;
Губы смыкались улыбкою;
Кудрились пряди косы.

«Боги! — молил в исступлении страстном ваятель. — Ужели
Жизнь не проснется в таком обаятельном теле?
Боги! Пошлите неслыханной страсти конец...
Нет!.. Ты падешь, Галатея, с подножия в эти объятия,
Или творенью проклятия
Грянет безумный творец!»

Взял ее за руку он... И чудесное что-то свершилось...
Сердце под мраморной грудью тревожно забилось;
Хлынула кровь по очерченным жилам ключом;
Дрогнули гибкие члены, недавно еще каменелые;
Очи, безжизненно белые,
Вспыхнули синим огнем.

Вся обливаяся розовым блеском весенней денницы,
Долу стыдливо склоняя густые ресницы,
Дева с подножия легкою грезой сошла;

Алые губы раскрылися, грудь всколыхнулась волнистая,
И, что струя серебристая,
Тихая речь потекла:

«Вестницей воли богов предстою я теперь пред тобою.
Жизнь на земле — сотворенному смертной рукою;
Творческой силе — бессмертье у нас в небесах!»
...И перед нею, своей воплощенною свыше идеею,
Перед своей Галатеею,
Пигмалион пал во прах.

24 января 1858

73. ФРЕСКИ

ДАФНЭ

Как от косматого сатира иль кентавра,
От Светозарного бежала ты тогда,
Испугана, бледна, но девственно-горда,
Пока не облеклась в укорный образ лавра,
Как в ризу чистую чистейшего стыда,
И, целомудренным покровом зеленея,
Не стала на брегах родимого Пенея
Пред юным пастырем Адметовым... Но он
И пастырем был — бог...
Когда, одревенён,
Твой гибкий стан в коре опутался смолистой,
Когда окорнилась летучая нога,
Когда ты поднялась, стройна, полунага,
Под зеленью твоей туники остролистой,
Перед тобою Феб колена преклонил
И все твои красы бессмертьем одарил,
И вечно, нимфа, ты цветешь — не увядаешь,
И смертного одна к бессмертью призываешь,
И лиру для одной тебя берет певец,
И всё, и всё твое — и слава, и венец.

18 сентября 1858

74. ПЛЯСУНЬЯ

Окриленная пляской без ро́здыху,
Закаленная в серном огне,
Ты, помпеянка, мчишься по воздуху,
Не по этой спаленной стене.

Опрозрачила ткань паутинная
Твой призывно откинутый стан;
Ветром пашет коса твоя длинная,
И в руке замирает тимпан.

Пред твоею красой величавою
Без речей и без звуков уста,
И такой же горячею лавою,
Как и ты, вся душа облита.

Но не сила Везувия знойная
Призвала тебя к жизни — легка
И чиста, ты несешься, спокойная,
Как отчизны твоей облака.

Ты жила и погибла тедескою [1]
И тедескою стала навек,
Чтоб в тебе, под воскреснувшей фрескою,
Вечность духа прозрел человек.

13 октября 1859

75. ВИДЕНИЕ

Семь веков с половиной и три года минуло грозному Риму;
Месяц Януса вешнею ночью встречает восьмые календы;
Кесарь Август уж третие лето — избра́нный владыка народа...
Полуно́чь, а сады Мецената, как в полдень, горят изумрудом
От лампад и от светочей: верно, сам кесарь в гостях у любимца?..

---

[1] Тедеска — по-римски и итальянски — германка.

Он и есть — кесарь Август, и любимица Юлия с ним, и все думцы,
Все придворные с ним: от отцов от сенаторов — даже до мима,
Не считая певцов и художников. Вот и сенатор Агриппа,
И Пилад-пантомим, и Гораций с Овидием, вот и Амулий,
Живописец, погребший всю жизнь в тайниках «золотого чертога»;
Вот Витрувий маститый, тот зодчий, что «вечному городу» высек
Саркофаг из порфира и мрамора... Вот безыменный ваятель,
Родом — эллин, виновник всего торжества... Но хотя безыменный,
Память вечную пéредал он о себе всем векам и народам
Изваяньем Зевеса-Электора... Чудную статую эту
Заказал Меценат и, в подарок Октавию-Августу, морем
Переслал и ее и ваятеля с нею он в Рим из Коринфа...

На престоле из кости слоновой воссел Олимпиец в величьи.
И копье золотое в деснице он держит, а в шуйце — перуны;
Чистый мрамор чела облекают венцом осененные кудри;
У подножия бога орел опускает широкие крылья.
Окрест ложа двойного, где Август и Юлия с ним возлегают,
Льются музыки тихие волны сквозь зелень кустов и деревьев;
Олеандры и розы алеют по купам лилей и жасминов,
И о камни гранятся в жемчу́г и в алмазы струи водометов.
Увенчала Октавию Юлия волосы плю́щем шафранным,
Улыбаяся, жжет ему очи кипучею лавою взоров —
И невольно склонился к ней кесарь венча́нной главою на перси;
Эти чуткие перси, как в бурю две первые пенные волны...
И ревниво глядит на красавицу сквозь олеандры Овидий...

Впрочем, вряд ли бы кесарь и тысячи взоров сторожких приметил:
Смотрит он не очами — душой просветленной и зрением сердца
Он на статую смотрит и смотрит на южное звездное небо —
В забытьи...
Сходят на́ землю, ближе и ближе, пресветлые боги:
И Меркурий, и Марс, и Венера, и сам громовержец Юпитер.
Вот он, вот!.. За себя посылает и утром и вечером — Феба,
А с вечерней зари до денницы — Диану, а сам он, Юпитер,
Пополам разломил свой божественный луч и Диане и Фебу...
Отчего же так быстро стремится Юпитер к зениту?
Отчего он и больше, и ярче, и сноп из лучей своих вяжет,
Словно на́ небе след за собой заметает метлой серебристой?
Поднялся он над самою статуей... Полно, Юпитер ли это?..
Нет, не он, а иная звезда загорелась на небе восточном,
Загорелась — и дикую, чуждую местность собой осветила.

Сельский выгон в песчаной пустыне; всё стадо припало на землю,
И в испуге глядят пастухи на полночное небо; а небо
Темно-синий свой полог разверзло потоками яркого света —
И лучами, как лирными струнами, вторит торжественной песне;
Воспевают крылатые, чистые, светлые образы: «Слава
В вышних богу!»

А в ближнем селеньи, в хлеву, вынимает из яслей
Мать младенца... Возносит горе́ его... Вдруг!..
Покачнулась
И содро́гнулась статуя Зевса; восстала, колеблясь, с престола,

Уронила копье и перуны и грянулась навзничь
о землю —
Только брызнули всюду осколки, — и в ужасе вскрикнул
сам кесарь
И — очнулся...

Виденье исчезло: всё те же сады Мецената;
Та же музыка, те ж водометы, лампады, цветы и деревья;
Та же Юлия с той же улыбкой и пламенным взором,
И сидит нерушим на престоле Зевес-громовержец...
О боги!
Милосерды вы к набожным кесарям — даже и в грезах
полночных.

(1860)

76—81. *КАМЕИ*[1]

1

ЮЛИЙ КЕСАРЬ И СЕРВИЛИЯ

Когда перед него, диктатора избранного,
Всемирного вождя, всемирно увенчанного,
С твоею матерью предстала рядом ты,
В разоблачении девичьей красоты, —
Весь женский стыд в тебе сгорел перед идеею,
Что ты останешься бесценною камеею,
Что Юлий Кесарь сам тобою победим
И что краса твоя бессмертна, как и Рим.

---

[1] Вероятно, читателям вполне знакомо слово «камея», но, вероятно, не все читатели видели лучшее собрание римских камей, — или прямо в Неаполитанском музеуме, или на рисунках? .. Вот именно на рисунках-то (в разных, впрочем, довольно редких и дорогих изданиях) все эти камеи перенумерованы. По порядку этих изданий перенумеровал и я первые шесть камей. Изображенные на них лица и самое действие ясны (хотя бы по заглавиям) всем, несколько знакомым с историей Рима.

2

КЕСАРЬ ОКТАВИЙ-АВГУСТ И ЮЛИЯ

Ты на Юлию смотришь художником —
Не отцом: ты прямой сибарит,
А не римлянин ты...
Над треножником
Аравийская мирра горит;
Мягко ложе твое постилается;
Смело смотрит в глаза тебе дочь;
Вся туника на ней колыхается;
В очи глянула римская ночь...
Что Требония, Ливия, Лидия?
Ты им скажешь, наверно, «прощай»,
И, наверно, Назона Овидия
Ты сошлешь на холодный Дунай...

3

КЕСАРЬ ТИВЕРИЙ

Лазурное небо, лазурный кристалл,
Капрею лазурную Дий даровал
Тебе, беспощадный тиран и калека!
Наследуй же остров любимый богов...
Под вопли, и стоны, и скрежет зубов,
И пытки растленного века
Казнишь ты и мучишь во имя любви...
Ликуй же, Тиверий, и дерзко зови
На муку и смерть человека!

4

КЕСАРЬ КАЛИГУЛА [1]

Калигула и с ним все три его сестры...
В хитоны легкие одетые нескромно,
Как будто в полусне, тревожно и истомно,

[1] Честолюбивые замыслы сестер Калигулы, а особенно Агриппины Младшей, побуждали их друг перед другом заискивать расположения кесаря. Известно, что успела достичь своей цели одна Агриппина, сделавшись супругою преемника Калигулы, Клавдия.

Склонилися они на тирские ковры,
И каждая из них, завистливо ревнуя,
Ждет жадно первая от брата поцелуя.

5

КЕСАРЬ КЛАВДИЙ И АГРИППИНА

Голоден кесарь... «Да что ж вы, рабы!
Скоро ли будут готовы грибы?»
Скоро: сама Агриппина готовит...
Повар, что Гебу, ее славословит,
Прямо в собранье бессмертных богов
Явится Клавдий, покушав грибов...

6

ПОППЕЯ И КЕСАРЬ НЕРОН

На тайной оргии парфянского сатрапа
Пред изваянием безухого Приапа
Ты положила семь кипридиных венков:
Их Нéрон сосчитал и, властию богов,
Удвоил их в ту ночь, а верная камея
Твой образ сберегла на диво нам, Поппея.

⟨1861⟩

82. ОБМАН

За цепь жемчужную, достойную плеча
И шеи царственной, в восторге Фаустина
        Серебрянику Каю сгоряча
        Дала мильон сестерций! .. Два рубина,
Как будто в тот же миг окрашены в крови,
Смыкали эту цепь наперсную любви...
Но старый казначей был знатоком отменным
        И жемчугу и камням драгоценным.
        «Императрица, если ты велишь,
Я отпущу мильон сестерций негодяю,
        Но негодяй он — истинно я знаю:
Всё ожерелие — подложное... Гони ж
Его скорее прочь, а кесарю ни слова», —

Промолвил казначей.
Да кесаря другого,
Дослышливей, чем кесарь Галлиен,
И не было тогда, и нет теперь такого:
Всё — уши у него, от потолка до стен.
И услыхал... Сенатским приговором
Объявлен Кай мошенником и вором
И к цирку присужден, на растерзанье львам,
И кесарь приговор скрепил законно сам...

Обрадовался Рим!.. Давно уже гражда́не
Квиритской кровию не тешили свой взор,
И не забавен был им смертный приговор;
Всё варвары одни, да христиане,
Кто с гордою улыбкой, кто с мольбой,
Встречали в цирке смерть и с ней вступали в бой...

Но вот согражданин, с всемирными правами,
Погибнуть обречен под львиными когтями!..

Какой нежданный случай! В Колизей
С утра все выходы и входы осаждала
Несметная толпа, и не ждало́ся ей,
И вся она волной прибойной грохотала...

Но двери отперлись, и шумная толпа,
Сама собой оглушена, слепа,
Снизалась в нить голов на мраморных ступенях
Амфитеатра...

Вот на сглаженном песке,
В предчувствии последних мук, в тоске,
Стоит преступник сам на трепетных коленях.
Последней бледностью оделося чело,
Последняя слеза повисла на реснице,
И Феб над ним летит, как будто бы назло,
В своей сверкающей всей жизнью колеснице.

Ждут кесаря... И в ложу он вошел,
И Фаустина с ним, в глазах ее томленье
И тайная мольба; но римский произвол,

Казня, не миловал... Еще одно мгновенье —
И дрогнул цирк, и, заскрипев, снялась
С заржавленных петлей железная решетка,
И на арену вылетел — каплун...
О!.. Если б Зевс сломил свой пламенный перун
Иль потонула бы хароновская лодка,
Навряд ли были б так сотрясены сердца
Всех зрителей с конца и до конца,
И не были бы так изумлены и жалки
Отцы-сенаторы, фламины и весталки
С опущенным перстом...[1]

«Всё в жизни — прах и тлен,
Отцы-сенаторы! — промолвил Галлиен,
Зевнув и выходя с супругою из ложи. —
Он обманул, — ну вот и сам обманут тоже».

1 июля 1861

БЫЛИНЫ. СКАЗАНИЯ. ПЕСНИ

83. ВЕЧЕВОЙ КОЛОКОЛ

Над рекою, над пенистым Волховом,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудит-поет колокол.
Для чего созывает он Новгород?
Не меняют ли снова посадника?
Не волнуется ль Чудь непокорная?
Не вломились ли шведы иль рыцари?
Да не время ли кликнуть охотников
Взять неволей иль волей с Югории
Серебро и меха драгоценные?
Не пришли ли товары ганзейские,
Али снова послы сановитые
От великого князя Московского
За обильною данью приехали?

---

[1] Фламины — верховные жрецы — и весталки осуждали в цирке на казнь, опуская лишь большой палец.

Нет! Уныло гудит-поет колокол. . .
Поет тризну свободе печальную,
Поет песню с отчизной прощальную. . .

«Ты прости, родимый Новгород!
Не сзывать тебя на вече мне,
Не гудеть уж мне по-прежнему:
Кто на бога? Кто на Новгород?
Вы простите, храмы божии,
Терема мои дубовые!
Я пою для вас в последний раз,
Издаю для вас прощальный звон.
Налети ты, буря грозная,
Вырви ты язык чугунный мой,
Ты разбей края мне медные,
Чтоб не петь в Москве, далекой мне,
Про мое ли горе горькое,
Про мою ли участь слёзную,
Чтоб не тешить песнью грустною
Мне царя Ивана в тереме.

Ты прости, мой брат назва́ный, буйный Волхов мой, прости!
Без меня ты празднуй радость, без меня ты и грусти.
Пролетело это время... не вернуть его уж нам,
Как и радость да и горе мы делили пополам!
Как не раз печальный звон мой ты волнами заглушал,
Как не раз и ты под гул мой, буйный Волхов мой, плясал.
Помню я, как под ладьями Ярослава ты шумел,
Как напутную молитву я волнам твоим гудел.
Помню я, как Боголюбский побежал от наших стен,
Как гремели мы с тобою: «Смерть вам, суздальцы, иль плен!»
Помню я: ты на Ижору Александра провожал;
Я моим хвалебным звоном победителя встречал.
Я гремел, бывало, звучный, — собирались молодцы,
И дрожали за товары иноземные купцы,
Немцы рижские бледнели, и, заслышавши меня,
Погонял литовец дикий быстроногого коня.
А я город, а я вольный звучным голосом зову
То на немцев, то на шведов, то на Чудь, то на Литву!
Да прошла пора святая: наступило время бед!

Если б мог — я б растопился в реки медных слез,
да нет!
Я не ты, мой буйный Волхов! Я не пла́чу, — я пою!
Променяет ли кто слезы и на песню — на мою?
Слушай... нынче, старый друг мой, по тебе я поплыву,
Царь Иван меня отвозит во враждебную Москву.
Собери скорей все волны, все валуны, все струи —
Разнеси в осколки, в щепки ты московские ладьи,
А меня на дне песчаном синих вод твоих сокрой
И звони в меня почаще серебристою волной:
Может быть, из вод глубоких вдруг услыша голос мой,
И за вольность и за вече встанет город наш родной».

Над рекою, над пенистым Волховом,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудит-поет колокол;
Волхов плещет, и бьется, и пенится
О ладьи москвитян острогрудые,
А на чистой лазури, в подне́бесье,
Главы храмов святых, белокаменных
Золотистыми слезками светятся.

1840

84. ХОЗЯИН

В низенькой светелке, с створчатым окном
Светится лампадка в сумраке ночном:
Слабый огонечек то совсем замрет,
То дрожащим светом стены обольет.
Новая светелка чисто прибрана:
В темноте белеет занавес окна;
Пол отструган гладко; ровен потолок;
Печка развальна́я стала в уголок.
По стенам — укладки с дедовским добром,
Узкая скамейка, крытая ковром,
Крашеные пяльцы с стулом раздвижным
И кровать резная с пологом цветным.
На кровати крепко спит седой старик:
Видно, пересыпал хмелем пуховик!
Крепко спит — не слышит хмельный старина,
Что во сне лепечет по́д ухом жена.

Душно ей, неловко возле старика;
Свесилась с кровати полная рука;
Губы раскраснелись, словно корольки;
Кинули ресницы тень на пол-щеки;
Одеяло сбито, свернуто в комок;
С головы скатился шелковый платок;
На груди сорочка ходит ходенем,
И коса сползает по плечу ужом.
А за печкой кто-то нехотя ворчит:
Знать, другой хозяин по ночам не спит!

На мужа с женою смотрит домовой
И качает тихо дряхлой головой:
«Сладко им соснулось: полночь на дворе...
Жучка призатихла в теплой конуре;
Обошел обычным я дозором дом —
Весело хозяить в домике таком!
Погреба набиты, закрома полны,
И на сеновале сена с три копны;
От конюшни кучки снега отгребешь,
Корму дашь лошадкам, гривы заплетешь,
Сходишь в кладовые, отомкнешь замки —
Клади дорогие ломят сундуки.
Всё бы было ладно, всё мне по нутру...
Только вот хозяйка нам не ко двору:
Больно черноброва, больно молода, —
На сердце тревога, в голове — беда!
Кровь-то говорлива, грудь-то высока...
Мигом одурачит мужа-старика...
Знать, и домовому не сплести порой
Бороду седую с черною косой.
При людях смеется, а — глядишь — тайком
Плачет да вздыхает — знаю я по ком!
Погоди ж, я с нею шуточку сшучу
И от черной думы разом отучу:
Только обоймется с грезой горячо —
Я тотчас голубке лапу на плечо,
За косу поймаю, сдерну простыню —
Волей аль неволей грезу отгоню...
Этим не проймется — пропадай она,
Баба-переметка, мужняя жена!

Всей косматой грудью лягу ей на грудь
И не дам ни разу наливной вздохнуть,
Защемлю ей сердце в крепкие тиски:
Скажут, что зачахла с горя да с тоски».

14 февраля 1849

85. ПЕСНЯ

Как у всех-то людей светлый праздничек,
День великий — помин по родителям,
Только я, сиротинка безродная,
На погосте поминок не правила.
Я у мужа вечор отпросилася:
«Отпусти, осударь, — похристосуюсь
На могиле со свёкором-батюшкой».
Идучи́, я с дороженьки сбилася,
Во темно́м лесу заплуталася,
У оврага в лесу опозналася.
В том овраге могила бескрёстная:
Всю размыло ее ливнем-дождиком,
Размело-разнесло непогодушкой...
Подошла я к могиле — шатнулася,
Белой грудью о землю ударилась:
«Ты скажи мне, сырая могилушка!
Таково ли легко было мо́лодцу
Загубить свою душеньку грешную,
Каково-то легко было девице
Под невольный венец снаряжатися?»

⟨1855⟩

86. ПРЕДАНИЕ — ОТЧЕГО ПЕРЕВЕЛИСЬ ВИТЯЗИ НА СВЯТОЙ РУСИ

(Сибирская сказка)

Выезжали на Сафат-реку, на закате красного солнышка,
Семь уда́лых русских витязей,
Семь могучих братьев на́званых:
Выезжал Годенко Блудович, да Василий Казимирович, да Василий Буслаевич,

Выезжал Иван Гостиный сын,
Выезжал Алеша Попович млад,
Выезжал Добрыня-мóлодец,
Выезжал и матерой казак,
Матерой казак Илья Муромец.
Перед ними раскинулось поле чистое,
А на том на поле старый дуб стоит,
Старый дуб стоит, кряковястый.
У того ли дуба три дороги сходятся:
Уж как первая дорога ко Нову-городу,
А вторая-то дорога к стольному Киеву,
А что третия дорога ко синю морю далекому...
Та дорога прямоезжая, прямоезжая дорога, прямопутная:
Залегла та дорога ровно тридцать лет,
Ровно тридцать лет и три года.
Становились витязи на распутии,
Разбивали бел-полотнян шатер,
Отпускали коней погулять по чисту полю.
Ходят кони по шелковой траве-мураве,
Зеленýю траву пощипывают,
Золотою уздечкою побрякивают,
А в шатре полотняном витязи опочив держáт.

Было так — на восходе красного солнышка
Вставал Добрыня-молодец раньше всех,
Умывался студенóй водой,
Утирался тонким пóлотном,
Помолился чудну образу.
Видит Добрыня за Сафат-рекой бел-полотнян шатер:
В том ли шатре залег Татарчонок,
Злой Татарин-басурманчонок.
Не пропускает он ни конного, ни пешего,
Ни езжалого доброго молодца.
Седлал Добрыня своего борзого коня;
Клал на него он потнички,
А на потнички ковричка,
Клал седельце черкасское,
Брал копейце урзамецкое,
Брал чингалище булатное, —
И садился на добра коня.
Под Добрыней конь осержается:

От сырой земли отделяется,
Выходы мечет по мерно́й версте,
Выскоки мечет по сенно́й копне.
Подъезжает Добрыня ко белу шатру
И кричит зычным голосом:
«Выходи-ка, Татарчонок, злой Татарин-бусурманчонок:
Станем мы с тобой честный бой держать!»
Втá поры выходит Татарин из бела шатра
И садится на добра коня.
Не два ветра в поле слеталися,
Не две тучи в небе сходилися —
Слеталися-сходилися два удáлые витязя. . .
Ломалися копья их острые,
Разлетались мечи их булатные:
Сходили витязи с добрых коней
И хватались в рукопашный бой.
Правая ножка Добрыни ускользнула,
Правая ручка Добрыни удрогнула, —
И валился он на сыру землю.
Скакал ему Татарин на белы груди,
Порол ему белы́ груди,
Вынимал сердце с печенью.

Было так — на восходе красного солнышка
Встал Алеша Попович раньше всех,
Выходил он на Сафат-реку,
Умывался студено́й водой,
Утирался тонким по́лотном,
Помолился чудну образу.
Видит он коня Добрынина:
Стоит борзый конь оседланный и взнузданный,
Стоит борзый конь, только не́весел, —
Потупил очи во сыру землю:
Знать, тоскует он по хозяине,
Что по том ли Добрыне-молодце.
Садился Алеша на добрá коня, —
Осержался под ним добрый конь,
Отделялся от сырой земли.
Метал выходы по мерно́й версте,
Метал выскоки по сенно́й копне.

Что не бель во полях забелелася —
Забелелася ставка богатырская;
Что не синь во полях засинелася —
Засинелись мечи булатные;
Что не красъ во полях закраснелася —
Закраснелася кровь с печенью.
Подъезжает Алеша ко белу шатру —
У того ли шатра спит Добрыня-молодец,
Очи ясные закатилися,
Руки сильные опустилися,
На белы́х грудях запеклася кровь.
И кричит Алеша зычным голосом:
«Вылезай-ка ты, Татарин злой,
На честной бой, на побраночку!»
Отвечает ему Татарчонок:
«Ох ты гой еси, Алеша Попович млад!
Ваши роды неуклончивы,
Неуклончивы ваши роды, неустойчивы —
Что не стать тебе со мной бой держать».
Как во́зговорит на то Алеша Попович млад:
«Не хвались на пир идучи,
А хвались с пиру идучи».
Вта́поры выходит Татарин из бела́ шатра
И садится на добра коня.
Не два ветра в поле слеталися,
Не две тучи в небе сходилися —
Сходилися-слеталися два уда́лые витязя:
Ломалися копья их острые,
Разлетались мечи их булатные,
И сходили они с добрых коней,
И хватались в рукопашный бой.
Одолел Алеша Татарина:
Валил его на сыру землю,
Скакал ему на белы груди,
Хотел ему пороть белы груди,
Вынимать сердце с печенью.
Отколь тут ни взялся черный ворон,
И вещает он человеческим голосом:
«Ох ты гой еси, Алеша Попович млад!
Ты послушай меня, черного ворона:
Не пори ты Татарину белых грудей,

А слетаю я на сине море,
Принесу тебе мертвой и живой воды:
Вспрыснешь Добрыню мертвой водой —
Срастется его тело белое;
Вспрыснешь Добрыню живой водой —
Тут и очнется добрый мо́лодец. . .»
Втáпоры Алеша ворона послушался, —
И летал ворон на сине море,
Приносил мертвой и живой воды.
Вспрыскивал Алеша Добрыню мертвой водой —
Срасталося тело его белое,
Затягивалися раны кровавые;
Вспрыскивал его живой водой —
Пробуждался мо́лодец от смертного сна.
Отпускали они Татарина.

Было так — на восходе красного солнышка
Вставал Илья Муромец раньше всех,
Выходил он на Сафат-реку,
Умывался студено́й водой,
Утирался тонким по́лотном,
Помолился чудну образу.
Видит он: через Сафат-реку
Переправляется сила басурманская,
И той силы добру молодцу не объехати,
Серому волку не обрыскати,
Черному ворону не облетети.
И кричит Илья зычным голосом:
«Ой, уж где вы, могучие витязи,
Удалые братья названые?»
Как сбегалися на зов его витязи,
Как садилися на добрых коней,
Как бросалися на силу басурманскую:
Стали силу колоть-рубить.
Не столько витязи рубят, сколько добрые кони их топчут.
Бились три часа и три минуточки —
Изрубили силу поганую.
И стали витязи похвалятися:
«Не намахалися наши могутные плечи,
Не уходилися наши добрые кони,
Не притупились мечи наши булатные!»

И говорит Алеша Попович млад:
«Подавай нам силу нездешнюю —
Мы и с той силою, витязи, справимся!»
Как промолвил он слово неразумное,
Так и слетели двое воителей,
И вещали они громким голосом:
«А давайте с нами, витязи, бой держать;
Не глядите, что нас двое, а вас семеро».
Не узнали витязи воителей...
Разгорелся Алеша Попович на их слова,
Поднял он коня борзого,
Налетел на воителей
И разрубил их пополам со всего плеча:
Стало четверо — и живы все.
Налетел на них Добрыня-мо́лодец,
Разрубил их пополам со всего плеча:
Стало восьмеро — и живы все.
Налетел на них Илья Муромец,
Разрубил их пополам со всего плеча:
Стало вдвое более — и живы все.
Бросились на Силу все витязи,
Стали они Силу колоть-рубить...
А Сила всё растет да растет,
Всё на витязей с боем идет...
Не столько витязи рубят,
Сколько добрые кони их топчут...
А Сила всё растет да растет,
Всё на витязей с боем идет...
Бились витязи три дня, три часа, три минуточки;
Намахалися их плеча могутные;
Уходилися кони их добрые;
Притупились мечи их булатные...
А Сила всё растет да растет,
Всё на витязей с боем идет...
Испугались могучие витязи:
Побежали в каменные горы, в темные пещеры...
Как подбежит витязь к горе, так и окаменеет;
Как подбежит другой, так и окаменеет;
Как подбежит третий, так и окаменеет...

С тех-то пор и перевелись витязи на святой Руси!

Примечания

В 1840 году мне довелось встретить у его превосходительства Дмитрия Богдановича Броневского, бывшего директора Императорского Царскосельского лицея, — старого сибирского казака Ивана Андреева... прозвище его я позабыл. Пришел он из Сибири пешком — взглянуть на Питер и просить, чтобы *всех* его трех сыновей приняли на службу царскую. Он рассказал мне две сказки: первая, о «Маринке Калайдайшне», представляет незначительные изменения известного народного рассказа, вторая, без заглавия, передается здесь. От меня, через третьи руки, досталась она г. Шевыреву и занесена им в «Чтения о русской словесности», а потом разбита г. Вельтманом на стихи — и напечатана в «Москвитянине» 1849 года. В обоих случаях она подверглась некоторым поправкам, конечно вероятным и уместным. Печатаю ее, как записал, со всеми анахронизмами, со всеми *переводами* голоса старого рассказчика. Этот смелый вымысел — выражение богатырской самоуверенности русского народа — должен быть передан во всеуслышание. Сказка кой-где искажена временем и обстоятельствами; но сложена *очень давно.* Доказательства на лицо.

⟨1856⟩

87. ПЕСНЯ

Ек⟨атери⟩не Ив⟨ановне⟩ Э⟨сауло⟩вой

Ох вы, годы мои, годы торопливые,
Торопливые вы годы и спешливые,
Как ни с долей, ни с удачей вы не зналися,
Из огня да прямо в полымя кидалися!..
Да спасибо же вам, бéстолочь бедовая,
Что за вас и полюбила чернобровая —
Полюбила, приласкала, приголубила,
Чарку молодца бездольного пригубила.

17 августа 1856

88. РУСАЛКА

Софье Григорьевне Мей

Мечется и плачет, как дитя больное
В неспокойной люльке, озеро лесное.

Тучей потемнело, брызжет мелкой зернью —
Так и отливает серебром да чернью...

Ветер по дуброве серым волком рыщет;
Молния на землю жгучим ливнем прыщет;

И на голос бури, побросавши прялки,
Вынырнули со́ дна резвые русалки...

Любо некрещеным в бурю-непогоду
Кипятить и пенить жаркой грудью воду,

Любо им за вихрем перелетным гнаться,
Любо звонким смехом с громом окликаться!..

Волны им щекочут плечи наливные,
Чешут белым гребнем косы рассыпные;

Ласточки быстрее, легче пены зыбкой,
Руки их мелькают белобокой рыбкой;

Огоньком под пеплом щеки половеют;
Ярким изумрудом очи зеленеют.

Плещутся русалки, мчатся вперегонку,
Да одна отстала — отплыла в сторонку..

К берегу доплыла, на берег выходит,
Бледными руками ивняки разводит;

Притаилась в ли́стве на прибрежьи черном,
Словно белый лебедь в тростнике озерном...

Вот уж понемногу не́погодь стихает;
Ветер с листьев воду веником сметает;

Тучки разлетелись, словно птицы в гнезды;
Бисером перловым высыпали звезды;

Месяц двоерогий с неба голубого
Засветил отломком перстня золотого...

Чу! переливаясь меж густой осокой,
По воде несется благовест далекой —

Благовест далекой по воде несется
И волною звучной прямо в душу льется.

Видится храм божий, песнь слышна святая,
И сама собою крест творит десная...

И в душе русалки всенощные звуки
Пробудили много и тоски и муки,

Много шевельнули страсти пережитой,
Воскресили много были позабытой...

Вот в селе родимом крайняя избушка,
А в избушке с дочкой нянчится старушка:

Бережет и холит, по головке гладит,
Тешит лентой алой, в пестрый ситец рядит...

Да и вышла ж девка при таком уходе:
Нет ее красивей в целом хороводе...

Вот и бор соседний — там грибов да ягод
За одну неделю наберешься на год;

А начнут под осень грызть орехи белки —
Сыпь орех в лукошки — близко посиделки.

Тут-то погуляют парни удалые,
Тут-то насмеются девки молодые!..

Дочь в гостях за прялкой песни распевает,
А старуха дома ждет да поджидает;

Огоньку добыла — на дворе уж ночка —
Долго засиделась у соседей дочка...

Оттого и долго: парень приглянулся
И лихой бедою к девке подвернулся;

А с бедою рядом ходит грех незваный...
Полюбился парень девке бесталанной,

Так ей полюбился, словно душу вынул,
Да и насмеялся — разлюбил и кинул.

Позабыл голубку сизокрылый голубь —
И остались бедной смех мирской да прорубь...

Вспомнила русалка — белы руки гложет;
Рада б зарыдала — и того не может;

Сотворить молитву забытýю хочет —
Нет для ней молитвы — и она хохочет...

Только, пробираясь на село в побывку,
Мужичок проснулся и стегает сивку,

Лоб, и грудь, и плечи крестно знаменует
Да с сердцов на хохот окаянный плюет.

1850, 25 августа 1856

89. ВИХОРЬ

При дороге нива...
Доня-смуглоличка
День-деньской трудится —
Неустанно жнет:
Видно, не ленива,
А — что божья птичка —
На заре ложится,
На заре встает.

Против нашей Дони
Поискать красотки:
Разве что далёко,
А в соседстве нет...
Косы по ладони;
Грудь как у лебедки;
Очи с поволокой;
Щеки — маков цвет.

Солнце так и жарит,
Колет, как иглою;

Стелется на поле
Дым, не то туман;
С самой зорьки парит —
Знать, перед грозою;
Скинешь поневоле
Душный сарафан.

Разгорелась жница:
Жнет да жнет да вяжет,
Вяжет без подмоги
Полные снопы...
А вдали зарница
Красный полог кажет...
Ходят вдоль дороги
Пыльные столпы...

Ходят *вихри*, ходят,
Вертятся воронкой —
Все поодиночке:
Этот, тот и тот —
Очередь заводят...
А один, сторонкой,
К Дониной сорочке
Так себе и льнет.

Оглянулась девка —
И сама не рада:
Кто-то за спиною
Вырос из земли...
На губах издевка,
А глаза без взгляда,
Волосы копною,
Борода в пыли.

Серый-серый, зыбкой,
Он по ветру гнется,
Вьется в жгут и пляшет,
Пляшет и дрожит,
Словно бы с улыбкой,
Словно бы смеется,
Головою машет —
Доне говорит:

«Ветерок поднялся —
Славная погодка!
Светится зарница
Среди бела дня;
Я и разыгрался...
Белая лебедка,
Красная девица,
Полюби меня!»

Отскочила Доня —
Ей неймется веры,
За снопами кроясь,
Силится уйти,
А за ней погоня —
Настигает *серый*,
Кланяется в пояс,
Стал ей на пути:

«Что ж не молвишь слова,
Что не приголубишь?
Аль еще не знаешь —
Что за зелье страсть?
Полюби седого:
Если не полюбишь,
И его сконаешь,
И тебе пропасть...»

Сам по полю рыщет,
К Доне боком-боком —
Тесными кругами
Хочет закружить:
Будто в жмурках ищет,
Будто ненароком
Пыльными руками
Тянется схватить.

Вот схватил и стиснул...
Да она рванулась:
«Аль серпа хотелось?
На тебе, лови!»
Серп блеснул и свистнул...
Пыль слегка шатнулась

Да и разлетелась...
Только серп в крови...

С призраком пропали,
Словно вихорь шаткий,
И девичьи грезы...
Отчего ж потом
Мать с отцом видали,
Как она украдкой
Утирала слезы
Белым рукавом?

Отчего гурьбою
Сватов засылали,
А смотрён ни разу
Не пришлось запить?..
Думали семьею,
Думали-гадали
И решили: «с глазу!» —
Так тому и быть...

Зимка проскрипела,
И весной запахло;
Зеленя́ пробили
Черный слой земли...
Доня всё хирела,
Сохнула и чахла...
Знахари ходили,
Только *не дошли.*

Рожь поспела снова...
Светится зарница...
Ходят вдоль дороги
Пыльные толпы...
Только нет *седого*
И другая жница
Вяжет без подмоги
Полные снопы.

«Эх-ма! Жалко Домны! —
Всем селом решили. —

Этакой напасти
Где избыть серпом!
Старики-то скромны —
Видно, не учили:
„От беды да *страсти*
Оградись крестом“».

7 сентября 1856

90. ЗАПЕВКА

Ох, пора тебе на волю, песня русская,
Благовестная, победная, раздольная,
Погородная, посельная, попольная,
Непогодою-невзгодою повитая,
Во крови, в слезах крещеная-омытая!
Ох, пора тебе на волю, песня русская!
Не сама собой ты спелася-сложилася:
С пустырей тебя намыло снегом-дождиком,
Нанесло тебя с пожарищ дымом-копотью,
Намело тебя с сырых могил метелицей. . .

1856

91. ПЕСНЯ ПРО КНЯГИНЮ УЛЬЯНУ АНДРЕЕВНУ ВЯЗЕМСКУЮ

Посвящается князю
Петру Андреевичу Вяземскому

1

Что летит буйный ветер по берегу,
Что летит и Тверца по-под берегом,
Да летит она — брызжет слезами горючими.

Буйный быструю допрашивал:
«Ты по ком, по чем, лебедушка,
Встосковалась-закручинилась,
Что слезами разливаешься,
О пороги убиваешься?
Передай тоску мне нá руки,
Перекинь мне горе зá плечи:

Унесу тоску я зá море,
Горе по полю размыкаю».

Поплыла белой лебедью быстрая,
Повела она речь тихим пóшептом...
Богу весть, что промеж было сказано,
Только взвихрился буйный, разгневался,
Закрутился по чисту полю
И пóнесся на сине море...
Горе он размыкал по полю,
Да тоски не снес он зá море:
По пути тоска распелася.
В ночку темную, осеннюю
Ходит ветер вдоль по улице,
Ходит буйный, распеваючи,
Под воротами, под окнами.
Деды старые, бывалые
Переняли песню буйного —
Малым внукам ее пересказывают:
Коль по сердцу прийдет, так и слушают.

Было в городе во Новом во Торгу,
Об вечернях, в самый Духов день случилося...

Выходили новоторжане
Изо всех ворот на улицу:
Старики — посидеть на завалинке,
Под березками окропленными,
Пошуметь, погуторить, пображничать.
А старухи-то их уж и пóготово —
Разгулялися и забражничали,
На цветной хоровод заглядевшися:
У иной из них горе-невестушка
Белошеею лебедью плавает —
И уплыть не уплыть ей от сокола;
У другой девка-дочь подневестилась,
Молодою зарницею вспыхивает...
По посаду — народ, по людям — хоровод.
Что на парнях рубашки кумачные,
Сарафаны на девках строченые,
Да и солнышко-ярышко
Разгорелось для праздника:

Пышет красное с полнеба полымем
На леса, на дубровы дремучие,
На поля, на луга на поемные,
На Тверцу-реку, нá город,
На собор — золоченые маковки
И на всё, что ни есть, православное.
Ай люли-люли! — льется песенка,
Ай люли-люли! — хороводная:
Не одно плечо передернуло,
Не один-то взор притуманило.
Веселись, народ, коль весна цветет,
Коль в полях красно, в закромах полно,
Коль с заутрень день под росой белел,
Коль по вечеру вёдро приметливо,
Да и ночь не скупится казною господнею —
Рассыпает с плеча звезды ясные,
Словно жемчуг окатный с алмазами крупными,
Что по бархату, пó небу катятся.
Веселись, народ, коль господь дает
Князя крепкого, с веча да с волюшки,
Да простор на четыре сторонушки.
А что крепок на княженьи Юрий-князь,
Крепок он, государь Святославович,
Прогадал он Смоленскую отчину,
Не умом, не мечом — божьей волею,
Прогадал во грозу перехожую;
А в Торжке, под Москвой,
Он, что дуб под горой,
И грозу поднебесную выстоит:
От татар, от Литвы отбивается,
Всяким делом мирским управляется;
Держит стол стариною и пошлиной.

Ай люли-люли! — льется песенка,
Ай люли-люли! — хороводная.
Заплетися, плетень, расплетися,
Веселися, народ, оглянися —
По земле весна переходчива,
В небе солнышко переменчиво.
Вот тускнеет оно, будто к осени,
Вот венец-лучи с себя скинуло,
Вот убрус, шитый золотом, сбросило,

Стало месяцем малым сумéречным, —
И рога у него задымилися,
И легла по земле тень багровая,
И проглянули звезды, что в полночи. . .
Испугалися тут новоторжане —
Стали вече звонить во весь колокол. . .
А князь Юрий Смоленский дослышливый:
Как ударили в колокол, так он и нá площадь.

Шапку снял, поклонился очестливо
И повел с миром речь княженецкую:
«Господа новоторжане, здравствуйте!
Вот господь насылает нам знаменье,
Да его убояться не надобеть:
Убоимся греха непрощенного. . .
Волен бог и во гневе и в знаменьи,
А к добру или к худу — нам видети. . .
Я спроста да со глупого разума
Смею молвить: всё так и сбывается,
Как сам Спас наказал нам в Евангельи:
В дни последние явятся знаменья
В небеси — на звездах и на месяце;
Солнце ясное кровью обрызнется;
Встанет взбранно язык на язык;
Встанут царства на царства смятенные,
Брат на брата, отец пойдет нá сына,
И предаст друга друг пуще ворога,
И пройдет по земле скорбь великая,
А затем, чтобы люди покаялись
Со честным со крестом да с молитвою.
Осударь Новый Торг, сами знаете:
По молитве и день занимается,
И красно божий мир убирается,
И сам грех да беда, что на ком не живет,
Покаянной молитве прощается.
Так бы вовремя нам и покаяться:
Все мы петые, в церковь ношенные,
Все крещенные, все причащенные,
И казнил бы нас бог, православные,
Да не дал умереть непокаянно!»

Говорил князь, а вече помалчивало,
В перепуге всё кверху посматривало:
Глядь — ан солнце и вспыхнуло полымем
И опять разыгралося по небу.
Вздохнули тут все новоторжане,
Словно беремя с плеч наземь сбросили.
Загудел вдоль по городу колокол,
Растворилися двери соборные,
Повалил Новый Торг к дому божьему,
А вперед Юрий-князь — ясным соколом.
Отслужили молебен с акафистом,
Ко иконам святым приложилися
И пошли ко дворам, словно с исповеди.
А с конем князя Юрия конюхи
В поводу уж давно дожидаются,
И давно удила конь опенивает.
И ступил в стремя князь, и поехал трапезовать
К своему другу милому, верному,
Ко служилому князю, подручному,
Семеону Мстиславичу Вяземскому.

2

Как у князя Семеона двор — море,
У Мстиславича-света широкое:
Что волной, его травкой подернуло.
Ворота у него и скрипучие,
Да гостям-то уж больно отворчивы;
В огороде кусты и колючие,
Да на ягоду больно оборчивы.
Красен двор — краше терем узорочьем:
Где венец, там отёска дубовая,
Где покрышка — побивка свинцовая,
Где угрева, там печь изразцовая;
Сени новые понавесились,
Не шатаются, не решётятся...
Только краше двора, краше терема
Сам-от он, Семеон-князь Мстиславович:
Знать, рожёно дитя в пору-вовремя,
Под воскресный заутренний благовест;
Знать, клала его матушка
В колыбель багрецовую,

Раскачала родимая
От востока до запада.
Не обнес он и нищего братиной;
Сорокатого припер рогатиной;
У него жеребец куплен дорого —
Головою улусного батыря;
У него на цепи пес откормленный —
Взят щенком из-под суки притравленной.
Красен князь удалой, да не только собой —
И хозяйкой своей молодой:
Не жила, не была и красой не цвела
Ни царица одна, ни царевна,
Не светила Руси, что звезда с небеси,
Как княгиня Ульяна Андревна!
Самородна коса, не наемная,
Светло-русою сызмала кована,
Воронена тогда, как подкосье завилося,
Как сердечко в лебяжия груди толкнулося,
Как зажглися глаза синим яхонтом,
Молоком налились руки белые.
Хорошо в терему князя Вяземского:
Всё у места, прилажено, прибрано,
Как к великому светлому празднику;
Вымыт пол, ометен свежим веником;
Слюда в окнах играет на солнышке;
Что ни лавка, то шитый полавочник;
Поставец серебром так и ломится;
А в углу милосердие божие:
Кипарисный киот резан тра́вами;
Колыхаясь, лампада подвесная
Огоньком по окладам посвечивает;
А иконы — письма цареградского,
Все бурмицкими зернами низаны;
Самоцветные камни на венчиках.
Стол дубовый накрыт браной скатертью;
За столом оба князя беседуют;
На столе три стопы золоченые:
В первой брага похмельная, мартовская,
Во второй — липец-мед, на́век ставленный,
В третьей — фряжское, прямо из за́-моря;
По стопам уж и чарки подобраны.
А княгиня Ульяна Андреевна

Под окошком стоит и красуется,
Зеленым своим садом любуется:
Развернулись в нем лапы кленовые,
Зацвели в нем цветочки махровые,
Зацвели и ало и лазорево,
Закадили росным, вешним ладаном,
На утеху певуньям охотливым,
Мелким пташкам лесным, перелетливым.

Говорит Юрий-князь:
«Не управиться:
Больно валит Литва окаянная,
Всё к ночи, неторенной дорогою...
Как ни ставь ты настороже загодя
Уж на что тебе парня проворного —
Так и вырежет, так вот и вырежет,
Что косою снесет... как бы справиться?
Аль Москве отписать?.. Ох!.. Не хочется
Всяким делом Василию кланяться».
Говорит ему Вяземский:
«Что же, князь!
У меня бы и кони стоялые,
И дружинники в поле бывалые, —
Прикажи, осударь, мы уж выручим,
Будем бить, осударь, напропалую,
А Литву не отучим, так выучим.
Только где нам поволишь плечо размять?
Под Смоленском ли, аль под Опочкою?
Аль ходить, так ходить, и коней напоить —
Не Днепром, не Двиной, а Немигою?»
— «Ладно б, — молвил князь Юрий,
задумавшись, —
Ладно б! Что ж мы и вправду хоронимся?
От Литвы, что от беса, сторонимся?»
— «Так прикажешь седлать?»
— «С богом, князь Семеон!
Выпьем чарку на путь на дороженьку.
А себя береги: ты покладливый,
Да уж больно под бердыш угадливый».

Оба выпили... Тут-то княгиня Ульяна Андреевна
И подходит... кровинки в лице ее не было.

Молвит: «Князь Семеон, осударь
мой Мстиславович!
Хоть брани, хоть казни — правду выскажу:
Боронись от обидчика-недруга,
Боронися от гостя незваного,
Коль идет, не спросясь, не сославшися,
Встреть беду, коли бог нашлет,
Только сам, осударь, за бедой не ходи,
Головы под беду, под топор не клади.
А меня ты прости, мой желанный. . .
Вот стучит мне, стучит словно молот в виски,
Кровь к нутру прилила, и на сердце тиски. . .
Ты прости меня, дуру, для праздника,
Хоть убей, да не езди ты в поле наездное. . .»
Покачал головою князь Вяземский
И княгине шепнул что-то на ухо:
Посмотрела на образ, шатнулася,
Слезы градом, что жемчуг, посыпались,
И, потупившись, вышла из терема.

Лето красное, росы студёные;
Изумрудом все листья цвечёные;
По кустам, по ветвям потянулися
Паутинки серебряной проволокой;
Зажелтели вдоль тына садового
Ноготки, янтарем осмоленные;
Покраснела давно и смородина;
И крыжовник обжег себе усики;
И наливом сквозным светит яблоко:
А княгиня Ульяна Андреевна
И не смотрит на лето на красное:
Всё по князе своем убивается,
Всё, голубка, его дожидается.
Видит мамушка Мавра Терентьевна,
Что уж больно княгиня кручинится, —
Стала раз уговаривать. . . Сметлива
И, что сваха, уломлива старая;
Слово к слову она нижет бисером,
А взгляни ей в глаза — смотрит ведьмою.
Дверью скрип о светлицу княгинину,
Поклонилася в ноги, заплакала. . .

«Что с тобою Терентьевна?»
— «Матушка,
Свет-княгиня, нет мочушки:
На тебя всё гляжу — надрываюся...
И растила тебя я и нянчила,
Так уж правды не скажешь, а скажется:
Аль тебе, моя лебедь хвалынская,
Молодые годки-то прискучили?
Что́ изводишь свой век, словно каженница?
Из чего убиваешься попусту?
Ну, уехал-уехал — воротится!
Ты покаме-то, матушка, смилуйся,
Не слези своих глазок лазоревых,
Не гони ты зари с неба ясного,
Не смывай и румянца-то, плачучи.
Не себе порадей, людям добрыим,
Вон соседи уж что поговаривают:
«Бог суди-де Ульяну Андреевну,
Что собой нас она не порадует:
Не видать-де ее ни на улице,
Ни на праздники в храме господнием,
А куды мы по ней встосковалися».
Не гневись, мое красное солнышко,
А еще пошепчу тебе на ухо...
Онамедни князь Юрий засылывал:
«Не зайдет ли, мол, Мавра Терентьевна?»
Согрешила — зашла, удосужившись...
И глядит не глядит, закручинился,
Наклонил ко сырой земле голову
Да как охнет, мой сокол, всей душенькой:
«Ох, Терентьевна-матушка, выручи!
Наказал Новый Торг Спас наш милостивый,
А меня пуще всех, многогрешного,
Наказал не бедою наносною,
А живою бедою ходячею —
Во хрущатой камке мелкотравчатой,
В жемчугах, в соболях, в алом бархате.
Шла по городу красною зорькою,
Да пришла ко дворцу черной тучею,
А в ворота ударила бурею.
Не любя, не ласкавши, состарила,
Без ума, что младенца, поставила».

Вот ведь что говорил, а я слушаю,
Да сама про себя-то и думаю:
Про кого это он мне так нашептывает?
Ну, отслушала всё, поклонилася,
Да и прочь пошла. . .»
— «Полно ты, мамушка, —
Говорит ей Ульяна Андреевна. —
Мне про князя и слушать тошнехонько:
Невзлюбила его крепко-накрепко, —
Словно ворог мне стал, не глядела бы. . .»
Рассмеялася Мавра Терентьевна:
«Ну ты, сердце мое колыхливое,
Как расходишься ты, расколышешься —
Не унять ни крестом, ни молитвою,
Ни досужим смешком-прибауткою».

Ох ты, ночь моя, ноченька темная,
Молчалива ты, ночь, неповедлива,
Не на всякое слово ответлива,
А спросить — рассказала бы много, утайливая. . .

Пир горой на дворе князя Вяземского.
Как с обеден ворота отворены,
Так вот настежь и к ночи оставлены,
И народу набилося всякого. . .
Оттого и весь пир, что сам Юрий-князь
На почет и привет щедр и милостив.
Призвал стольника княжего Якова,
Говорит: «Слушай ты — не ослушайся!
Я бы с князь Семеоном Мстиславичем
Рад крестами меняться, коль вызволит;
А за службу его за гораздую
Не токма что его — дворню жалую. . .»
И пожаловал бочкою меда залежною,
Что насилу из погреба выкатили,
Приказал выдать тушу свинины увозную,
Приказал отрясти он и грушу садовую,
Чтоб и девкам княгини Ульяны Андреевны
Было чем вечерком позабавиться;
Да копеек московских серебряных
В шапку Якова высыпал пригоршню.

Не забыл даже пса приворотного:
Наказал накормить его досыта.
Пир горой на дворе князя Вяземского:
Конюх Борька подпил и шатается,
Словно руку ему балалайкой оттягивает;
Стольник Яков не пьян — что-то не́весел;
А уж Выдру-псаря больно забрало:
Изгибается он в три погибели
Под четыре лада балалаечные —
Спирей, фертом, татарином, селезнем,
А Маланья с Федорою, сенные девушки,
И подплясывают, и подманивают...
Да уж что тут! И Мавра Терентьевна
Не одну стопку лишнюю выпила,
Подгуляла, как отроду с ней не случалося:
Позабыла, что ночь в подворотню подглядывает,
Что пора бы взойти и в светлицу княгинину,
И лампадку поправить под образом,
И постель перестлать, и княгиню раздеть,
На железный пробой и крючок поглядеть
Да привесить к двери цепь луженую...

Позабыли и сенные девушки...

А княгиня Ульяна Андреевна
Перед образом молится-молится,
Всё земными поклонами частыми...
Отмолилась она, приподнялася,
Утерла рукавом слезы дробные,
Села к зеркалу...

Тихо по городу...
Ночь окошко давно занавесила;
Только с за́дворка хмельные песни доносятся,
Да Буян под окном кость грызет и полаивает;
Знать, спустили с цепи, да с двора не пошел...
Хоть княгиня сидит перед зеркалом,
А не смотрит в него: так задумалась...
Вот горит, оплывает свеча воску ярого,
Вот совсем догорает... Очнулася...
Встрепенулася иволгой чуткою,

Повернула головкой, что вспугнутая,
И каптур стала скидывать, вслушиваясь;
Да взглянула в стекло — и сама усмехнулася,
Таково хорошо усмехнулася,
Что вся сила потемная сгинула,
А за ней отлетела и думушка черная...
Засветила княгиня другую свечу,
Что была под рукою в венецком подсвечнике,
Отстегнула жемчужные запонки —
И забил белый кипень плеча из-под ворота...
Турий гребень взяла, расплела свои косы
рассыпчатые,
Стала их полюбовно расчесывать,
Волосок к волоску подбираючи...

Чу! Буян забрехал, да и смолк, — на своих...
Верно, мамка и сенные девушки...
Только нет — не они... Надо быть, на прохожего...
Тишь... мышонок скребет под подполицей...
Клонит сон... очи сами слипаются —
И...

Как крикнет княгиня Ульяна Андреевна:
За плечами стоит кто-то в зеркале!..
Побелела, как холст, только всё ж обернулася:
Юрий-князь на пороге стоит, шапку скидывает
И на образ Владимирской крестится...

«Что ты, князь?»
— «Доброй ночи, княгинюшка!
Уж прости, что не в пору, не вовремя...
Ехал мимо: ворота отворены;
На дворе ни души; сени отперты —
Что́, мол, так? Дай взойду, хоть непрошеный...
Извини меня, гостя незваного,
Да не бойся: я сам, а не оборотень».
Отдохнула княгиня Ульяна Андреевна,
Только пуще того испугалася,
Заломила себе руки белые:
«Ты уж, князь, говори, не обманывай:
Мужу худо какое случилося?»
— «Что ты? Бог с тобой! Муж здоровёхонек.

От него и сегодня есть весточка —
Передам — хочешь, что ль? ..»
А глаза так и искрятся —
На расстегнутый ворот уставились...

Поняла наконец, догадалася:
Вся зарделася, очи потупила,
Вся дрожит, а рука — что свинцовая:
Застегнет либо нет впору запонку...
А сама говорит: «Благодарствуем!
За себя и за мужа я кланяюсь! ..
Не тебя мне учить, сам ты ведаешь,
Что беда и в чужую светлицу заглядывает,
Да не к полночи, князь, было б сказано...
Буде словом каким я обмолвилась,
Мужа нет, стало быть, нет и разума,
А что люди у нас разгулялися,
По твоей же, по княжеской милости».

Шапкой оземь ударил:
«Послушай же:
Ты полюбишь аль нет нас, Ульяна Андреевна?
Коль не волей возьму, так уж силою
И в охапке снесу на перину пуховую».

Как промолвил, она развернулася,
И откуда взялся у ней нож — богу ведомо,
Только в грудь не попала князь Юрию,
А насквозь пронизала ему руку левую...
«Так-то?» — только и вымолвил — вон пошел...

А поутру княгиню Ульяну Андреевну
Взяли из дому сыщики княжеские,
Обобрали весь дом, где рука взяла,
А ее самое в поруб кинули
Да уж кстати пришибли Буяна дубиною:
Не пускал из ворот ее вынести.
Весел князь Семеон, весел-радошен,
Правит к Новому Торгу по за́лесью,
А за ним целый стан на возах так и тянется:
Всё с добром не нажитым, не купленным —
Бердышом и мечом с поля добытым.

Весел князь — видно, слышал пословицу:
Удался бы наезд, уж удастся приезд.
Ой, неправда! .. Гляди. из-за кустика,
Почитай-что у самой околицы,
Двое вышли на путь на дороженьку...
Видит князь: конюх Борька и с Яковом-стольником
Подбегают и в ноги ему поклонилися,
Бьют челом под копытами конскими...
«Что вы, что вы, ребята, рехнулися,
Аль бежали с чего-нибудь из дому?»
— «Осударь, — молвил Яков, — уж впрямь, что рехнулися,
Не гадав под беду подвернулися:
Ведь бедою у нас воро́та растворилися,
Всё от мамушки Мавры Терентьевны...
Я обухом ее и пришиб, ведьму старую,
Да повинен, что раньше рука не поднялася...»
И рассказывать князю стал на ухо,
Чтобы лишнее ухо не слышало.
Конюх Борька ему подговаривает:
«И Буяна ни за что ни про что ухлопали...»
Закусил губы князь. «Ладно! .. С вёрсту осталося? ..»
— «Меньше, князь-осударь, тут рукой бы подать».
Уж ударил же князь аргамака острогами —
Вихорь-вихрем влетел он на двор к князю Юрию.
А уж тот на крыльце дожидается,
Слезть с коня помогает, взял за руку,
Поклонился до самого пояса, речь повел:
«Так-то мне, Семеон, ты послуживаешь?
Бабе, сдуру-то, волю дал этакую,
Что пыряет ножом князя стольного!
Ну, спасибо! .. И сам я за службу пожалую!»
Да как хватит его засапожником по́д сердце,
Так снопом и свалился князь Вяземский,
Словно громом убило... А Юрий-князь
И не дрогнул: глядит туча-тучею,
Индо старый за малого прячется.
Да уж тут же, с сердцов, повелел он из поруба
И княгиню Ульяну Андреевну выволочь
За ее темно-русую косыньку,
Руки-ноги отсечь повелел ей без жалости
И в Тверце утопить... Так и сбылося:

Сам стоял и глядел, словно каменный,
Как тонула головка победная,
Как Тверца алой кровью багро́вела...

Вече целое ахнуло с ужаса,
Хоть никто не сказал даже слова единого —
Потому Юрий-князь был досужливый,
На противное слово пригрозливый...
Только, знать, самого совесть за́зрила:
С петухом собрался, не сказавшися,
Дом своею рукою поджег, не жалеючи,
И сбежал он в Орду тайно-тайною —
И поклона прощального не было
С Новым Торгом и с вечем поклончивым.
Уж догнал ли в Орду, нам неведомо,
А заезжие гости рассказывали,
Что пригнал под Рязанью он к пу́стыне,
Ко Петру-христолюбцу, игумену некоему,
Разболелся, да там и преставился,
В келье, иноком, в самое Вздвиженье,
На чужой земле, а не в отчине,
Не на княженьи, а в изгнании,
Без княгини своей и детей своих бо́лезных...

Провожали его честно, по-княжески.

Да и мы за его душу грешную
Богу нашему вкупе помолимся:
Подаждь, господи, ради святой богородицы,
Правоверным князьям и княжение мирное,
Тихо-кроткое и не мятежное,
И не завистное, и не раздорное,
И не раскольное, и бескрамольное,
Чтобы тихо и нам в тишине их пожилося!

Что летит буйный ветер по берегу;
Что летит и Тверца по-под берегом,
Да летит она — брызжет слезами горючими...

Примечания

В великокняжение Димитрия Ивановича Донского на смоленском столе сидел князь Святослав Иванович, внук Александра, правнук

Глеба. В 1386 г., 29 апреля, он был убит в схватке с Литвою, на р. Ветхей, под г. Мстиславлем. Разбив княжескую дружину, перебив или забрав в полон бояр и слуг, литовцы изгоною погнали к г. Смоленску, взяли с города окуп, а на княженье *из своих рук* посадили сына Святослава *князя Юрия.* До 1395 г. Юрий княжил спокойно; но осенью этого года, именно 28 сентября, во время поездки князя в Рязань к тестю его Олельку Рязанскому, литовский князь Витовт обманом взял Смоленск, выжег посад, полонил много народу и ограбив город, оставил в нем своих наместников. В августе 1401 г. князь Юрий Святославич с Олегом Рязанским опять пришли под Смоленск, «а в городе, — говорит летопись, — бысть метежь и кромоля, овии хотяху Витовта, а друзия отчича; князь же Юрьй сослася с граждани, граждани же смолияни, не могущи терпети налога и насильства от иноверных от ляхов, и прияша князя Юрья, и предашася и град ему отвориша». Наместники Витовтовы были убиты, и князь Юрий опять сел в своей отчине. Осенью Витовт снова приходил к Смоленску и стоял под ним много дней, но города не взял и заключил перемирие.

В 1404 году, после Пасхи, Витовт еще раз пришел под Смоленск: осаждал его 7 недель безуспешно и еще раз отступил. Тогда князь Юрий, сославшись с князем Василием Московским, оставил свою княгиню и бояр в городе, а сам поехал в Москву — бить челом великому князю, чтобы он принял под свою руку и его и все Смоленское княжество. Не желая изменять своему тестю Витовту Литовскому, великий князь отказался, а в это время Витовт внезапно появился под Смоленском, взял его, забрал в плен княгиню Юрьеву, смоленских князей и бояр и послал их в Литву, посадив в городе своих наместников. «И князь Юрий, то слышав, с своим сыном Феодором, сжалився в горести душа и побежа с Москвы в Новгород Великий; и тамо новгородцы прияша его с миром».

Дальнейшая его судьба тесно связана с горестною участью князя и княгини Вяземских.

Вот две выписки из Новгородской четвертой летописи, под 1406—1407 годами: I. «Той же осени князь Юрьй Смоленский отъеха из Новагорода на Москву, и князь Василей дасть ему наместничество в Торжьку, и он ту убил неповинно служащаго ему Семеона Мстиславича князя Вяземскаго: на его княгиню Ульяну уязвився окаянным своим похотением, на его подружие, она же предобрая мужелюбица мужески воспротивися ему, иземши нож удари его в мышцю на ложи его: он же взъярився вскоре сам князя ея уби, а самой руки и нозе повели отсещи и ввредщи и в реку; и бысть ему в грех и в студ велик, и с того сбежа к орде, не терпя горькаго своего безвременья и безчестья». II. «Преставися князь Юрьй Смоленский на Въздвижение честного креста, не в своей отчине, но на чюжей стране в изгнании, а своего княжения лишен и своей княгини и своих детей, но в Рязанской земли в пустыне в монастыри у некоего христолюбца игумена Петра; и ту неколику дний поболе и скончася, и проводиша его честно».

1857 или начало 1858

92. ОБОРОТЕНЬ

Посвящается
Надежде Андреевне
Загуляевой

Дело то было давно, не теперь,
Истинно было... Кто хочет, не верь...
Только ведь правды нигде не схоронишь:
В землю не спрячешь, конем не догонишь, —
В щелку пролезет, из рук улетит,
В море не тонет, в огне не горит...
Ладно! И речь не о ней... А срубили,
В старое время, село мужички,
И довелось им — знать, пришлые были —
В самом лесу жить, у Камы-реки.
Ну, и живут они там, поживают,
Церковь построили, — правят свой толк
Да на досуге зверишек стреляют...
Вот и повадился в гости к ним волк...
Только чудно́й... ни скотины не тронет,
Ни человека, а бродит себе,
Бродит по за́дворкам, воет да стонет,
Словно покойника чует в избе.
Так-то он в зиму с неделю шатался —
И надоел же, да сам и попался!
Парень пришел на побывку с Москвы,
Эдакой бойкий, что миром решили:
«Митька, тебе не сносить головы!»
Ну, а что девки — так крепко любили,
И не задаром: плясун был, певец,
Будь не гуляка — совсем молодец!
В руки топор ли, ружье ль, аль иголка,
Али хошь шило какое, аль лом —
Дело горит у него, что огнем.
Вот и озлился наш Митька на волка:
«Живу не быть, — не доем, не досплю,
А завывалу, бог свят, подстрелю!
Эдак навоет к нам целое стадо!»
Да!.. Побожился — и в лес... Ждать-пождать —
Вечер, а парня в избе не видать...
«Что так? Далеко зайти бы не надо:
Тут до трущобы до самой с версту,
А молодежник — кусты на счету;

Тут и девчонкам дорога знакома...
Знать, загулял? Будет к завтрему дома».
Завтра в ворота, а Митьки всё нет:
Кажется, парню прийти бы чем свет,
Ан не идет... А метелица стала —
Где по колено сугроб наметала,
Где и под за́стреху.. «Да! — говорят. —
Пусть погулял бы, а если плутает?
Да ведь и волк-то не то чтоб свой брат!
Вон пономарь со двора выезжает:
Хоть обокликнул бы, что ли, в лесу...»
Ну, пономарь, видно, где покуликал:
«Кликал, мол, братцы, я Митьку-то, кликал —
Не обозвался... Вот то-то оно:
Уж не того ли он? Вишь — холодно́!»
Бабы подслушали: «Страхи какие!
Батюшки! Слышали? — в голос ревут! —
Митька замерз! Вон, никак, и везут!
Точно: из стана везут... понятые...»
Подлинно: ехали два мужика.
С ро́звальней Митьку в избу притащили,
Шубой накрыли, на печь уложили...
Три дня ворочать не мог языка,
Три дня метался на печке, покуда
Знахаря миром ему не нашли.
И уж откуда добыли, откуда —
Бог весть!.. Отрыли из самой земли...
Вот, как поправился Митька, на сходке
То рассказал, что во всем околотке
Просто никто не поверил ему...
Верит просвирня, и то потому,
Что с прихожанами разного толка...

Вот что рассказывал Митька про волка:

«Всуе побожишься — ох, тяжело!
Как побожился, в нутре заскребло...
Мне бы и в лес не впервой, да и зверя —
Стало бы дело за спором теперя, —
Правду сказать, я не то что ружьем, —
Просто: давай — пришибу кулаком.

Значит, уж с волком играть мне не в прятки.
Как подвернулся — я щелк, да и щелк,
Взвел — а душа-то и спряталась в пятки...
Вижу я: ровно и волк, да не волк:
Как огрызнется, да так-то негоже,
Инда морозом подрало по коже!
Это бы что!.. Как взревет, сопостат,
Да ведь во весь человеческий голос:
«Что ж ты? Ружье не заряжено, брат?»
Тут на мне дыбом и поднялся волос...
Как уж я выстрелил, как угодил
Прямо ему под лопатку — бог знает!
Видел, что лытки ему подкосил.
Да самого меня так и шатает,
Так и шатает... Упал под сосну...
Только приподнял он морду-то: «Ну!
Видно, что знаешь ты тоже сноровку:
Меченый жеребей рубишь в винтовку...
Счастлив же ты, говорит, молодец!
Был бы тебе, неклятому, конец...
Слушай!.. За удаль скажу тебе слово
Я про себя...
                    Не бывало такого
Парня не то чтоб у вас на селе,
А и подальше... Да девка сгубила:
Вот невзлюбила его, невзлюбила,
Знать, уж за черные кудри его,
Знать, за его за румяные щеки...
Ей-то как с гуся вода — ничего,
Да ведь ему-то покор и попреки...
Ну, не стерпел!.. Складень с шеи долой,
И на поклон прямо к деду...
                                        Тот внуку
Рад: «Помогу, мол, да только — ой-ой —
Трудно тебе перенять-то науку!»
— «Уж помоги-де, а я заслужу».
— «Быть тому так: своему — удружу!»
И удружил: не проминуть бы году —
Парень готов и в огонь был и в воду:
Где, для потехи, заржет жеребцом,
Где пропорхнет золотым мотыльком,
Где прокукует кукушкой рябою,

Где из воды краснoперой плотвою
Выскочит, сдернет с крючка червяка
И одурачит в глаза рыбака;
Где... да уж что тут!..
Алел он и маком,
И на дороге светил перстеньком,
Али идет кто, на ягоду лаком, —
Он земляникою рдеет кругом...
А протяни к нему руку — уважит:
Свалит, что вихорь невзнузданный, с ног
Да и спасибо, пожалуй, не скажет.
Видит дед: вышел от выучки прок...
«Вот, говорит, научился: готово!..
Только прослушай последнее слово:
Путь и дорога тебе — все места;
Чем только хочешь ты — тем обернися.
Лих молодцом подходить берегися,
Буде не сняли святого креста;
А подойдешь, так — скажу тебе толком —
Уж на меня не пеняй: убежишь
В лес без оглядки нечесаным волком.
Вот тебе сказ мой, и полно!.. Прощай!»
Я с ним простился — и прямо к зазнобе;
Пеночкой в садик ее прилетел...
Вижу — гуляют сестрицы, и обе
Садика краше... Я им и запел:

«Ох вы, девицы-лукавицы!
Не гуляйте по цветам,
Не ревнуйте их, красавицы,
Ко сокольим ко глазам.
Сокол гонит за лебедкою,
Парень думает о том,
Как бы девице молодкою
Под его вздремнуть крылом».

Спел я, а красным-то словно приятно:
«Что это пеночка нонече внятно
Песню заводит?.. Да, правда, пора
Гнездышко вить ей с утра до утра...» —
Так-то *она*... А сестра-то: «И елка

Словно в цвету?.. Посмотри:
вот и пчелка
Так и жужжит...» А жужжит не пчела —
Я их морочу с досады и зла,
Я им жужжу, уж была не была:

«Ох вы, зорьки несподобные!
Клетка к клетке пригнан сот;
Обвощен; что слезы дробные,
Из-под каждой каплет мед...
А пройдет пора медовая:
Улей скутан, выбран сот,
Пчелки спят, и черноброваяя,
Хоть и с милым, а заснет...»

Всё прожужжал я, а им-то приятно...
«Что это пчелка-то нонече внятно,
Словно бы речи какие, жужжит?..» —
Так-то *она*... А сестра говорит:
«Видишь, настала какая погода?
Чай, из цветов-то повысосет меда,
Чует, что скоро и липовый сот,
Вот ей на солнце и весело стало...
Надо быть, скоро Иван-то Купало?»
— «Скоро... А на сердце кошка скребет...
Только подумать, что, много с неделю,
Стлать мне с тобою в светелке постелю,
Словно кто под бок мне хватит ножом...»
Как услыхал я — повис пауком;
С вяза спустил паутину-другую,
Будто основу сновал бы какую,
Так вот и мычусь по ней челноком.
«Глянь-ка! Паук-то какой! Со крестом!
Вот в пузырек бы его, да потом
В землю зарыть бы под волчьим кустом:
Три года жди, а в Ивана Купала
Вынешь жемчужину в мелкий орех», —
Так-то *она*, а сестра ей: «Ведь грех
Душу живьем зарывать...» — «Угадала!
Нешто паук-то показан в душах?
Хоть раздави, так и то в барышах...

Сказано: гадина! Вот посмотри-ка:
Я его — разом!»

Творец мой владыка!
Свету невзвидел я! Знать, уж с тоски,
Веткою хлысть поперек-то щеки!..
Так и сомлела, что снег побелела,
Прыгнула — ветку-то, видно, достать,
Ан не достала ее: улетела.
Дымом ли? Пылью ли? Чем? — И не знать.
Вечером села она у окошка,
И невдогад ей, что против сторожка:
Я кузнецом в лопухе стрекочу,
Глаз не свожу с ней, а к ней не скачу...
Вот и сидит она, будто горюет,
На небо смотрит, колечко целует...
Я как скачуся падучей звездой, —
Крикнула: «Звездочка! Стой же ты, стой!
Ворога в омут, и с камнем на шее,
А для него, для милого дружка,
Выдерни с телом серьгу из ушка!»
Ну, уж и зверь не бывал меня злее:
Кажется, вырвал бы деду язык...
«Так-то меня научил ты, старик?
Что тебе, лысому, на́век достало,
Нашему брату и на день-то мало.
Вишь, запугал ни с того ни с сего!
Не побоюсь же как есть ничего,
Только б дождаться Ивановской ночи...»
Ждал и дождался, хоть не было мочи:
Знал, что *она*-то купаться пойдет...
Спрятался в тину, под самый под плот,
Малою рыбкой... А ночь разгоралась —
Каждою летней звездой величалась,
С месяца словно рубаху сняла,
Все огоньки по болотам зажгла...
Слышу — подходят и девки купаться.
Думаю: тут ли? И слышу, что тут...
«Ох, погоди же ты вдруг раздеваться!
Дай обморочить их: пусть их плывут,
Пусть их, что утки, ныряют покуда,
Дай мне дождаться заветного чуда:

Я из осоки постель постелю,
Я тебя *нашим* баюкать велю:
Искра за искрой, струя за струею,
Песня за песней, звезда за звездою —
Всё прогорит, пропоет над тобою. . .» —
Так вот и думаю — сам не кажусь. . .
Незачем — вволю в воде нагляжусь. . .
Прыгнула с плота, нырнула. . . и точно
Кто ее в руки мне сунул нарочно. . .
Ну! . . А распятие было на ней
С крепким гайтанчиком, — рви, не жалей. . .
. . . .
Не поддалася. . . Такая уж дура! . .
Что ж? Вот и платится волчья-то шкура!»
С тем и издох. . .

Погляжу: на снегу —
Бог покарай меня, если я лгу, —
Парень — не волк, да румяный, здоровый. . .
Волчий на нем полушубок, весь новый;
Только что кровь запеклась на усах
Да угольки потухают в глазах,
А по плечу — шемаханского шелка
Сыплются кудри. . . Да ну! Не до них! . .
Ведать не ведаю — как я в живых? . .» —

Вот что рассказывал Митька про волка.

Дело то было давно — не теперь,
Истинно было. . . кто хочет — не верь!

15 ноября 1858

93. ПЕСНЯ

Что ты, зорька, что, рожденница желанная,
Что ты бледная такая и туманная,
Не в приборе и без алого повойничка?
Али чуешь по околице покойничка?

Ты, бывало, нарождаешься —
Вся в алмазы убираешься,
И бегут потемки прочь;

А под вечер в йзбу белую
К нам заглянешь — просто целую
При тебе не спал бы ночь...
Было, зорька!.. Быль бывалая...
Да ведь быль — печаль немалая,
Позабыть о ней невмочь...
Ни на что бы не гляделося...
И скорее бы хотелося
Долю в свете проволочь.

Что ж ты, зорька, что, рожденница желанная,
Что ты бледная такая и туманная,
Не в приборе и без алого повойничка?
Видно — чуешь по околице покойничка?

⟨1859⟩

94. ПЕСНЯ ПРО БОЯРИНА ЕВПАТИЯ КОЛОВРАТА

На святой Руси быль и была,
Только быльем давно поросла...

Ох вы, зорюшки-зори!
Не один год в поднéбесьи вы зажигаетесь,
Не впервóй в синем море купаетесь:
Посветите с поднебесья, красные,
На бывалые дни, на ненастные!..
Вы, курганы, курганы седые!
Насыпные курганы, степные!
Вы над кем, подгорюнившись, стонете,
Чьи вы белые кости хороните?
Расскажите, как русскую силу
Клала русская удаль в могилу!..

1

К городу Рязани
Катят трое сани,
Сани развальные —
Дуги расписные;
Возжи на отлете;
Кони на разлете;
Колокольчик плачет —

За версту маячит.
Первые-то сани —
Все-то поезжане,
Все-то северяне,
В рукавицах новых,
В óхабнях бобровых.
А вторые санки —
Все-то поезжанки,
Все-то северянки,
В шапочках горлатных,
В жемчугах окатных.
А что третьи сани
К городу Рязани
Подкатили сами
Всеми полозами.
Подлетели птицей
С красной царь-девицей,
С греческой царевной —
Душой Евпраксевной.

У Рязанского князя, у Юрия Ингоревича,
Во его терему новорубленном,
Светлый свадебный пир, ликование:
Сына старшего, княжича Федора,
Повенчал он с царевной Евпраксией
И добром своим княжеским кланялся;
А добро-то накоплено исстари:
Похвалила бы сваха досужная,
В полу-глаз поглядя, мимо идучи.
Во полу-столе, во полу-пиру
Молодых гостей чествовать учали,
На венечное место их глядючи,
Да смешки про себя затеваючи:
Словно стольный бы князь их не жалует —
Горький мед им из погреба выкатил,
А не свадебный! .. «Ин подсластили бы!»
А кому подсластить-то? .. Уж ведомо:
Молодым. . .
Молодые встают и целуются.
И румянцем они, что ни раз, чередуются,
Будто солнышко с зорькой вечернею.

И гостям и хозяину весело:
Чарка с чаркой у них обгоняются,
То и знай — через край наливаются.
Только нет веселей поезжанина,
И смешливее нет, и речистее
Супротив княженецкого тысяцкого —
Афанасия Прокшича Нéздилы.
А с лица непригож он и нéмолод:
Голова у него, что ладонь, вся-то лысая,
Борода у него клином, рыжая,
А глаза — что у волка, лукавые,
Врозь глядят — так вот и бегают.
Был он княжеским думцем в Чернигове,
Да теперь, за царевной Евпраксией,
Перебрался в Рязань к князю Юрию
Целым домом. со всею боярскою челядью.
А на смену ему Юрий Ингоревич
Отпустил что ни лучших дружинников,
И боярина с ними Евпатия
Коловрата, рязанского витязя,
Князя Федора брата крестового!
Не пустил бы князь Юрий Евпатия,
Если б сам не просился:
«Прискучило
Мне на печке сидеть, а ходить по гостям
Неохоч я, — про то самому тебе ведомо».
Попытал было князь отговаривать:
«Подожди, мол: вот свадьбу отпразднуем».
Так стоит на своем: «Не погневайся:
Я зарок себе дал перед образом
Самому не жениться, не бабиться,
Да и вчуже на свадьбе не праздновать,
Хоть пришлось бы у брата крестового.
Да и то, что хотел бы в Чернигове
Повидать осударь-князя Игоря:
Может, вместе сходил бы на половцев. . .»
Замолчал князь. А княжичу Федору
И перечить не след другу милому;
Только обнял его крепко-накрепко,
И обоим глаза затуманила
Дорогая слеза молодецкая.
И уехал боярин Евпатий с дружиною. . .

Провожали уда́лого витязя
Горожане и люди посельные,
А почетные гости рязанские
Хлебом-солью ему поклонилися,
А молодки и красные девицы
Долго-долго стояли, задумавшись,
В теремах под окошком косящатым.
Даже свахи — и те подгорюнились,
Хоть ни ходу, ни следу им не было
Во дубовые сени Евпатьевы,
Во его во боярскую гридницу.
А сам витязь-то словно не ведает,
Какова есть на свете зазнобушка
И кручина — истома сердечная:
Подавай для него, что для ясного сокола,
Только вольный простор вкруг да около.

Отсидели столы гости званые;
Поезжане свой поезд управили;
Караваем князь Федор, с княгинею,
Со своей ненаглядной молодушкой,
Старшим родичам в пояс откланялся,
Помолился в соборе Заступнице
И поехал из стольного города
В свой удел...

На горе на обрывистой,
Над рекой Осетром, над излучиной,
Строен терем князь Федора Юрьича.
Бор дремучий кругом понавесился
Вековыми дубами и соснами,
Сполз с горы, перебрался и за реку,
Точно вброд перешел, и раскинулся
В неоглядную даль, в необъездную...
Зажил князь с молодою княгинею
В терему, что на ветке прилюбчивой
Сизый голубь с голубкою ласковой.
И уж так-то ласкала княгиня Евпраксия,
Так-то крепко любила мило́го хозяина,
Что и слов про такую любовь не подобрано.
А сама из себя — всем красавица:

И собольею бровью, и поступью,
И румяной щекой, и речами приветными.
Будет год по десятому месяцу —
Родила она первенца-княжича...
Окрестили его на Ивана Крестителя
И назвали Иваном, а прóзвали Постником,
Для того что ни в середу княжич, ни в пятницу
Не брал груди у матери...

Федор-князь,
На такой на великой на радости
В новоставленный храм Николая Святителя,
Чудотворца Корсунского, вкладу внес
Полказны золотой своей княжеской...

2

По рязанским лесам и по пустошам
Завелося под осень недоброе.
Кто их знает там: марево, али и — зарево?
Вот: встает тебе к небу, с полуночи,
Красный столп сполыньей беломорскою;
Вот: калякает кто-то, калякает...
По деревьям топор ровно звякает...
А кому там и быть, коль не лешему?
Нет дороги ни конному там и ни пешему...
Раскидали рассыльных — вернулися,
Говорят: «Нас вперед не посылывать,
А не то уж не ждать: со полуночи
Мы того навидались-наслышались,
Что храни нас святые угодники!..
Вы послушайте — что починается!..
От царя, от Батыя безбожного,
Есть на русскую землю нашествие.
Слышь: стрелой громоносною-молнийной
Спал он к нам, а отколе — незнаемо...
Саранча агарян с ним бессчетная:
Так про это и знайте, и ведайте...»

Было сказано... Следом и прибыли
Два ордынца, с женой-чародейницей,
Всё ж к великому князю Рязанскому
И к другим князьям — Пронским и Муромским.
«Так и так: десятиной нам кланяйтесь
С животов, со скотов и со прочего».

Снесся князь с Володимером-городом
И с другими, да знать уж, что втепоры
Гнев господен казнил Русь без милости:
Отступились со страхом и трепетом...
Ну, тогда старый князь князя Федора
Повещает, что вот, мол, безвременье...
«Поезжай ты с великим молением
И с дарами к нему, нечестивому...
Бей челом, чтоб свернул он с Воронежа
Не в Рязанскую землю, а в Русскую...
О хозяйке твоей озаботимся...»
Федор-князь и поехал...

4

И вот что случилося:
Ехал Нéздила Прокшич с князь Федором
И за ними рязанские вершники, шестеро,
В стан Батыев... проехали островом
Подгородным; проехали далее,
Островами другими, немеренными,
И уж дело-то было к полуночи...
Всё — сосняк, березняк да осинник... Промеж листвы
Издалека им стало посвечивать...
Едут по лесу, на свет, — прогалина:
Луг и речка; за речкой раскинуты
Сплошь и рядом шатры полосатые —
Стан и стан неоглядный... Кишма-кишат
Люди — не люди, нет на них образа божьего,
А какое-то племя проклятое,
Как зверье окаянное якобы...
Кто в гуне просмоленной, кто в панцире,
Кто в верблюжую шкуру закутался...

Узкоглазые все и скуластые,
А лицо словно в вениках крашено.
Шум и гам! Все лепечут по-своему;
Где заржет жеребец остреноженный,
Где верблюд всею пастью прорявкает...
Тут кобылу доят; там маханину
Пожирают, что волки несытые;
А другие ковшами да чашками
Тянут что-то такое похмельное
И хохочут, друг друга подталкивая...
Вдоль по речке топли́во навалено
И пылают костры неугасные...
Сторожа в камышах притаилися...

Обокликнули князя и с Не́здилой, —
Отозвались они и поехали
Через весь стан к намету Батыеву.
Всполошилась орда некрещеная:
Сотен с пять побежало у стремени...

Князь с бояриноом едут — не морщатся —
Меж кибиток распряженных войлочных;
Стременной Ополо́ница сердится,
А другие дружинные вершники
Только крестятся, в сторону сплевывая:
На Руси этой нечисти с роду не видано...

Закраснелась и ставка Батыева:
Багрецовые ткани натянуты
Вкруг столпа весь как есть золоченого.
Одаль ставки, а кто и при пологе,
Стали целой гурьбою улусники —
Все в кольчугах и в шлемах с ковыль-травой;
За плечами колчаны; за поясом
Заткнут нож, закаленный с отравою,
На один только взмах и подшептанный.

Князя в ставку впустили и с Не́здилой.
Хан сидит на ковре; ноги скрещены;
На плечах у него пестрый ро́спашень,
А на темени самом скуфейка парчовая.
По бокам, знать, вельможи ордынские,

Все в таких же скуфейках и ро́спашнях...
Стал челом бить ему, нечестивому,
Федор-князь, а покудова Не́здила
Подмигнул одному из приспешников
И отвел его в сторону.
Молит князь:
«Не воюй-де, царь, нашей ты волости,
А воюй что иное и прочее:
С нас и взять-то прийдется по малости,
А что загодя вот — мы поминками
Кой-какими тебе поклонилися».
Хан подумал-подумал и вымолвил:
«Подожди: я теперь посоветуюсь...
Выйди вон ты на время на малое —
Позову...»
Вышел Федор-князь — по́звали...
Говорит ему хан: «Согласуюся
И поминки приму, только — знаешь ли? —
Мало их... (Толмачами взаимными
Были Не́здила с тем же ордынцем подмигнутым.)
Мало их, — говорит князю Федору
Царь Батый, — а коль хочешь уладиться,
Дай красы мне княгинины видети».
Помертвел Федор-князь сперва-наперво,
А потом как зардеется:

«Нет, мол, хан!
Христианам к тебе, нечестивому,
Жен на блуд не водить, а твоя возьмет,
Ну, владей всем, коль только достанется!»
Разъярился тут хан, крикнул батырям:
«Разнимите ножами противника на́ части!..»
И ро́зняли...

Потом и на вершников,
Словно лютые звери, накинулись:
Всех — в куски, лишь один стременной Ополо́ница
Из поганого омута выбрался...
А боярина Не́здилы пальцем не тронули...

Воротился боярин в Рязань, к князю Юрию,
Доложил, что принял хан дары княженецкие,
Что покончится якобы дело, как вздумано,
А от князя поехал к княгине Евпраксии
Забавлять прибаутками, шутками, рóссказнями,
Чтоб по муже не больно уж ей встосковалося.
Говорит: «Князем Юрием Ингоревичем
К твоему княженецкому здравию
Послан я, чтобы вестью порадовать.
Федор-князь у царя у Батыя — состольником,
Пополам и веселье и бражничанье;
Отклонил бог беду неминучую:
Воевать нас татаре заклялися
И уйдут все по слову князь Федора.
А какие они безобразные!»
И пошел, и пошел он балясничать,
Да ведь как: что ни слово — присловие.
Показались те речи княгине занятными,
Учала она Нéздилу спрашивать:
«Что за люд такой, что за исчадие?
Вместо дома телега... А женщины
С ними, что ли?.. Какие ж с обличия?»
— «А такие, что смеху подобные,
Из-за войлока выглянет — смуглая,
Очи словно травинкой прорезаны;
Брови черные; скулы навыпяте;
Зубы дегтем уж, что ли, намазаны...»
Балагурит он так, балагурит-то,
А с самим собой думушку думает:
«Вот постой, налетят, так узнаешь ты —
Сколько жен по кибиткам их возится
Да и как из намета-то ханского
Отпускаются бабы — с рук на руки
Ханским ближникам, ханским печальникам,
А уж я за тебя, за голубушку,
Отвалил бы казны не жалеючи...»

6

Загорелося утро по-летнему,
Загорелось сначала на куполе,
А потом перешло на верхушки древесные,
А потом поползло по земле, словно крадучись,
Где жемчужинки, где и алмазинки
У росистой травы отбираючи.
Куманика перловым обсыпалась бисером;
Подорешник всей белою шапкой своей нахлобучился
И поднял повалежные листья, натужившись;
С Осетра валит пар, словно с каменки, —
Значит, будет днем баня опарена...
У Николы Корсунского к ранней обедне ударили...
И княгиня проснулась под колокол...
К колыбели птенца своего припадаючи,
Целовала его, миловала и пестовала,
И на красное солнышко вынесла,
На подбор теремной, на светелочный.
Вот стоит она с ним, смотрит нá поле,
Нá лес, на реку, смотрит так пристально
На дорогу, бегучую под гору.
Смотрит... пыль по дороге поднялася...
Скачет кто-то, и конь весь обмыленный...
Ближе глянула — ан Ополóница,
Не приметил княгини б, да крикнула, —
Осадил жеребца, задыхается...
А княгиня Евпраксия спрашивает:
«Где же князь мой, сожитель мой ласковый?»
Замотал головой Ополóница:
«Не спросила бы, не было б сказано.
Благоверный твой князь Федор Юрьевич,
Красоты твоей ради неслыханной,
Убиен от царя, от Батыя неистового!»
Обмерла-окочнела княгиня Евпраксия,
К персям чадо прижала любезное
Да с ним вместе с подбора и ринулась
На сырую мать-землю, и тут *заразилася* [1] до смерти...
И оттоле то место Заразом прозвалося,
Потому что на нем заразилася
С милым чадом княгиня Евпраксия.

---

[1] Летописное выражение, вместо: разразилася.

7

В это время Батый, царь неистовый,
На Рязань поднял всю свою силу безбожную
И пошел прямо к стольному городу;
Да на поле его вся дружина рязанская встретила,
А князья впереди: сам великий князь,
Князь Давид, и князь Глеб, и князь Всеволод, —
И кровавую чашу с татарами рóспили.
Одолели б рязанские витязи,
Да не в мочь было: по сту татаринов
Приходилось на каждую руку могучую...
Изрубить изрубили они тьму несметную,
Наконец утомились-умаялись
И сложили удáлые головы,
Все как билися, все до единого,
А князь Юрий лег вместе с последними,
Бороня свою землю и отчину,
И семью, и свой стол, и княжение...
Как объехал потом царь Батый поле бранное,
Как взглянул он на падаль татарскую —
Преисполнился гнева и ярости
И велел все пределы рязанские
Жечь и грабить, и резать без милости
Всех — от старого даже до малого,
Благо их боронить было некому...
И нахлынули орды поганые
На рязанскую землю изгоном неслыханным,
Взяли Пронск, Ижеславец и Белгород,
И людей изрубили без жалости,
И пошли на Рязань... Суток с четверо
Отбивались от них горожане рязанские,
А на пятые сутки ордынцы проклятые
Ворвались-таки в город, по лестницам,
Сквозь проломы кремлевской стены и сквозь полымя;
Ворвалися и в церковь соборную, —
Там убили княгиню великую,
Со снохами ее и с княгинями прочими,
Перебили священников, иноков;
Всенародно девиц осквернили и инокинь;
Храмы божьи, дворы монастырские —
Все пожгли; город предали пламени;

Погубили мечом всё живущее, —
И свершилось по слову Батыеву:
Ни младенца, ни старца в живых не осталося...
Плакать некому было и не по ком...
Всё богатство рязанское было разграблено...
И свалило к Коломне ордынское полчище.

8

Ох ты, степь, ты приволье раздольное,
Молодецкая ширь необъездная,
Поросла по яругам ты тальником
И травой-муравой приукрасилась.
Хорошо на просторе тебе, неоглядная,
Залегать, не оря и не сеючи,
А шелко́вым ковром зеленеючи!..
Где река пробежит, там и за́тоны,
Где лесок проскочил, там и за́бега
Зверю всякому, там же и гнездышко
Птице всякой пролетной, привычливой;
А охотнику — знай да натягивай
Тетиву у лука́ круторогого
Аль спускай с рукавицы, где во́ззрился, сокола...
Едет по́ степи витязь Евпатий, да невесел...
На руке дремлет кречет островженный,
От болгар в самой Индии добытый.
Дремлет кречет, клобук отряхаючи
И крылом поводя, а не видит он,
Что сорвались две цапли с болота соседнего.
Он не видит, а витязь и видел бы,
Только, знать, самому затуманила
Очи зоркие греза налетная...

И не грезится — словно бы въявь ему видится...

Вот как есть город Новгород-Северский...
И Десна... и народу у пристани чуть не
с полгорода:
Цареградские гости приплыли с товарами,
Да один привезли — продавать не указано, —

Отдавать по завету великому...
А товар-то — царевна-красавица:
Не снималася с синего моря лебедушка,
Не алела в бору неотоптанном ягодка
Супротив византийской царевны Евпраксии...
Полюбилася крепко царевна Евпатию,
Да и Федору-князю она полюбилася:
Оба ездили втепоры в Новгород-Северский.
Князь зазнобой своею Евпатию каялся,
Только милому брату крестовому
Ничего не промолвил Евпатий... не ведала
Ни о чем даже ночь-исповедница...
Да любовь не стрела половецкая:
Из груди ее разом не выдернешь...
Одолела кручина истомная витязя,
Проводила его от Рязани к Чернигову
И поехала рядом у стремени
По полям, по степям неизведанным:
Не уехать от ней, не избыть ее
Ни мечом, ни крестом, ни молитвою...
За истомой сердечной и греза горячая
Правит след и манит к себе витязя
Что не белой рукой — бровью писаной,
Не шелковой косой — речью ласковой...
Едет с поля Евпатий домой, да не к радости:
На пороге его поджидает давно Ополóница.

9

От Коломны ордынцы пошли прямо к Суздалю;
Стан разбили на Сити-реке, ради отдыха
И дележки добычею русскою.
Хан позвал на совет к себе Нéздилу,
А уж тот и вконец отатарился:
Нет отлики от прочих улусников.
Порешили: ждать князя великого Суздальского,
Положить всю дружину на месте, где сступятся,
А потом и пойти к Володимеру
И другим городам — на разгром на неслыханный,
На грабеж и резню беспощадную.
Говорит нечестивому Нéздила:

«Только мне побывать бы вот в Суздале,
Указал бы тебе я, наместнику божию,
Где хранится казна монастырская,
И церковная утварь, и кладь княженецкая».
— «Что же? — хан говорит. — Нешто за морем?
Как возьмем на копье их улус, ты указывай,
А себе и бери десятиною».
Бил челом хану грозному Нéздила
И пошел из шатра на ночевку кибитную,
А в кибитке семья его ждет новобранная:
Старых жен отдал хан ему целую дюжину...
Полуночь... Афанасию Прокшичу Нéздиле
Мягко спать на коврах и на войлоках,
Да и сны-то такие любовные...
То приснится квашонка, тряпицей накрытая,
И стоит-то в подполье у гостя невзрачного,
А заглянешь в нее — вся насыпана жемчугом;
То валяется шлем под кустом под ракитовым,
Занесен снегом-инеем, всмотришься —
Ан ведь княжеский он, в Цареграде чеканенный,
Весь серебряный, только что черными пятнами
Запеклась на нем кровь благородная;
То приснится, что суздальский ризничий
Головою кивает ему, вызываючи
На сговóр и беседу потайную..
Да уж это не снится, а подлинно
Войлок подняли... Смотрит во все глаза Нéздила,
Видит: старец седой, в одеянии инока,
Ликом схож на икону Николы Корсунского,
Из кибитки рукой его манит таинственно.
Вылез Нéздила к иноку, стал его спрашивать:
«Что ты, старче? Чего тебе надобно?»
Поглядел на него старец пристально
И ответствует так: «Душу грешника
От погибели вечной спасти покаянием».
Засмеялся в ответ ему Нéздила:
«Видно, ты без ума и без разума,
Что полуночью бродишь по стану войнскому
И дерзаешь тревожить сановников?
Видишь: грешную душу спасти ему надобно!
Знай: ордынцы таких соглядатаев
На чумбурах, что псов омерзительных, вешают.

Погоди: мы вот завтра допросимся —
Где ты сам-то, святоша, спасаешься?»
— «Не тебе, — говорит ему старец, — допрашивать
Божьих слуг, а тебя им допрашивать.
Ты скажи мне: какой лютой казнию
Подобает казнити изменника
И предателя, братоубийцу,
Окаянного кровепролителя,
Осквернителя храмов господниих,
Святотатца и бесоугодника?
На земле нет и казни такой: только дьяволам
Во геенне она уготована.
Ведай: ждут и тебя муки адские,
Но господь милосердый тебе покаянием
Дозволяет спастися от вечной погибели...»
Весь затрясся от гнева и ярости Не́здила
И на старца хотел было ринуться,
Да не мог шевельнуться, как будто к земле прирос.
Указал ему старец десницею на небо
И промолвил: «Одними молитвами
Неповинно тобою погубленных
Князя Федора, с княжичем и со супругою,
Благоверной княгиней Евпраксией,
Бог приемлет твое покаяние
И меня ниспослал к тебе вестником, —
Содрогнись и покайся, о чадо заблудшее,
И молися: заутра с денницею
Ты предстанешь на страшный суд господа,
А земной суд и казнь начинаются...»
С этим словом исчез он — и вся земля дрогнула...

10

Ходенем пошло поле окрестное,
И сыр-бор зашатался вот словно под бурею...
Налетела ль она, многокрылая,
Или сила иная на ставки татарские,
Только ломятся ставки и валятся,
Только стон поднялся вдоль по стану ордынскому.
Загремели мечи о шеломы каленые;

Затрещали и копья и бе́рдыши;
От броней и кольчуг искры сыплются;
Полилася рекой кровь горячая...
Варом так и варит всю орду нечестивую:
Рубят, колют и бьют — кто? — неведомо.
Тут ордынцы совсем обеспамятели,
Точно пьяные или безумные.
Кто ничком лежит — мертвым прикинулся,
Кто бежит вон из стана — коней ловить,
А и кони по полю шарахнулись —
Ржут и носятся тоже в беспамятстве.
Тут всё стадо ревет — всполошилося;
Там ордынки развылись волчиха̀ми;
Здесь костер развели, да не вовремя:
Два намета соседние вспыхнули.
А наезжая сила незримая
Бьет и рубит и колет без устали, —
Слышно только, что русские витязи,
А нельзя полонить ни единого...
Вопят батыри в страхе и ужасе:
«Мертвецы, мертвецы встали русские,
Встали с поля рязанцы убитые!»
Сам Батый обоялся... А Не́здила
Уж у хана в шатре, уж опомнился
От того от ночного видения,
Говорит: «Только взять бы какого: разведаем —
Мертвецы или люди живые наехали?»
Говорит он, а дрожь-то немалая
Самого пронимает, затем что всё близятся
Стон и вопли к намету Батыеву,
Все бегут в перепуге улусники
От невидимой силы, неведомой...
«Повели, хан, костры запалить скоро-наскоро
И трубить громче в трубы звончатые,
Чтобы все твои батыри слышали,
Да пошли поскорее за шурином
Хоздоврулом», — Батыю советует Не́здила.
Хан послушался: трубы призывные грянули,
И зарей заиграло в поднебесье зарево.
В пору в самую близко от ставки Батыевой
Пронеслася толпа русских витязей,

Прогоняя татáрву поганую
И топча под копытами конскими;
Да вдогонку ей стрелы, что ливень, посыпались, —
И упали с коней наземь пятеро.
Подбежали ордынцы к ним, подняли
И к Батыю свели. Хан их спрашивает:
«Вы какой земли, веры какой, что неведомо
Почему мне великое зло причиняете?»
И ответ ему держат рязанские витязи:
«Христианской мы веры, дружинники
Князь Юрья Рязанского, пóлку Евпатия
Коловрата; почтить тебя посланы —
Проводить, как царю подобает великому».
Удивился Батый их ответу и мудрости
И послал на Евпатия шурина
И полки с ним татарские многие.
Хоздоврул похвалялся: «Живьем возьму,
За седлом приведу к тебе русского витязя».
А ему подговаривал Нéздила:
«За седлом!.. Приведешь его к хану у стремени».
И поехали оба навстречу к Евпатию...
А заря занималася на небе,
И сступились полки... У Евпатия
Всей дружины-то было ль две тысячи —
Вся последняя сила рязанская, —
А ордынцы шли черною тучею:
Не окинуть и взглядом, не то чтоб доведаться —
Сколько их?.. Впереди Хоздоврул барсом носится.
Молодец был и бáтырь: коня необгоннее
И вернее копья у ордынцев и не было.
И сступились полки... На Евпатия
Налетел Хоздоврул, только нé в пору:
Исполин был Евпатий от младости силою —
И мечом раскроил Хоздоврула он нá-полы
До седла, так что все, и свои, и противники,
Отшатнулись со страхом и трепетом...
Рать ордынская дрогнула, тыл дала,
А всех прежде свернул было Нéздила,
Да коня под уздцы ухватил Ополóница.
Только глянул боярин Евпатий на Нéздилу,
Распалился душой молодецкою

И с седла его со́рвал. А Не́здила
Стал молить его слезным молением:
«Отпусти хоть мне душу-то на покаяние!»
Отвечает Евпатий: «Невинен ты —
Мать сырая земля в том виновница,
Что носила такое чудовище:
Пусть и пьет за то кровь твою гнусную...
Ты попомни княгиню Евпраксию
И колей, старый пес, непокаянно!»
Тут взмахнул над шеломом он Не́здилу
И разбил его о́ землю вдребезги;
Сам же кинулся вслед за ордынцами
И погнал их до самой до ставки Батыевой.
Огорчился Батый и разгневался,
Как узнал, что Евпатий убил его шурина,
И велел навести на Евпатия
Он *пороки,* орудия те стенобитные...
И убили тогда крепкорукого,
Дерзосердого витязя; тело же
Принесли перед очи Батыевы.
Изумился и хан, и улусники
Красоте его, силе и крепости.
И почтил хан усопшего витязя:
Отдал тело рязанским дружинникам
И самих отпустил их, примолвивши:
«Погребите вы батыря вашего с честию,
По законам своим и обычаям,
Чтоб и внуки могиле его поклонялися».

11

По зиме Ингорь-князь из Чернигова
Прибыл в отчину, в землю рязанскую,
И заплакал слезами горючими,
Как взглянул на пожарище стольного города.
Подо льдом и под снегом помёрзлые,
На траве-ковыле обнаженны, терзаемы
И зверями и птицами хищными,
Без креста и могилы, лежали убитые
Воеводы рязанские, витязи,
И семейные князя, и сродники,
И всё множество люда рязанского:

Все одну чашу смертную выпили.
Повелел погребать их князь Ингорь немедленно;
Повелел иереям святить храмы божии
И очистить весь город; а сам он с Воронежа
Тело князя Феодора Юрьича
Перенес к чудотворцу Корсунскому,
И княгиню Евпраксию, с сыном их княжичем,
Схоронил в одно место, и три креста каменных
Над могилой поставил. С тех пор прозывается
Николай Чудотворец — Заразским святителем,
Потому что на месте на том заразилася
Вместе с сыном княгиня Евпраксия.

Где честна́я могила Евпатия —
Знают ясные зори с курганами,
Знала старая песня про витязя,
Да и ту унесло ветром-вихорем.

Ох ты, батюшка, город Зарайск новоставленный!
На крутой на горе ты красуешься,
На Осетр на реку ты любуешься
И глядишься в нее веселёхонек,
Словно вправду не знаешь, не ведаешь —
Где ты вырос, над чьими могилами?..
Знать, гора и крута, да забывчива,
Знать, река и быстра, да изменчива,
А правдива запевка старинная:
«На святой Руси быль и была,
Только быльем давно поросла!»

Примечания

Подробное описание события этой поэмы встречается в так называемом «Русском Времяннике», под заглавием: «О нашествии злочестивого царя Батыя на Русскую землю повесть умильна».

«Глаголю же безбожнаго Батыя нашествие на русскую землю еже бысть в лето 6745. Сей убо безбожный, молниина стрела, с бесчисленным множеством агарян, безвестно прииде лесом в 12-е лето по принесении чудотворного образа Николина из Корсуни. И ста на реке на Воронежи, на Опозе, и взя ея пленом, присла послы бездельные, жену чародейцу, и с нею два мужа на Рязань к великому князю Георгию Ингоревичу Рязанскому, и к прочим князьям Муром-

ским и Пронским, просяше у них десятины во всех князех и во всяких людех, и животех и в скотех, и во всем. И услыша сие в. кн. Георг⟨ий⟩ Ингоревич, и вскоре посла во град Владимер к в. кн. Георг⟨ию⟩ Всев⟨олодовичу⟩ Владимерскому, да пойдет с ним противу безбожных агарян, он же сам не пойде, и силы не посла: зане же страх нападе и трепет на всех человек, являя божий гнев. Сего ради поглощена бысть премудрость строити разные дела, и крепких сердца в слабость женскую преложишась. И сего ради ни един же от княз⟨ей⟩ русских не пойде друг другу на помощь, ни совокупившася вси, ни пойдоша противу безбожных; но вдашася в совет суетен, мысляще койжд о себе рать составити. Безбожнии не имуще многих сопротивник себе, и на коегождо отечество находяще, грады приимаху и князи и люди мечу и огню предаваху. Услышав в. к. Георгий Ингоревич, что нет ему помощи от в. к. Георг⟨ия⟩ Всев⟨олодовича⟩ Владим⟨ирского⟩, и вскоре посла по братию свою, по князя Давида Ингоревича Муромского, и по к. Глеба Ингор⟨евича⟩ Коломенского и по Всев⟨олода⟩ Пронского, и по прочие князи и по князь Олега Краснаго. И начаша совещавати, яко нечестиваго подобает дары утоляти. И посла сына своего к. Феодора Георгиевича к нечестивому царю Батыю с дары и с великим молением, дабы не воевал Ряз⟨анской⟩ земли. Князь же Феодор прииде к Батыю на Воронеж с дары и молением, дабы не воевал Ряз⟨анской⟩ земли: безбожный же царь Батый льстив и немилостив дары прия, и охабиса лестию, что не воевати Ряз⟨анск⟩ия земли, и ярясь и хвалясь воевати *Русс⟨кую⟩* землю. И нача просити у ряз⟨анских⟩ князей дщерей и сестер себе на ложе. И некий от вельмож рязанских завистию *насочи* безбожному царю Батыю на кн. Феод⟨ора⟩ Ингоревича Рязанского, яко имеет у себя княгиню от царского рода, а лепотою красна зело; царь же Батые, лукав сый и немилосерд, в неверии своем пореваем и в похоти плоти. И рече к. Ф. Г⟨еоргиеви⟩чу: «Даждь ми, княже, видети жены твоея красоты?» Благоверный же к. Феодор посмеявся и рече: «Неподобно есть християном к тебе, нечестивому царю, водити жены своя на блуд: аще преодолееши, то и женами нашими владети начнеши». Безбожный же царь Батый разъярився, и повеле благоверного к. Феод. Геор⟨гиеви⟩ча убити вскоре, и иных многих.

По неколицех же днех убиения его, благоверная княгиня его Евпраксия стояше в превысоцем храме своем, и держаще на своих белых руках любезное чадо свое князя Ивана Федоровича Постника, и поглядающи ласкового и любезного своего супруга, благоверного князя Феодора Геор⟨гиеви⟩ча, да видит его в радости, когда приидет от нечестивого царя Батыя. И абие вместо радости услыша таковые смертоносные глаголы, яко сожитель ее, благоверный князь Феодор Георг⟨иеви⟩ч, любви ея ради и красоты, от Батыя убиен бысть. И абие наполнися слез и горести и ринуся из превысокого храма своего, и с сыном своим со князем Иваном на среду земли, и заразися до смерти. И оттоле прозвася место то зараз: зане же заразися ту княгиня Евпраксия с сыном своим.

Слышав же к. в. Георгий Ингоревич убиение возлюбленного сына своего к. Феодора и других князей, и нарочитых людей многое побиение от нечестивого Батыя, и начаша плакатися жалостно с ве-

ликою княгинею, и с братию своею и с прочими теми князи совокупляти войско. И учредиша полки, и рече к братии своей: «Господия моя милые братия! Аще благая прияхом от руки господня, то злых ли не потерпим? Лучше нам смертию живот купити, нежели в поганой вере быти. Се убо брат ваш наперед вас испив чашу смертную за святые божие церкви, и за веру христианскую, и за свое отечество». И пойдоша в соборную церковь Успения пресвятыя Богородицы, молящеся со слезами. И даде последнее целование княгине Агриппине Ростиславне. И приим благословение от епископа, и от всего священного собора. И поидоша против нечестивого царя Батыя. И сретоша его близ предел Рязанских... И нападоша на поганых, и начаша битися крепко и мужественно. И бысть сеча ужасна, и мнозии Батыевы сильнии полцы падоша. Но обаче Батыеве силы велице суща зело, яко единому рязанцу битися со стем татаринов; и побиено бысть рязанское воинство, и благоверный великий князь Георгий Ингоревич, и братия его, кн. Давид Муромский, и князь Глеб Коломенский, и князь Всеволод Пронский, иные князи и местные воеводы, и вси удальцы рязанские, все купно умроша, и ни един от них вспять возвратися; единого князя Ольга Красного жива яша, изнемогающа от великих ран. Видев же его царь Батый красна вельми, и хотя его врачевати, и на свою прелесть возвратити: князь же Олег Ингоревич нарече его безбожна и врага христианского: окаянный ж Батый разъярився и повеле вскоре князя Ольга ножи на части разняти. И виде силы своя многое побиение, и разгневася зело, и нача рязанскую землю воевати, и повеле бити и сещи и жещи без милости и град Пронеск и Белград и Ижеславец разори до основания, и вся люди без милости иссекоша. И течеше кровь христианска яко река сильная за грехи наши. И пойдоша ко граду Рязани, и обступиша град и начаша битися неотступно пять дней. Батыево воинство пременяющееся; а граждане истомишася и мнозии побиены быша и ранены. А в шестый день рано приидоша погании ко граду овии со огни, а инии с топоры, а инии с пороки, и с токмачи, и с лествицами: и взяша град Рязань месяца декабря в 21 день; и приидоша в соборную церковь пресвятыя Богородицы; и великую княгиню Агриппину, матерь великого князя, и со снохами и с прочими княжнами иссекоша, и священнический и монашеский чин огню предаша, жены ж и инокиня и девица оскверняху пред всем народом, и церкви и монастыри пожгоша, и люди вся иссекоша, муже и жены и чада, и не бе стонющегося, ни плачущегося ни отцу, ни матери о любимых чадех, ни брату по брате, ни ближнему роду, но вси вкупе мертви лежаще. Сия вся наидоша грех ради наших. Епископа ж тогда не бысть во граде; татарове ж все узорочье и богатство рязанское и черниговское взяша и град сожгоша, и поидоша к Коломне».

В том же «Русском Времяннике» находится сказание о Евпатии Коловрате: «В то ж время некто от вельмож русских, именем Евпатий Коловрат, был в Чернигове с князем Ингорем Ингоревичем, и услыша приход на русскую землю зловерного царя Батыя, иде из Чернигова с малою дружиною, и гнаша скоро и приехавша в землю рязанскую, и виде ею опустевшу, грады разорены, и церкви и домове пожжены, и люди побиты, а инии пожжены, а инии в воде истоплены. Евпатий же видя сие воскрича в горести души своея, и распалясь сердцем: бе бо храбр зело. И собра мало дружины, точию

1700 человек, которые богом соблюдены быша вне града, и погнаша во след безбожного царя Батыя, хотяще мстити кровь христианскую и угнаша его в земли Суждальскии. И внезапу нападоша на станы Батыевы, и начаша сещи без милости и смятошась полки татарские, татарове ж сташа, яко пияни, или неистови. Евпатие ж тако их бияше нещадно, яко и мечи его притупишась, и емля татарские мечи, сечаше их, татарские полки проезжая: они же мняше яко мертвии восташа, яко и самому Батыю царю возбоятись. И едва поимаша от полку Евпатиева пяти человек воинских утрудившихся и изнемогших от воинских ран, и изведоша их к Батыю. И вопроси их: «Коея веры есте, и коея земли, что мне зло творити?» Они же реша: «Веры есмя христианские, а рабы есмя в. к. Георгия Ингоревича Рязанского, а полку Евпатиева Коловратова, посланы есмя тебя царя сильного почтити и честию проводити». Царь же удивися ответу их и мудрости, и посла на Евпатия шурина своего Хоздоврула, и с ним многие полки татарские. Хоздоврул же похвались Батыю царю, хотя Евпатия жива яти и к нему привести. И ступишася полки: Евпатие же исполин сый силою, наеха на Хоздоврула богатыря, и рассече его на полы до седла, и нача сещи силу татарскую и многих богатырей и татар побив, овы на полы пресекая, а иные до седла крояше. И возвестиша сия Батыю: он же слышав сия оскорбися по шурине своем, и повеле навести на Евпатия множество пороков, и начаша бити по нем, и едва убиша крепкорукого и дерзосердного и львояростного Евпатия, и изнесоша его мертва ко царю Батыю. Он же видев его, удивися со князи свои храбрости его и мужеству, и повеле тело его отдати оставшей дружине его, которые на том бою поиманы, и повеле их отпустити и ничем же вредити. Окаянный же Батый еще воздвижеся воевати. . .»

⟨1859⟩

95. ПЕСНЯ

Как наладили: «Дурак,
Брось ходить в царев кабак!»
Так и ладят всё одно:
«Пей ты воду, не вино —
Вон хошь речке поклонись,
Хошь у быстрой поучись».

Уж я к реченьке пойду,
С речкой речи поведу:
«Говорят мне: ты умна,
Поклонюсь тебе до дна;
Научи ты, как мне быть,
Пьянством люда не срамить? . .

Как в тебя, мою реку,
Утопить змею-тоску?..
А научишь — век тогда
Исполать тебе, вода,
Что отбила дурака
От царева кабака!»

⟨1860⟩

96. ПО ГРИБЫ

Рыжичков, волвяночек,
Белыих беляночек
Наберу скорёшенько
Я, млада-младёшенька,
Что для свекра-батюшки,
Для свекрови-матушки:
Перестали б скряжничать —
Сели бы пображничать.

А тебе, постылому,
Старому да хилому,
Суну я в окошечко
Полное лукошечко
Мухомора старого,
Старого, поджарого...
Старый ест — не справится:
Мухомором давится...

А тебе, треклятому,
Белу-кудреватому,
Высмотрю я травушку,
Травушку-муравушку,
На постелю браную,
Свахой-ночкой стланную,
С пологом-дубровушкой
Да со мной ли, вдовушкой.

⟨1860⟩

97. ПЕСНЯ

Ты житье ль мое,
Ты бытье ль мое,
Ты житье-бытье мое ли горемычное!
Что хозяйкой быть,
За седым ходить
Молодешеньке мне — дело непривычное...
Ох ты, милый мой,
Разудалый мой!
Научи меня с недолей потягатися:
Не топить избы,
Не слыхать журьбы,
Со постылым, старым мужем не якшатися.

⟨*1860*⟩

98. ПЕСНЯ

В. В. Крестовскому

Как вечо́р мне, молодешеньке,
Малым-мало ночью спалося,
Малым-мало ночью спалося —
Нехороший сон привиделся.
У меня бы на право́й руке,
Что на малом на мизинчике,
Распаялся жар-золо́т перстень,
Выпал камешек лазоревый...
Знать, что мой милой угадчивый,
С нами, девками, назойливый,
Из белых из рук выпадчивый,
Со белой груди уклонливый!

⟨*1861*⟩

99. ЛЕШИЙ

Николаю Ивановичу Липину

Двойным зеленым строем,
Вдоль узкого проселка,
Под снежной шапкой дремлет
И сосенка и елка;

Осина коченеет
И дрогнет от мороза,
И вся в слезах алмазных
Плакучая береза;

Их предки — в три обхвата,
Поодаль от опушки,
Взнесли над молодежью
Маститые макушки;

Вдали дубняк; да Леший —
Всех выше головою:
Рога торчат сквозь космы;
Копыта под землею...

То всех деревьев выше,
То ниже мелкой травки,
Что топчут чуткой ножкой
Букашки и козявки;

Владыка полновластный
Зеленого народа,
Он всей лесной державе
Судья и воевода.

Зимою он сугробы
В овраги заметает,
И тропки он лисицам
И зайцам прочищает;

И снегом он обносит
Берлогу медвежонка,
И вьет мохнатой лапой
Гнездо для вороненка;

И волку-сыромахе
Он кажет путь-дорогу,
И, на смех доезжачим
И звучному их рогу,

И стае гончих, зверя
В трущобе укрывает...
А к осени деревья
Он холит-сберегает:

Под корень их валежник
И палый лист, вязанкой,
Кряхтя, валит с плеча он
Над белою белянкой,

Над рыжиком и груздем,
Над тонкою опёнкой:
Укроет; проберется
К грибовницам сторонкой

И филином прогукнет,
И в чаще, за кустами,
Засветит, что волчиха,
Зелеными глазами.

В орешнике змеею
Шипит он для потехи,
Чтоб девушки у белок
Не сняли все орехи.

А летом провожает
Убогую калику;
За девицей, охочей
Ходить по землянику,

По ягоду малину
С смородиною черной,
Следит он втихомолку
Промеж листвы дозорной;

И если бойкий парень
Где песенку затянет —
Проказник Леший кличем
Красавицу обманет,

А парня обойдет он...
И если где калику,
Позарясь на понёву,
Котомочку и кику

С зашитым подаяньем,
Бродяга ждет — дед стукнет
На целый лес дубинкой,
Конем заржет, аукнет,

Грозой и буйным вихрем
Вдоль по лесу застонет, —
И в самую трущобу
Недоброго загонит;

Там будет сыт бродяга
До третьего до Спаса:
У яблонь и у пчелок
Накоплено запаса...

А в лес зайдет охотник —
Опять стучит дубинка,
И прячется в трущобе
Вся дичь и вся дичинка...

Всего любезней вёсны
Для деда: припадает
К сырой земле он ухом
И слышит — всё копает,

Всё роется под склепом
Своей темницы тесной,
Всё дышит жаждой жизни
И силою воскресной:

И травка, и муравка,
И первые цветочки,
И первые на волю
Пробившиеся почки.

Вот всё зазеленело;
Летучими цветками

И бабочки и мушки
Порхают над лугами;

Жужжа, роятся пчелы;
Поют на гнездах птицы,
И нá небе играют
Весенние зарницы.

Дед долго и любовно
По лесу ходит-ходит,
Порой с былинки малой
По часу глаз не сводит.

И всё он настороже —
С зари до полуночи,
Пока уж напоследок
Не выбьется из мочи...

Устанет, притомится,
И спать придет охота —
Уйдет в дубовый остров,
В любимое болото:

Там тина — что перина,
Там деду, ночью тихой,
Зыбучая постеля
С русалкой-лешечихой.

Для ней-то он осоку
В зеленый полог рядит;
Для ней медвежьи ушки,
Вороньи глазки садит;

Для ней и незабудки —
Ковром узорно шитым;
Для ней и соловейки
По ветлам и ракитам.

Для ней-то под Купалу,
Полуночью росистой,
И папортник бесцветный
Цветет звездой лучистой.

Сюда уж не добраться
Ни вершникам, ни пешим...
И спит он... Да летает
Недобрый сон над Лешим...

И снится деду, будто
По всей его дуброве
Чудно́е что творится.
И всё как будто внове...

Что мчится издалёка
Неведомая сила
И старую трущобу
Всю лоском положила:

Подсечен, срублен, свален
И сгублен топорами,
Кругом весь остров стонет
Дрожащими ветвями;

Что просека с полвёрсту
Идет поверх болота,
И вдалеке сверкает
Зловещим оком что-то,

И мчится, мчится, мчится,
И ближе подлетает;
Пар из ноздрей и искры;
След полымя сметает,

Шипит, шипит и свищет,
И, словно змей крылатый,
Грозит чугунной грудью
Груди его косматой...

Проснулся, глянул — видит:
Не остров, а площадка;
Дубов — как не бывало:
Всё срублено, всё гладко...

Засыпано болото
Песком, дресвой и щебнем,

И мост над ним поднялся
Гранитным серым гребнем,

И, рассыпая искры,
Далёко в поле чистом
Летит змея-чугунка
С шипением и свистом.

7 января 1861

100. ВОЛХВ[1]

Николаю Федоровичу Щербине

Созвонили про вече... Далече-далече
Загудел *благовестник софийский* про вече
И созвал разудалых, лихих молодцов
Изо всех из *пятин*, изо всех из *концов*;
Приподнял он и в светлой во гриднице княжей
Со гагачьей постели, с подушки лебяжьей
Князя стольного Глеба Мстиславича...
Встал,
И топор с поворузой ременною снял
Под рукав, и в конюшне седлал *вороного;*
Но на вызов народный не выронил слова.
Да и что тут, какие же были б слова,
Если едешь навстречу и речи волхва,
Наипаче коль он сатаной обученный
И ведуньями в чарном костре опаленный?..

Да. Прошла про волхва издалёка молва:
«Не бывало вовеки такого волхва!
Ворожбой он узнает — где шито да крыто?..
Где у баб и у девок пшеница и жито?..
Всё про всё уж доточно проведает он
И наружу, что крадено, высыплет вон,
И не спрячешь за пазухой зернышка хлеба...
Взглянет на небо — нет тебе синего неба:

---

[1] См. Софийскую первую летопись, стр. 145—146 (издание Археографической комиссии).

Звездным свитком свернется и скатится прочь;
И оставит одну непроглядную ночь...

Взглянет нá море — в трепетном ужасе-страхе
Волны резвые лижут, в песке и во прахе,
След от стоп его мощных...
Да что говорить!..
И убить и в тот миг же опять воскресить
Может он нерекомой своей ворожбою,
Может, словно калиткой, ворочать душою...
Значит, знает от бога такие слова...
Не бывало вовеки такого волхва!»

Вот и вышел он, волхв и язычник, на вече;
Вот гудит и гудит *благовестник* далече...
И с пяти всех концов все посадники тут;
И сошелся к волхву добровольный весь люд;
И собрались за ним горожане на вече;
И повел вещий волхв им бесстудные речи...

Говорит:

«Новугороду слава и честь!..
Есть поклон вам от бога и весточка есть,
Он глаголет:
„*Меня* вы не знаете, люди!
Вы язычники — более Ями, и Чуди,
И Литвы... Вы глядите прилежно сюда...
Всё равно предо *мною*: земля иль вода;
Поглядите же все вы очами, как мимо,
Вдоль по Волхову, сын *мой* пройдет невредимо
И на берег наступит нетленной пятой,
Ибо сын он *мой* вещий и праведник *мой*!"»

Сомутилися вечники-люди не в меру
И поверили всуе волхву-изуверу...
Не поверил владыка Феодор о нем:
Пред собором Софийским он стал со крестом,
Возглашая:
«Кто господа-бога боится —
Перед страшным господним крестом преклонится;
Кто же грешен пред божиим страшным крестом,
Тот ошую и стань с окаянным волхвом...»

От епископа Новгород весь отщетился;
Волхованием дьявольским весь соблазнился
И засел, словно маковник, о́крест волхва;
Да в то время левша не бывала права...

Ко епископу князь подошел со дружиной,
И крестом оградилися все как единый;
Приложились дружинники князя; потом
Оградился и князь всепобедным крестом
И встряхнул, молодечества буйного ради,
Он кудрей темно-русых шелко́вые пряди
Под собольею шапкой и молвил волхву
Очи в очи:
«Так ты не во сне — наяву
Бредишь?.. Ну! А скажи мне — о чем говорила
Нонче зорька с тобою и что посулила?»

«Знаю всё и всегда, повседневно, точь-в-точь,
Что сулят мне и зорька и темная ночь».

«Право? — молвил князь Глеб. — А скажи мне: сегодня
Знаешь — ка́к тебе вызволит воля господня?»

«Знаю: я сотворю чудеса!..»

Но в упор
Перешиб все мозги зарукавный топор
И хвастливый язык и гортань всю по груди...

И бежали со страхом все вечники-люди!

15 февраля 1861

101. АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ [1]

Сгинь ты, туча-невзгодье ненастное!..
Выглянь, божие солнышко красное!..

Вот сквозь тучу-то солнце и глянуло,
Красным золотом в озеро кануло,

---

[1] См. «Полное собрание летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею», том 5.

Что до самого дна недостанного,
Бел-горючими камнями стланного...
Только ведают волны-разбойнички
Да тонулые в вёсну покойнички,
Каково его сердце сердитое,
О пороги и берег разбитое!
Вихрем Ладога-озеро, бурей обвеяно,
И волнами, что хмелем бродливым, засеяно.
Колыхается Ладога, всё колыхается,
Верст на двести — на триста оно разливается,
Со своею со зимнею шубой прощается:
Волхов с правого сняло оно рукава,
А налево сама укатилась Нева,
Укатилась с Ижорой она на просторе
Погулять на Варяжском, родимом им море
И с Ижорой в обгонку несется Нева,
И глядят на побежку сестер острова,
И кудрями своими зелеными
Наклоняются по́ ветру вслед им с поклонами. .
И бегут они вместе побежкою скорою,
И бегут вперегонку — Нева со Ижорою.

Али нет в Новегороде парней таких удалых,
Кто б до синего моря не выследил их,
Не стоял бы всю ночь до зари на озерной на страже?
Как не быть!.. Простоял не одну, а три ноченьки даже
Ижорянин крещеный Пелгусий: его от купели
Принял князь Александр Ярославич, на светлой неделе,
А владыка Филиппом нарек...

Вот стоит он, стоит,
И на устье Ижоры он зорко глядит,
Ну и слышит он: раннею алой зарею
Зашумела Ижора под дивной ладьею;
Под ладью опрокинулись все небеса;
Над ладьею, что крылья, взвились паруса,
И стояли в ладье двое юношей в ризах червлёных,
Преподобные руки скрестив на могучих раменах;
На челе их, что солнце, сияли венцы;

И, окутаны мглою, сидели гребцы...
Словно два серафима спустилися с ясного неба...
И признал в них Пелгусий святого Бориса и Глеба.
Говорят меж собою:
«На эту на ночь
Александру, любезному брату, нам надо помочь!
Похваляются всуе кичливые шведы,
Что возьмут Новоград. Да не ведать неверным победы:
Их ладьи и их шнеки размечет Нева...»

И запомнил Пелгусий святые слова.
И пришел с побледнелым от ужаса ликом
К Александру он князю, в смущеньи великом,
И поведал виденье свое он в ночи.
И сказал ему князь Александр:
«Помолчи!»

А была накануне за полночь у князь Александра беседа,
Потому бы, что в Новгород прибыли три сановитые шведа,
Три посланника, — прямо от Магнуса, их короля,
И такой их извет:
«Весь ваш Новгород — отчая наша земля!..
И теперь ополчаемся мы королевскою силою:
Али дайте нам дань, али будет ваш город — могилою...
А для стольного вашего князя с дружиною мы припасли
То цепей и веревок, что вот только б шнеки снесли...»

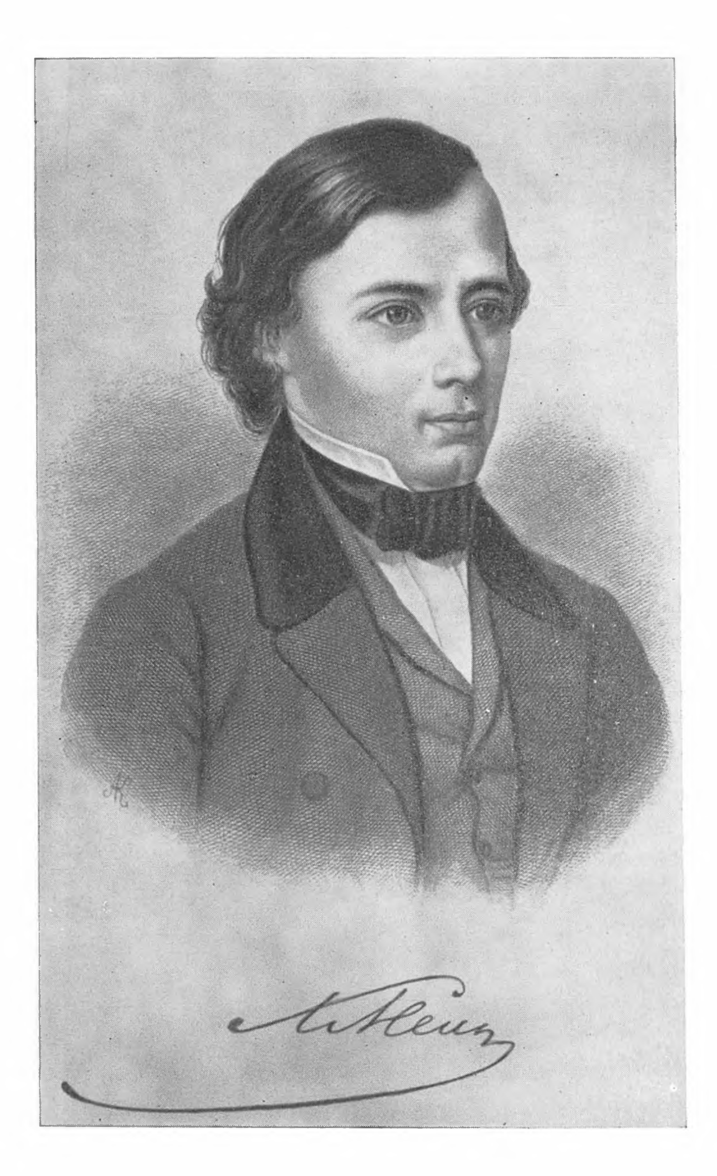
«Ну!.. — *Ратмир* говорит. —
Честь и слава заморской их мочи,
Только мы до цепей и веревок не больно охочи!..
Не слыхать, чтобы Новгород цепь перенес!..»

— «На цепи в Новегороде — разве что пес,
Да и то, коли лют», — подсказал ему *Миша.*

«Три корабия трупьем своим навалиша», —
Яков Ловчий промолвил.

«И господу сил
Слава в вышних!» — от юных по имени *Савва*
твердил.
А *Сбыслав Якунович:*
«Забыли, что жизнь не купить,
не сторгуя».
А *Гаврило Олексич:*
«Да что тут! Не хочет ли
Магнус их...
. . . .
Ты прости, осударь Александр Ярославич!
А спросту
Я по озеру к ним доберуся без мосту!..»

Встал князь с лавки — и все позабыли
Олексичий мост:
Что за стан, и осанка, и плечи, и рост!..
Знать, недаром в Орду его ханы к себе
зазывали,
Знать, недаром же кесарь и шведский король его
братом назвали;
Был у них — и с тех пор королю охладело супружнее
ложе,
Да и с кесарем римским случилося то же...
А ордынки — у них весь улус ошалел...
Только князь Александр Благоверный на них
и глядеть не хотел.
Да и вправду сказать: благолепнее не было в мире
лица,
Да и не было также нигде удальца
Супротив Александра... Родился он — сам с себя
скинул сорочку,
А подрос, так с медведем боролся потом
в одиночку,
И коня не седлал: без седла и узды
Мчался вихрем он с ним от звезды до звезды.

Да и вышел же конь: сквозь огонь, через воду
Князя вынесет он, не спросившися броду.
А на вече-то княжеский голос — то сила, то страсть, то мольба,
То архангела страшного смерти труба...

«Собирайтеся, — молвил дружинникам князь, — со святой благостынею»,
И пошел попроститься с своей благоверной княгинею,
И в Софийский собор поклониться пошел он потом,
Воздыхая и плача пред ликом пресветлым Софии, а тоже
Возглашая псалом песнопевца: «О господи боже,
О великий, и крепкий, и праведный, нас со врагом рассуди:
И да будет твой суд правоверный щитом впереди!»

Собралися дружинники князя — кто пеше, кто конно...
Александр Ярославич повел с ними речь неуклонно:
«Други-братья, помянем не кровь и не плоть,
А слова, что „не в силе, а в правде господь!“»
И дружинники все оградились крестом перед битвою,
И за князь Александр Ярославичем двинулись в поле с молитвою.
Воевода-то шведский их, Бюргер, куда был хитер:
На сто сажен кругом он раскинул шатер
И подпер его столпняком, глаженным, струженным, точенным,
Сквозь огонь главным ро́змыслом шведским золоченным.

И пируют в шатре горделиво и весело шведы,
Новгородские деньги и гривны считая...
И было беседы
За полуночь у них... И решили они меж собой:
Доски бросить на берег со шнек, потому что весь берег крутой,
И пристать неудобно, и весь он обселся глухими кустами...
Порешили — и доски со шнек протянули на берег мостами...
Кончен пир: провели Спиридона, епископа их, по мосткам,
Только Бюргер на шнеку без помочи выбрался сам...
И пора бы: не было бы русской тяжелой погони,
Да и князь Александра...
Заржали ретивые кони —
И Гаврило Олексич, сквозь темных кустов,
Серой *рысью* прыгнул на сшалелых врагов,
И сдержал свое слово: добрался он спросту
По доскам до епископской шнеки без мосту.
И учал он направо и лево рубить всё и сечь,
Словно в жгучие искры о вражьи шеломы рассыпался меч.
Образумились шведы в ту пору, и вскоре
Сотней рук они витязя вместе с конем опрокинули в море.
Да Гаврило Олексич куда был силен и строптив,
Да и конь его *Ворон* куда был сердит и ретив...
Окунулися в море, да мигом на шнеке опять они оба,
И в обоих ключом закипела нещадная злоба:
И железной подковой и тяжким каленым мечом сокрушен,
Утонул воевода-епископ и рыцарь их, сам Спиридон.
А Сбыслав Якунович, тот сек эту чудь с позевком и сплеча,
И проехал сквозь полк их, и даже подкладом не вытер меча...
Хоть вернулся к дружине весь красный и спереди он да и сзади,

И его Александр похвалил молодечества буйного ради...
А Ратмир не вернулся, и только уж други смогли
Вырвать труп для схорона на лоне родимой земли.
«Три корабия трупьем своим навалиша!» —
Крикнул ловчий у князь Александра, а Миша,
Стремянной, говорит: «Хоть пасли мы заморских гусей их, пасли,
Да гусынь их, любезных трех шнек, почитай, не спасли».
Балагур был. А Савва-то отрок досмысленный был,
И у Бюргера в ставке он столп золотой подрубил,
Да и ворогов всех, что попалися под руку, тоже
Топором изрубил он в капусту... А князь-то... О господи-боже!
Как наехал на Бюргера, их воеводу, любимым конем,
Размахнулся сплеча и печать кровяную булатным копьем
Положил меж бровей хвастуну окаянному — шведу...

Затрубили рога благоверному князь Александру победу,
И со страхом бежали все шведы, где сушью, а где по воде;
Но настигла их быстро господняя кара везде:
Уж не князь Александр их настиг со своей удалóю дружиной,
А другой судия на крамольников, вечно единый...

И валилися шведы валежником хрупким, со смертной тревогой,
Убегая от божией страшной грозы ни путем, ни дорогой:

По лесам и оврагам костями они полегли,
Там, где даже дружинники князя за ними погоней не шли...

На заре, крепкой тайной, с дружиною близился князь
К Новугороду; только была им нежданная встреча:
Застонал благовестник, и громкие крики раздалися с веча,
И по Волхову к князю молебная песнь донеслась,
И в посаде встречали с цветами его новгородки —
И княгини, и красные девки, и все молодые молодки,
В сарафанах цветных, и в жемчужных повязках, и с лентой в косе.
И бросались они на колени пред князем возлюбленным все,
А епископ и клир уж стояли давно пред Софийским собором
И уж пели молебен напутственный князю с дружиною хором,
И успел по поднéбесью ветер развеять победную весть:
«*Князю Невскому* слава с дружиной, и многие лета, и честь!»

Много лет прожил князь Александр... Не бывало на свете
Преподобного князя мудрее — в миру, и в войне, и в совете,
И хоруговью божьею он осенял княженецкий свой сан;
А затем и послов ему слали и кесарь, и папа, и хан,
И на письмах с ним крепко любовь и согласье они заручили,
А король шведский Магнус потомкам своим завещал,

Чтоб никто ополчаться на Русь на святую из них
не дерзал...
Да и князь был от миру со шведом не прочь...
Только годы уплыли, —
И преставился князь...
И рыдали, рыдали, рыдали
Над усопшим и старцы, и малые дети с великой
печали
В Новегороде... Господи! Кто же тогда бы
зениц
В княжий гроб не сронил из-под слёзных
ресниц?

Князь преставился...
Летопись молвит: «Почил без
страданья и муки,
И безгрешную душу он ангелам передал в светлые
руки.
А когда отпевали его в несказанной печали-тоске,
Вся святая жизнь князя в-очью́ пред людьми
объявилась,
Потому что для грамоты смертной у князя десница
раскрылась,
И поныне душевную грамоту крепко он держит
в руке!»

И почиет наш князь Александр Благоверный над
синей Невою,
И поют ему вечную память волна за волною,
И поют память вечную все побережья ему...
Да душевную грамоту он передаст ли кому?
Передаст! И крестом осенит чьи-то мощные
плечи,
И придется кому-то услышать святые загробные
речи!..

Сгинь ты, туча-невзгодье ненастное!
Выглянь, божие солнышко красное!..

31 марта 1861

НА БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ

102. ОТОЙДИ ОТ МЕНЯ, САТАНА!

На горе первозданной стояли они,
И над ними, бездонны и сини,
Поднялись небосводы пустыни.
А под ними земля — вся в тумане, в тени.
И Один был блистательней неба:
Благодать изливалась из кротких очей,
И сиял над главою венец из лучей;
А *другой* был мрачнее эреба:
Из глубоких зениц вылетали огни,
На челе его злоба пылала,
И под ним вся гора трепетала.
И Мессии сказал сатана:
«Раввуни!
От заката светил до востока,
Землю всю, во мгновение ока,
Покажу я тебе...»
И десницу простер...
Прояснилася даль... Из тумана
Засинелася зыбь океана,
Поднялися громады маститые гор,
И земли необъятной равнина,
Вся в свету и в тени, под небесным шатром
Разостлалася круглым, цветистым ковром.

Каменистая степь... Палестина...
Вот седой Арарат; вот угрюмый Синай;
Почернелые кедры Ливана;
Серебристая бить Иордана;
И десницей карающей выжженный край,
И возлюбленный град Саваофа:
Здесь Сион в тощей зелени ма́слин, а там
Купы низких домов с плоской кровлею, храм,
Холм и крест на нем праздный — Голгофа.

К югу — степь без границ. Перекатной волной
Ураганы песок поднимают,
А на нем оази́сы мелькают,
Как зеленый узор на парче золотой.

Красной пылью одеты, деревья
Клонят книзу вершины под гнетом плода;
Разбрелись табуны кобылиц и стада
Вкруг убогих наметов кочевья;
Смуглоликих наездников рыщут толпы́;
Воздух пламенем встречу им пышет,
А по воздуху марево пишет
Стены, башни, палаты, мосты и столпы.
Мимо...

Серой, гремучей змеею,
Бесконечные кольца влача через ил,
В тростниках густолиственных тянется Нил.
Города многочленной семьею
Улеглися на злачных его берегах;
Блещут синие воды Мерида;
Пирамида, еще пирамида,
И еще, и еще, — на широких стопах
Опершись, поднялися высоко;
Обелисков идет непрерывная цепь;
Полногрудые сфинксы раскинулись, в степь
Устремляя гранитное око.
Мимо...

Инд и Гангéс сребристоводной четой
Ка́тят волны в далекое море;
Вековые леса на просторе
Разрослися везде непроглядной стеной;
Мелкой сетью заткали лианы
Все просветы с верхушек дерев до корней;
Попугаи порхают; с тяжелых ветвей
С визгом прыгают вниз обезьяны;
Полосатую матку тигренок сосет;
Птичек носится яркая стая;
Осторожно сучки раздвигая,
Слон тяжелою поступью мерно бредет;
На коврах из цветов и из ягод
Змеи нежатся, свившись упругим кольцом,
И сквозь темную зелень, зубчатым венцом,
Выдвигаются куполы па́год.
Под нависшим их сводом, во мраке, блестит
В драгоценных каменьях божница;

Безобразные идолов лица
Луч священной лампады слегка золотит;
Пред богами жрецы-изуверы,
Преклоняясь во прах, благовония жгут,
И, в неистовой пляске кружася, поют
Свой молитвенный гимн баядеры.
Мимо...

Север... Теряясь в безвестной дали,
Разметались широко поляны;
Смурой шапкой нависли туманы
Над челом побелелым холодной земли.
Нечем тешить пытливые взоры:
Снег да снег, всё один, вечно девственный снег,
Да узоры лиловые скованных рек,
Да сосновые темные боры.
Север спит: усыпил его крепкий мороз,
Уложила седая подруга,
Убаюкала буйная вьюга...
Не проснется вовек задремавший колосс,
Или к небу отчизны морозной
Приподнимет главу, отягченную сном,
Зорко глянет очами во мраке ночном
И воспрянет громадою грозной?
Он воспрянет и, долгий нарушивши мир,
Глыбы снега свои вековые
И оковы свои ледяные
С мощных плеч отряхнет на испуганный мир.
Мимо...

Словно младая наяда,
В светлоструйном хитоне, с венчанной главой,
Из подводных чертогов, из бездны морской
Выплывает небрежно Эллада.
Прорезные ряды величавых холмов,
Острова, голубые заливы,
Виноградники, спелые нивы,
Сладкозвучная сень кипарисных лесов,
Рощей пальмовых темные своды —
Созданы для любви, наслаждений и нег...

Чудесами искусств увенчал человек
Вековечные дива природы:
Вдохновенным напевам слепого певца
Вторят струны чарующей лиры;
В красоте первобытной кумиры
Возникают под творческим взмахом резца;
Взор дивят восковые картины
Смелым очерком лиц, сочетаньем цветов;
Горделивой красой храмов, стен и домов
Спорят Фивы, Коринф и Афины.
Мимо...

Рим. Семихолмный, раскидистый Рим,
Со своей нерушимой стеною,
Со своею Тарпейской скалою,
С Капитолием, с пенистым Тибром своим...
Груды зданий над грудами зданий;
Термы, портики, кровли домов и палат,
Триумфальные арки, дворцы и сенат
В коронадах нагих изваяний
И в тройном ожерелье гранитных столпов.
Вдоль по стогнам всесветной столицы
Скачут кони, гремят колесницы,
И, блестя подвижной чешуею щитов,
За когортой проходит когорта.
Мачты стройных галер поднялись как леса,
И, как чайки, трепещут крылом паруса
На зыбях отдаленного порта.
Форум стелется пестрою массой голов;
В цирке зрителей тесные группы
Обнизали крутые уступы;
Слышен смешанный говор и гул голосов:
Обитателей Рима арена
Созвала на позорище смертной борьбы.
Здесь с рабами сразятся другие рабы,
В искупленье позорного плена;
Здесь боец-победитель, слабея от ран,
Юной жизнью заплатит народу
За лавровый венок и свободу;
Здесь, при радостных кликах суровых граждан,
Возращенцев железного века,
Под вестальскою ложей отворится дверь,

На арену ворвется некормленый зверь
И в куски изорвет человека...
Мимо...

Полной кошницею свежих цветов,
На лазурных волнах Тирренеи,
Поднимаются скалы Капреи.
Посредине густых, благовонных садов
Вознеслася надменно обитель —
Перл искусства и верх человеческих сил:
Словно камни расплавил и снова отлил
В благолепные формы строитель.
В темных нишах, под вязями лилий и роз,
Перед мраморным входом в чертоги,
Настороже — хранители-боги
И трехглавый, из золота вылитый пес.
Купы мирт и олив и алоэ
Водометы жемчужною пылью кропят...
Скоморохи в личинах наполнили сад,
Как собрание статуй живое:
Под кустом отдыхает сатир-паразит,
У фонтана гетера-наяда,
И нагая плясунья-дриада
Сквозь зеленые ветви лукаво глядит.
Вкруг чертогов хвалебные оды
Воспевает согласный невидимый клир,
Призывая с небес благоденственный мир
На текущие кесаря годы,
Прорицая бессмертье ему впереди,
И, под стройные клирные звуки,
Опершись на иссохшие руки,
Старец, в пурпурной тоге, с змеей на груди,
Среди сонма Лаис и Глицерий,
Задремал на одре золотом... Это сам
Сопрестольный, соравный бессмертным богам
Властелин полусвета — Тиверий.

«Падши ниц, поклонись — и отдам всё сполна
Я тебе...» — говорит искуситель.
Отвещает небесный учитель:
«Отойди, отойди от меня, сатана!»

1851

103. ДАВИДУ — ИЕРЕМИЕМ

На реках вавилонских
Мы сидели и плакали, бедные,
Вспоминая в тоске и слезах
О вершинах сионских:
Там мы лютни повесили медные
На зеленых ветвях.
И сказали враги нам:
«Спойте, пленники, песни сионские!».
— «Нет, в земле нечестивой, чужой,
По враждебным долинам
Не раздаться, сыны вавилонские,
Нашей песне святой!»
Город господа брани,
Мой Шалим светозарный! в забвении
Будет вечно десница моя,
И присохнет к гортани
Мой язык, если я на мгновение
Позабуду тебя!
Помяни, Адонаи,
В день суда, как эдо́мляне пламени
Предавали твой город и в плен
Нас вели, восклицая:
«Не оставим и камня на камени!»
О, блажен и блажен,
Злая дочь Вавилона,
Кто воздаст твоей злобе сторицею,
Кто младенцев твоих оторвет
От нечистого лона
И о камень их мощной десницею
Пред тобой разобьет!

(1854)

104. ЮДИФЬ

Посвящается
Софье Григорьевне Мей

1

Недавно, ночью, ассирийской стражей
К шатру вождя была приведена
Из Ветилуи беглая жена...

Еврейский город, перед силой вражей,
На смелый бой и тысячу смертей
Готовяся в отчаянье упорном,
Как старый лев, залег в ущелье горном
И выжидал непрошеных гостей;
Но обманулся он: враги не подходили,
А голодом его и жаждою томили.

И вот уж тридцать и четыре дня
Народ выносит ужасы осады —
И нет ему спасенья и пощады...
Вотще воззвал он к господу, стеня;
Вотще в нем вера праотцев воскресла;
Вотще принес он на алтарь свой дар,
И пеплом пересыпал свой кидар,
И вретищем перепоясал чресла,
И умертвил постом и покаяньем плоть:
Во гневе отвратил лицо свое господь.

От Дофаима вплоть до Экревила,
От Ветилуи и нагорных мест,
По всей долине Хусской и окрест
Ассуров рать лицо земли покрыла.
И конники, и пешие бойцы,
И в ополченье бранном колесницы,
И на слонах подвижные стрельницы,
И челядь, и плясуньи, и ловцы,
И евнухи, и вся языческая скверна —
Всё станом стало вкруг намета Олоферна.

Он вождь вождей... Ему самим царем,
Властителем стовратой Ниневии,
Повелено — согнуть народам выи
Под тягостный, но общий всем ярем;
Повелено — потщиться, в страхе многом,
И истребить нещадно всякий род,
Что в слепоте своей не признает
Царя земли — единым, сильным богом...
И на челе тьмы тем стал Олоферн тогда, —
И царства рушились, и гибли города.

И перед ним во прах главы склоняли
Недавние кичливые враги
И всепобедный след его ноги
С подобострастным трепетом лобзали...
И далее, успехом возгоржен,
Он шел, без боя страны покоряя...
Вдруг перед ним утесов цепь сплошная,
И нет пути... Остановился он:
Ничтожный городок залег в ущелье горном
И преграждает путь в отчаяньи упорном...

2

Сатрап почил на пурпуре одра,
Под сению завесы златотканой,
В каменья многоценные убранной,
Когда, со стражей, у его шатра
Явилася еврейка... Разгласилось
По всем шатрам пришествие жены,
И собрались Ассуровы сыны,
И всё их ополчение столпилось
Вокруг пришелицы, и удивлялись все
Евреям и ее неслыханной красе.

И посреди невольников безгласных
Вошла Юдифь в предсение шатра...
Сатрап восстал от пышного одра
И, в сонмище вельмож подобострастных,
В предшествии серебряных лампад,
Предстал перед еврейскою женою...
Смутилася Юдифь перед толпою,
И трепетом был дух ее объят,
И пала в прах она, исполненная страха,
И подняли ее невольники от праха.

И Олоферн Юдифи:
«Не страшись!
Не сделано обиды Олоферном
Тому, кто был царю слугою верным.
И *твой* народ передо мной смирись
И не противься в гордости — с победой

В его горах не появился б я
И на него не поднял бы копья...
Не бойся же и правду нам поведай:
Зачем гы от своих передалася нам?»
И молвила Юдифь в ответ его речам:

«Владыка мой! прийми слова рабыни,
И лжи тебе она не возвестит:
Она тебе, владыка, предстоит
Пророчицей господней благостыни.

Всем ведомо, что в царстве ты один
И в разуме и в деле бранном чуден,
И благ душой, и мудро-правосуден...
Послушай же, владыка-господин!
Мой род несокрушим — крепки́ его основы, —
Пока угоден он пред оком Иеговы.

Но на пути нечестия и зла
Израиль стал — и погибает ныне...
И повелел господь твоей рабыне
Творить с тобой великие дела:
Я поведу тебя к победам новым —
И вся земля падет к твоим стопам».

И Олоферн сказал своим слугам:
«Еврейка нам угодна вещим словом».
И все сказали: «Нет жены, подобной ей,
Ни в красоте лица, ни в разуме речей».

И Олоферн: «Спасла себе ты душу,
От племени строптивого прийдя
В победный стан ассурского вождя.
Я говорю, и слова не нарушу,
Пока я жив и власть моя жива!
Ты в этот день прославилась пред нами
И красотой, и мудрыми речами, —
И если бог внушил тебе слова,
Войдешь в чертог царя ты в ликованьи многом,
И будет твой господь моим единым богом».

8

Три дня Юдифь меж вражеских шатров
Свила гнездо голубкой непорочной,
И третью ночь уходит в час урочный
Молиться в сень пустынную дубров.
Но занялась четвертая денница...

Сатрап рабам вечерний пир дает...
К еврейке евнух крадется в намет:
«Не поленись, моя отроковица,
Прославиться красой перед вождем вождей
И быть с ним как одна из наших дочерей».

И говорит ему еврейка: «Кто я,
Чтоб отказать владыке моему?..
Иди и возвести слова мои ему».

...И вышел от нее ликующий Вагоя...
Вечерний пир кипит уже в шатре:
Торопят вина общее веселье...
В запястиях, в перловом ожерелье,
На постланном рабынею ковре,
Вошедши, возлегла Юдифь перед гостями,
Сверкая яхонтом подвесок и очами.

И пил сатрап, так много пил сатрап,
Как не пивал ни разу от рожденья. -
И в нем в ту ночь дошла до исступленья
К Юдифи страсть, — и духом он ослаб...
Позднело... Гости вышли всей толпою;
Вагоя сам замкнул шатер отвне —
И пребыли тогда наедине
Ассурский вождь с еврейскою женою, —
Он — на пурпурный одр поверженный вином,
Она — пылавшая и гневом и стыдом...

Спит Олоферн... Полуденною кровью
Горят его ланиты и уста.
И всё в нем — мощь, желанье, красота...
И подошла еврейка к изголовью —
Меч Олоферна со столпа сняла,
Одним коленом оперлась на ложе
И, прошептав: «Спаси народ твой, боже!» —

В горсть волосы сатрапа собрала
И два раза потом всей силою своею
Ударила мечом во вражескую шею —

И голову от тела отняла,
И, оторвав завесу золотую,
Ей облекла добычу роковую,
Шатер стопой неслышною прошла,
Прокралася к внимательной рабыне —
И миновала усыпленный стан...

4

Бежит ассур, испугом обуян,
С зари бежит, рассыпавшись в пустыне,
Затем что свесили с зарею со стены
Главу его вождя Израиля сыны.

От Дофаима вплоть до Экревила,
От Ветилуи и нагорных мест,
По всей долине Хусской и окрест
Бежит ассура дрогнувшая сила.
И вражий стан расхищен и сожжен;
Возмещены сторицею евреи,
И к господу воззвали иереи, —
И, посреди хвалебных ликов жен,
Воскликнула Юдифь в опустошенном стане:
«Хвалите господа в кимвале и тимпане!

Пришел ассур от севера — и тьмы
Его стрельцов лицо земли покрыли,
И водные истоки заградили,
И конница покрыла все холмы.
Хвалился он пожечь мою обитель,
И юношей мечами умертвить,
И по́мостом младенцев положить,
И дев пленить... Но бог и вседержитель —
Непреборимый бог и мира и войны —
Во прах низверг врага десницею жены!

Не силою земного исполина
Враг сокрушен и гибнет до конца —

Его красой победною лица
Сразила дочь младая Мерарина,
Затем что ризы вдовии сняла
И умастилась благовонным маслом,
И увенчала волосы увяслом,
И взор вождя соблазном привлекла:
Моя сандалия ему прельстила око —
И выю вражию прошел мой меч глубоко.

Велик наш бог! Воспойте песнь ему!
Погибнул враг от божья ополченья,
И мало жертв, и мало всесожженья,
Достойного владыке моему!
Он — судия и племенам и родам;
И движутся, словам его внемля,
И небеса, и воды, и земля...
Велик наш бог! .. И горе тем народам,
Которые на нас, кичася, восстают, —
Зане их призовет господь на страшный суд!»

⟨*1855*⟩

105. ПОДРАЖАНИЕ ВОСТОЧНЫМ

Н. И. Кролю

Храни поученье отцово,
Мой сын, и в скрижали души
Мое заповедное слово
Отныне навеки впиши:
Пребудь безбоязнен душою,
Но господа бойся и чти;
Премудрость зови ты сестрою
И разум себе просвети.
И речи греха и обмана
Не будут над мудрым властны,
И в разуме будет охрана
Тебе от лукавой жены.

Взгляни! .. Не находит на ложе
Она ни покоя, ни сна,
И ночью сидит насторóже,

Сидит и глядит из окна —
Не бродит ли где в околотке
Случайно глупец молодой?
Не слышно ли праздной походки?
Не слышно ли песни ночной?
Увидит — услышит далече,
И выйдет, и станет ласкать,
И станет коварные речи
С бесстыдным лицом лепетать:
«Сегодня должна, по обету,
Я мирную жертву свершить,
А гостя любимого нету
Трапе́зу мою разделить.
Тебя я ждала и искала —
Ждала от вечерней поры:
Завесила одр и постлала
Египта двойные ковры,
Посыпала ложе шафраном,
Корицей посыпала пол —
Войди — и в весельи желанном
Возляжем за трапезный стол.
Мой муж отлучился далеко
И много унес серебра,
Унес и ревнивое око, —
Пробудь у меня до утра...»
Прельстила беседою грешной,
Тенетами уст привлекла, —
И вслед за женою поспешно
Безумная жертва пошла:
Идет он, как вол на закланье,
Идет он, как к привязи пес,
Забыв, что души достоянье
На жертву блуднице принес.

⟨1856⟩

106. ПСАЛОМ ДАВИДА НА ЕДИНОБОРСТВО С ГОЛИАФОМ

Я меньше братьев был, о боже,
И всех в дому отца моложе,
И пас отцовские стада;

Но руки отрока тогда
Псалтирь священную сложили,
Персты настроили ее
И имя присное твое
На вещих струнах восхвалили.
И кто о мне тебе вещал?
Ты сам услышать соизволил,
И сам мне ангела послал,
И сам от стад отцовских взял,
И на главу младую пролил
Елей помазанья святой...
Велики братья и красивы,
Но неугодны пред тобой...
Когда ж Израиля на бой
Иноплеменник горделивый
Позвал — и я на злую речь
Пошел к врагу стопою верной,
Меня он проклял всею скверной,
Но я исторгнул вражий меч
И исполина обезглавил,
И имя господа прославил.

⟨1857⟩

107. ЭНДОРСКАЯ ПРОРИЦАТЕЛЬНИЦА

Саул разгневан и суров:
Повсюду видит тайный ков;
Везде врагов подозревая,
Он, в лютой ярости, из края
Изгнал пророков и волхвов.

Ему виссонная хламида
И золотой венец — обида
И бремя тяжкое с тех пор,
Как восхвалил евреек хор
Певца и пастыря Давида.

Меж тем напасть со всех сторон:
Народ взволнован и смятен;

Перед Сулéмом, в крепком стане,
Опять стоят филистимляне:
Гроза собралась на Сион.

Душа Саула тьмой одета...
Нет Самуила — нет совета...
Склонив молитвенно главу,
Царь вопросил Иегову,
Но не дал бог ему ответа.

Призвал вельмож: «Хочу сполна
Изведать — что сулит война?
Сыщите мне волхвов...» И вскоре
Ему приносят весть: «В Эндоре
Есть духовидица-жена».

Пошел он к ней; в ночную пору,
Как тать, приблизился к Эндору,
И двое слуг любимых с ним...
Старуха призраком седым
Предстала царственному взору.

«Я знаю, — царь промолвил ей, —
Тебе, на вызов твой, теней
Являет темная могила:
Внемли же мне и Самуила
Из гроба вызови скорей».

Ему старуха: «Я не смею:
Могильной чарою владею,
Но гнева царского страшусь...»
И отвечал ей царь: «Клянусь
Душой и жизнию моею —

Саул простит тебя, жена!»
...И — тайным ужасом полна
И прорицанья вещим жаром —
Старуха приступила к чарам...
Но вдруг замедлилась она,

Умолкла, вся затрепетала...
«Ты — сам Саул! — она сказала. —
Зачем меня ты обманул?..»
И молвил ей в ответ Саул:
«Скажи, пророчица, сначала,

Что видишь?» — «Вижу я вдали
Богов, исшедших из земли».
— «Кого ты увидала прежде?»
— «Кого-то в шелковой одежде,
В покрове белом...» — «Но внемли

И отвечай, — Саул ей снова. —
Лицо ты видишь сквозь покрова?»
Старуха: «Вижу: он седой,
В кидаре, с длинной бородой...»
И царь Саул не молвил слова

И в прах главу свою склонил...
Тогда Саулу Самуил
Вещал: «Зачем ты потревожил
Мой дух и дерзостно умножил
Грехи пред господом всех сил?»

Саул: «Вот... ополчившись к бою,
Спросил я господа с мольбою:
Предаст ли в руки мне врагов?
Но не ответил Саваоф...»
— «Зане прогневан он тобою!

Зане на смерть обречены
И ты и все твои сыны! —
Пророк усопший возглашает. —
Тобой Израиль погибает
И ввержен в ужасы войны.

Не ты ль добра личиной лживой
Прикрыл свой дух властолюбивый
И угнетенья семена
В Израиль высеял сполна?
Любуйся ж, пахарь, спелой нивой

И жни на ней позор и страх...
То царство распадется в прах,
В пучине зол и бед потонет,
Где царь пророков вещих гонит
И тщится мысль сковать в цепях!»

И поднял он покров над ликом...
Саул восстал с безумным криком...
А утром бой был... а потом
Саул пронзил себя мечом, —
В урок неистовым владыкам.

2 сентября 1857

108. ПРИТЧА ПРОРОКА НАФАНА

В венце и в порфире, и в ризе виссонной,
Внезапно покинув чертог благовонный,
Где смирна курилась в кадилах невольников,
Где яства дымились пред сонмом состольников
И в винах сверкали рубин и янтарь,
Где струны псалтирные славили бога, —
На кровлю чертога
Взошел псалмопевец и царь.

Взошел он — пред господом мира и брани
Воздеть покаянно могучие длани
За кровь, пролитую в борьбе с аммонитами,
Взошел примириться молитвой с убитыми —
По воле престолодержавной его
Стоял еще гибнувший окрест Раббава
Весь полк Иоава,
А брань началась ни с чего.

И к небу возвел он орлиное око
И долу склонил: перед взором далёко
Стремилася ввысь синева бесконечная,
И зрелась в ней Сила и Воля предвечная...

Смутился, вниз глянул — и дрогнул...
В саду,
Вся в огненных брызгах, что змейка речная,
Жена молодая,
Купаясь, плыла по пруду...

Ревниво поднявшись кругом вертограда,
Как евнух докучный, стояла ограда;
Ревнивей ограды, шатрами зелеными
Ливанские кедры срослись с кинамонами;
Маслина ветвями склонялася низ;
Всё солнцем прогретое, ярко-цветное,
Сочилось алоэ,
И капал смолой кипарис.

Очей от купальщицы царь не отводит;
И вот она нá берег смело выходит.
Тряхнула кудрями, что крыльями черными,
И капли посыпались крупными зернами
По гибкому стану и смуглым плечам;
Дрожат ее перси, как две голубицы;
Прильнули ресницы
К горячим и влажным щекам.

Рабыня ей стелет ковер пурпуро́вый,
Младые красы облекает в покровы,
На кудри льет мирра струю благовонную...
И царь посылает спросить приближенную:
«Кто женщина эта?» И молвит раба:
«Она от колена и рода Хеттии,
Супруга Урии,
Элиама дочь, Бэт-Шэба».

И близкие слуги, по царскому слову,
Красавицу вводят в ложницу цареву,
И только наутро, пред светлой денницею,
Еврейка рассталася с пышной ложницею
И вышла так тайно, как тайно вошла...
Но вскоре царя извещает: «К рабыне
Будь милостив ныне:
Под сердцем она понесла».

И ревностью сердце Давида вскипело;
Задумал он злое и темное дело...
Урию из стана позвал к себе лестию
И встретил дарами, почетом и честию,
И два дня Урия в дворце пировал;
На третий был снова с израильской ратью:
С ним царь, за печатью,
Письмо к Иоаву послал.

Написано было царем Иоаву:
«Приблизься немедля всем станом к Раббаву,
Но ближе всех прочих пред силою вражею
Пусть станет Урия с немногою стражею —
Ты прочь отступи и оставь одного:
Пусть будет он смят и задавлен врагами,
И пусть под мечами
Погибнет и стража его».

И вождь Иоав перед силою вражей
Поставил Урию с немногою стражей,
С мужами, в бою и на брани несмелыми,
А сам отступил перед первыми стрелами
К наметам и ставкам своим боевым.
И вышли из града толпой аммониты,
И были убиты
Урия и отроки с ним.

И горько жена по Урии рыдала,
Но вдовьего плача пора миновала,
И царь за женой посылает приспешников...
Да бог правосудный преследует грешников,
Порочное сердце во гневе разит
Под самою сенью царева чертога,
А господа бога
Прогневал собою Давид.

И бог вдохновляет Нафана-пророка...
Предстал сердцеведец пред царское око
И молвил: «Приими от меня челобитную,
Яви мне всю правду свою неумытную
И суд изреки мне по правде своей,

Да буду наставлен моим господином...
Во граде едином
Знавал я двух неких мужей.

Один был богатый, другой был убогой...
И было добра у богатого много,
И стад и овец у него было множество,
А бедному труд, нищета и убожество
Достались на долю, и с нивы гнала
Его полуночь, а будила денница,
И только ягница
Одна у него и была.

Купил он ее и берег и лелеял;
Для ней и орал он, для ней он и сеял;
С его сыновьями росла и питалася,
Из чаши семейной его утолялася;
Как дочь, засыпала на лоне его;
Была ему так же любовна, как дети,
И не было в свете
Дороже ему ничего...

Богатый, что лев пресыщенный в берлоге...
Но вот к нему путник заходит с дороги —
И жаль богачу уделить ото многого,
А силою взял он ягницу убогого,
Зарезать велел и подать на обед...
Что скажет владыка и как он рассудит?»
Давид: «И не будет,
И не было казни, и нет

Для этого мужа: кровь крови на муже!»
Нафан ему:
«Царь, поступаешь ты хуже!
Похитил у бедного радость единую
И пролил предательски кровь неповинную:
Урию поставил под вражеский меч
И силой жену его взводишь на ложе!
О боже мой, боже!
Где суд твой, и правда, и речь?

На нас и на чадах они, и над нами!..
Царь, бог возвещает моими устами:
Твое отроча, беззаконно рожденное,
Умрет беззаконно, как всё беззаконное...
Тебя охраняя, и чтя, и любя,
Погиб от тебя же твой раб и твой воин...
Ты смерти достоин.
Но сын твой умрет за тебя».

И пал псалмопевец, рыдая, на ложе,
И к богу воззвал он:
«Помилуй мя, боже,
Помилуй! Зане я и прах и ничтожество,
Зане, милосердый, щедрот твоих множество
И милость твоя не скудеет вовек.
Суди же раба твоего благосклонно:
Зачат беззаконно,
Рожден во грехах человек.

Предстал перед суд твой всестрашный и правый
Твой раб недостойный, убийца лукавый:
Воздай мне за зло мое, боже, сторицею,
Казни, но наставь вездесущей десницею!
Наставь меня, боже, на правом пути,
Зерно упованья внедри в маловерце,
Очисти мне сердце,
Душевную тьму освети!»

И долго молил он, рыдая на ложе:
«Помилуй мя, боже, помилуй мя, боже!»
И сын его умер...
С тоской несказанною
Давид преклонился главою венчанною,
Но бог псалмопевца — царя и раба —
Простил, осенив его царское лоно...
Простил: Соломона
Царю родила Бэт-Шэба.

27 апреля 1858

109—121. *ЕВРЕЙСКИЕ ПЕСНИ*

1

Поцелуй же меня, выпей душу до дна...
Сладки перси твои и хмельнее вина;
Запах черных кудрей чище мирры стократ,
Скажут имя твое — пролитой аромат!
    Оттого — отроковица —
    Полюбила я тебя...
    Царь мой, где твоя ложница?
    Я сгорела, полюбя...
Милый мой, возлюбленный, желанный,
Где, скажи, твой одр благоуханный?..

25 июля 1856

Хороша я и смугла,
Дочери Шалима!
Не корите, что была
Солнцем я палима,
Не найдете вы стройней
Пальмы на Энгадде:
Дети матери моей
За меня в разладе.
Я за братьев вертоград
Ночью сторожила,
Да девичий виноград
Свой не сохранила...
Добрый мой, душевный мой,
Что ты не бываешь?
Где пасешь в полдневный зной?
Где опочиваешь?
Я найду, я сослежу
Друга в полдень жгучий
И на перси положу
Смирною пахучей.

По опушке леса гнал
Он козлят, я — тоже,

И тенистый лес постлал
Нам двойное ложе —
Кровлей лиственной навис,
Темный, скромный, щедрый;
Наши звенья — кипарис,
А стропила — кедры.

3 августа 1856

3

«Я — цветок полевой, я — лилея долин».
— «Голубица моя белолонная
Между юных подруг — словно в тернии крин».
— «Словно яблонь в цвету благовонная
Посредине бесплодных деревьев лесных,
Милый мой — меж друзей молодых;
Я под тень его сесть восхотела — и села,
И плоды его сладкие ела.
Проведите меня в дом вина и пиров,
Одарите любовною властию,
Положите на одр из душистых цветов:
Я больна, я уя́звлена страстию.
Вот рука его здесь, под моей головой;
Он меня обнимает другой...
Заклинаю вас, юные девы Шалима,
Я должна, я хочу быть любима!»

18 июля 1856

4

Голос милого — уж день!
Вот с пригорка на пригорок
Скачет милый, легок, зорок,
Словно серна иль олень,
Гор Вефильских однолеток.
Вот за нашею стеной
Он стоит, избранник мой,
Вот — он, сквозь оконных сеток,
Увидал меня, глядит,
На привет мой говорит:
«Встань, сойди! давно денница,

И давно тебя жду я —
Встань от ложа, голубица,
Совершенная моя!
Солнце зиму с поля гонит,
Дождь прошел себе, прошел,
И росистый луг зацвел...
Чу! и горлица уж стонет,
И смоковница в цвету —
Завязала плод и семя,
И обрезания время
Запыхалось на лету.
Веет тонким ароматом
Недозрелый виноград...
Выходи, сестра, и с братом
Обойди зеленый сад.
Высока твоя светлица
И за каменной стеной...
Покажись же, голубица,
Дай услышать голос твой:
Для того что взор твой ясен,
Голос сладок, образ красен».

«Изловите лисенят,
Чтобы гроздий не губили
И созрел наш виноград».

Мы пасли стада меж лилий...
Утомленный, он заснул...
Мы пасли...
Но — день дохнул,
Но задвигалися тени —
Он умчался, легок, скор,
Словно серны иль олени
На высях Вефильских гор.

20 июля 1856

5

Сплю, но сердце мое чуткое не спит...
За дверями голос милого звучит:
«Отвори, моя невеста, отвори!
Догорело пламя алое зари;

Над лугами над шелко́выми
Бродит белая роса
И слезинками перловыми
Мне смочила волоса;
Сходит с неба ночь прохладная —
Отвори мне, ненаглядная!»

«Я одежды легкотканые сняла,
Я омыла мои ноги и легла,
Я на ложе цепенею и горю —
Как я встану, как я двери отворю?»
Милый в дверь мою кедровую
Стукнул смелою рукой:
Всколыхнуло грудь пуховую
Перекатною волной,
И, полна желанья знойного,
Встала с ложа я покойного.

С смуглых плеч моих покров ночной скользит;
Жжет нога моя холодный мрамор плит;
С черных кос моих струится аромат;
На руках запястья ценные бренчат.
Отперла я дверь докучную:
Статный юноша вошел
И со мною сладкозвучную
Потихоньку речь повел —
И слилась я с речью нежною
Всей душой моей мятежною.

⟨1849⟩

6

На ложе девичьем, в полуночной тиши,
Искала я тебя, возлюбленный души;
Искала я тебя — напрасно я искала,
Звала тебя к себе — напрасно призывала!
От ложа встану я и город обойду,
На улицах тебя, на торжищах найду.
Искала я тебя — напрасно я искала,
Звала тебя к себе — напрасно призывала!
Мне стражи встретились в полуночной тиши;
«Не знаете ль — где он, возлюбленный души?»

Не знали — я прошла... но вскоре и нежданно
Я встретилась с тобой, бледна и бездыханна...
Нашла тебя — нашла и крепко обняла,
И не пускала прочь, пока не увела
В дом нашей матери, под сень того чертога,
Где мать нас зачала и поболела много...

3 августа 1856

7

«Кто это, ливаном и смирной,
Как дым из душистой кумирной,
Кадя по пустыне, вдали
Летит, не касаясь земли?

Кто это рукой вожделенной
Сосуд мироварца бесценный
На черные кудри пролил
И розой уста обагрил?

Ты это, моя голубица,
Летишь по пустыне, как птица,
Как дым из кадила, быстра,
Ты это, мой друг и сестра!»

— «Скажите мне, дщери Сиона,
Видали вы одр Соломона?..
Окрест шестьдесят сторожей,
Израильских сильных мужей,

Мечом препоясавши бедра...
Весь одр из ливанского кедра,
И золотом, словно огнем,
Горит изголовье на нем.

Скажите мне, дщери Сиона,
Видали ли вы Соломона
В порфире, под царским венцом?
Да?
Нечего видеть потом».

⟨1859⟩

8

Хороша ты, хороша,
Всей души моей душа!..
Ты, сестра, ты, голубица,
Мне — восточная денница!..

Зубы — перлы; пряди кос
Мягче пуха резвых коз,
Что мелькают чутким стадом
Над скалистым Галаадом.

Очервлённые уста —
Алой розы красота;
Под лилейно-белой шеей,
Как под вешнею лилеей,

Горной серны близнецы,
Притаилися сосцы
В юном трепете... Нет мочи
Ждать тебя и темной ночи.

⟨1859⟩

9

Сестра, всё сердце нам дотла
Сожгла ты оком чистым
И наши взоры привлекла
Ты девственным монистом, —

Но отчего же у тебя,
Всё наше сердце погубя,
Так рано перси зреют
И так уста алеют?

Ты на заре взошла цветком
И, ароматом вея,
Благоухаешь ты кругом,
Весенняя лилея!

Вот отчего так рано ты
Зажгла в нас страстные мечты,

Так рано нас прельстила взглядом
И выросла любимым садом,

Где ключ у нас запечатлен,
Где всё цветет: и нард с шафраном,
И кипарис, и кинамон,
Где зеленей, чем над Ливаном,

Вся леторосль...
                    Скорей, скорей
Прохладой утренней повей
В наш сад и с севера и с юга,
О ветер!.. Жду тебя, как друга...

14 августа 1859

10

«Отчего же ты не спишь?
Знать, ценна́ утрата,
Что в полуночную тишь
Всюду ищешь брата?»

— «Оттого, что он мне брат,
Дочери Шалима,
Что утрата из утрат
Тот, кем я любима.

Оттого, что здесь, у нас,
Резвых коз-лукавиц
По горам еще не пас
Ввек такой красавец;

Нет кудрей черней нигде;
Очи так и блещут,
Голубицами в воде
Синей влагой плещут.

Как заря, мой брат румян,
И стройней кумира...
На венце его слиян
С искрами сапфира

Солнца луч, и подарён
Тот венец невесте. . .»
— «Где же брат твой? Где же он?
Мы поищем вместе».

⟨*1859*⟩

11

Все шестьдесят моих цариц
И восемьдесят с ними
Моих наложниц пали ниц
С поклонами немыми

Перед тобой, и всей толпой
Рабыни, вслед за ними,
Все пали ниц перед тобой
С поклонами немыми.

Зане одна ты на Сион
Восходишь, как денница,
И для тебя озолочён
Венец, моя царица!

Зане тебе одной мой стих,
Как смирна из фиала,
Благоухал из уст моих,
И песня прозвучала.

⟨*1859*⟩

12

Словно пальма, величаво
Наклонила ты главу...
Но, сестра, поверь мне, право,
Я все финики сорву...

Все, хоть рвать пришлось бы с самой
Верхней ветки... верь мне — да!
Я сорву рукой упрямой
От запретного плода

Лучший грозд... В тревоге старой
Сердце... Где уста твои?..
Жажду!.. Брата жаркой чарой
Уст румяных напои.

(1859)

13

«Ты — Сиона звезда, ты — денница денниц;
Пурпуро́вая вервь — твои губы;
Чище снега перловые зубы,
Как стада остриженных ягниц,
Двоеплодно с весны отягченных,
И дрожат у тебя смуглых персей сосцы,
Как у серны пугливой дрожат близнецы
С каждым шорохом яворов сонных».

— «Мой возлюбленный, милый мой, царь мой и брат,
Приложи меня к сердцу печатью!
Не давай разрываться объятью:
Ревность жарче жжет душу, чем ад.
А любви не загасят и реки —
Не загасят и во́ды потопа вовек...
И — отдай за любовь всё добро человек —
Только мученик будет навеки!»

(1859)

122. ПУСТЫННЫЙ КЛЮЧ

МОИСЕЕВЫХ КНИГ — ИСХОД

Таких чудес не слыхано доныне:
Днем облако, а ночью столп огня,
Вслед за собой толпу несметную маня,
Несутся над песком зыбучим по пустыне,
И, богом вдохновлен, маститый вождь ведет
В обетованный край свой избранный народ.
Но страждут путники, и громко ропщет каждый,
Как травка без дождя, палим томящей жаждой;
Порою впереди — как будто бы вода, —

Нет, это — марево, и синею волною
Плеснула в небеса зубчатых скал гряда.
Так и теперь... Далеко глаз еврея
Завидел озеро, и звучно раздались
И потонули в голубую высь
Похвальные псалмы — во имя Моисея.
И вот — опять обман, опять каменья скал,
Где о́т веку ручей студеный не журчал.
И пали духом все, и на песок, рыдая,
С младенцем пала ниц еврейка молодая,
И, руки смуглые кусая до костей,
Пьет жадно кровь свою измученный еврей.
Но Моисей невозмутим: он знает,
Что веру истую терпенье проверяет...
И по скале ударил он жезлом,
И брызнула вода сквозь твердый слой ручьем...
И, жажду утолив, раскаявшися в пенях
И в ропо́те, народ молился на коленях...

Вот так и ты, певец: хоть веря, но молча,
Ты, вдохновенный, ждешь, пока возжаждут люди
Всем сердцем — и тогда ты освежишь им груди
Своею песнею, и закипит, звуча,
Она живой струей *Пустынного ключа.*

⟨1861⟩

123. ОТРОКОВИЦА

...И собрались к *нему* все власти града вскоре,
И говорил *он* им и всем ученикам
С святою кротостью, но с пламенем во взоре:
«Аминь, аминь, глаголю вам:
Кто верует — с зерно горчичное, тот сам
Речет горе: «Восстань и кинься прямо в море!»
И будет так!..»

Еще *он* говорил,
К начальнику поместной синагоги
Приходит некто со словами:
«Ты
Не утруждай *учителя*! Тревоги

Не возбуждай в беседе... Но... ведь — вот
Дочь у тебя скончалась... У ворот
Столпился уж испуганный народ...
Ступай скорей домой!»
Но Иисус: «Постойте:
Во имя божие, в ваш дом мне дверь откройте...
Не бойся, Иаир!.. Верь: дочь твоя жива!..»

Вошли; глядят...
В фиалках голова;
Весь стройный стан под пеленою белой...
Бесценный плод любви, хотя и не поспелый:
Не опускалася еще до пят коса;
Не переглядывались с *ней* ни полночь, ни денница,
Ни молния, ни вешняя зарница,
И в очи страстно ей не брызгала роса...

«Спит!» — *он* вещал... Кругом все улыбнулись,
Шепча: «Не слыхано, чтоб мертвые проснулись!»
Но над покойною простер тогда *он* длань,
Взял за руку и рек:
«Отроковица, встань!..»

И встала...

С ужасом народ весь разбежался,
Крича: «Не слыхано, чтоб мертвый просыпался!..»

Тысячелетняя моя отроковица!
На севере своем ты так же обмерла,
Да, божьей волею, тебя уж подняла
Благословенно-мощная десница...

15 июня 1861

124. САМПСОН

«Не любишь ты меня! — Сампсону говорила,
Змеей вокруг него обвившися, Далила. —
Не любишь ты меня, обманщик, мой еврей:
Таишься от меня — в чем мощь твоя и сила?»

И филистимлянке признался назарей:
«Силен обетом я: не стричь моих кудрей».
И, золотом врагов его заране
Подкуплена, коварная краса
Атлету сонному остригла волоса
И крикнула:
«Сампсон, вставай — филистимляне!»
От ложа страстного воспрянул назарей,
Как лев, но уж без ней, без прежней львиной мочи.
И вот поникнул он под тяжестью цепей,
И погасил ему нож филистимский очи,
И с торжеством был взят в позорный плен Сампсон,
И жерновами хлеб молоть был обречен
На радость злобную и Тира и Сидона.
Но дни, недели, месяцы прошли,
И снова волоса густые отросли
И пали на плеча широкие Сампсона...

Справлялся праздник грозного Даго́на.
Жрецы, с молитвой жертвенной, с зари
Цветочной вязию обвили алтари,
И мягкорунные овны́ пред алтарями
Склонялися извитыми рогами,
И из курильниц вверх вздымался фимиам,
И в солнечных лучах горел и таял храм...
В алмазах, в жемчуга́х, в парче и в багрянице,
Соперницы самой божественной деннице,
На кровле храмовой, все — ко цветку цветок,
Сплелись красавицы в один сплошной венок, —
И в каждой молодой и пламенной зенице
Стрелой грозил любви неодолимый бог...

Раздольный пир жрецам... Их набожная паства
Превозошла себя: причудливые яства
Едва-едва столов не ломят под собой,
И бьет вино кипучею струей
Через края сосудов... И, хмелея
От возлияний жертвенных, жрецы
Кричат соборне:
«Архонты-отцы,

Велите привести нам пленного еврея,
Да песнею своей возрадует нас он! ..»

И в храм был приведен в цепях слепой Сампсон
И молвил отроку-вожатаю:
«Где он,
Где столп, что капища подпорой утвержден?»
И отрок указал подпорный столп Сампсону,
И ощупью нашел слепой атлет колонну...
И мышцы у него тревожно напряглись...
А с кровли храмовой торжественно неслись
Победоносные насмешки назарею:

«Спой, как господь поведал Моисею —
Чрез море Чермное, в стенах послушных вод,
Провесть, как пó суху, израильский народ
И как святой пророк, от громоносной дали
Спустившись вниз, разбил заветные скрижали
И с ними сокрушил божественный закон,
Затем что вкруг тельца златого заплясали
Еврейки и он сам, их пастырь, Аарон! ..
Да спой же, кстати, нам, как у кого-то силу
Наш грозный бог Дагон потратил на Далилу,
И под ножом глаза могучему ему
Астартэ обрекла на вечный мрак и тьму!
Спой нам свои псалмы священные, покуда
С тобой не сбудется израильского чуда!»

И ото всей души провозгласил слепец:
«Днесь сыну твоему поможешь ты, отец!»

И обнятой гранит прижал к себе до лона,
И капище потряс с конца он и в конец,
И разлетелася гранитная колонна,
И кровля вслед за ней... И рухнул храм Дагона,
Собою задавив всех бывших — и Сампсона...

Ты, умственный атлет гремучих наших дней,
Певец, и ты силен, как ветхий назарей:
Ты так же смел и горд пред силою земною
И так же слаб, как он, пред всякой красотою.
Но если б ты погиб и духом изнемог,

Но если бы тебя коварно усыпили,
И предали тебя врагам, и ослепили,
О! .. За тебя тогда заступится сам бог, —
И за тебя, за нового Сампсона,
Во прахе разгромит всё капище Дагона.

15 июля 1861

II. ПЕРЕВОДЫ

С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО

Анакреон

125. ПЕСНЯ III
ЭРОТ

Средь полу́ночного часа,
Как Медведица вращалась
Под рукою Волопаса
И людские поколенья
В сне спокойном отдыхали
От трудов и утомленья,
Подошел Эрот украдкой
И внезапно в дверь мне стукнул.
«Кто, — спросил я, — так стучится
И тревожит сон мой сладкой?»
А Эрот: «Открой мне двери
И не бойся: я — ребенок,
Весь промок и заблудился...
Ночь безмесячна: в потемках
Я с пути с дороги сбился».
При таких словах пришельца
Жаль мне стало не на шутку.
Зажигаю я лампаду,
Отворяю дверь — и вижу
Окрыленного малютку
С легким луком и колчаном.

К очагу его подвел я
И в руках своих ручонки
У дитяти согреваю,
И из мокрых ку́дрей влагу
Дождевую выжимаю.
Но едва он обогрелся,
«Поглядим теперь, — промолвил, —
Целы ль лук мой с тетивою,
Не испорчены ль ненастьем
И водою дождевою?»
Натянувши лук свой, в печень
Он пронзил меня стрелою,
Словно овод острым жалом.
Тут он вспрыгнул с громким смехом,
Тут он крикнул мне: «Хозяин,
Веселися! я доволен:
Лук мой меток и исправен;
Ты же сердцем крепко болен».

1855 или 1856

126. ПЕСНЯ VII
К ЭРОТУ

Не шутя меня ударив
Гиацинтовой лозою,
Приказал Эрот мне бегать
Неотступно за собою.
Между терний, чрез потоки,
Я помчался за Эротом
По кустам и по стремнинам,
Обливаясь крупным по́том;
Я устал, ослабло тело —
И едва дыханье жизни
Из ноздрей не улетело.
Но, концами нежных крыльев
Освеживши лоб мой бледный,
Мне Эрот тогда промолвил:
«Ты любить не в силах, бедный!»

1855 или 1856

127. ПЕСНЯ X
К ВОСКОВОМУ ЭРОТУ

Раз юноша какой-то
Отлитого из воска
Эрота продавал.
«Что просишь за работу?» —
Спросил я, подошедши,
А он мне отвечал
Дорическою речью:
«Купи за сколько хочешь;
Но должен ты узнать,
Что я не восколивец,
А только не желаю
С Эротом алчным спать».
— «Отдай же мне за драхму
Соложника-красавца,
А ты, Эрот, во мне
Зажги любовный пламень,
Иль будешь сам тотчас же
Растоплен на огне».

1855 или 1856

128. ПЕСНЯ XIX
ДОЛЖНО ПИТЬ

Пьет земля сырая;
Землю пьют деревья;
Воздух пьют моря;
Из морей пьет солнце;
Пьет из солнца месяц:
Что ж со мною спорить,
Если пить хочу я,
Милые друзья?

1855 или 1856

129. ПЕСНЯ XXII
ВАФИЛЛУ

Ляжем здесь, Вафилл, под тенью,
Под густыми деревами:
Посмотри — как с нежных веток
Листья свесились кудрями!
Ключ журчит и убеждает
Насладиться мягким ложем...
Как такой приют прохладный
Миновать с тобой мы можем?

⟨1855⟩

130. ПЕСНЯ XXIV
САМОМУ СЕБЕ

Так как я, рожденный смертным,
Тро́пу жизни пробегаю,
Знаю путь, пройденный мною,
А грядущего не знаю —
Отойдите прочь, заботы!
Что мы общего имеем?
Прежде чем конца дождуся,
Посмеюсь и порезвлюся
В хороводах я с Лиэем.

1855 или 1856

131. ПЕСНЯ XXXIII
КАСАТКЕ

Что год, весной, касатка,
Ты гнездышко свиваешь,
А на зиму — иль к Нилу,
Иль в Ме́мфис улетаешь.
В моем же сердце вечно
Любовь гнездо свивает
И выводок Эротов
Растит и размножает.

Один — вот оперился,
И крылья наготове;
Другой еще в скорлупке,
А третий уж в наклеве.
Всегда я слышу крики
Птенцов невозмужалых,
Птенцов с разверстым клювом...
Большие кормят малых;
А вырастет малютка —
И сам птенцов выводит.
Как быть мне с ними? Разум
Уловки не находит,
Затем и не находит,
Что тех Эротов милых
Спугнуть с гнезда родного
Мне жалко — я не в силах.

1855 или 1856

132. ПЕСНЯ XL
ЭРОТ

Эрот, не разглядевши
Пчелы на листьях розы,
Был в палец ей ужален.
Он крикнул; градом слезы;
И к юной Киферее
Понесся он, рыдая.
«Пропал я, умираю!
Пропал, моя родная!
Укушен я крылатой
И маленькой змеею...
Ты знаешь: земледельцы
Зовут ее пчелою?»
В ответ ему богиня
С улыбкою невольной:
«О сын мой! если пчелка
Умеет жалить больно,
Суди ж, как тот страдает,
Кого стрела Эрота
Безжалостно пронзает!»

1855 или 1856

133. ПЕСНЯ XLII
САМОМУ СЕБЕ

Я люблю живые хоры
Друга игр Диониса,
Я люблю играть на лире,
Если мой состольник молод
И соперник Адониса.
Но всего люблю я больше
Легкой вязью гиацинтов
Белоснежных увенчаться
И, резвяся, в хороводы
Юных девственниц вмешаться.
Чужд я зависти грызущей,
Стрел злословья убегаю
И на пиршестве развратном
Ссоры пьяных презираю.
В хороводах дев цветущих
Я пляшу под голос лирный
И несу тихонько бремя
Жизни сладостной и мирной.

1855 или 1856

134. К АРТЕМОНУ

Этот Артéмон... как нежится он в колеснице!
Сколько забот Еврипиле, красавице русой,
приносит!..
. . . .
Некогда он в колпаке красовался пастушьем,
Некогда в уши вдевал деревянные серьги,
Чресла себе опоясывал лоскутом кожи бычачьей,
Содранной где-то с щита обветшалого... Этот
Артéмон,
Да, этот гнусный любезник, теперь посещает
Только пирожни, да истых развратников: с помощью
ихней
Может влачить он презренную жизнь беззаботно.
Сколько колодок ему надевали на шею,
Сколько раз, спину ременным бичом взбороздивши,
Бороду всю и пригоршни волос вырывали!

Нынче достойное чадо Кинея не может
Выехать из дому иначе, как в колеснице,
С цепью, из чистого золота слитой, на шее,
Зонтом из кости слоновьей прикрытый, как жены.

1855 или 1856

Феокрит

135. ВОЛШЕБНИЦА

Идиллия

Где ветви лавра? где любовный мой напиток?
Фестилида, неси!.. вот чаша: поскорей
Поставь ее в огонь и разверни над ней
Багряного руна завороженный свиток...
Пускай всю силу чар изведает теперь
Мой вероломный, ветреный любовник,
Страданья моего безжалостный виновник!
Двенадцать дней прошло, а он ни разу в дверь
Ко мне не постучал и не узнал, жестокой,
Жива я или нет? Он от меня далёко...
О, для меня сомнений больше нет:
Киприда и Эрот, во злобе несказанной,
Зажгли другой огонь в душе непостоянной;
Но завтра я пойду в гимназий Тимагет,
Найду его и всё узнаю при свиданье,
А нынче совершу над ним я заклинанье...
Луна! укрась венцом лучей
Твое чело! зову тебя трикраты,
Зову тебя, владычица ночей,
В сообществе подземныя Гекаты!
Геката, ты пугаешь даже псов,
Когда в ночи, стезею потаенной,
Скользишь незримо меж гробов
Стопой окровавленной.
Геката страшная, приветствую тебя!
Пребудь со мной и тайну чар поведай,
Чтоб я сравнилася, соперницу сгубя,
С Медеею и с русой Перимедой...
О птица вещая, верни его ко мне!

Уже ячмень совсем сгорел в огне...
Теперь, Фестилида... несчастная рабыня!
Где у тебя, проклятой, голова?
Сыпь соль и говори волшебные слова:
«Богиня!
Я кости Дельфиса сжигаю на огне».
О птица вещая! верни его ко мне!
Да, Дельфис моего страдания виновник —
Я за него жгу лавр; он пламенем одет,
Трещит, рассыпался — и пеплу даже нет:
Пусть так сгорит дотла неверный мой любовник
На медленном, невидимом огне.
О птица вещая! верни его ко мне!
Как мягкий воск мой пламень чарный,
Пусть так же Дельфиса растопит страстный жар!
Как вкруг моей руки вот этот медный шар,
Пусть так вокруг меня вращается коварный
И наяву, и в сне...
О птица вещая! верни его ко мне!
Теперь в огонь я брошу горсть мякины...
Геката! ты могуществом красы
Смягчаешь сердце твердого мужчины
В самом аиде... Чу!.. рабыня! лают псы...
Их вой вещает нам в протяжных отголосках...
«Спешите в медный щит ударить: видим мы
Богиню тьмы
На ближних перекрестках».
О птица вещая, верни его ко мне!
Умолкнул говор волн; стих ветер; всё во сне;
Не спит одна тоска в душе моей смятенной.
Я страстию к тому воспалена,
Кто, вместо имени — подруга и жена,
Лишив меня всего, что было мне бесценно,
Оставил мне позор и горести одне.
О птица вещая, верни его ко мне!
Я возлиянья трижды совершаю
И с троекратною мольбой к тебе взываю,
Светило ясное ночей!
Отдай мне Дельфиса, тоски моей не множа;
Какая б дева с ним ни разделяла ложа,
Пусть сей же час забудет он о ней,
Пусть будет им она оставлена нещадно,

Как некогда Тезеем Ариадна
Была оставлена на Наксосе, во сне...
О птица вещая, верни его ко мне!
Аркадский гиппоман приводит в исступленье
Коней и кобылиц — и мчатся по горам
Они в безумии... И ты к моим дверям,
Мой Дельфис, прилети в таком же унесенье,
В таком же бешеном огне.
О птица вещая, верни его ко мне!
Бахромку пéплума он потерял случайно:
Я рву ее — и вот
Лоскутья мелкие в огонь бросаю тайно.
Увы! безжалостный Эрот!
Зачем, как жадная пиявка, тело точишь,
И сердце мне сосешь, и жаркой крови хочешь?
О птица вещая, верни его ко мне!
Но в ступе истолочь должна я на огне
Зеленой ящерицы члены:
Напиток гибельный из них составлю я,
И завтра же волшебного питья
Я Дельфису подам в возмездие измены.
Рабыня, зельями порог его дверей
Ты окропи сначала... Понемногу
Всем сердцем приросла я к этому порогу,
А Дельфис пренебрег любовию моей...
Потом, рабыня, плюнь и вымолви скорей:
«Я пепел Дельфиса по ветру рассыпаю».
О птица вещая, верни его ко мне!
Теперь осталась я с тоской наедине...
Как рассказать мне страсть? кого винить? —
не знаю...
Анáксо, дочь Эвбола, шла
В Дианин лес; священную кошницу
На голове она несла;
В лес навели зверей, пустили даже львицу,
Чтоб день торжественный отпраздновать сполна.
Владычица ночей, узнай, как я любила!
Моя кормилица, соседка, Тевкарила,
Фракиянка — теперь в Элизие она, —
Меня просила, убеждала
И, бедную, Дианой заклинала
Пойти на праздник вместе с ней.

Я облеклась в хитон свой серебристый
И, в мантии богатой Клеаристы,
Вслед за кормилицей моей,
На празднество богини поспешила.
Владычица ночей, узнай, как я любила!
На половине нашего пути
Попался Дельфис нам, подобье Аполлона.
Он с Эвдамиппом шел близ хижины Ликона,
И нам близ ней случилося идти.
Цвели их нежные ланиты,
Златистым пухом юности покрыты,
И спорила их груди белизна
С твоими персями блестящими, луна!
Шли из гимназия; борьба их заманила.
Владычица ночей, узнай, как я любила!
При взгляде на него я, бедная, тотчас
Вся вспыхнула огнем, мой разум помутился,
И скрылось празднество из потемневших глаз,
И бледностью мой лоб болезненно покрылся.
Не знаю, кто отвел меня домой,
Но целых десять дней лежала я больной:
Меня горячка жгучая палила...
Владычица ночей, узнай, как я любила!
Всё тело у меня желтело, как топаз,
И секлись волосы, и кости были кожей
Едва обтянуты... О боги! но кого же,
Кого тогда в мольбах я не звала из вас?
Какой волшебницы помочь мне не просила?
Но легче не было, а время уходило...
Владычица ночей, узнай, как я любила!
Я наконец призналася рабе:
«Фестилида, спаси! откроюся тебе:
Миндиец — жизнь моя, мое существованье...
Ступай в гимназий Тимагет
И выжидай его: он выйдет на гулянье;
Он спорит там в борьбе, как молодой атлет:
Средь юношеских игр растет и крепнет сила...
Владычица ночей, узнай, как я любила!
И, если он один, тихонько помани:
«Симета ждет тебя — ступай за мной!» — шепни»,
Сказала я — раба со мной простилась
И вскоре не одна под кров мой воротилась:

Красавец Дельфис с ней.
Когда же сердцем я — не ухом — у дверей
Чуть слышный шум его походки уловила —
Владычица ночей, узнай, как я любила! —
Похолодела я как лед;
Полуденной росой с чела закапал пот...
Как иногда ребенка сон встревожит
И мать во сне позвать он хочет, но не может,
Так точно я тогда без голоса была,
И речь моя в устах холодных замерла...
На мрамор я недвижный походила...
Владычица ночей, узнай, как я любила!
Коварный юноша потупил скромно взор,
Ко мне на ложе сел и начал разговор.
«Симета, — он сказал, — меня ты пригласила,
Но выслушай — тебе я не солгу:
Ты менее, чем я Филина на бегу,
Меня опередила».
Владычица ночей, узнай, как я любила!
«Да, я и сам хотел к тебе прийти...
Свидетель мне Эрот: с двумя-тремя друзьями
Я в эту ночь сбирался принести
Тебе корзину с свежими плодами
И победителем возлечь у милых ног
В венке из тополя: Эллада тот венок
Бессмертному Алкиду посвятила...»
Владычица ночей, узнай, как я любила!
«И если бы меня пустила ты к себе,
Была бы счастлива: решением всегласным
Любовник твой и ловким и прекрасным
Был признан изо всех соперников в борьбе.
А я бы счастлив был, любовию волнуем,
С пурпурных уст твоих единым поцелуем.
Но если б, оттолкнув меня, твоя рука
Не сдвинула с дверей запретного замка,
Мне путь открыли бы огонь, железо, сила...»
Владычица ночей, узнай, как я любила!
«Сперва Киприду я благодарю: меня
Богиня счастьем подарила;
Потом тебя за то, что из огня
Ты вырвала меня и в дом свой пригласила,
А я, красавица, уж был испепелен:

Бывал и бог огня огнем любви сожжен».
Владычица ночей, узнай, как я любила!
«Да, велика любви могучей сила:
Она с постели не одну
Срывала в час таинственных свиданий
И деву юную, и юную жену,
Еще дрожавшую от мужниных лобзаний...»

Так Дельфис говорил — внимала я ему,
Я, легковерная, влюбленная, — и что же?
Покорная безумью моему,
Влекла его на девственное ложе...
Слились уста, и вспыхнул жар в крови...

Но, целомудренно любившая Селена,
Ты знаешь таинства любви!

С того мгновенья неизменно
Текли дни наши в тишине,
Без ссор, упреков и обиды...
Но мать Филисто, олетриды,
Явилася ко мне
Сегодня поутру, едва лишь кони Феба,
Из моря вынырнув, помчалися вдоль неба,
Зарю румяную гоня...
Пришла и вестию встревожила меня:
«Твой Дельфис полюбил другую — я не знаю,
Кого он полюбил; но знаю лишь одно,
Что в честь своей любви он часто пьет вино,
А ты оставлена... Твой ветреник цветами
Венчает дверь любовницы своей».
Она сказала мне, и я — я верю ей:
Соседка славится правдивыми речами.
И точно, отчего,
Бывало, он на дню три раза побывает
И чашу у меня порою забывает,
А вот двенадцать дней не вижу я его?
Ужели он забыл меня для новой милой?
Но нет! с Симетою он связан клятвы силой,
И, если пренебречь задумает мной он,
Клянуся парками, подземный Ахерон,
Увидит скоро он твой ток огнисто-бурный:

Затем что яд училась составлять
У ассирийца я — и знаю сберегать
Его на дне волшебной этой урны.

Прости, луна! направь своих коней
На отдых и на сон — в чертоги Океана...
А мне не отдохнуть с печалию моей...
Прости, серебро́челая Диана,
Простите также вы, светильники ночей,
Вы, спутники ее беззвучной колесницы,
Ее, ночей блистательной царицы!

1856

ИЗ НАРОДНЫХ СЛАВЯНСКИХ ПЕСЕН

136—137. ⟨*ВОЛЫНСКИЕ ПЕСНИ*⟩

1

ВОЛЫНСКАЯ ДУМА

В поле широком железом копыт
Взрыто зеленое жито...
Там, под плакучей березой, лежит
Мо́лодец, тайно убитый.

Мо́лодец, тайно убитый, лежит,
Тайно в траву схороненный:
Весь он, бедняжка, китайкой накрыт,
Тонкой китайкой червонной.

Вот под березу девица пришла —
Розой она расцветала, —
С мо́лодца тихо китайку сняла,
Страстно его целовала.

Вот и другая девица пришла —
Глазки сияли звездами, —
С мо́лодца тихо китайку сняла,
Вся залилася слезами.

Третья пришла — и горел ее взор...
Молвила: «Спит — не разбудишь...
Спи, мой молодчик: теперь трех сестер
Больше любить ты не будешь!»

⟨*1845*⟩

2

ОТГОЛОСКИ ДУМОК

(Волынская)

Пьет и пляшет казак
И волынщикам так
Говорит: «Удружите —
Чернобровке шепните,

Что из плохоньких я —
Не гожуся в мужья —
Казачина убогой,
И добра-то немного:

На дворе сто волов,
Да без счету коров;
Кони в холе — в приборе;
Скринка злотых в каморе».

Весть что чайка летит...
Чернобровка бежит,
Впопыхах и в веселье,
Приготавливать зелье.

Из-под белых камней
Накопала корней,
У реки их расклала —
В молоке чаровала.

«Мой мило́й далеко...
Закипай, молоко,
Перед свадьбой моею...»
А казак уж за нею.

«Что тебя принесло —
Сивый конь аль весло?»
— «Принесла меня доля
Да господняя воля:

Век с тобой вековать,
Век тебя миловать,
Холить, нежить, покоить,
Хату новую строить».

⟨1858⟩

138—139. *РУСНАЦКИЕ ПЕСНИ*

1

У соседки сын-молодчик —
Хата с хатой рядом;
У соседа дочь-красотка —
Сад сошелся с садом.

Веет ветер с полуно́чи —
Старики за сказки;
Веет ветер со полудня —
Молодежь за ласки.

«Милый по́ саду гуляет,
Смотрит к нам в окошки:
Я, девица, вышла в сени,
Стала на порожке.

С милым другом перемолвить
Слово я хотела,
Да отец в саду работал,
Я и не посмела».

Сизый голубь по застрехе
Ходит да воркует;
Сизу голубю Анюта,
Смеючись, толкует:

«Ох, голубчик сизокрылый,
Ворковать умеешь,
А небось к нам под окошко
Прилететь не смеешь?

Для тебя ли, голубочка,
Для воркуньи-птички,
На окошке я рассыплю
Проса и пшенички:

Ты не бойся, мой голубчик,
А — как сядет солнце —
Прилетай ко мне, девице,
Прямо под оконце!»

Голубочку на застрехе
И отцу седому
Невдомек девичьи речи,
Да вдомек милóму:

Не слетел клевать пшеничку
Голубь сизокрылый,
А пришел со мной, девицей,
Целоваться милый.

⟨1849⟩

2

«Что это не слышно Наны голосочка?
Затяни нам песню, маленькая дочка!»

«Во саду-садочке
Выросла малинка;
Солнце ее греет,
Дождичек лелеет.
В светлом теремочке
Выросла Нанинка:
Тятя ее любит,
Маменька голубит».

У малютки Наны песенки-малютки:
Малы да пригожи, словно незабудки.

⟨1855⟩

140—141. *МОРАВСКИЕ ПЕСНИ*

1

У молодки Наны
Муж, как лунь, седой...
Старый муж не верит
Женке молодой:

Разом домекнулся,
Что не будет прок, —
Глаз с нее не спустит;
Двери на замок.

«Отвори каморку —
Я чуть-чуть жива:
Что-то разболелась
Сильно голова —

Сильно разболелась,
Словно жар горит...
На дворе погодно:
Может, освежит».

— «Что ж? открой окошко,
Прохладись, мой свет!»
Хороша прохлада,
Коли друга нет!

Нана замолчала,
А в глухой ночи
Унесла у мужа
Старого ключи.

«Спи, голубчик, с богом,
Спи да почивай!»
И ушла тихонько
В дровяной сарай.

«Ты куда ходила,
Нана, со двора?

Волосы — хоть выжми,
Шубка вся мокра...»

— «А телята наши
Со двора ушли,
Да куда ж? — к соседке
В просо забрели.

Загнала насилу:
Разбежались все...
Я и перемокла,
Ходя по росе!»

Видно, лучше с милым
Хоть дрова щепать,
Чем со старым мужем
Золото считать.

Видно, лучше с милым
Голая доска,
Чем со старым мужем
Два пуховика...

⟨1850⟩

2

«Тятенька-голубчик, где моя родная?»
— «Померла, мой светик, дочка дорогая!»

Дочка побежала прямо на могилу.
Рухнулася наземь, молвит через силу:

«Матушка родная, вымолви словечко!»
— «Не могу: землею давит мне сердечко...»

«Я разрою землю, отвалю каменье...
Вымолви словечко, дай благословенье!»

«У тебя есть дома матушка другая».
— «Ох, она не мать мне — мачеха лихая!

Только зубы точит на чужую дочку:
Щиплет, коли станет надевать сорочку;

Чешет — так под гребнем кровь ручьем сочится;
Режет ломоть хлеба — ножиком грозится!»

⟨*1850*⟩

С УКРАИНСКОГО

Т. Шевченко

142. ПЛАТОК

Аль была уж божья воля,
Аль ее девичья доля,
Что в чужой семье вскормилась,
С сиротою полюбилась.
Сиротина, словно голубь,
Бесталанной смотрит в очи
И воркует у соседки
С ней с утра до поздней ночи.
Говорили-ворковали,
Госпожинок поджидали:
Дождалися... В Чигирине
Всю Украйну созвонили,
Чтоб коней седлали хлопцы,
Сабли острые точили,
На веселый пир сбирались,
На казацкое веселье —
На кровавое похмелье.

В воскресенье, раным-рано,
Сурмы-трубы заиграли —
С красной зорькой компанейцы
В путь-дорогу выступали.
Провожала мать-вдовица
Своего родного сына,

И сестра родного брата,
Сиротину сиротинка
Провожала: вороному
Налила воды студеной
И сняла с стены винтовку
Вместе с саблей золоченой.
Провожала за три поля,
Попрощались при долине,
И дала дружку платочек,
Чтоб попомнил на чужбине.

Ох, платок ты мой, платочек,
Шитый шелком по узору!
На седле тебе казачьем
Красоваться только впору!

А она-то, сиротинка,
Опознала грусть-тревогу:
Что ни свет-заря, выходит
Каждым утром на дорогу,
А в воскресный день с кургана
Смотрит... Очи помутились...

Через два года на третий
Компанейцы воротились.
Рать гремит, гремит другая,
А за третьей ратью тихо
(Не гляди туда, голубка!)
Не добро везут, а лихо:
Гроб везут, китайкой крытый,
И со двух сторон у гроба
Сам полковник с старшиною
В черных свитках идут оба,
Сам полковник компанейский,
Характерник с Сечи — значит;
Следом — паны эсаулы...
Кто идет за гробом — плачет...
И несут они доспехи:
Броню крепкую, литую,
Всю в рубцах, в рассечках вражьих,
Да и саблю золотую,

А за саблей три винтовки
Да еще три самопала,
И по всем по ним казачья
Кровь горячая бежала.
Ох! Ведут и вороного;
Поразбиты все копыта;
И платком, шелковым, шитым,
У него седло покрыто.

11 мая 1859

С ПОЛЬСКОГО

А. Мицкевич

143. PIESZCZOTKA MOJA [1]

Моя баловница, отдавшись веселью,
Зальется, как птичка, серебряной трелью,
Как птичка, начнет щебетать-лепетать,

Так мило начнет лепетать-щебетать,
Что даже дыханьем боюсь я нарушить
Гармонию сладкую девственных слов,
И целые дни, и всю жизнь я готов
Красавицу слушать, и слушать, и слушать!

Когда ж живость речи ей глазки зажжет
И щеки сильнее румянить начнет,
Когда при улыбке, сквозь алые губы,
Как перлы в кораллах, блеснут ее зубы —
О, в эти минуты я смело опять
Гляжуся ей в очи — и жду поцелуя,
И более слушать ее не хочу я,
А всё — целовать, целовать, целовать!

⟨1849⟩

---

[1] Баловница моя (польск.). — *Ред.*

144. РАЗГОВОР

Красавица моя! На что нам разговоры!
Зачем, когда хотим мы чувством поделиться,
Зачем не можем мы душою прямо слиться
И не дробить ее на этот звук, который —
До слуха и сердец достигнуть не успеет —
Уж гаснет на устах и в воздухе хладеет?

«Люблю тебя, люблю!» — твержу я повсечасно,
А ты, — ты смущена и сердишься на друга
За то, что своего любовного недуга
Не может высказать и выразить он ясно,
За то, что обмер он, за то, что нет в нем силы —
Жизнь знаком проявить и избежать могилы.

Сызмлада утрудил я праздными речами
Свои уста: теперь хочу их слить с твоими
И говорить хочу с тобою не словами,
А сердцем, вздохами, лобзаньями живыми...
И так проговорить часы, и дни, и лета,
И до скончания, и по скончаньи света.

(1852)

145. ОБЛАВА

(Отрывок из поэмы «Пан Тадеуш»)

Литовские леса, бездонные пучины!
Кто в вашу глубь проник до самой сердцевины?
С усильем достает рыбак у берегов
Морское дно; кружась в окраине лесов,
Стрелок-литвин узнал их облик обычайный,
Да тайна сердца их навек осталась тайной...
Но всё идет молва, иль сказка до сих пор,
Что если миновать окрайный темный бор
И засеки пройти — за чащей их густою
Предстанет на пути запретною стеною
Высокий вал из пней, кореньев и колод,
Обороняемый трясиною болот
И тысячью ручьев; сеть поросли ползучей
И злаков водяных; над ними, куча кучей,

Где муравейники, где гнезда ос, шершней,
Где, свитые в клубок упругий, семьи змей.
Найдись такой смельчак, чтоб мог преграду эту
Хоть чудом одолеть, — за ней дороги нету.
За нею, что ни шаг, травой полузакрыт,
Как яма волчая, залег и сторожит
Провал — и ни в одном дна люди не достали...
(Что хочешь говори, а только что едва ли
В них черти не сидят!..) В тех омутах вода
Кровавой ржавчиной ослюжена всегда,
И гарь из них идет; и словно как чумные,
Без листьев и коры, деревья окружные,
Все выгнанные в сук, червивы и больны:
По ветвям мшистые навесив колтуны
И бородатый пень нагорбив посередке,
Сидят вокруг воды, как ведьмы в тайной сходке
Сидят вокруг котла, в котором труп варят.

За эти омуты не проникал и взгляд,
Не только шаг людской, затем что черной тучей
Там вечно дым встает над зыбию трясучей.
Но дальше, как молва народная гласит,
За дымной тучею, эдем лесной сокрыт
И начинаются цветущие границы
Растений и зверей таинственной столицы.
Из ней-то всех дерев и злаков семена,
Въедино собраны, повсюду племена
И отрасли свои, и юные побеги
Рассеяли; и в ней, как в Ноевом ковчеге,
Витает всякий зверь, и все наперечет
Попарно избраны на племя и приплод.
В самой глуши дворы лесных владык — соседей:
И тура давнего, и зубров, и медведей.
Вокруг державцев тех гнездятся на ветвях,
Как думцы чуткие, и семьи росомах,
И рыси; далее — жилья вассалов многих,
И вепрей, и волков, и лосей круторогих.
Над головами их орлы и сокола,
Наушники-льстецы, с придворного стола
Нетерпеливо ждут обычную подачку...
Тут каждая чета селится в одиночку,
Сокрытая в глуби неведомых дубров;

Своих детенышей они из тайников
Выводят на́ племя за дальние границы,
Но сами век живут среди своей столицы,
Не зная, как разят железо и свинец,
И мрут, когда придет естественный конец.
У них есть кладбище... Быть может, небылица,
Но, говорят, туда пред смертью зверь и птица
Свое перо иль мех торопятся отнесть...
Медведь, коль зубы съел и нечем больше есть;
Олень, коль с места он и ног уже не сдвинет;
И заяц, коль вся кровь его по жилам стынет;
И ворон, коль уж сед; и сокол, коль уж слеп;
Орел, коль у него так старый зоб окреп,
Что клюва не разнять ему вовеки болей, —
На кладбище свое влекутся вольной волей...
И даже меньший зверь, пораненный, больной,
Плетется — лечь костьми на стороне родной:
Вот почему в местах, доступных человеку,
Звериных костяков не найдено от веку.
Меж тем в столице той звериной, говорят,
И нравы добрые: затем что свой уряд...
Цивилизация проникнуть не успела;
До собственности им и до всего нет дела,
О чем страдает так и мучится наш свет;
И нет у них войны, и поединков нет:
Как их отцы в раю, они среди трущобы,
Хоть дики, но ручны, проводят век без злобы.
И ни один свой гнев не явит на другом
Ни рогом извитым, ни зубом, ни когтем.
И если б человек зашел к ним безоружно,
Покоен мог бы быть — оружия не нужно:
Остановив на нем взгляд изумленный свой,
Смотрели б на него они, как в день шестой
Смотрели предки их на праотца в Эдеме,
Пока меж них вражды не пало злое семя.
Но, к счастью, человек к ним следу не найдет:
Тревога, труд и смерть оберегают вход.

Случалось, что порой охотничьи собаки
В трущобу попадут, сквозь мхи и буераки,
Но тотчас же стремглав бросаются назад.
Их боязливый вой и сумасшедший взгляд

На тайный ужас их указывают ясно —
И долго господин ласкает их напрасно.
И тот укрывшийся в безвестном тайнике
Звериный стольный град на ловчих языке
Зовется: *Маточник.* [1]

Простак медведь! Ну что бы
Тебе не выходить из вековой трущобы?
И *войский* [2] бы тогда тебя не подстерег...
Но, верно, с пасеки пролетный ветерок
Донес к тебе сото́в янтарных благовонность,
Иль к зрелому овсу почувствовал ты склонность,
Что, выйдя и́з лесу, опушкою бродил;
А там тебя как раз лесничий соследил
И соглядатаев послал — твои сноровки
Все выведать, узнать прикорм твой и ночевки...
И вот облавников расставил войский сам,
Загородив тебе возврат к родным лесам.

Тадеуш опоздал: давно уже собаки
Исчезли меж листвы, в зеленом полумраке.

Тишь... Неподвижные, задерживая дух,
Вотще охотники все превратились в слух
И с бора темного вотще не сводят ока:
Лишь музыка лесов слышна им издалека...
Ныряют псы в лесу, как на море нырки;
Двустволки наведя в лесную глубь, стрелки
Глядят на войского: склонившись на колена,
Припал к сырой земле он ухом... Перемена
В лице врача друзьям больного верный знак —
Отчаяваться ль им иль радоваться: так

---

[1] Слово это понятно и на русском языке; у нас оно означает гнездо, в котором держат сначала новостроившуюся пчелиную матку.

[2] Старинный чин в Польше. Его обязанностью было заботиться о шляхетских женах и детях, и вообще наблюдать спокойствие вверенного ему округа во время общего ополчения. С давних времен этот чин (tribunus) сделался чем-то вроде титула. В Литве есть обычай придавать почетным особам какой-нибудь старинный титул, напр⟨имер⟩ соседи величают друг друга *обозными*, *стольниками* и т. д. Прежде эти титулы употреблялись в актах.

И в войского стрелки, исполнены волненья,
Впивались взорами надежды и сомненья.
«Есть! Есть!» — он прошептал и быстро поднялся.
Он слышал! зверь ему уже отозвался,
Когда другие лес пытали только глазом...
Но чу! залаял пес... и два... и двадцать разом...
За ними все — вдали, вблизи, со всех концов
Раздался громкий лай разбитой стаи псов.
Но вот *свалилися,* напали *на горячий*
И гонят; голос их — не брехот дребезжачий
Псов, зайцем стянутых, иль ланью, иль лисой,
А частый, хриплый лай, отрывистый и злой:
Вблизи, *по зрячему,* вся стая дружно гонит.
Вдруг смолкло всё: *дошли!* Но миг — и чаща стонет
Опять под сотнями свирепых голосов:
Медведь боронится, бьет и увечит псов —
Сквозь непрерывный лай, и рев, и завыванья
Всё чаще слышен визг предсмертного страданья.

Ружейные стволы сжимая между рук,
Охотники вперед нагнулися, как лук, —
Не могут дольше ждать... И ждать им для чего же?
Один вслед за другим покинули сторожи —
И в лес: всем хочется скорей, наедине,
Со зверем встретиться. Хоть войский на коне
Сторожи обскакал, хоть расточал укоры,
Кричал, что будь то пан или холоп, а своры
Отведает, коль шаг от места отойдет, —
Но сладу не было: все кинулись вперед.
Вот грянули в лесу три выстрела; слитая
Посыпалась пальба, как вдруг, перекрывая
Сухой ружейный треск, раздался грозный рев:
В нем слышалися боль, отчаянье и гнев.
За этим ревом вновь и лай и визг собачьи,
И крик охотников, и трубы доезжачьи
Слилися в гул один... Последние стрелки —
Те с мест уходят в лес, а те взвели курки,
И радуются все — уж будто победили;
Лишь войский жизнь клянет, что зверя пропустили.

Меж чащею стрелки и между осоком [1]
Медведю бросились гурьбой на переём;
А тот, испуганный и псами и людями,
Свернул к местам, уже покинутым стрелками,
К полям, где стерегли, одни за целый стан,
Тадеуш, войский, граф да несколько кричан.

Там лес редел... Стрелки уж слышат рев могучий,
И треск, и лом — и вот, как будто гром из тучи,
Из чащи ринулся медведь... Со всех сторон
Псы гонятся за ним и рвут его, а он
Поднялся на дыбы и задом отступает,
И с ревом лапами, что шаг, то вырывает
Где осмоленный пень, где узлища корней,
Где камни врослые — и мечет их в людей
И в псов; сломал себе корягу избитую
И машет ею вкруг себя напропалую;
Потом вдруг отскочил и кинулся стремглав
К кустам, где на часах стоял беспечный граф
С Тадеушем... Они — курки на оба взвода —
Ружейные стволы, как два громоотвода
На тучу черную, на зверя навели,
Но выждать должного мгновенья не смогли
И — о, неопытность! — курки спустили разом —
И промахнулись... Зверь, как углем, вспыхнул глазом
И прыгнул на стрелков; они, заторопясь
И оба за одну рогатину схватясь,
Друг у друга ее насильно вырывают...
Глядят, а уж у них над головой сверкают
Из пасти кровяной огромные клыки,
И лапа свесилась когтистая... Стрелки
Успели отскочить, от страха чуть живыми,
И бросились бежать к опушке; зверь за ними!
Когтями сноровил царапнуть — не достал,
Пустился догонять охотников, догнал,
Встал снова на дыбы и графа лапой черной
Ловить за волоса льняные стал... Бесспорно,
Как шапку б череп снял сиятельному он;
Но в этот самый миг на помощь, с двух сторон,

[1] Осок — обнесенное тенетами место, где осочен (обойден) зверь.

Асессор и регéнт явилися нежданно,
А спереди бежал Гервазий бездыханный,
И Робак, без ружья, почти что в ста шагах;
Как по команде все, в один и тот же взмах,
В медведя грянули они тремя стволами —
Медведь подпрыгнул вверх, как заяц перед псами,
И оземь грянулся башкою, но потом
Очнулся, графа сбил тяжелым ковырком,
Рыча, хотел привстать; но миг еще единый —
И *Справник* на него насели со *Страпчиной.* [1]

Тогда-то войский взял свой буйволовый рог,
Придетый к поясу за шелковый снурок,
Рог длинный, крапчатый, скрученный завитками,
Как змей-удав, прижал к губам его руками
И закатил глаза, и обе щеки вздул,
Как полушария; живот в себя втянул,
Вобравши в легкие весь дух, и полной грудью
В рог затрубил... Как вихрь пустынный по безлюдью,
Промчалась музыка по чаще вековой,
И чутко вторил ей отзывный клич лесной.
Дивяся чистоте гармонии и силе,
Стрелки и ловчие дыханье притаили.
Еще раз испытать хотел старик для них
Свой дар, прославленный в дубровах окружных.
И вот наполнил он и оживил дубровы,
Как будто в них пустил собак и начал ловы.
В его игре весь гул охоты слышен был:
Сначала резкий звук — то ловчий затрубил;
Потом и лай, и вой — то гончих псов оравы;
Потом далекий гром — то выстрелы облавы.

Тут дух он перевел, а рог держал; казалось,
Что он играл, но нет: то эхо разыгралось.

Вновь затрубил, и рог как будто бы менял
В устах его свой вид: длиннел он и тончал,
То умягчая звук, то сызнова грубея,

---

[1] Кличка мордашек.

Как голоса зверей. Порой, что волчья шея
Протянутая, выл, пронзительно стеня;
Порой, медвежью пасть собою заменя,
Ревел на целый лес; и вот мычанье лося
С рыканьем зубровым по ветру донеслося.
Тут дух он перевел, а рог держал; казалось,
Что он играл, но нет: то эхо разыгралось,
И рога чудную игру, за звуком звук,
Передавал сполна дуб — дубу, буку — бук.
Трубит опять, и всем почудилось, что в роге
Звучало сто рогов, и полон лес тревоги:
Слились в одно и крик, и лай, и рев, пока
Победным гимном рог не грянул в облака.

Дух войский перевел, а рог держал; казалось,
Что он играл, но нет: то эхо разыгралось.

Что дерево — то рог; проснулся старый бор;
Перекликается с зеленым хором хор;
И чище каждый раз гармония лесная,
И льется всё нежней, дрожа и замирая,
И вот последний звук, очаровавший лес,
Стих где-то там, вдали, на паперти небес.

Тут войский опустил свой рог, разнявши руки,
И закачался рог на поясе; но звуки,
Стихавшие вдали, ловил еще старик,
И вдохновением горел румяный лик...
А между тем вокруг, дробясь тысячекраты,
Гремели по лесу победные *виваты*.

Но скоро смолкло всё, и все сошлись глядеть
На тушу свежую медведя... А медведь
Лежал в крови, насквозь весь пулями прошитый
И в сеть густой травы косматой грудью вбитый,
Концы передних лап закинувши крестом;
Еще дышал, и кровь лилась еще ручьем
Из храпа, но башки поднять уж был не в силе:
Мордашки с двух сторон повисли и душили.

Затем, по войского приказу, рычагом
Псам пасти розняли; прикладами потом

Медведя подняли и навзничь положили, —
И вновь три раза лес виваты огласили.

«А что? Ружьишко-то поставит на своем! —
Асессор закричал, вертя своим ружьем. —
А что ружьишко-то? Хоть птичка невеличка,
Да ноготок востер... конечно, и привычка.
Заряду нá ветер не тратило оно —
Недаром мне самим Сангушко дарено...»
И показал ружье: работа просто диво —
Не велико, а как примётно и красиво!
«Я за медведем так и рвусь себе вперед, —
Регент заговорил, со лба стирая пот. —
Вот так и рвусь, а тут пан войский мне мешает,
Кричит: «На месте стой...» А мишка удирает...
Чего тут ждать? «Ну, нет! — я думаю. — Постой!»
И бац!.. А он — кувырк, да оземь головой!
Ну, правда, что ружье — как есть сагаласовка!
И подпись: Sagalas, London, Balabanówka [1]
(Он там и проживал; хоть польский мастер был,
Но английский манер в отделке полюбил)».

Асессор фыркнул: «Что! Ужели, пан, не бредя,
Уверить хочет нас, что он убил медведя?»
— «Послушай-ка, — регéнт ответил, — здесь не суд:
Здесь — все свидетели, и дело разберут».

И завели ж стрелки спор с этого момента,
Те за асессора стоят, те — за регента;
А о Гервазие никто не поминал:
Им было не видать — кто спереди стрелял.
Пан войский начал речь: «Теперь вот есть причина:
Тут не какой-нибудь косой лайдак-зайчина,
А тут медведь — не жаль шляхетский дать ответ:
Спор сабля разрешит, а то и пистолет...
Вас трудно рассудить, и старым обычáем
На поединок вас мы все благословляем.
Припоминаю я теперь, что в оны дни
Знавал двух шляхтичей; соседями они

[1] Сагалас, Лондон, Балабановка (лат. и польск.). — *Ред.*

Считались по домам — делила их Вилейка;[1]
Один-то шляхтич был по прозвищу Домейко,
Другой — Довейко. Вот пришлось им вместе быть
В облаве и вдвоем медведицу убить.
Ну как тут умирить шляхетскую натуру?
Стреляться!.. да ведь как? — через медвежью шкуру,
Ствол в ствол! Вот молодцы! вот шляхтичи по мне!
Я секундантом был на чьей-то стороне:
Как было, расскажу... Одна из тех оказий...»

Но речь его и спор вдруг прекратил Гервазий.[2]
Медведя оглядев внимательно кругом,
Он пасть ему в длину разрезал тесаком,
И там, где сходится затылок с головою,
Он пулю отыскал, отер ее полою,
Сличил с патронами, примерил к ней ружье
И на ладони стал показывать ее.

«Паны! — так начал он. — Оставьте спор и толки:
Вот пуля — и она, из старой одностволки
Горешковской, врага свалила в миг один...»
Он показал стрелкам негодный карабин;
К стволу привязано снурками было ложе...
«Однако же не я стрелял, помилуй боже!
И вспомнишь, так опять стемнеет всё в глазах:
Медведь у паничей почти что на плечах
И графу череп снять пытается с навалки —
Последнему в роду Горешков... хоть по прялке![3]
Дрожал я, словно лист, и всех святых молил,
Чтобы господь меня вконец не погубил, —
И божьи ангелы мне Робака послали.
Он выхватил ружье, прицелился едва ли —
И выстрелил... Теперь заметьте: сто шагов;
Стрелял он на бегу, промежду двух голов,
И прямо в пасть попал и зубы вышиб зверю!..
Признаться, и теперь глазам своим не верю...

[1] Река.
[2] Ключник графа Горешко.
[3] Геральдическое выражение «по мечу» употребляется, когда идет речь о мужской линии какого-нибудь рода; а «по прялке» или «по кудели», когда говорится о линии женской.

Паны, хоть я живу давненько, но пока
Знавал лишь одного подобного стрелка,
Того, кто был всегда героем поединка,
Отстреливал каблук у дамского ботинка,
Того разбойника, злодея, палача,
По прозвищу — забыл, а vulgo:[1] Усача.
Но для него уж нет охоты иль игрища:
Горит теперь в аду по самые усища...

Честь ксендзу и хвала! две жизни спас он разом,
А может быть — и три... Ни лаской, ни приказом
Меня не подобьет на похвальбу никто;
Но — нечего таить: погибни граф мой, то...
Медведь бы перегрыз Гервазиевы кости.
Пойдем-ка выпьем, ксендз, здоровье его мости!»[2]

Но ксендза не нашли; а кто-то объяснил,
Что ксендз к Тадеушу и к графу подскочил,
Когда медведь упал на вылазе дубровы,
Но, видя, что они и целы и здоровы,
Взор поднял к небесам, молитву прошептал
И — словно бы за ним гналися — побежал.

1859

Б. Залесский

146. ДВЕ СМЕРТИ

(Думка I)

Год они любились — навек разлучились,
И сердца обоих вдребезги разбились...

Девица томится во светлице новой,
А казак уложен мать-сырой-дубровой.

Девица поникла к пуху-изголовью,
А казак к жупану, облитому кровью.

---

[1] В просторечии (лат.). — *Ред.*
[2] Jego mość — его милость (польск.). — *Ред.*

Девичьи лекарства — меды-вареницы,
А казак... хоть каплю б подали водицы!..

Девицу вся сéмья с плачем обнимает,
А казак... уж ворон каркнул и слетает...

Оба отстрадали; грудь сожгло обоим,
И заснули оба вечным сном-покоем.

Девицу со звоном, с литией зароют,
А казак... над бедным только волки воют...

Девичью могилку холят и лелеют,
А казачьи кости пó ветру белеют.

⟨1861⟩

З. Красинский

147. СПИШЬ ТЫ

Спишь ты... Ангел ночи
Веет над тобой,
Незабудки-очи
Оросил слезой,

Косу перекинул
Вкось по изголовью
И всю душу вынул
Мне из сердца с кровью.

Спишь ты и не слышишь —
Только бог и слышит, —
Что, когда ты дышишь,
Кто-то и не дышит.

2 августа 1860

В. Сырокомля

148. ГРУЗИНКЕ

Ты вся создана для любви, но кавказские горы
Пахнули морозом на сердце твое молодое —
И вот перелился весь пламень из сердца во взоры,
И вот загорелись глаза твои южной звездою,
И стало лицо твое горного снега белее,
И стала коса твоя ночи беззвездной чернее;
Как гений Кавказа, ты блещешь красой неземною,
Всё дивно в тебе, только сердце твое — ледяное.

1857

С АНГЛИЙСКОГО

Д. Байрон

149. ОТРЫВОК ИЗ «ЧАЙЛЬД ГАРОЛЬДА»

1

«Прости, прости, мой край родной!
В волнах ты через миг
Исчезнешь... Чу! ревет прибой,
Чу! бурной чайки крик.
На запад с солнцем мы летим
По влажному пути;
Оно склонилось, — вместе с ним,
На эту ночь, прости!

2

Нет! Поутру взойдет оно,
Блеснет с небес опять,
Опять его увижу; но
Тебя мне не видать...

Мой замок пуст; очаг потух;
Мой двор травой порос;
И у ворот, как ночи дух,
Завыл мой верный пес.

3

Ко мне, малютка-паж! О чем
Ты слезы льешь рекой?
Иль страшно в море, коль кругом
Волны и бури вой?
Не плачь, не бойся ничего:
Корабль наш крепче скал
И быстр — навряд ли бы его
Мой сокол обогнал».

4

«Пусть воют буря и волна:
Их не боюся я;
Но лютой скорбию полна,
Сэр Чайльд, душа моя:
С отцом моим, с родимой я —
Надолго разлучен...
Без них опора и друзья
Мне — только ты да Он.

5

Отец меня благословил
И не заплакал... Мать...
Нет! У нее не станет сил
С тоскою совладать!..»
— «Довольно, мой малютка!.. Ах!
Хоть раз орошено
Будь сердце мне в таких слезах —
Не высохло б оно...

6

Ко мне, оруженосец мой!
Что бледен и уныл?
Тебя с французом грозный бой
И смерти страх смутил?»
— «Сэр Чайльд! поверь: не страшны мне
Ни бой, ни смерть пока,
Но с каждой мыслью о жене —
Бледней моя щека.

7

Над самым озером жена,
Близ твоего дворца,
Живет с детьми... Что им она
Ответит про отца?»
— «Довольно! Сердцем я понять
Готов твою печаль,
Но мне... мне се́мью покидать
Едва ли б было жаль».

1859 (?)

150. ИЗ «ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬДА»[1]

Не говорите больше мне
О северной красе британки:
Вы не изведали вполне
Всё обаянье кадиксанки.
Лазури нет у ней в очах
И волоса не золотятся,
Но очи искрятся в лучах
И с томным оком не сравнятся.

Испанка, словно Прометей,
Огонь похитила у неба,

---

[1] Эти строфы помещены в первом издании «Чайльд-Гарольда» вместо известной песни к Инезе. Кажется, они еще не были переведены ни на один язык.

И он летит из глаз у ней
Стрелами черными Эреба.
А кудри — во́рона крыла!
Вы б поклялись, что их извивы,
Волною падая с чела,
Целуют шею, дышат, живы...

Британки зимне-холодны,
И если лица их прекрасны,
Зато уста их ледяны
И на привет любви безгласны.
Но юга пламенная дочь,
Испанка рождена для страсти,
И чар ее не превозмочь,
И не любить ее нет власти.

В ней нет кокетства: ни себя,
Ни друга лаской не обманет,
И, ненавидя и любя,
Она притворствовать не станет.
Ей сердце гордое дано:
Купить нельзя его за злато,
Но — неподкупное — оно
Полюбит на́долго и свято.

Ей чужд насмешливый отказ;
Ее мечты, ее желанья:
Всю страсть, всю преданность на вас
Излить в годину испытанья.
Когда в Испании война,
Испанка трепета не знает,
А друг ее убит — она
Врагам за смерть копьем отмщает.

Когда же вечером порхнет
Она в кружок веселый танца,
Или с гитарой запоет
Про битву мавра и испанца,
Иль четки нежною рукой
Начнет считать, с огнем во взорах,
Иль у вечерни голос свой
Сольет с подругами на хорах —

Во всяком сердце задрожит,
Кто на красавицу ни взглянет,
И всех она обворожит
И сердце взорами приманит...
Осталось много мне пути,
И много ждет меня приманки —
Но лучше в мире не найти
Мне черноокой кадиксанки.

⟨1860⟩

С НЕМЕЦКОГО

В. Гете

151. ПЕСНЯ МИНЬОНЫ

Ты знаешь ли край, где лимонные рощи цветут,
Где в темных листах померанец, как золото, рдеет,
Где сладостный ветер под небом лазоревым веет,
Где скромная мирта и лавр горделивый растут?
Ты знаешь ли край тот? Туда бы с тобой,
Туда бы ушла я, мой друг дорогой!

Ты знаешь ли дом?.. Позолотою яркой блестя,
На легких колоннах вздымается пышная зала...
Стату́и стоят и глядят на меня с пьедестала:
«Дитя мое бедное! Что с тобой сталось, дитя?»
Ты знаешь ли дом тот? Туда бы с тобой,
Туда бы ушла я, возлюбленный мой!

Ты знаешь ли гору? Там в тучах тропинка видна;
Там мул себе путь пробивает в туманах нагорных;
Там змеи гнездятся в пещерах и пропастях черных;
Там рушатся скалы и плещет на скалы волна.
Ты знаешь ту гору? Туда мы с тобой,
Туда мы умчимся, отец мой родной!

1849

152

Нет, только тот, кто знал
Свиданья жажду,
Поймет, как я страдал
И как я стражду.

Гляжу я вдаль... нет сил,
Тускнеет око...
Ах, кто меня любил
И знал — далеко!

Вся грудь горит... Кто знал
Свиданья жажду,
Поймет, как я страдал
И как я стражду.

⟨1858⟩

Ф. Шиллер

153. ПУНШЕВАЯ ПЕСНЯ

Внутренней связью
Сил четырех
Держится стройно
Мира чертог.

Звезды лимона
В чашу на дно! —
Горько и жгуче
Жизни зерно.

Но растопите
Сахар в огне:
Где эта жгучесть
В горьком зерне?

Воду струями
Лейте сюда:
Всё обтекает
Мирно вода.

Каплю по капле
Лейте вино:
Жизнь оживляет
Только оно!

Выпьем, покамест
Кубок наш жгуч!
Только кипучий
Сладостен ключ!

(1857)

Г. Гейне

154

Ветер воет меж деревьев,
Мрак ночной вокруг меня;
Серой мантией окутан,
Я гоню в лесу коня.

Впереди меня порхают
Вереницы легких снов
И несут меня на крыльях
Под давно желанный кров.

Лают псы; встречают слуги
У крыльца с огнем меня:
Я по лестнице взбегаю,
Шумно шпорами звеня.

Освещен покой знакомый —
Как уютен он и тих, —
И она, моя царица,
Уж в объятиях моих.

Ветер воет меж деревьев;
Шепчут вкруг меня листы:
«Сны твои, ездок безумный,
Так же глупы, как и ты».

1 сентября 1858

155

Мне ночь сковала очи,
Уста свинец сковал;
С разбитым лбом и сердцем
В могиле я лежал.

И долго ли — не знаю —
Лежал я в тяжком сне,
И вдруг проснулся — слышу:
Стучатся в гроб ко мне.

«Пора проснуться, Гейнрих!
Вставай и посмотри:
Все мертвые восстали
На свет иной зари».

— «О милая, не встать мне:
Я слеп — в очах темно —
Навек они потухли
От горьких слез давно».

— «Я поцелуем, Гейнрих,
Сниму туман с очей:
Ты ангелов увидишь
В сиянии лучей».

— «О милая, не встать мне:
Еще не зажила
Та рана, что мне в сердце
Ты словом нанесла».

— «Тихонько рану, Гейнрих,
Рукою я зажму,
И заживлю я рану,
И в сердце боль уйму».

— «О милая, не встать мне:
Мой лоб еще в крови —
Пустил в него я пулю,
Сказав «прости» любви».

— «Тебе кудрями, Гейнрих,
Я рану обвяжу,
Поток горячей крови
Кудрями удержу».

И так меня просила,
И так звала она,
Что я хотел подняться
На милый зов от сна.

Но вдруг раскрылись раны,
И хлынула струя
Кровавая из сердца,
И... пробудился я.

1 сентября 1858

156

Погребен на перекрестке
Тот, кто кончил сам с собой;
На его могиле вырос
Грешноцветник голубой.

Я стоял на перекрестке
И вздохнул... В ночи немой
При луне качался тихо
Грешноцветник голубой.

1 сентября 1858

157

Хотел бы в единое слово
Я слить мою грусть и печаль
И бросить то слово на ветер,
Чтоб ветер унес его вдаль.

И пусть бы то слово печали
По ветру к тебе донеслось,
И пусть бы всегда и повсюду
Оно тебе в сердце лилось!

И если б усталые очи
Сомкнулись под грезой ночной,
О, пусть бы то слово печали
Звучало во сне над тобой.

⟨1859⟩

158. АПОЛЛОН

1

Над самым обрывом обитель стоит;
Рейн мимо несется, как птица;
И сквозь монастырской решетки глядит
На Рейн молодая белица.

На Рейне, вечерней зарей облита,
Колышется шлюпка; цветами
Пестреет на парусе гордом тафта;
Обвешана мачта венками.

Кудрявый красавец стоит над рулем,
Как образ античного бога;
Пурпурная тога надета на нем,
И вышита золотом тога.

У ног его девять богинь возлежат —
Из мрамора вылиты лики;
Их стройные формы призывно сквозят
Под складками легкой туники.

Кудрявый красавец поет про любовь,
На сладостной лире играет...
Горит у белицы встревоженной кровь
И к сердцу ключом прикипает.

И крестится раз она — раз и другой;
Но бедной и крест не помога,
И жмет ей своей беспощадной рукой
Болезненно сердце тревога.

2

«Я бог всесильный музыки;
Повсюду я прославлен;
Мне на Парнасе, в Греции,
Издревле храм поставлен.

Да, на Парнасе, в Греции,
Я восседал и пенью
Внимал у струй Касталии,
Под кипарисной тенью,

Порой со дщерями деля
Торжественные хоры;
Звучали всюду ля-ля-ля,
И смех, и разговоры.

А между тем — тра-ра, тра-ра —
Гремели звуки рога:
В лесу охотилась сестра,
Горда и быстронога.

Не знаю, как случалося,
Но только освежали
Уста струи Касталии —
Уста мои звучали:

Я пел, невольно слух маня,
Невольно лира пела,
Как будто Дафнэ на меня
Тогда сквозь лавр глядела.

Я пел — лились амброзией
Моих напевов волны,
И были звучной славою
Земля и небо полны.

Лет с тысячу из Греции
Я изгнан... Миновалось...
Но сердце — сердце в Греции
Возлюбленной осталось...»

8

В одеяние бегинок —
В эпанечку с капюшоном
Из грубейшей черной саржи
Вся закуталась белица,

И идет она поспешно
По голландской по дороге,
Вдоль по Рейну, и поспешно
Каждых встречных опрошает:

«Не видали ль Аполлона?
Он одет в пурпурной тоге;
Сладко он поет под лиру:
Он кумир мой вожделенный».

Но никто не отвечает:
Кто спиною повернется,
Кто в глаза ей захохочет,
Кто прошепчет ей: «Бедняжка!»

Но дорогу переходит
Ей старик; он весь трясется;
Цифры в воздухе выводит
И поет гнусливо что-то.

За спиной его котомка;
На макушке трехугольный
Колпачок; лукаво щурясь,
Внемлет он речам белицы:

«Не видали ль Аполлона?
Он одет в пурпурной тоге;
Сладко он поет под лиру:
Он кумир мой вожделенный».

Головой качая дряхлой,
Отвечал он ей подробно,
И забавно, при ответе,
Дергал острую бородку:

«Не видал ли Аполлона?
Отчего ж его не видеть?
Я видал его нередко
В амстердамской синагоге.

Он служил там запевалой,
Прозывался Рабби Фебиш —
Аполлон на их наречье,
Но кумиром мне он не был.

Ну, и пурпурную тогу
Также знаю; славный пурпур:
По восьми флоринов, только
Недоплачено полсуммы.

А родитель Аполлона,
Моисей, прозваньем Йитчер, —
Всякой всячины обрезчик...
И, конечно, уж червонцев.

Мать приходится кузиной
Зятю нашему... Торгует:
Огурцов у ней соленых
И ветошек разных много.

Сына вряд ли очень любят.
Славный он игрок на лире;
Но играть гораздо лучше
Он привык в *тарок* и в *ломбер*.

Ну, и вольница при этом:
Потерял недавно место;
Ест свинину; бродит с труппой
Нарумяненных актеров.

И по ярмаркам он с ними
Представляет в балаганах
Арлекина, Олоферна
И царя Давида даже.

Говорят, царя Давида
Представляет он удачно,

И псалмы поет на ветхом
Иудейском диалекте.

В Амстердаме, проигравшись
В пух и в прах в игорном доме,
Набрал муз теперь и с ними
Разъезжает Аполлоном.

Ту, которая потолще
И венок лавровый носит,
И визжит, зовут подруги,
Да и все: Зеленой Свинкой».

⟨1859⟩

159. ЦАРЬ РАМПСЕНИТ

Только к дочери вошел
Царь в чертоги золотые —
Засмеялась и царевна,
И рабыни молодые.

Засмеялись и арабы;
Даже евнухам потеха;
Даже мумии и сфинксы
Чуть не лопнули со смеха.

Говорит царевна: «Вора
Я поймала, да слукавил:
Хвать его, а он в руке мне
Руку мертвую оставил.

Поняла его теперь я —
Он и ловок и не робок;
Крадет мимо всех задвижек,
Всех замков, крючков и скобок.

У него есть ключ волшебный,
И, когда прийдет охота,
Отпирает им он двери,
И решетки, и ворота.

Я не дверь ведь запертая —
И хоть клад твой сберегала,
Да и свой-то клад девичий
Нынче ночью прогадала».

Так с отцом царевна шутит —
И порхает по чертогу;
Снова евнухи и слуги
Рассмеялись понемногу...

А наутро целый Мемфис
Засмеялся; к крокодилам
Весть дошла — и те всей пастью
Засмеялися над Нилом,

Как на нильском на прибрежье
Стал глашатай — с ним и свита —
И прочел, при звуках трубных,
Он рескрипт от Рампсенита.

«Рампсенит, царь над царями
И владыка над Египтом,
Верноподданным любезным
Возвещает сим рескриптом:

В ночь на третие июня
Тысяча... *такое* лето
Перед рождеством Христовым, —
Вот когда случилось это, —

Из сокровищницы нашей
Тать похитил непонятно
Много камней драгоценных,
И потом неоднократно

Похищал. Затем-то на ночь
Пред казной у самой двери
Нашу дщерь мы положили,
Но не дался тать и дщери.

Прекратить татьбу желая,
А притом — для возвещенья
Симпатии нашей к татю,
И любви, и уваженья —

Нашу дщерь ему в супруги
Отдаем беспрекословно
И наследником престола
Признаем его любовно.

Но, как будущего зятя
Местожительство безвестно, —
Сей рескрипт ему объявит
Нашу милость повсеместно.

Января второе, в полдень,
В лето — тысяча... такое
Перед рождеством Христовым.
Rhampsenitus rex.[1] Мероэ».

Тать был избран царским зятем
По прямым словам рескрипта,
А по смерти Рампсенита
Венчан был царем Египта.

Он царил, как и другие;
И искусства процветали,
И торговля... Нет сомненья,
Что при нем не много крали.

21 октября 1860

160. ОГЛЯДКА

Всё сладкое, всё, что так манит собой,
Я всё перенюхал на кухне земной;
Чем славится мир наш, чем может гордиться,
Я всем понемножку успел насладиться:

---

[1] Царь Рампсенит (лат.). — *Ред.*

Я кофе пивал, пирожки поедал,
Я сахарных кукол взасос целовал;
Жилетки и фраки на мне то и дело
Менялись. А что в кошельке-то звенело!
Как Геллерт, я мчался на борзом коньке,
И строил я замки себе вдалеке;
Лежал на лужайке я, прозванной счастьем,
И солнце светило мне с жарким участьем,
И был я увенчан лавровым венком,
И мозг обвивал мне душистым он сном —
То грезой над розой, то грезой над маем,
То грезой, что только вот я нескончаем,
Что только для сумерек создан был день,
Что мне умирать не пора, да и лень.
Воистину смерть и могила — пустое,
Коль прямо вам в рот ниспадает жаркое,
С небес, на пурпуровых крыльях зари...
Да грезы-то — мыльные всё пузыри —
Мои перелопались... Вот и лежу я
На терниях свежих, стеня и тоскуя.
Все члены мои ревматизмом громит,
В душе моей — горе, в душе моей — стыд;
С весельем моим и с моим наслажденьем —
Досадою квит я, и квит — сожаленьем.
Мне подали желчи; пропяли стопы,
Меня беспощадно кусали клопы;
Заботы кусали меня наипаче —
Я должен был брать, да и брать без отдачи,
Кривя и умом, и душою моей,
У юношей светских, у старых камей...
Ну, словом, у всех, что богато во граде,
Я, кажется, даже просил христа-ради.
Теперь я устал на тяжелом пути,
Мне ношу хоть в гроб бы, да только б снести.
Прощайте! горé мы, любезные братья,
Сомненья нет, приймем друг друга в объятья.

⟨1861⟩

161

В убогой рыбачьей лачужке
На море смотреть мы сошлись;
Вечерний туман поднимался,
Клубяся причудливо ввысь.

И вот в маяке постепенно
Огни указные зажгли:
Над рябью свинцовою моря
Корабль показался вдали.

И мы говорили о бурях,
Крушеньях, о том, как тяжка,
Всегда между небом и морем,
Суровая жизнь моряка.

Потом говорили о южных
И северных мы берегах,
О том, как и люди и нравы
Диковинны в дальних страна́х.

На Ганге — всё блеск, ароматы,
И всё исполински цветет,
И стройное, мирное племя
Пред лотосом гимны поет.

В Лапландии — грязные люди:
Лоб узкий и рот до ушей;
На корточках рыб они жарят
И квакают в тундре своей.

И девушки слушали важно,
Но все призамолкли потом;
Корабль был давно нам невидим,
И сумерки пали кругом.

⟨1861⟩

С ФРАНЦУЗСКОГО

А. Шенье

162. АМИМОНА

Привет тебе, привет, певучая волна!
Ты принесешь ко мне младую Амимону:
На легком челноке плывет ко мне она,
Вверяясь твоему изменчивому лону,
И ветерок над ней покров девичий вьет...
Не так ли некогда в объятья бога вод,
Под неусыпною охраной Гименея,
Фетида мчалася к прибрежиям Пенея,
Держася за бразды и трепетно скользя
По влажному хребту проворного дельфина?..
Но если бы тебя, красавица моя,
Прияла невзначай кристальная пучина,
Поверь — твоя краса и твой невинный вид
Внезапным ужасом подводных дев смутили
И вряд ли бы тебе на помощь поспешили
Чернокудрявые станицы нереид!..
Опида, Кимадос и белая Нерея
Глядели б на тебя, от зависти краснея,
Досадуя, что взор пытливый их не мог
Открыть в твоем лице какой-нибудь порок,
И каждая из них любимого ей бога
Поспешно б увлекла из водного чертога,
Подальше от тебя, под сень прибрежных скал,
Где в гроты темные сплетается коралл,
И там бы слышал бог ревнивые укоры
За то, что на тебе остановил он взоры.

⟨1855⟩

163. В ДЕНЬ ИМЕНИН МОЕГО ДОКТОРА

Поднимаем мы кверху стаканы
За здоровье врача своего,
Да боимся: больные-тираны
У друзей не отняли б его.
У господ этих вечно замашка —
Разнемочься некстати, сплеча...
Господа, вам — ромашка, ромашка...
Дайте выпить друзьям за врача!

Ведь могли подождать бы больные,
А не ждут: отовсюду гонцы...
Вон — безумцы зовут молодые,
Кифереина сына жрецы.
Легковерные, вас обманули:
Вы в Эроте нашли палача!
Господа, принимайте пилюли...
Дайте выпить друзьям за врача!

Вон — сосед его требует к сроку:
У одной из его дочерей
Пухнуть начало с левого боку,
И, что день, то сильней и сильней.
Испугалась семья не на шутку;
Рвет и мечет старик сгоряча...
Потерпите, о дева, минутку:
Дайте выпить друзьям за врача!

Пусть весной его жизнь процветает,
Пусть, избегнув житейских мыта́рств,
И не ведает он и не знает
Ни рецептов своих, ни лекарств!
Вкруг него — всё друзья молодые...
И беседа их так горяча...
Умирайте уж, что ли, больные:
Дайте выпить друзьям за врача!

12 апреля 1858

164. ПЯТЬ ЭТАЖЕЙ

В душной дворницкой, в мраке подвала
Родилась я девчонкой простой;
Лет в пятнадцать — лакеи квартала
Всей гурьбой увивались за мной.
Вскоре я молодому вельможе
Показалася очень мила:
Эта честь обошлася мне в то же...
И я в первый этаж перешла.

Там, в роскошных покоях, и руки,
И лицо мое стали белей.
Упоительны золота звуки...
Не видала я будничных дней!
Но страстей изнурительна сила:
Умер он. Что я слез пролила!
Да печаль красоту пощадила...
Во второй я этаж перешла.

Там я герцога-пэра поймала.
Внук его был красивый такой...
За *огонь* они дали немало:
Первый — *пепел,* а *пламя* — другой.
Я к танцору душой привязалась:
Удалилася *знать* — не снесла;
Но мне зеркало всё улыбалось —
И я в третий этаж перешла.

Там, слывя баронессой, я с жиром
Ощипала все перья почти
Англичанину, двум-трем банкирам
И аббату — господь мне прости!
Но я замуж пойти захотела
За плута одного: он дотла
Обокрал меня... я поседела —
И в четвертый этаж перешла.

А в четвертом — иная работа:
Мне племянниц пришлось пригласить.
Мы кутим, и одна нам забота —
Комиссаров побольше дразнить.

На лету я свой хлеб добывала
И хозяйство и счеты вела,
Да стара и чудовищна стала —
И на пятый этаж перешла.

И теперь я служанка с метлою,
И приютом мне пыльный чердак;
Одинока; огня нет зимою...
И не верят соседи никак —
Чем была я на жизненном рынке;
Но от жизни бывалой моей
Я теперь еще вижу соринки,
Подметая все пять этажей.

7 июня 1858

165. РЫЖАЯ ЖАННА

Спит на груди у ней крошка-ребенок;
Жанна другого несет за спиной;
Старший с ней рядом бежит... Башмачонок
Худ и не греет ножонки босой...
Взяли отца их: дозор окаянный
Выследил — кончилось дело тюрьмой...
Господи, сжалься над рыжею Жанной:
Пойман ее браконьер удалой!

Жизни заря и для Жанны алела:
Сельский учитель отец ее был;
Жанна читала, работала, пела;
Всякий за нрав ее тихий любил,
Плясывал с ней и под тенью каштанной
Жал у ней белую ручку порой...
Господи, сжалься над рыжею Жанной:
Пойман ее браконьер удалой!

Фермер к ней сватался — дело решили,
Да из пустого оно разошлось:
Рыжиком Жанну в деревне дразнили —
И испугался он рыжих волос.
Двое других ее звали желанной —

Но ведь у ней ни гроша за душой...
Господи, сжалься над рыжею Жанной:
Пойман ее браконьер удалой!

Он ей сказал: «Не найти мне подружки
Краше тебя — полюбил тебя я,
Будем жить вместе: в убогой лачужке
Есть у меня дорогих три ружья;
По лесу всюду мне путь невозбранный;
Свадьбу скрутит капеллан замково́й...»
Господи, сжалься над рыжею Жанной:
Пойман ее браконьер удалой!

Жанна решилася — Жанна любила,
Жаждала матерью быть и женой:
Три раза Жанна под сердцем носила
Сладкое бремя в пустыне лесной.
Бедные дети! Пригожий, румяный,
Каждый взошел, что цветок полевой!
Господи, сжалься над рыжею Жанной:
Пойман ее браконьер удалой!

Чудо любовь совершает на свете,
Если горят ей прямые сердца!
Жанна еще улыбается: дети
Черноволосы все трое — в отца!
Голос жены и подруги избранной
Узнику в душу вливает покой...
Господи, сжалься над рыжею Жанной:
Пойман ее браконьер удалой!

17 октября 1858

166. СЧАСТЛИВАЯ ЧЕТА

Комиссар!
Комиссар!
Бьет Колен свою Колетту!
Комиссара не зови:
Ничего такого нету...
Ссора — вестница любви!

Комиссар и прочий причет
В этом деле — ни при чем,
И напрасно дворник кличет
И тревожит целый дом.
Да: Колен и бьет Колетту;
Но в каморку их, на крик,
Хоть бы было до рассвету,
Сам Амур слетает вмиг.

Комиссар!
Комиссар!
Бьет Колен свою Колетту!
Комиссара не зови:
Ничего такого нету...
Ссора — вестница любви!

Наш Колен — он малый трезвый,
Здоровяк, поет с утра,
А Колетта — зяблик резвый,
И румяна и добра...
Враждовать не в их природе,
Да и незачем: они,
Чтоб не думать о разводе,
Повенчалися одни.

Комиссар!
Комиссар!
Бьет Колен свою Колетту!
Комиссара не зови:
Ничего такого нету...
Ссора — вестница любви!

Любо жизнь они проводят!
Он и — под руку — она
Вечерком в харчевню ходят
Выпить на шесть су вина.
Здесь под тению зеленой,
Без свидетельских препон,
На скамейке повалённой
И контракт их заключен.

Комиссар!
Комиссар!
Бьет Колен свою Колетту!
Комиссара не зови:
Ничего такого нету...
Ссора — вестница любви!

Иногда Колен пирует
И с другими вечерком,
Да Колетты не надует:
Мстит и прежде и потом.
И сегодня уж, конечно,
Вышла сплетенка, — так вот
Меж собой простосердечно
И чинят они расчет.

Комиссар!
Комиссар!
Бьет Колен свою Колетту!
Комиссара не зови:
Ничего такого нету...
Ссора — вестница любви!

Комиссар и прочий причет
В этом деле — ни при чем,
И напрасно дворник кличет
И тревожит целый дом:
Чай, давно уж присмирели,
Позабыли обо всем —
И Колетта на постели
Спит теперь невинным сном.

Комиссар!
Комиссар!
Бьет Колен свою Колетту!
Комиссара не зови:
Ничего такого нету...
Ссора — вестница любви!

⟨1861⟩

Г. Надо

167. ГОРОДОК

Городок наш мал, а не дается
Он полиции ни в сети, ни в капкан;
В нем нас две-три тысячи найдется
Самых буйных и опасных горожан.
Порицанья... ропот... дерзкие сомненья...
Так средь бела дня и говорят...
Говорят, что будет вёдро в воскресенье,
Если в пятницу шел дождик или град.

Нет такого министерского вопроса,
Чтоб у нас не в силах были разрешить;
О веревке и всех ужасах допроса
В доме висельника можно говорить.
Уваженья к полу и лета́м нет больше:
Мне в глаза ребенок говорил...
Говорил, что на горячий суп подольше
Нужно дуть, чтоб суп как следует простыл.

В том вертепе, что коварно прикрывают
Титлом «круг искусств», такой ведь крик,
Что не только оглашают — оглушают
Королей они, султанов и владык.
Там вчера, напившись лимонада,
Шавассон, наш медик, утверждал...
Что тому болеть полгода было надо,
Кто весь год здоровым не бывал.

Пожилая дева тотчас вам расскажет,
Как пастух у ней околдовал постель,
А вдова таинственно докажет,
Что семнадцатый Людовик жив досель.
Вышивая карманьолки для избранных,
Перед образом присягу даст швея...
Даст присягу, что друзей непостоянных
Во сто раз ценней оседлые мужья.

В воскресенье все обедают семьею,
Но, как только кофе подадут на стол,
Мать немедленно уводит дочь с собою,
Потому: кузен в азарт уже вошел.
Песни требует нотариус кровавой,
Долгом староста считает возразить...
Возразить, что он танцовщице вертлявой
Посоветовал бы юбку удлинить.

Словом: здесь никто не пропускает шанса
Вслух вам высказать все мысли, как привык.
Городок лежит в глуши Прованса —
Мудрено ль, что в нем такой содом и крик!
Быть резне — недолго жить нам в мире,
И я думаю — что там ни говори...
Право, думаю, что дважды-два — четыре,
А четыре минус единица — три.

(1859)

168. ВОТ ПОЧЕМУ Я ХОЛОСТОЙ

Когда придется мне жениться,
И то угодно небесам,
Хочу я так в жену влюбиться,
Чтоб все завидовали нам.
Хочу быть добрым, кротким — словом,
Храня супружеский покой,
Хочу быть мужем образцовым...
Вот почему я холостой.

Мечтой я целый свет измерил
И в свете ангела искал:
В него с надеждою я верил,
И от него любви я ждал.
Мечта лампадою вестальной
Мне озаряла угол мой:
Я ждал супруги идеальной...
Вот почему я холостой.

Из магазинов этикетки
И чувства мне не по плечу,
Я не хочу жены-кокетки
И романистки не хочу;
Я не хочу, чтобы уроки
Мне были читаны женой,
И не хочу жены-сороки...
Вот почему я холостой.

Хочу вполне и без отчета
Быть господином над собой.
Гулять, когда пришла охота,
Когда прошла — идти домой;
Открыть или закрыть окошко;
Продать свой дом, купить другой;
Хочу быть деспотом немножко...
Вот почему я холостой.

Хочу, чтоб женщина умела
Меня красавцем находить,
Любезным, умным и за дело
Без комплимента похвалить;
Чтобы она и говорила,
И мыслила на мой покрой,
И чтоб стихи мои любила...
Вот почему я холостой.

Хочу, как сделаюся дедом,
Я, в назидание внучат,
Стаканом чокаться с соседом,
Забыв, что мне уж шестьдесят!
Хочу, дрожащими перстами
Настроив цитру, спеть порой
В честь женщин с старыми друзьями...
Вот почему я холостой.

Будь Митридатом я, тогда бы
Я не боялся ничего;
Но у меня так нервы слабы,
Что я пугаюся всего:
С похлебкой опиум мне страшен,

Мышьяк с вином или водой,
И тьма других питей и брашен...
Вот почему я холостой.

Да наконец, уж мне не ново,
Как у мужей проходят дни;
Затем и дал себе я слово —
Не быть такими, как они.
Быть может, зла и нет большого —
Не к смерти грех; но, боже мой!
До смерти я боюсь смешного...
Вот почему я холостой.

⟨1859⟩

ДРАМЫ

169. ЦАРСКАЯ НЕВЕСТА

Драма в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Василий Степанович Собакин, новгородский купец.

Марфа, Калист — его дети.

Григорий Григорьевич Грязнóй, Василий Григорьевич Грязнóй, Князь Михаил Темгрюкович, Малюта Григорьевич Скуратов, Князь Иван Гвоздев-Ростовский — опричники

Боярин ⟨Михаил⟩ Лыков, нарвский воевода.

Боярин Иван Сергеевич Лыков, его племянник.

Любаша.

Елисей Бомелий, царский лекарь.

Домна Ивановна Сабурова, купеческая жена.

Дуняша, ее дочь.

Петровна, работница Собакиных.

Кум Савелий.

Кум Парфён.

Истопник.

Сенная девушка.

Опричники, песенники, плясуньи, слуги, прохожие, бояре, боярыни.

Действие происходит в Александровской слободе в 1572 году.

Действие первое

Пирушка

Большая горница в доме Григория Грязного. На заднем плане низенькая дверь и подле нее поставец, уставленный кубками, чарками и ковшами. На правой стороне сцены три красные окна и против них длинный стол, накрытый скатертью; на столе свечи в высоких серебряных подсвечниках, солонка и судок. На левой стороне сцены дверь и широкая лавка с узорным полавочником; к стене приставлена рогатина; на стене висит самострел, большой нож, разное платье и медвежья шкура. По стенам и по обеим сторонам стола — лавки, крытые красным сукном.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЯВЛЕНИЕ 1

Григорий Грязной и **князь Иван Гвоздев-Ростовский** сидят за столом друг против друга; перед ними два кубка и стопа.

Кн. Иван Гвоздев-Ростовский

Так хороша? .. А кто она такая?

Гр. Грязной

Собакина, купеческая дочь...

Кн. Гвоздев-Ростовский

Постой, постой! Да не ее ль отец
Из Новгорода в Слободу приехал
С заморскими товарами?

Гр. Грязной

Он самый.

Кн. Гвоздев-Ростовский

Дом на углу, у церкви? Знаю, знаю:
У старика-то я вчера купил
Себе парчи узорчатой на ферязь...
Зачем он дочь сюда привез с собою?

Гр. Грязной

Зачем? .. Ты знаешь, государь велел
Со всех концов и городов красавиц
Свезти сюда; и лучшую из них
Себе в супруги выбрать хочет?

Кн. Гвоздев-Ростовский

Слышал.

Гр. Грязной

И веришь ли, мой друг, любезный Ваня?
Мне кажется, что лучше Марфы нет,
Что на роду ей суждено царицей,
А не простой боярынею быть.

Кн. Гвоздев-Ростовский

Тебе во всем поверю я, Григорий!
А вот своим глазам так я не верю...

Гр. Грязной

А что?

Кн. Гвоздев-Ростовский

Да так... Гляжу я на тебя:
Куда ты изменился, Гриша! .. Право:
Бывало, мы, чуть девица по сердцу,
Нагрянем ночью, дверь с крюка сорвали,
Красавицу на тройку — и пошел!
А нынче мы болтаем, словно бабы...
Что тут дремать? Друзья как раз помогут.

Гр. Грязной

Нет, князь! К чему насилие? .. Не прихоть,
Любовь крушит мне душу, да и Марфа
Скорей наложит руки на себя,
Чем даст себя в обиду... Слушай, князь:
Я честию хотел покончить дело:
К Собакину я сватов засылал.

Кн. Гвоздев-Ростовский

Ну, что ж?

Гр. Грязной

Велел сказать мне наотрез:
«Благодарим боярина за ласку,
А дочь свою я обручил другому».

Кн. Гвоздев-Ростовский

Кому ж другому?

Гр. Грязной

Лыкову Ивану.

Кн. Гвоздев-Ростовский

Да ты бы сам с отцом поговорил.

Гр. Грязной

Я говорил, так он поет другое:
«Мы с дядей нареченного, Михайлой
Матвеичем, уж дело порешили».

Кн. Гвоздев-Ростовский

А молодой-то Лыков — хоть куда!
Такой красивый, говорит так складно:
Недаром был он два года у немцев.

Гр. Грязной

Не говори мне про него... Сегодня,
Скрепивши сердце, звал его я с дядей
Откушать хлеба-соли: погляжу,
Какой он басурманщины набрался!
Чай, то-то он невесте нагородит,
Проклятый!

Кн. Гвоздев-Ростовский

Эй, послушайся меня:
Возьмем силком — и поминай как звали!

Гр. Грязной

Нет, не хочу...

(Встает)

А Лыкову Ивашке
Не обходить кругом налоя с Марфой!

Кн. Гвоздев-Ростовский

Да что ж ты хочешь делать?

Гр. Грязной

Сам не знаю...
А жаль мне, что ты Марфы не видал:
Ты знаешь толк...

Кн. Гвоздев-Ростовский

Да кто его не знает?
На что уж немец, Елисей Бомелий —
И тот смекает! Встретились намедни,
Он и давай хвалить твою Любашу:
«У твоего приятель шлявна девка!..»
Да, к слову молвить. Разве ты Любашу
Уж разлюбил?.. А кажется, что девки
Такой искать — нескоро и отыщешь:
Поет, что птичка; брови колесом,
Глаза, как искры, и коса до пяток.

Гр. Грязной

Она мне надоела...

Кн. Гвоздев-Ростовский

Что так скоро?
И полгода, кажися, не прошло,
Как мы ее в Кашире подцепили...

Гр. Грязной

Я не люблю ее.

Кн. Гвоздев-Ростовский

Напрасно, брат!
А впрочем, как пройдет угар, полюбишь...
Давай-ка — выпьем!

(Наливает кубки; за дверью слышен шум.)

Чу! Никак и гости
Идут? Кого ты звал к себе сегодня?

Гр. Грязной

Всё наших же... Ну, Лыковы прийдут,
Хотел быть Калист, Марфин брат, гуляка

И балагур, хоть тотчас в скоморохи...
Прийдет Бомелий...

Кн. Гвоздев-Ростовский

Он зачем?

Гр. Грязной

Мне нужно.

СЦЕНА ВТОРАЯ

ЯВЛЕНИЕ 1

Те же, Малюта Скуратов, князь Михайло Темгрюкович, в богатом кафтане, с кинжалом за поясом; слуги.

Гр. Грязной

Добро пожаловать!

Малюта

Здорово, Гриша!
И я пришел к тебе попировать,
На старости медку хлебнуть немножко...
С собой взял князя...

Гр. Грязной

Милости прошу!
Да что же ты ко мне сегодня в рясе?

Малюта

Нельзя же, брат! Я — параклисиарх.
У вас одно мирское на уме,
А мы с великим нашим государем
Вечерню слушали... Теперь, пожалуй,
Разоблачусь и я...

(Снимает тафью: слуги скидают с него рясу, и он остается в кафтане, шитом золотом, с собольей опушкою.)

Гостям подносят кубки.

Вот это дело!
Мы с князем шли к тебе, да и продрогли.
Ну, будь здоров!

(Пьет и кланяется Грязному.)

Гр. Грязной
(откланиваясь)

Благодарю, Малюта!

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же, Василий Грязной, Калист, Елисей Бомелий и несколько опричников. На Бомелии длинная черная мантия, на Калисте полукафтанье; на прочих кафтаны. Михайло Матвеевич и Иван Сергеевич Лыковы.

Гр. Грязной

(идет навстречу гостям)

Прошу покорно, гости дорогие!

(Целуется с ними по очереди. Лыковым)

Бояре!

(В. Грязному)

Брат, здорово!

(Калисту)

Здравствуй, Калист!

(Бомелию)

Благодарю тебя за честь, Бомелий!
Спасибо вам, что вспомнили меня.

Слуги подносят каждому из гостей по кубку; гости пьют и кланяются хозяину, который откланивается.

Ну, дорогие гости! За трапезу
Прошу садиться... Только не взыщите:
Чем бог послал...

М. Лыков

Мы лаской будем сыты.
А старая присловица гласит,
Что слаще меду ласковое слово.

Гр. Грязной

Другая поговорка есть, боярин,
Что баснями не кормят соловья...
Прошу покорно!

Гости садятся за стол; слуги начинают ставить кушанья.

Малюта

(М. Лыкову)

Расскажи-ка нам,
Как в Нарве воеводствуешь, боярин!

М. Лыков

Да, слава богу, у меня всё тихо:
Магистр и немцы, словно барсуки,
Сидят в норах и выглянуть не смеют.

Малюта

За ум взялись, а то куда сварливы!

(Ив. Лыкову)

Ты, молодец, на немцев насмотрелся:
Что, как у них там за морем живут?

Ив. Лыков

Как и везде: где хорошо, где худо.

Бомелий

Неправда! Очень, очень хорошо!

Кн. Гвоздев-Ростовский

Зачем же вы к нам жалуете в гости?
Ты знаешь: от добра — добра не ищут!

Бомелий

За нами шлет великий государь,
Чтоб вас учить.

Кн. Гвоздев-Ростовский

Ну да! Вы научили,
Как вашу ж братью нужно колотить:
Спасибо и на том!

Бомелий

Как научили?

Кн. Гвоздев-Ростовский

Наслали к нам пищалей и снарядов
И пушкарей. А то ведь наши деды,

Бывало, ваших рыцарей бивали
Простым дубьем: оно ведь и устанешь!
Вот вам от нас за это и спасибо!

Малюта

А третие спасибо — за вино.

Калист

И подлинно: как немцы вина гонят,
Так русским их, наверно, не гонять!

Гости смеются.

Гр. Грязной

Четвертое спасибо! Ай да Калист!
Люблю за то, что вовремя и кстати
Ввернул словцо!

(Слугам)

Эй, фряжского сюда!

Ив. Лыков

А я скажу, что многое от немцев
Не худо бы нам, русским, перенять.

Кн. Гвоздев-Ростовский

А что такое?

Ив. Лыков

Первое — порядок
Везде, во всем, в домах и городах,
Терпение, досужество в работах
И рвенье неусыпное к трудам.
У немцев нету росписи местам.
У них один другому не указчик,
А всякий сам блюдет себя и место.
Зато у них холоп уж не полезет
В бояре, и боярин не пойдет
В холопья, а живут себе смиренно,
Как там кому пришлося, и затем
У них повсюду, смотришь, — тишь да гладь,
Да божья благодать!

Малюта

И дело: всякий
Сверчок знай свой шесток!

Бомелий

Да: свой шесток!

Кн. Гвоздев-Ростовский
(Бомелию)

Нет, ты молчи: тебе мы не поверим!
Малюта нам пословицу сказал,
А я тебе скажу другую: всякий
Кулик свое болото хвалит! Понял?

Бомелий отворачивается от кн. Гвоздева-Ростовского. Слуги вносят вино и начинают наливать кубки.

Ив. Лыков

Еще скажу: хваленье государю,
Зане он как отец о нас печется
И хочет, чтобы мы у иноземцев
Понаучились доброму!

Гр. Грязной

Аминь!

(Поднимает кубок)

За здравие отца и государя!
Да здравствует навеки государь!

Все встают и осушают кубки.

Да здравствует навеки государь!

Кн. Михайло Темгрюкович

Хозяин! приказал бы ты позвать
Сюда твоих гусляров да заставил
Их белого царя повеличать.

Гр. Грязной

Они готовы.

(Слугам)

Песенников! живо!

Кн. Михайло Темгрюкович

И песенниц! Они потом попляшут,
А мы на них с Малютою посмотрим.

Малюта

Смотри, а мне так что-то надоело.

Кн. Михайло Темгрюкович

Не притворяйся: знаю я тебя!

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же, гусляры, песенники и плясуньи. Войдя в горницу, они кланяются гостям и становятся около поставца.

Гр. Грязной

Ребята! Дорогих гостей потешьте
Моей любимой и заветной песней —
Во славу православного царя!

Малюта

И мы подтянем.

Гусляры настраивают инструменты.

Гр. Грязной

Ну, дружней, ребята!

Хор

Слава на небе солнцу высокому —
Слава!
На земле государю великому
Слава!
Его бодрые кони не ездятся —
Слава!
Его платья цветные не носятся —
Слава!
А бояре и слуги не старятся —
Слава!

При последнем слове гости встают и поднимают кубки.

Малюта

Где стариться — нам только молодиться!
И то сказать, бояре, что невольно
С таким царем, как наш, помолодеешь.

Его еще на свете не бывало,
А уж о нем пророки провещали!

В. Грязной

А что ж они вещали?

Малюта

Аль не знаешь? ..
Был юродивый старец Доментьян...
Когда его покойная княгиня
О детище, зачатом ей, спросила:
«Что имам я родити?» — он сказал:
«Родится Тит — широкий ум!» И точно:
Не мимо шли правдивые слова —
И вещее сбылося предсказанье!

В. Грязной

Широкий ум — по царству! Чай, его
И басурманы хвалят?

Ив. Лыков

Не везде.

Малюта

Так: не везде! Хулителей не мало!
Но кто они? Презренные рабы.
Природному владыке изменили
И, совесть прокаженную продавши,
Согласниками стали сатаны...
Князь Курбский и другие! А за ними
Стрекочут иноземцы, как сороки...
Ну, чем они корят царя Ивана?

Ив. Лыков

Прискорбно повторять мне злые речи,
А говорят, что царь наш грозен...

Малюта

Грозен;
Да, грозен он, как божия гроза,
Без устали карает лиходеев,
А праведным — вещает благодать!

Нет! Это скудоумные наветы
Предателей, злословящих царя.
За что? За то: зачем, дескать, он понял,
Что царь казнить и жаловать волён
И что ему, венчанному владыке,
Негоже под приставниками быть?
Он грозен!.. Ох! Гроза-то — милость божья!
Гроза гнилую сосну изломает,
Да целый бор дремучий оживит!

В. Грязной

Вот речь, так речь! Уж подлинно: недаром
Ты носишь шубу с царского плеча!

Малюта

И вам, бояре, тоже ведь недаром
За седлами царь метлы привязал:
Мы выметем из Руси православной
Весь сор!

Гр. Грязной

Вестимо! Гойда!
(Поднимает кубок.)

Опричники
(поднимают кубки)

Гойда! Гойда!

В. Грязной

Теперь еще один застольный кубок —
И кончена смиренная трапеза;
Прошу вас не прогневаться, бояре!

Слуги наливают кубки.

Кн. Михайло Темгрюкович

Благодарим, хозяин, зá хлеб, зá соль!

Гости пьют и кланяются Гр. Грязному.

Гр. Грязной
(откланиваясь)

Хозяину гостей благодарить!

Иные из гостей встают из-за стола и расходятся по горнице; другие остáются за столом. Слуги снимают пустые блюда.

В. Грязной
(подходит к Гр. Грязному)

Брат! Что твои гусляры приуныли?
Не худо бы гостей повеселить!

Гр. Грязной

Да чем велите...

Малюта

Ну-ка, плясовую!

Кн. Михайло Темгрюкович

Вишь, вишь! А говорил, что надоело!

Малюта

А ты и рад накинуться на слово!

Гр. Грязной
(песенникам)

Ребята, пой, а девушки попляшут...

Хор
(поет)

За реченькой яр-хмель
Вкруг кустика вьется...

На середину выходят две девушки и начинают пляску. Гости составляют полукруг. Калист подвигается ближе и ближе к плясуньям и наконец приплясывает и припевает.

Малюта

Спасибо! Лихо! Что твои лебедки!

(Указывая на Калиста)

Гляди, и молодца расшевелили,
А то сидит себе такой понурый...

(Калисту)

Что, косточки небось заговорили?

Калист

Люблю, боярин, песню плясовую!
На сердце легче, как ее заслышишь:

Так по тебе мурашки и пойдут,
А под ногами словно кто подсыпал
Горячих угольев — так вот и ходят!

Бомелий

Не песенки, а девушек он любит!
Мужчина молодой: жениться хочет...

Калист

Женюся, у другого не спрошуся
И ни к кому с поклоном не прийду...

Бомелий

Ко мне прийдешь.

Калист

За снадобьями, что ли?

Бомелий

За снадобьями, да. Ты любишь девку,
А девка — нет. Вот ты идешь ко мне,
А я тебе травы даю...

Калист

Морочишь.
Будь у тебя, брат, корень приворотный,
Пореже б ты развязывал кису!
А то я знаю...

Бомелий

Что ты знаешь?

Калист

Песню!

Бомелий

Какую песню знаешь?

Калист

А такую,
Как парни привораживают девок.
Пропел бы я тебе, да жалко —

Не про тебя ее сложили! Вот что:
В толк не возьмешь!

Гр. Грязной

А что же? Спой-ка, Калист!
Мы в толк бы взяли...

Калист

Бог с тобой, боярин!
Куда мне петь!

(Указывая на Бомелия)

Я с ним вот пошутил.

Малюта

Добро, добро! Отнекиваться поздно:
Сам посулил, так волей аль неволей,
А пой, любезный!

Калист

Нечего уж делать:
Давайте балалайку.

Один из гусляров подает ему балалайку. Калист перебирает несколько ладов и поет.

Ты краса ли моя девичья,
Ты коса ль моя трубчатая,
Не на радость ты мне, де́вице,
Не в утеху доставалася:
Что тебе ли, русой косыньке,
Люди добрые завидуют,
За тебя ли, косу русую,
Извели меня, младёшеньку,
Опоили, горемычную,
Зельем — лютою отравою...
Ох, не зельем извели меня,
Опоили не отравою,
А извел меня соколий глаз,
Опоила речь медовая!

Малюта

Ай, Калист! Вот утешил, так утешил!
Да как же ты на песни-то горазд!

Ив. Лыков

Благодарю тебя, любезный Калист!
Мне за морем всё сердце истомили
Немецкие докучливые песни;
Ты русской песней душу мне отвел!

Гр. Грязной

Спасибо, брат!

Калист

(кланяясь)

Да смилуйтесь, бояре:
Не издевайтеся!..

Малюта

Ну, полно, полно!
Что хорошо — то хорошо!

(Треплет его по плечу.)

Кн. Гвоздев-Ростовский

С Любашей
Ему бы спеть: уж вот была бы пара!

Малюта

Аль память у меня вином отшибло?

(Гр. Грязному)

Григорий! Где же крестница моя?
Никак ты, брат, свою голубку держишь
На заперти? Не бойсь — не улетит!

Гр. Грязной

Не знаю, что она нейдет?

(Слугам)

Скажите
Игнатьевне, чтоб кликнула Любашу.

Калист

Давно бы так!

М. Лыков

(тихо Малюте)

А кто это... Любаша?

Малюта

(тихо)

Любовница Грязного, чудо-девка!
Мы из Каширы увезли ее...

(Вслух)

Я крестницей зову ее затем,
Что за нее порядком шестопером
Я окрестил каширских горожан:
Такие злые — лезут, да и только!

Кн. Гвоздев-Ростовский

(отходит в сторону Калиста)

Послушай, подразни маленько немца...
Вишь он, как сыч, насупился...

Калист

Пожалуй.

(Подходит к Бомелию.)

Что приуныл? Аль песня не по сердцу?

Бомелий

Я ваши песни плохо понимаю.

Калист

А сказки понимаешь, что ли?

Бомелий

Сказки?
Я сказок не слыхал еще...

Калист

Так хочешь,
Я присказку скажу?

Бомелий

Скажи.

Калист

Ну, слушай.

Кн. Гвоздев-Ростовский и некоторые из гостей подходят ближе.

«Я маленький был смел: жеребеночка съел, сел да и поехал...»

Что, хорошо?

Бомелий кивает головой, гости смеются.

А дальше лучше будет!

«Вот еду я, еду, а сам ни гу-гу! Вижу — на речке, не то на лугу, плавают три утки, а может — три галки... Вот я себе и выломил три палки: первую-то бросил, да недобросил, вторую-то кинул, да недокинул, а третьей и так метил, да не попал! Делать нечего, надо ловить руками...»

Бомелий слушает со вниманием.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Любаша, выходит из боковой двери; на ней цветная телогрея; волосы заплетены в две косы. Увидя ее, Калист останавливается.

Бомелий

Ну?

Калист

Улетели!

(Отворачивается от Бомелия.)

Бомелий

Как же улетели?

(Оборачивается и не договаривает.)

Малюта

А пташечка-певунья прилетела!

(Любаше)

Здорово, крестница!

Любаша

(кланяясь гостям, которые отвечают на ее поклон)

Здорово, крестный!

Малюта

Что позамешкалась? Небось с постели.
Глазенки словно заспаны...

Любаша

(взглядывая на Грязного)

Ах! Что ты!
Я не спала, а голова болела
Немного.

Малюта

Вздор! Вот ты нам спой-ка песню,
Так боль всю как рукою снимет!

Гр. Грязной

Что же —
Сухая ложка рот дерет, бояре!
Прикажете по чарочке медку?
За кубками и песни слушать лучше.

Кн. Михайло Темгрюкович

Хозяин! Мед-то твой не в меру хмелен!

Гр. Грязной

Какой уж есть: из царских погребов.

Кн. Михайло Темгрюкович

Ин прикажи по чарочке...

Гр. Грязной

(слугам)

Эй, меду!

Любаша

(Малюте)

Послушай! Я просить тебя хотела...

Малюта

Что, пеночка?

Любаша

Как царь жениться будет,
Ты наряди меня тогда на свадьбу —
Хоть сенной девушкой к невесте. Слышишь?

Малюта

Изволь. А ты нам песню затя́ни.

Любаша

Какую же?

Малюта

Да, знаешь... попротяжней,
Чтоб за сердце хватала!

Любаша

Погоди:
Сейчас спою...

(Гуслярам)

А вы мне подыграйте.

(Садится к столу.)

Слуги обносят гостей чарками.

Малюта

(берет чарку и садится возле Любаши)

Хозяину веселье!

(Пьет.)

Грязной кланяется.

Ну, бояре!
Прошу прислушать: крестница поет!

Гусляры подстроивают инструменты.

Любаша

Ты крестницу сам к песне приневолил,
Так за нее уж сам и отвечай.

Гости окружают Любашу.

(Поет)

Снаряжай скорей, матушка родимая,
Под венец свое дитятко любимое!
Я гневить тебя нынче зарекалася,
От сердечного друга отказалася:
Расплетай же мне косыньку шелковую,
Уложи меня на кровать тесовую;
Пелену набрось мне на груди белые

И скрести под ней руки помертвелые,
В головах зажги свечи воску ярого
И зови ко мне жениха-то старого:
Пусть войдет старик, смотрит да дивуется —
На красу ль мою девичью любуется!

Гости

Благодарим! Спасибо! Славно! Славно!

М. Лыков

Отменно!

Кн. Михайло Темгрюкович

Знатная певица!

Бомелий

Да!

Любаша кланяется.

Кн. Гвоздев-Ростовский

Что «да»? Небось теперь ты понял?

Бомелий

Понял.

Малюта
(встает)

Ну, крестница, позволь поцеловать!

(Целует Любашу.)

Вот как поет, что сердце замирает...
Эх! время-то поздненько, а не то
Я без другой бы песни и не вышел...

Гр. Грязной

Ты собрался никак домой?

Малюта

Да, время:
Пора гостям и со двора, хозяин!

Гр. Грязной

Да подожди.

Малюта

А ты и позабыл,
Что мне пора идти на колокольню?
Чай, государь изволил пробудиться;
Смотри — как раз к заутрене ударю
И вас врасплох застану всех. Прощай.

Гости встают и берутся за шапки.

Гр. Грязной

И вы, бояре? Нет, уж извините,
А так я вас домой не отпущу!..

(Слугам)

Живей, вина!

(Гостям)

По чарке, на прощанье!

Малюта

Ну, будь по-твоему.

Гостей обносят чарками; они пьют и раскланиваются с Грязным.

Теперь уж, брат, прощай.

Любаша подходит к дверям.

Гр. Грязной

Ну, прощай, Малюта!

Гости прощаются с Грязным.

Кн. Михайло Темгрюкович

Пора хозяину покой дать.

М. Лыков

За́ хлеб, за́ соль!

Гр. Грязной

Прошу вперед к нам жаловать, бояре!

Ив. Лыков

Прошу тебя и нас не забывать.

Бомелий в это время смотрит на Любашу, она раскланивается гостям.

Гр. Грязной

(Калисту)

Отцу с сестрою поклонися, Калист!

Любаша отступает.

Кн. Гвоздев-Ростовский

(Грязному, не видя Любаши)

Мы в церкви ведь увидимся с тобой?
Я рад, что ты повеселел и Марфу
Васильевну Собакину забыл.

Любаша вздрагивает.

Гр. Грязной

Забыл! Скажи: забылся... До свиданья.

Бомелий хочет уйти: ⟨Гр.⟩ Грязной, удерживая его, слугам и песенникам.

Ступайте! Мне не нужно вас...

Слуги, песенники и плясуньи уходят; Любаша прячется за медвежью шкуру.

ЯВЛЕНИЕ 5

Гр. Грязной, Бомелий, Любаша за медвежьей шкурой.

Гр. Грязной

Бомелий!
Мне важное есть дело до тебя.

(Указывая на скамью)

Садися здесь и выслушай, Бомелий!

Бомелий садится.

Сегодня ты с гостями молодыми
Про девушек про красных говорил,
И помнишь, речь о корне приворотном
У вас зашла, и ты шутил, Бомелий?

Бомелий

Нет, не шутил.

Гр. Грязной

Как? Ты и вправду знаешь,
Чем девушку к себе приворожить?

Бомелий

Да.

Гр. Грязной

Ты смеешься?

Бомелий

Нет.

Гр. Грязной

А можешь также
Приворожить к другому?

Бомелий

Всё равно.

Гр. Грязной

Так я тебе, Бомелий, поклонюся;
Есть у меня приятель... зазнобила
Ему сердечко красная девица...
Нельзя ли как помочь бедняге?

Бомелий

Можно.

Гр. Грязной

Да вот беда: случилось, что иного
Она взлюбила, а его не любит...

Бомелий

Его полюбит.

Гр. Грязной

Ты не лжешь?

Бомелий

Не лгу.

Гр. Грязной

Нет, поклянись мне...

Бомелий

Да поверь, боярин!

Гр. Грязной

Послушай! Я... приятель мой богат,
И дом его, по милости царевой,
Как чаша полон; в кладовых довольно
И золота, и камней самоцветных,
И жемчугу, и всякого добра;
Бери любое, сослужи лишь службу,
Приворожи к нему ту лиходейку,
Что и сама его приворожила!

Бомелий

Изволь. Я дам ему лихого зелья;
Как выпить даст, так девка и полюбит.

Гр. Грязной

Что ж, это зелье, стало быть, напиток?

Бомелий

Нет, порошок. Насыпать ей в вино!
Пусть сыплет сам, а то и не полюбит.

Гр. Грязной

Ну, всыплет... А потом что нужно делать?

Бомелий

Поговорить... сказать, что много любит...

Гр. Грязной

О! Я скажу!.. Я знаю, что он скажет...
Когда ж ты это зелье приготовишь?

Бомелий

Дня через три.

(Встает.)

Пока прощай, боярин!
Спокоен будь.

Гр. Грязной
(удерживая его)

А если не полюбит?

Бомелий

К чему мне лгать?

Гр. Грязной

Так я к тебе зайду
И, если ты приятелю поможешь,
Озолочу тебя.

Бомелий

Прощай! .. Полюбит!

Гр. Грязной

Прощай! Постой, я провожу тебя.

(Провожает Бомелия за дверь.)

Любаша выходит из-за шкуры и прокрадывается в боковую дверь.

ЯВЛЕНИЕ 6

Грязной, потом Любаша.

Гр. Грязной

(идет потупя голову)

И верю и не верю... Мудрено,
А может быть: сильна его наука!
Что, если не солгал он? ..

Любаша

(тихо растворяя дверь и подходя к Грязному)

Ты один?

Гр. Грязной

Любаша!

Любаша

Ну? Чего ты испугался?

Гр. Грязной

Зачем ты?

Любаша

Я спросить тебя хотела:
Пойдешь ли ты к заутрене?

Гр. Грязной

Пойду.

(Садится к столу и закрывает лицо руками.)

Молчание.

Любаша

(подходит к Грязному)

Скажи: за что ты на меня сердит?

Грязной не отвечает.

Чем, глупая, тебя я прогневила,
Что ты словечка вымолвить не хочешь?

Грязной

(не поднимая головы)

Отстань.

Любаша

Ох, надоела я тебе!
Давно пора! Чего ты хочешь, девка?
Тобою понатешились довольно
И выбросят, как старую тряпицу.
Ты надоела: есть другая — лучше,
Приветливей...

Грязной

(оборачиваясь)

Ложися спать, Любаша!

Любаша

Когда бы ты любил еще Любашу,
Ты знал бы — спит она иль нет! Спасибо!
Ты позабыл, как двери отворять
Ко мне в светелку... Господи! Давно ли
Я думала, что любит он меня,
Давно ли он любил? От поцелуев
Его и щеки даже не простыли...

(Бросается к Грязному)

Нет, быть не может! .. Ты меня не кинешь!
Я прогневила чем-нибудь тебя,
Ты, верно, полюбил с сердцов другую?
Оставь ее! Она тебя не любит,
Я, я одна тебя люблю! Ты вспомни:
Я для тебя девичий стыд забыла,
Забыла мать, отца, и род, и племя,
Об них слезы не выронила я —
Всё для тебя, а ты меня покинешь!

(Падает на колени)

Не погуби души моей, Григорий!

Слышен удар колокола.

Грязной
(встает)

Заутреня...

(Идет в угол, надевает рясу и тафью.)

Любаша

Постой, не уходи!
Скажи мне, что я брежу, что ты любишь
Меня, а не ее, не эту... Да скажи же
Мне что-нибудь!

Второй удар.

Грязной
(уходя)

Прощай!

Любаша
(бежит за ним)

Постой, куда ты?

ЯВЛЕНИЕ 7

Любаша
(возвращаясь)

Ушел! .. И даже не взглянул ни разу!

Третий удар.

Небось на ту глядит — не наглядится!
И зелья для нее просил у немца,
И золота сулил ему за зелье...
Она его приворожила, видишь!..

Еще удар.

Ох!.. Отыщу же я твою колдунью —
И от тебя ее отворожу!

За сценой благовест.

Действие второе

Приворотное зелье

Улица в Александровской слободе. Налево церковь с обширным монастырем, обнесенным оградой; подле нее, на углу, дом в три окна на улицу, ворота и забор; у ворот, под окнами, деревянная лавка. Направо — длинный ряд домов; из-за заборов выглядывают кой-где голые деревья. На заднем плане, вдали, хоромы царя Иоанна и часть Слободы. На авансцене раскидистое дерево, и под ним большой камень. Улица идет несколько в гору. Осенний вечер.

ЯВЛЕНИЕ 1

Петровна, потом Марфа.
Петровна выходит из калитки и смотрит из-под руки на улицу.

Марфа
(за сценой)

Что? Не видать, Петровна?

Петровна

Не видать,
Родимая!.. Никем-кого...

Из-за монастыря выходит женщина.

Постой-ка;
У церкви вон идет купец... Диватко,
Не тятенька?.. Взгляни сама, родная!
Глазенки у тебя моложе.

Марфа
(выглядывая из калитки)

Что ты,
Петровна? Это — женщина.

Женщина входит в один из домов.

Петровна

Ахти!
А мне ведь покажись купец... Старенька,
Старенька я, родная: плохо вижу.

Марфа

(смотрит еще несколько времени на улицу и потом кричит в калитку)

Дуняша!

Дуняша

(за сценой)

Что ты?

Марфа

Выйдем за ворота
Да посидим на лавочке.

Дуняша

Пожалуй.
Я только вот фату себе возьму.

Марфа

Возьми и мне.

(Садится на лавочку.)

Петровна

Эх, старость-то не радость!
Бывало, ночью словно кошка видишь,
А нынче... ровно кто песку насыпал
Тебе в глаза...

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и Дуняша, выходит из калитки.

Дуняша

Да как тепло и тихо!

(Подает Марфе фату.)

Вот и фата тебе.

Марфа

(накидывает фату)

Присядем, Дуня:
Петровна нам про старину расскажет.

Дуняша садится возле Марфы. Петровна стоит у калитки, подпершись рукой об щеку.

Дуняша

Петровна! Чай, тебе годов уж много?

Петровна

Многонько, моя матушка, многонько...
Да вот мне с Госпожинок-то пошел
Седьмой, не то уж и осьмой десяток.

Дуняша

Ну, пожила же ты на белом свете!

Петровна

Давно живу, чужой век заживаю:
Пора костям и на покой, родная!

(Вздыхает.)

Век изжила, а вёдра не видала...
Ненастья с горем вдоволь насмотрелась!

Марфа

А говорят, что встарь всё лучше было.

Петровна

Вестимо, лучше! Нынче всё не то:
И люди-то и время-то... Бывало,
О сю пору снежок уж порошит.
Пришел брат божий Яков — и крупица
Повыпадет, водица освежится,
Грязь закует, а тут, глядишь, и зимка:
Егорий с мостом да Микола с гво́здем.
А нынче вот и Яков, божий брат,
А вишь, какая непогодь! Поутру
И крыши не белеют: всё туманы...
Теплынь какую господи дает!

Дуняша

Что ж! Пар костей не ломит ведь, Петровна?

Петровна

Тепло-то не ко времени, родная!

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же, кум Савелий и кум Парфен выходят из противоположного дома.

Кум Савелий

Слышь, баит, пить не надо, кум Парфен!

Кум Парфен

Не надо, кум, вот — видит бог — не надо!
Что ж? Человек недужный... где тут пить? ..

Петровна
(тихо)

Знать, к немцу за лекарствами ходили.

Кум Савелий
(останавливаясь)

С чего оно прикинулось? Знать, с ветру!

Кум Парфен

А кто их знает! Может, где продрог!
Вздохнуть не даст: вот грудь всю заложило —
Смерть да и только! Я уж и бодягой,
И солью тер, и в баню-то ходил:
Всё нет отдышки — режет, как ножами,
Дай, мол, схожу я к немцу. Вот спасибо,
Какой-то дал травы...

(Показывает сверток.)

Авось поможет?

(Вздыхает.)

А про вино заказывал настрого:
«Не пей: умрешь, коль будешь пить! Смотри же
Не пей вина!»

Кум Савелий
(покачав головой)

Ой, врет же он, собака,
Чтоб так с вина и умер человек?
Да вон ко мне какая лихоманка
О Фоминой неделе привязалась:
Чего-чего ни делал — всё трясет.
А как с сердцов я тяпнул красоулю,
Слышь, как рукой всё сняло! Ей-же-богу!

Кум Парфен

Что ж немец баит?..

Кум Савелий

Эва, что за знахарь!
Он нашего вина, чай, и не нюхал:
У них другое за морем-то гонят!

Кум Парфен

Другое?

Кум Савелий

Да. Ну, ихнее вино,
Пожалуй, что в недуге не годится,
А наше... нет! шалишь, поджарый нехристь,
Оно — тово!

Кум Парфен

И вправду, кум Савелий!
Уж будто с чарки что и приключится?

Кум Савелий

Чему тут быть! Пойдем-ка, кум, в кружало
Да выпьем на алтын-другой!

Кум Парфен

Нештó!

Идут.

Кум Савелий

А травку-то зачем несешь с собою?
Брось — ну ее! Какая там она?
Лихая, может! Брось под подворотню!

Кум Парфен

И то! Почем узнаешь: может, зелье!
Вишь, немец, снадобьев каких даешь!
На! подавись своей травой поганой!

(Бросает сверток и уходит, обнявшись с кумом.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же, кроме кумовьев.

Дуняша

Вот глупый-то народ: возьмет лекарство,
А после сам же бросит на дороге!
Уж не ходил бы к немцу, коль не верит.

Петровна

Оборони господь им верить!

Дуняша

Что же?

Петровна

И, матушка! Поверь-ка басурману,
Так он тебя сейчас и изведет.

(Плюет.)

Стрясись над ним! От слова не случится.

(Марфе)

Ну, ясочка! Ты тятеньки дождешься,
А я пойду кой-что поприберу.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же, кроме Петровны.

Дуняша

Предобрая старуха!

Марфа

(рассеянно)

Да.

(Помолчав)

Дуняша!
Ты не видала Вани?

Дуняша

Где же видеть?
Я у тебя гощу вторые сутки.

Марфа

Да, я забыла: он вчера ведь не был...
Сегодня вот увидишь: он прийдет!

Дуняша

Вот говорят-то правду, что невесту
Сейчас узнаешь — только и речей,
Что про мило́го друга!

Марфа

Смейся, смейся!
Придет твоя пора — сама полюбишь.
А мне Ванюшу грех и не любить:
Мы сызмала друг к другу привыкали.

Дуняша

Так, стало, вы давно знакомы?

Марфа

С детства.
Вот видишь ли, мы в Новгороде жили
Двор об двор с Лыковым, с отцом Ванюши:
Покойник с батюшкой друзьями были

И нас, детей, сдружили меж собой,
И называли женихом с невестой.
У Лыковых был сад такой тенистый,
И ягод в нем бывало много... Мы
Туда с утра позаберемся с братом
И ре́звимся до сумерек с Ванюшей.
Обедать кличут-кличут — не идем:
Запрячемся куда-нибудь в малину
И притаимся, словно нас и нет!
Начнем играть и бегать до упаду,
Что хватит сил... А я тогда была
Презвая: от мальчиков, бывало,
Не отстаю!.. Мы этак проиграли
Лет пять иль шесть. Тут Ваню засадили
За грамоту, и нас учить уж стали;
Тут помер старый Лыков, а Ванюшу
К себе взял дядя, нарвский воевода:
Так мы и не видались долго-долго...
Тут слух прошел, что царь услал Ванюшу
В чужие земли... Как мне было горько!
Наплакалась я вдоволь... Слава богу,
Что понапрасну! Нынешней весною
Мы в слободу приехали, и с Ваней
Опять свел бог...

Дуняша

Ты, чай, и не узнала?

Марфа

Куда узнать! Как мне тогда сказали,
Что Ваня здесь и к нам зайти хотел,
Я всё и жду: вбежит кудрявый мальчик
Ко мне в светелку — и давай резвиться!
Да думаю: чай, вырос ведь Ванюша?
Вот раз сижу за пяльцами поутру,
Петровна входит: «Тятенька зовет,
Велел сказать: „Пришел, дескать, старинный
Знакомец наш, Иван Сергеич Лыков“».
Я, как была, сбегаю вниз, смотрю:
Стоит какой-то молодец, высокий,
Пригожий, статный, — я и обомлела.
Отец смеется: «Что, Иван Сергеич!

Узнал Марфушу?» Я стою как дура!
Не то уйти, не то остаться? Стыдно,
Так стыдно, хоть сквозь землю провалиться!

Дуняша

А он?

Марфа

Да я не помню. Говорил он
Мне что-то: ничего не поняла!
Так и ушел... Потом бывал он часто:
Ну, тут уж я осмелилась и стала
Глядеть и говорить, а больше — слушать.
Чего-чего он нам ни рассказал
Про сторону заморскую, Дуняша!

Дуняша

Чай, зá морем диковинок немало?

Марфа

Иное всё — и люди, и земля.
Зима у них недолго, а морозов
Больших и не слыхать; зато уж лето
Там хорошо! А горы там такие
Высокие, что глазом не окинешь;
«Так в небо и уходят» — говорит.
А города большие-пребольшие,
И всё из камня сложено: и церкви,
И башни, и хоромы, и мосты
Предлинные, и тоже всё из камня.
В домах убранство чудное: и стекла
Цветные всё, и комнаты обиты
Цветным сукном. А сами немцы ходят
Богато, да и жен нарядно водят,
И взаперти не держат, как у нас,
Боярынь и боярышень, а ездят
Всё в золоченых колымагах, гусем,
А кони все в узорных чепраках
И в длинных перьях...

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же. В. Собакин и Ив. Лыков показываются на конце улицы.

Дуняша

Вон и твой отец,
И с ним еще какой-то...

Марфа

(быстро оборачивается)

Это Ваня!

На сцене начинает темнеть.

Дуняша

Какой же он дородный и пригожий:
Не диво, что его ты полюбила!..

Марфа

Пойдем навстречу.

(Хочет встать.)

По улице идет прохожий.

Дуняша

(удерживая ее)

Полно; бог с тобою!
Увидит кто — пожалуй, и осудит:
«Вон, скажет, девки бегают одне!»

Марфа

Я пошутила; мне и здесь-то стыдно:
Уйдем домой.

Дуняша

Зачем же уходить?

Марфа

Дуняша! сердце что-то замирает...
Что, смотрит он?

Дуняша

Еще бы не смотрел!

Марфа

А близко?

Дуняша

Близко.

Марфа

(вскакивает)

Я пойду навстречу!

В. Собакин

Я говорил тебе, Иван Сергеич,
Что будет дожидаться!

Ив. Лыков

(кланяясь девицам)

Здравствуй, Марфа
Васильевна!

Марфа

(откланиваясь)

Иван Сергеич!

(Отцу)

Что ты
Замешкался?

В. Собакин

Вот к жениху зашел.

Марфа

(не смотря на Лыкова)

Жених свою невесту забывает:
Вчера и глаз не показал...

Ив. Лыков

Напрасно!
Жених зашел поутру, так невеста
Ушла с своей подругою куда-то,
А вечером прийти нельзя мне было:
Нас в гости звали с дядею...

В. Собакин

К кому?

Ив. Лыков

К боярину Грязному. На пирушке
И Калист был, да как же всех потешил:
Лихую песню спел!

В. Собакин

На что другое —
На песни умудрил его господь!

(Марфе)

Что, дома он?

Марфа

Не знаю.

В. Собакин

Где быть дома!
Ему бы всё шататься по кружалам
Да в зернь играть с боярскими детьми,
А дома не сидится, да́ и только!

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Калист, выходит из калитки в красной рубахе и кафтане на одно плечо.

Калист

Ан, вот же дома!

Все смеются. Калист кланяется Сабуровой.

Здравствуйте, Авдотья
Богдановна!

(Лыкову)

Здорово, брат Иван!

В. Собакин

Ну, диво, что ты дома.

Калист

Эко диво!
Вот диво, если ты куда уйдешь.

В. Собакин

Да что мы у ворот разговорились:
Пойдем в избу.

(Лыкову)

Какая есть вишневка!

Калист

Изрядная...

В. Собакин

Вот — Калиста спроси!

(Калисту)

А стол накрыт?

Калист

Накрыт.

В. Собакин
(Лыкову и другим)

Покорно просим.

Уходят.

На сцене почти темно. В некоторых домах начинают мелькать огоньки. Сцена несколько времени пуста.

ЯВЛЕНИЕ 8

Из-за церковной ограды выходит Любаша, в шубке и фате, и останавливается против дома Собакиных, где зажигают огонь.

Любаша

Разведала!.. Так вот гнездо голубки!..
Посмотрим на красавицу твою!

(Подходит к дому и смотрит в окно.)

Не разглядишь никак... А! Вижу, вижу...
Да... Недурна... Румяна и бела,

И глазки с поволокой... Это — Марфа?
Мне про нее другое говорили...

(Отходит от окна.)

От сердца отлегло: разлюбит скоро
Григорий эту девочку! И чем
Его пленить умела? Просто прихоть.
Взгляну еще...

(Подходит опять к окну.)

А! .. Это кто? .. Их две!

(Отскакивает от окна.)

Вот, вот она, Любашина злодейка, —
Черноволосая, с собольей бровью!

(Закрывает лицо руками.)

Ох, хо-ро-ша!

(Помолчав)

Не чудится ли мне?

(Подходит к окну.)

Не чудится... Какая красота!
Что за плечá, какие косы, косы...
Длинней моих! .. Нет; этой не разлюбит! ..
Да уж и я ее не пощажу!

(Идет на другую сторону улицы.)

Как душно мне! .. Кровь к сердцу приливает,
И голова горит...

(Сбрасывает фату и осматривает дома.)

Где этот нехристь?
Да вон его лачуга... Постучим.

(Подходит к одному из домов и стучит в окно.)

Бомелий

(за сценой)

Кто там стучит?

Любаша

Открой окно — увидишь!

Через несколько времени окно поднимается, и на лицо Любаши падает свет от фонаря.

Бомелий
(за сценой)

Любаша!

Любаша

Выходи ко мне скорее.

Слышен стук запора.

ЯВЛЕНИЕ 9

Любаша и Бомелий, выбегает из калитки с фонарем.

Бомелий

Прошу войти в покои!

Любаша

Не кричи!
Соседей всех переполо́шишь, немец!

Бомелий
(тихо)

Войдем ко мне: здесь холодно и сыро.

(Берет Любашу за руку.)

Любаша
(вырывая руку)

Да не пойду к тебе я ни за что!
Вот отойдем подальше...

(Отходит под дерево.)

Бомелий идет за нею.

Да закрой же
Фонарь полой: народ к себе приманишь!

Бомелий
(закрывая фонарь)

Зачем пришла? Я рад служить.

Любаша

Увидим.
Ты дашь мне то, чего я попрошу?

Бомелий

Для девушки пригожей всё готово!

Любаша

(грозит ему)

Смотри же: чур, потом не отпираться!
А я тебе уж буду благодарна...

Бомелий

Всё сделаю.

Любаша

Послушай же, Бомелий!..
Я слышала, что ты досужий знахарь,
Что ведаешь недуги и лекарства,
И снадобья отвсюду добываешь...
На травы, на волшебные коренья
Тебя нечистый, может, натыкает...
Скажи же мне: ты можешь ли составить
Своими чарами такое зелье,
Чтоб не совсем сгубило человека,
А извело бы только красоту...
И то не вдруг, а понемногу... Понял?

Бомелий кивает головой и смотрит пристально на Любашу.

Такое зелье, чтоб глаза потускли,
Чтобы сбежал с лица румянец алый,
Чтоб волосок по волоску повыпал
И высохла вся наливная грудь!

Бомелий

Такое зелье я могу составить
Сейчас, пожалуй.

Любаша

Что же, это зелье
Какое?

Бомелий

Просто белый порошок,
Как сахар.

Любаша

Ну, а если б я хотела
Приворожить к себе милóго друга,
Ты что бы дал?

Бомелий

Такой же порошок.
Тебе его не надобно.

Любаша

Не надо.
Дай мне другой.

Бомелий

Зачем тебе?

Любаша

Не хочешь?

Бомелий

Пожалуй, дам, но порошок мой дорог!
Его давать опасно: как узнают,
Меня казнят.

Любаша

На пытке не скажу —
Откуда я взяла его!

Бомелий

(продолжая пристально смотреть на Любашу)

А нужно?

Любаша

Дай только, а потом проси с меня,
Что хочешь!

Бомелий

Дорог, очень, очень дорог!

Любаша

(поднимая руку к огню)

Гляди сюда — вот перстень изумрудный:
Его Девах за дорогую цену

Боярину Грязно́му уступил...
Возьми его за зелье...

Бомелий качает головой.

Мало?

Бомелий

Мало!

Любаша

Ну, у меня есть ожерелье: жемчуг
Так радугой и отливает... Хочешь —
Возьми его?

Бомелий опять качает головой.

Всё мало?

Бомелий

Не продажный
Мой порошок!

Любаша

Заветный, что ли?

Бомелий

Да!

Любаша
(смеется)

А что же ты завету хочешь?

Бомелий

Что же?
С тебя? С тебя немного...
(Схватывает ее за руку.)
Поцелуй!

Любаша
(вырывая руку)

Что-о, немец? Ты рехнулся!

Бомелий

Поцелуй.
Ты девушка пригожая! Не надо
Мне от тебя ни жемчугу, ни ка́мней:
Я сам богат, сам подарю тебя.
Боишься? Твой боярин не узнает!
Узнал, так что же? Приходи ко мне:
Мы заживем с тобой, Любаша, знатно:
Я запирать не стану, как собаку...

Любаша смеется.

Чему же ты смеешься? Я люблю
Тебя, как увидал... Не веришь, что ли?
Люблю, люблю и много раз люблю!

Любаша

Бомелий, полно! Что это за шутки?..

Бомелий

Я не шучу, а правду говорю.
Пойдем ко мне: я зелье приготовлю
И надарю тебе серег и ко́лец...
В накладе не останешься!

(Берет ее за руку.)

Любаша
(вырывает руку)

Отстань же,
Не то скажу боярину!

Бомелий
(возвышая голос)

И я
Скажу, что ты за зельем приходила.

Любаша
(в смущении)

Тебе он не поверит...

Бомелий

Нет, поверит.
Я видел перстень, расскажу — какой,

Я знаю, где он куплен был, я знаю,
Какое ожерелье у тебя...
Почем я знал?

Любаша

(смущаясь еще более)

Что ж... Говори, пожалуй;
Мне пошутить хотелось над тобой...

Бомелий

И я шутил: я зелья дать не смею.

Любаша

Прощай, коли не смеешь! Я найду
Другого, посговорчивей...

(Перебегает на другую сторону улицы.)

Бомелий бежит за ней.

Не трогай:
Я закричу!

Бомелий

Не трону, только завтра
Всё расскажу боярину Грязному:
Он за тобой присматривать начнет,
Запрет тебя!

Любаша вздрагивает и останавливается.

Скажу: зачем ей зелье?
Кого она им хочет извести?

Любаша

(тихо)

Сам бес тебя, проклятый, наущает!

(Вслух)

Тебе я, верно, мало посулила...
Скажи: чего ты хочешь от меня?
Возьми с меня последнюю тряпицу,
Сам положи цену твоей заслуге:
Я выплачу, я в кабалу пойду...
Ну, говори!

Бомелий

Люби меня, Любаша!

В это время сквозь окна дома Собакиных слышны веселые голоса и женский смех.

Любаша

(быстро оборачивается)

Смеется... О! заплатишь же ты мне
За этот смех!

(Бомелию)

Ступай готовить зелье.

Бомелий стоит в нерешимости.

Я покупаю... слышишь. Я согласна...
Я... постараюсь полюбить тебя!

Бомелий опрометью бросается домой.

ЯВЛЕНИЕ 10

Любаша

(идет под дерево и садится на камень)

Вот до чего я дожила... Григорий,
Господь тебя осудит за меня.
Смеялася! Ей весело, ей любо:
Ее честят, с нее и глаз не сводят!
И на меня, бывало, любовались,
И я бывала тоже весела!
Ну что же? Да, она меня красивей...
Да любит ли она его, как я?
Сейчас с другим смеялася!.. Не любит...

На дворе у Собакиных слышен шум.

ЯВЛЕНИЕ 11

Любаша, Ив. Лыков и Калист выходят из калитки; В. Собакин держит фонарь. Любаша накидывает фату и прижимается к дереву.

В. Собакин

Прощай, Иван Сергеич! Заверни же
К нам завтра и Грязного приводи.

Ив. Лыков

Прийдем, прийдем.

В. Собакин

А ты куда же, Калист?

Калист

А я его маленько провожу...

В. Собакин

Ну, добрый путь! Калитку я оставлю:
Прийдешь — запри...

Калист

Небось, никто не влезет!

(Уходит с Лыковым.)

В. Собакин притворяет калитку.

ЯВЛЕНИЕ 12

Любаша, потом Бомелий.

Любаша

Ушли! Так здесь Григорий завтра будет?
Спрошу его: посмотрим, что он скажет...

(Встает.)

Что ж этот окаянный не идет?

Бомелий

(выходит из дому и крадется к дереву.)

Ты здесь?

Любаша

Принес ты зелье?

Бомелий

На, готово.

Любаша

Давай сюда...

Бомелий дает ей порошок.

Но если ты обманешь
Иль станешь где хвалиться, берегися:
Самой себя тогда не пожалею,
А уж тебя, голубчика, сгублю!

Бомелий

Нет, я тебя обманывать не стану...
А ты меня?

Любаша

И я не обману.

(Оборачивается к дому Собакиных)

Ты на меня, красавица, не сетуй:
Купила я красу твою, купила,
Но заплатила дорого... позором!

(Бомелию)

Тащи меня в свою конуру, немец!

Действие третье

Дружко

Горница в доме Собакина. Направо три красные окна; налево, в углу, изразцовая печь; подле нее, ближе к авансцене, сенная дверь. На заднем плане, посередине, дверь; на правой стороне стол перед лавкою; на левой, у самой двери, поставец. Под окнами широкая лавка.

ЯВЛЕНИЕ 1

В. Собакин, Ив. Лыков и Гр. Грязной сидят на лавке у стола; на Собакине рубаха, на прочих кафтаны.

В. Собакин

Что го́спода гневить, Иван Сергеич!
Семейка нас изрядная: здесь трое,
Да в Новегороде еще осталось
С полдюжины — побольше молодцов.
Бывало, при покойнице-хозяйке
Всего за стол садимся сам-двенадцать.
Вот поженил ребят, так стало меньше:

Своим домком уж зажили... Известно:
Женатый сын — отрезанный ломóть!

Ив. Лыков

Ведь у тебя женатых двое?

В. Собакин

Двое:
Борис с Семеном. И у них уж дети!
Семеновы еще не великоньки,
А у Бориса старшему сынишке
С поста пойдет двенадцатый годок.

Ив. Лыков

Когда же дочь-то ты пристроишь к месту?
Пора бы нам, названый тесть, веселым
Пирком — да и за свадебку!

В. Собакин

Пора бы,
Да вишь, еще покамест не до свадьбы.

Ив. Лыков

Что ж так?

В. Собакин

Как что? Да разве ты не знаешь? ..
Аль не слыхал? .. И то ведь не слыхал!
Я и забыл, что ты в Москву-то ездил...

Ив. Лыков
(беспокойно)

Да что такое? Говори скорее!

В. Собакин

Намедни государь приговорил
Смотреть всех девок, что сюда свезены...
Мою Марфушу тоже прописали...

Ив. Лыков
(вскакивает)

Ее? Зачем? Она моя невеста!

В. Собакин

Ау, дружок!

Ив. Лыков

Ты шутишь, что ль, Василий
Степаныч? Я всего-то был в отлучке
Дня три; когда ж успели прописать?

В. Собакин

Успели вот! Не веришь, так спроси
Григория Григорьича: он знает.

Грязной

Да... знаю!

В. Собакин

И Сабурову Дуняшу
Тож прописали! Мать ее водила
Три раза уж на царский двор... Марфуша
Поскажет: всех-то девок прежде было
Две тысячи, а после, вишь, осталось
Две дюжины, а нынче — вот пошло
На перечет двенадцать...

Грязной встает из-за стола.

Что с тобою,
Боярин?

Грязной

Жарко... Знать, ты на дрова
Не поскупился?

В. Собакин

Больно тороват!
Да здесь и печь не топлена сегодня...
Должно быть — так с чего-нибудь тебя
В жар кинуло?

Грязной

Должно быть, так... Пройдет.

(Ходит по горнице.)

В. Собакин

(трепля по плечу Лыкова)

Иван Сергеич! Полно, не кручинься!
Ты думаешь, что у тебя невесту
С руками оторвут? Есть и получше!

Лыков кивает головой.

Что головой трясешь? Небось, она
Пригоже всех?

Ив. Лыков

Пригоже всех, Василий
Степаныч!

В. Собакин

Да... смазлива-то, смазлива...
И умница, и добрая такая...

(Помолчав)

Как женишься, так можешь похвалиться,
Что «вот, дескáть, моей милóй хозяйки
Из дюжины не выкинешь!»

Ив. Лыков

Женюсь!
Бог весть — женюсь ли! Чует ретивое
Недоброе...

В. Собакин

И думать не моги!
Я так с тобой про свадьбу говорил,
Что рад бы радостью покончить дело,
Да обождать приходится маленько...
Вот государь всех девок пересмотрит,
Тогда и мы свою сыграем свадьбу.

Грязной

(подходя к столу)

А я уж сам и в дружки назвался!

В. Собакин

Ну! дружко есть, приданое готово,
За свахами у нас не станет дело,
За караваем тоже...

Ив. Лыков

Будь что будет!
Я более души своей люблю
Мою невесту, и без ней недолго
Промаяться мне на бело́м свету...
Но... я — слуга царю и государю!

В. Собакин

Да кто же не слуга ему! .. Постой-ка,
Иван Сергеич! Сем-ка я Петровне
Велю медку из погреба достать:
По чарочке да по другой мы выпьем —
Тем временем Марфуша подойдет.

Грязной

А с кем она пошла туда?

В. Собакин

Да с Домной
Ивановной Сабуровой...

(Лыкову)

Позволь-ка!

(Встает из-за стола и уходит в среднюю дверь.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же, кроме Собакина.

Ив. Лыков

Боярин! что ты скажешь?

Грязной

Что сказать?
Сегодня всё узнаем.

Ив. Лыков

Если б так же,
Как я, ты был просватан и невесту
Свою любил, как я, ты что бы сделал?

Грязной

Да ничего. Во всем будь воля божья!
Не наложить же руки на себя!
Вот я и сам взлюбил твою невесту
И сватался, да получил отказ,
Так что ж тут делать? Разве девок мало?
Не эта, так другая — всё равно!
Я сам еще к вам в дружки набиваюсь,
И мне же любо ваше милованье:
Пошли господь совет вам да любовь!

Ив. Лыков

Ох, тяжело подумать...

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Собакин, несет стопу меда.

Грязной

И не думай!
Сам давеча промолвил: будь что будет!

В. Собакин

(Лыкову)

А ты все про свою беду!

(Ставит стопу на стол.)

Постой-ка,
Там в поставце есть чарочка... Авось ли
Она тебя развеселит маленько!

(Идет к поставцу и наливает две чарки.)

Ну, целых две!

(Наливает чарки и подает одну Грязному.)

Прикушай-ка, боярин!

(Подносит Лыкову.)

Иван Сергеич! Прихлебни, голубчик!

Грязной

(выпивает чарку)

Эх, знатный мед!

В. Собакин

Забористый!

(Лыкову)

Да пей же,
Иван Сергеич! Что же ты не пьешь!

(Наливает себе чарку.)

Дай — чокнемся!

Чокаются.

Вот так-то! Будь здоров!

Пьют.

Такой-то мед, что чарочки смеются:
Одна другую — так и подзывают!

(Подходит к окну.)

Чай, скоро и Сабуровы с Марфушей
Вернутся... Вон и солнышко уж село...
Прикажете, бояре, по другой?

Ив. Лыков

Нет, подождем уж их...

В. Собакин

Ну, подождем.

(Садится.)

Да... что-то там? Кого господь поищет?..
Теперь бы хоть Сабурова Дуняша...
Так — ничего! Купеческая ж дочь,
Как и моя, а кто узнает?..

(Помолчав)

Чу!
Никак они? Калиткой кто-то хлопнул.

(Прислушивается.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Домна Сабурова в охабне и шапке.

В. Собакин

Они и есть! Легки же на помине,
Легки! Добро пожаловать к нам, Домна
Ивановна! Ну что, какие вести?

Д. Сабурова
(кланяясь гостям и хозяину)

Ох, батюшки! Дай дух перевести!

В. Собакин

А где же девки?

Д. Сабурова

Да пошли в светлицу
Снять охабни. Сейчас сюда придут.

Ив. Лыков
(тихо Грязному)

А я уж думал...

Грязной
(тихо)

Говорил — не думай!

В. Собакин
(Сабуровой)

А ты что ж не снимаешь? Аль прозябла?
Так вот медком погреем!

Д. Сабурова

Что ты! Что ты!
Уж стану я вино пить!

В. Собакин

Не вино,
А мед... Да что уж тут! Садись-ка, Домна
Ивановна!

Д. Сабурова

(снимает охабень)

Присесть-то я присяду.
Куды устала: всё ведь на ногах.

(Садится.)

В. Собакин

Ну, как вы там?

Д. Сабурова

Ах, батюшка Василий
Степанович! Мне радость-то какую
Послал господь!

В. Собакин

А что такое, Домна
Ивановна?

Д. Сабурова

Да как же, мой кормилец!
Ведь государь с Дуняшей говорил!

В. Собакин

Нет! расскажи-ка. Только стой: уж чаркой
Не обижать хозяина!

Д. Сабурова

Не пью.

В. Собакин

Мед, не иное что, не охмелеешь!
Ужотко мы и девкам поднесем.

(Наливает чарку и подносит Сабуровой.)

Д. Сабурова

Ну, разве уж полчарочки...

В. Собакин

Полчарки?
Нет, пить, так пить уж целую: у нас
Таков обычай!

Сабурова берет чарку, кланяется хозяину и пьет.

То-то! На здоровье!
Порасскажи же нам: как, что там было?

(Садится.)

Д. Сабурова

(ставит чарку на стол и откланивается)

Вот, батюшка, пришли мы в половину
Царицыну; впустили нас в хоромы;
В хоромах пресветло-светло; иконы
Как жар горят, все в золотых окладах,
И на полу-то постланá камка
Червленая. Вот, супротив камки,
Уставили всех девок в ряд...

В. Собакин

И наших?

Д. Сабурова

И наших тут же: Дуня-то стояла
Так с краешка, Марфушенька подальше...
Ну, уж и девки! нечего сказать:
Все на подбор — одна другой красивей!
И как же все разряжены, Василий
Степаныч! Тут и бархат и атлас...
Что жемчугу! Когда бы весь осыпать,
Ну, право, наберется четверик!
На Колтовской одной так даже страшно...
Ну вот, сгодя маленько входит немец,
Знать, лекарь, что ли... Обошел всех девок,
Иную за руку возьмет, подержит,
Подержит и опустит, на другую
Так глянет меж бровей и отойдет...
Тут поглядим еще — бегут бояре:
«Царь, царь идет!» Мы наземь повалились,
А как уж встали, видим — государь
И с ним царевич, а кругом бояре!
На государе золотной кожух
На соболях и пояс золотой,
Весь кованый; царевич в аксамитном
Кафтане: так по золотому полю
И порассыпалися алые цветочки!
Ну — солнце красное и светлый месяц!

Как глянет государь, что ясный сокол,
В хоромах-то как словно посветлеет!
Вот мимо девок раз прошел, другой
И третий... С Колтовской шутить изволил,
Что жемчуг ей, чай, руки оттянул,
Спросил Дуняшу: чья она такая,
Откудова, который ей годок
И грамоте смекает ли. Да много
Расспрашивал, а сам всё улыбался!
А на твою-то посмотрел так зорко...

В. Собакин

Что ж, говорил?

Д. Сабурова

Нет, батюшка, ни слова.
В запрошлый раз поговорил порядком,
А нынче нет. Так... будто бы хотел
Сказать ей что-то, да нахмурил брови
И отвернулся... Тут они и вышли.

Грязной

Так, стало быть, не кончены смотры?

Д. Сабурова

Не знаю уж, кормилец мой, не знаю...

(Собакину)

Вот страх-то был, как государь с Дуняшей
Заговорил! Ну, думаю, пропала
Моя головушка! Как зарябило
В глазах — ночь ночью, ничего не вижу;
А самоё так сподымя и бьет!
Дуняша-то сначала заробела
Да пошептом бормочет про себя...
А он всё с лаской, так это с улыбкой,
И таково прокладно говорит...
Гляжу — совсем оправилася девка:
И говорит, и, почитай, смеется,
Глазенки так и светятся, сама
Вся раскраснелась, ясочка моя, —

Ну, маков цвет алеет, да и полно.
А я-то, мой голубчик, я-то плачу:
Ведь дочка, не чужая кто, кормилец!

В. Собакин

Вестимо, так... А что же? Ведь на милость
Нет образца! Ну, если так случится,
Что взыщет бог?

Д. Сабурова

Куды уж нам, родимый!
Какие есть боярышни, княжны!
Где с ними нам тягаться, худородным?

В. Собакин

Всё так, всё так... А ежели бы, Домна
Ивановна?.. Как знать? Ты вот у нас,
А к твоему хозяину-то, может,
Пришли бояре с царским словом! А?

Д. Сабурова

И!.. Полно, батюшка! Какие речи
Негожие повел. Да к нам бояре
И в избу не заглянут, а не то что
С царевым словом прийдут.

В. Собакин

Ну, смотри,
Не прозевай!

Д. Сабурова

Нет, батюшка, зачем же?
По целым дням сижу всё у окна
Да все гляжу: не йдут ли бояре?
Глаза все проглядела!

(Смеется.)

Ах ты, старый!
Шути, шути! А если б довелося,
Пришел бы сам с поклоном...

В. Собакин

(кланяется)

Не оставь
Своею лаской.

Д. Сабурова

Полно же, Василий
Степаныч! Грех с тобою только!

(Встает)

Пойти пугнуть мне девок: заболтались,
А мне с Дуняшей время ко дворам.

В. Собакин

(встает)

Ступай пугни, а я пугну Петровну:
Велел кой-что повынуть — не несет.

Уходят в разные двери.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же, кроме Собакина и Сабуровой.

Грязной

Напрасно тесть твой нареченный шутит
С Сабуровой... Я знаю государя,
И слова он задаром не промолвит,
А тут с Дуняшей долго говорил.

Ив. Лыков

Неу́жели — Дуняша?.. Быть не может!

Грязной

А почему ж ты думаешь, что нет?
Ведь за свою невесту же боялся!

Ив. Лыков

Ну, Марфа...

Грязной

Что? красива? И Дуняши
Нельзя похаить: чем она не девка?

Ив. Лыков

Всё уж не то!

Грязной

Вот то-то же! Не надо
Заранее тужить и горевать...
Признаться, сам я давеча потрусил,
Да, видно, попустому...

Ив. Лыков

Полно, так ли?

Грязной

А так-то попустому, что на свадьбе
Твоей мне быть хмельному! Разве в дружки
Не позовешь?

Ив. Лыков

Боярин, в этой чести
Ты не откажешь мне!

Грязной

И посмотри,
Иван Сергеич, что за дружко буду!
Вот дай войти сюда своей невесте, —
Я нынче же поздравлю вас, а кстати
И мед здесь есть... Да что и в самом деле?
Налью-ка я две чарки пополнее
Да жениху с невестой поднесу!

(Берет стопу.)

Ив. Лыков
(встает из-за стола)

Налей, налей.

Грязной

Да не пролей, приятель!
Вишь, как темно...

Ив. Лыков
(ходя по комнате)

Ты отойди к окну.

Грязной

И то!

(Отходит к окну и наливает чарку.)

Ну, вот и женихова чарка.

(Ставит чарку на стол.)

Теперь невесте...

(Берет другую чарку.)

Что это: из двери

Несет как будто?

(Делает шаг к двери.)

Ив. Лыков

Ты уж наливай:

Я дверь прихлопну.

Грязной

Потрудись, боярин!

Лыков идет к двери; Грязной поспешно вынимает из-за пазухи порошок и сыплет в чарку.

Ив. Лыков

(затворяя дверь)

И то ведь дверь растворена.

Грязной

(наливая чарку)

Готово!

Всё дело за невестою...

Ив. Лыков

(прислушиваясь)

Идут.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же, В. Собакин с двумя свечами, Петровна с двумя тарелками.

В. Собакин

Уж не взыщите, гости дорогие,
Что вас впотьмах оставил.

Грязной

Ничего:
Друг друга знаем.

Собакин ставит на стол свечи.

В. Собакин

(Петровне)

Ставь на стол, Петровна!

Петровна ставит тарелки и уходит.

Для девушек орешков да пастилки
Поприготовил — пусть их поедят.

(Увидя налитые чарки, Лыкову и Грязному)

А вы-то что же! Налили по чарке,
А пить не пьете!

Грязной

Это я, хозяин,
Для жениха с невестою припас!

В. Собакин

Ай, друженько! Постой же, ведь не так же
Им подавать! Честь-честью — на подносе!

(Идет к поставцу и вынимает поднос.)

Грязной

Давай, давай.

(Устанавливает чарки на подносе.)

В. Собакин

Вот так-то понарядней!

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же, Сабурова, Марфа и Дуняша.

Сабурова

Ну, девки, тут и угощенье!

Девицы раскланиваются с Грязным и Лыковым.

В. Собакин

Просим
Покорно: вас и поджидали только!
Присядьте да полакомьтесь маленько.

Сабуровы усаживаются на лавку.

Марфуша, потчуй дорогих гостей!

Грязной

Нет, уж дозволь, хозяин, по порядку:
Я перво-наперво по чарке обнесу.

В. Собакин

И это речь. Как думаешь ты, Домна
Ивановна? Поздравить не мешает?

Сабурова

Кого, родимый?

В. Собакин

(указывая на Лыкова и Марфу)

Жениха с невестой.

Д. Сабурова

Святое дело, батюшка, святое!

В. Собакин

(Лыкову и Марфе)

Что ж, становитесь рядом-то?

Лыков встает; Марфа не трогается с места.

Марфуша!
Что покраснела? Нечего стыдиться:
Ступай, ступай!

Марфа становится возле Лыкова.

Ну, подноси, Григорий
Григорьевич!

Грязной

(подходит к Лыкову с подносом и кланяется)

Побольше — жениху.

Лыков пьет и кланяется. Грязной подходит к Марфе.

Поменее — невесте.

Марфа прихлебывает, ставит чарку на поднос и кланяется.

Нет уж, Марфа
Васильевна! Изволь всю чарку выпить,
Как исстари ведется...

Марфа берет чарку.

Всю до дна,
Чтоб полным домом жить.

Марфа допивает и кланяется.

Грязной

Вот так, до капли!
(Берет стопу, наливает чарки и подносит Собакину.)
Теперь тебе, хозяин?

В. Собакин

Опосля.
Гостей попотчуй!

Грязной подносит чарки Сабуровым.

Д. Сабурова
(принимая чарку и кланяясь жениху с невестой)

Дай вам бог согласья!

Дуняша
(берет чарку)

И радости!

Пьют. Лыков и Марфа кланяются. Грязной подносит чарку Собакину.

В. Собакин

Теперь и мой черед.
Ну, дети, поздравляю вас!
(Пьет.)

Лыков и Марфа кланяются ему в пояс.

А дружке
Пускай сама невеста поднесет.

Марфа

(подходя к Грязному и принимая от него поднос)

Дозволь тебя благодарить, боярин!

(Наливает чарку и подносит с поклоном Грязному.)

Грязной

(берет чарку)

Я говорил уж давеча Ивану
Сергеичу: совет вам да любовь!

(Пьет и кланяется.)

Лыков и Марфа откланиваются. Грязной ставит чарки на стол.

В. Собакин

И благодать господня!

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же и Калист, вбегает впопыхах.

Калист

Батька, батька!

Гости вздрагивают; Марфа роняет поднос.

В. Собакин

А, чтоб тебя! Чего ты раскричался?
Аль угорел?

Калист

Какое угорел!
К тебе идут бояре с царским словом!

Общее движение испуга.

В. Собакин

Ко мне?.. Да ты рехнулся?

Калист

Не рехнулся:
Ступай встречать... Чу! вон они в сенях!

(Отходит в сторону.)

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же, Малюта и несколько бояр, в богатых кафтанах и высоких собольих шапках. Войдя в комнату, они становятся в два ряда. Собакин и прочие кланяются им в пояс.

Малюта

(выходя вперед, Собакину)

Василий! Наш великий государь,
Царь и великий князь Иван Васильич
Всея Руси пожаловал тебя,
Велел сказать тебе:

Собакин становится на колени и кланяется в землю.

«Веленьем божьим,
Молитвами родителей моих,
Изволи бог мне ныне сочетаться
Законным браком и себе в супруги
Понять твою, Васильеву, дочь Марфу!»

Действие четвертое

Невеста

Проходная палата в царском тереме. Налево дверь в царевнины покои; направо дверь в сени. На заднем плане три окна с позолоченными решетками. Палата обита красным сукном; лавки с узорчатыми полавочниками. На авансцене, с левой стороны, парчовое «место» царевны. С потолка на позолоченной цепи спускается хрустальное паникадило; из двери в дверь узкий ковер.

ЯВЛЕНИЕ 1

В. Собакин стоит неподалеку от царевнина «места». Д. Сабурова выходит из двери налево.

В. Собакин

(шепотом)

Что, как она?

Д. Сабурова

Изволила забыться:
Авось-либо теперь полегче будет.

(Покачав головой)

А то в жару металась да стонала,
Моя голубка, так что вчуже жутко!

В. Собакин

А немец был?

Д. Сабурова

Был... Говорит: пройдет!
Не надо только трогать, а оставить
На волю божью. Это, вишь, припадок
Какой-то там: пройдет и сам собою.
Чего тут трогать! Позапрошлой ночью
Царевна встала да пошла ходить
По сеннику, так мы не то что тронуть —
Забились в угол и дохнуть не смеем!
Такой-то страх!

В. Собакин

Что ж, бредит?

Д. Сабурова

Всё-то бредит!
И говорит всё с кем-то, и смеется...
А то навзрыд заплачет да застонет, —
Инда мороз по коже подерет!

В. Собакин

Беда, беда!.. Ведь вот какое горе
Наслал господь мне за мои грехи!..
Не думал, не гадал я: дочь — царевна,
Я сам — боярин, сыновья — бояре!
Чего еще? Во сне-то даже счастье
Такое не приснится никому...
А тут поди ты! Где бы веселиться,
А ты горюй...

Д. Сабурова

Грешно нам горевать:
На старости мы взысканы с тобою!
Твою сам царь, а Дунюшку царевич
В невесты выбрал...

В. Собакин

Да тебе-то что!
Твоя княгиня не хворает, Домна
Ивановна!

Д. Сабурова

Бог милостив: царевна
Оправится... Ну, дело молодое:
Так — что-нибудь...

В. Собакин

Нет, видно, что не так!
Ей не с чего, кажись бы, вдруг свернуться...
А люди добрые сыскались...

Д. Сабурова

Кто же?

В. Собакин

Да тот же Лыков! Что ни говори,
Был женихом, ну, и любил Марфушу...

Д. Сабурова

И, что ты! Скромный этакий детина,
Смиренник да тихонюшка такой...

В. Собакин

Тихонюшка! Гляди ему в глаза...
А знаешь: в тихом омуте-то черти!

Д. Сабурова

И то сказать: чужая-то душа
Потемки!..

В. Собакин

На него и подозренье:
Когда с Марфушей сделался припадок,
Его тогда ж схватили и к допросу
Водили...

Д. Сабурова

Не признался?

В. Собакин

Не признался...
Да вот разыщут; если что такое,
Не отверти́тся! Только жаль — царевна
Про это знает...

Д. Сабурова

Знает?

В. Собакин

То-то знает!
Сама идти хотела к государю —
Просить за Лыкова.

Д. Сабурова

Уговорили?

В. Собакин

Да просто обманули — вот и всё:
Сказали, что и так он оправдался,
Уж тут и ложь во спа́сенье...

Д. Сабурова

Известно...
А что, про свадьбу не слыхал, Василий
Степаныч?

В. Собакин

Как же! Государь Малюте
Велел наряд венечный снарядить.

Д. Сабурова

Ну, кто же дружки?

В. Собакин

Годунов Борис,
Мой Калист, твой Иван да сам Малюта.

Д. Сабурова

А свахи кто же?

В. Собакин

Годунова Марья,
Моя невестка да твоя невестка...
Кто бишь еще? .. Игнатьева жена!
В отцово место сам царевич Федор
Иванович, а в тысяцких царевич
Иван Иваныч... с чарою да с гребнем
Пойдет Собакин Дмитрий, со свечами...

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же, сенная девушка и потом истопник.

Сенная девушка
(Сабуровой)

Боярыня! Царевна пробудилась!

Д. Сабурова

Сейчас, сейчас...

Сенная девушка уходит.

А в материно место
Кому же?

В. Собакин

Да кому ж, коль не тебе?

Д. Сабурова

Ну, уж и мне!

В. Собакин

Да слышишь ты: Малюта
Мне говорил.

В сенные двери входит истопник.

Истопник

Бояре с царским словом.

Д. Сабурова

Пойти скорее, — доложить царевне!
(Уходит с истопником в разные двери.)

ЯВЛЕНИЕ 8

В. Собакин, Грязной и кн. Гвоздев-Ростовский. На Грязном и кн. Ростовском низенькие собольи шапки и суконные полукафтанья, стянутые цветными кушаками; за кушаками воткнуты большие ножи в серебряных оправах. Войдя в палату, бояре снимают шапки, кланяются Собакину и опять надевают шапки.

Грязной

Большой поклон боярину Василью
Степанычу!

В. Собакин

(откланиваясь)

Поклон и вам, бояре!

Грязной

Великий государь своих холопьев
Прислал с поклоном к дочери твоей,
А нашей государыне-царевне.

В. Собакин

Иду сейчас царевне доложить.
Она неможет: целый день тоскует,
А ночь не спит... всё мечется да бредит.
Сегодня легче...

Грязной

Доложи царевне,
Что лиходей ее во всем сознался
И государев чужеземный знахарь
Берется излечить ее недуг.

В. Собакин

Ты говоришь, что лиходей сознался...
А кто же он?

Грязной

Мы говорим тебе,
Что нам сказать указано. Ступай же —
И доложи царевне.

Собакин кланяется и уходит.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же, кроме Собакина.

Грязной

(кладет руку на плечо кн. Гвоздева-Ростовского)

Князь Иван!
Слыхал ли ты, что если кто полюбит
Кого, так день и ночь по нем тоскует,
И плачет, и во сне-то даже видит
Милóго друга?

Кн. Гвоздев-Ростовский

Много раз слыхал.
Тебе знать лучше: ты и сам недавно
Такой-то был... Что, дурь твоя прошла?

Грязной

А что? Ведь царь наш на больной царевне
Не женится... Как думаешь ты, князь?

Кн. Гвоздев-Ростовский

Бог весть! Наряд венечный снаряжают,
А впрочем, сам ты знаешь, что царевна
Изведена.

Грязной

А... если излечится?

Кн. Гвоздев-Ростовский

(взглядывает на него пристально)

Никак ты всё еще изволишь бредить?

Грязной

Иван, ты друг мне и меня не выдашь.
Когда б ты знал... Нет, этого не в силах
Я вымолвить... Скажу тебе одно:
За то, чтоб раз еще взглянуть на Марфу,
Я пó локоть себе отсечь дам руку.

Кн. Гвоздев-Ростовский

Опомнися, Григорий, не ребячься...

В покоях царевны слышны шум и голоса.

Грязной

Постой, постой. Что там у них за шум?

Марфа

(за сценой)

Пустите! Я сама хочу их видеть!

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же, Марфа, В. Собакин, Сабурова, боярыни, сенные девушки. Марфа бледна и встревожена; летник ее в беспорядке, волосы растрепаны; на голову небрежно накинут золотой венец.

Д. Сабурова

(бежит за Марфой)

Помилуй, государыня-царевна!
Напрасно беспокоиться изволишь, —
Сама идешь к боярам: им не след бы
Увидеть очи ясные твои...

Марфа

Оставь меня.

(Садясь на «место», Грязному и кн. Гвоздеву-Ростовскому)

Бояре! Подойдите!
Я слушаю.

Грязной

(выходя вперед)

Великий государь,
Царь и великий князь Иван Васильич
Всея Руси пожаловал тебя:
К тебе прислать изволил нас с поклоном
И наказал спросить нам о твоем
Здоровье, государыня-царевна!

Марфа

(встает)

Да я здорова, я совсем здорова!
Кто говорит, что я была больна?
Я слышала — сказали государю,
Что будто бы испортили меня...

Всё это — ложь! Вы слышите, бояре?..
Всё это — ложь и выдумка!

Грязной

Дозволь
Держать другую речь.

Марфа наклоняет голову в знак согласия и беспокойно взглядывает на Грязного.

Ивашко Лыков

Покаялся в намереньи бесовском
Тебя поганым зельем извести,
А государь велел его казнить...
И сам я недостойною рукою
Злодею прямо в сердце угодил!
Холоп твой Гришка бьет тебе челом
И просит службу верную попомнить!

(Кланяется в землю.)

Марфа вскрикивает и падает без чувств.

Грязной
(вскакивая)

Что с ней?

В. Собакин
(подбегая к Марфе)

Опять припадок!

Сабурова
(удерживая Собакина)

Полно, что ты!
Теперь ее избави боже тронуть!..
Голубушка! белехонька, как плат...
Вот так-то с нею и намедни было:
Глаза закрыла, губы посинели,
Дыханья нет — отходит, да и полно!

Кн. Гвоздев-Ростовский

Теперь царевна, видно, испугалась...

Сабурова

И есть с чего! Хорош был женишок-то!
Уж удружил невесте... Да ему

И казни мало! Кабы мне да воля,
Разорвала б в куски его, собаку!

Грязной

(тихо)

И так довольно: не просил прибавки!

Сабурова

(Грязному и кн. Ростовскому)

Бояре! вы бы шли, а здесь негоже
Вам оставаться...

Грязной

Нет, мы не пойдем,
А подождем, чем кончится припадок,
Чтоб было нам о чем и доложить.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же, Малюта и несколько бояр. Войдя в палату, они останавливаются недалеко от царевнина «места».

В. Собакин

(Сабуровой)

Не вспрыснуть ли водою? Что-то долго
Лежит без чувств...

Сабурова

Не велено, Василий
Степаныч!

В. Собакин

Ну, за немцем-то пошли:
Нельзя же так ее оставить.

Сабурова

Стой-ка!
Никак она очнулася?

Марфа поднимает голову и протирает глаза.

Грязной

(подбегая к Марфе)

Очнулась!

Марфа

Ах! .. Что со мной?

(Увидя Грязного, подбегает к нему.)

Ты жив, Иван Сергеич!
Так это сон?

Грязной делает шаг назад; Марфа хватает его за руку.

Поди, поди ко мне!
Дай на тебя мне вдоволь наглядеться! ..
Ты жив, ты жив!

Грязной

(вырывая руку)

Царевна, образумься!
Вглядись в меня: я — не Иван Сергеич.

Марфа

Ах, Ваня, Ваня! Что за сны бывают! ..
Сегодня я за пяльцами вздремнула
И вижу... Ох! и вспомнить-то так страшно! ..
Приснилось мне, что будто я — царевна...
Что государь меня в невесты выбрал...
Что нас с тобой, Ванюша, разлучили...
Меня убрали в царские одежды
И золотой венец надели будто...

(Хватается руками за голову.)

Вот и теперь он голову мне давит!

Грязной

Опомнись, государыня-царевна!

Сабурова

(подходя на цыпочках и дергая Грязного за рукав.)

Оставь ее, не поперечь, боярин,
За немцем уж послали...

В. Собакин

(ломая руки)

Что с ней будет?

Сабурова

Опомнится, опомнится, — не бойся!

Марфа

И говорят мне будто бы: «Царевна,
Ведь прежний твой жених-то — лиходей:
Он извести тебя поганым зельем
Хотел, — затем ты и хворать изволишь...
Его за это судят»... Что тут было!
И грудь мне жгло, и в голову стучало...
Как я с тоски во сне не умерла!
А тут приснилось, что в палате царской
Сидела я и что кругом стояли
Сабурова, отец, боярыни... и ясно,
Так ясно всё, как будто наяву!
Постой!

(Бежит к «месту».)

Сидела я на этом месте,
Вот так... Они...

(Оборачивается к боярам и боярыням.)

Да вот они стоят!

(Подбегает к Грязному и хватает его за руку.)

Ты видишь их, ты видишь их, Ванюша?..
Ох, страшно!.. Лучше не гляди туда:
Тебе приснится также сон тяжелый!

(Отворачивается и закрывает лицо руками.)

Грязной

(задыхающимся голосом)

Нет сил снести! Так вот недуг любовный!..
Ты обманул меня, проклятый немец!

Марфа

(отнимая от лица руки и боязливо озираясь кругом)

Прошло!

(Помолчав)

А я, должно быть, нездорова:
В груди всё жжет... Про что я говорила?

Про что бишь, дай бог память?.. Да!.. Сегодня
Приснилось мне, что будто бы в палату
От государя приходил Грязной
И говорил, что он тебя зарезал!

(Смеется.)

Ведь вот во сне-то глупости какие
Привидятся... Грязной еще хвалился
И службу верную просил попомнить...
Хорош же дружко! Хвалится невесте,
Что жениха зарезал... Ай, Грязной!
Увижу — расскажу ему до слова,
Как он меня изволил тешить...

(Смеется.)

Грязной

Ой ли!..
Грязной тебя сейчас еще потешит!

(Боярам)

Бояре! Я... я — грешник окаянный!
Я Лыкова оклеветал напрасно:
В царевнином недуге он невинен...
Я погубил невесту государя!

Общее изумление.

Малюта

Григорий! Что ты, что ты, бог с тобою!

Кн. Гвоздев-Ростовский

(подбегая к Грязному)

Григорий! Ты себя погубишь!

Грязной

Князь!
Малюта! Я — в своем уме и снова
Себя я обвиняю перед вами:
Я погубил невесту государя!

Марфа

(вслушиваясь)

Ты говоришь, что снам не надо верить:
Не верю... Только сон-то не простой!

(Помолчав)

Однако я с тобой заговорилась
И к пяльцам не притронулась сегодня,
А мне еще ширинку надо кончить...

(Садится на «место» и делает руками разные движения, будто принимаясь вышивать в пяльцах.)

Грязной

Страдалица! И я тебя сгубил,
И сам еще поднес тебе отраву!..
Бояре! Я давно взлюбил царевну
И сватов засылал к ее отцу,
Да опоздал — другой хватился прежде:
Она была уж Лыкова невестой.
Тогда у немца я промыслил зелье,
И с женихом сдружился, как Иуда,
И назвался ему на свадьбу в дружки,
И сам поднес ей зелья в чарке меду!

В. Собакин

Разбойник, душегубец!.. Помню, помню...
Я сам ему и чарку вынимал!

Сабурова

И я тогда была с Дуняшей: точно,
Он подносил царевне чарку меда!

Малюта

Безумный! Что ты сделал?

Грязной

Да, безумный:
Она меня давно с ума свела!..
Но видит бог, что сам я был обманут:
Я зелья приворотного просил,
Приворожить к себе хотел царевну,
Затем что я любил ее, люблю,
Люблю, как буйный ветер любит волю!

В. Собакин

Молчи, злодей! Ты смеешь про царевну
Так говорить! Бояре, уведите

Его отсюда! Именем царя —
Я говорю вам: уведите!

Некоторые из бояр подходят к Грязному.

Грязной

(боярам)

Стойте!

(Собакину)

Боярин! Я в вине своей сознался
И гибну сам, чтоб дочь твою спасти!
Сознался вольной волей, а неволей
Ты из меня не выжмешь ничего!
Тут нечего кричать, а лучше слушать...

(Боярам)

Спросите у Бомелия, какого
Он зелья дал? Спросите под ножами:
Покается, проклятый басурман!

Марфа

Нет, полно шить! Игла из рук валится...
Такая лень сегодня... Да и жарко...
Иван Сергеич! Хочешь, в сад пойдем?

(Встает и, пройдя несколько шагов, делает движение рукою, будто отворяет дверь.)

Каков денек! Так зеленью и пахнет.

(Будто останавливается на пороге.)

Иван Сергеич! помнишь — мы детьми
Резвилися и бегали с тобою?
Не хочешь ли теперь меня догнать?
Я побегу вот прямо по дорожке...

(Оглядывается.)

Э, не плутуй! Зачем же ты подходишь?
Ты отойди подалее, вот так...
Ну!..

(Хлопает в ладоши.)

Раз, два, три.

(Бежит; бояре и боярыни в испуге расступаются перед нею. Добежав до конца сцены, Марфа оборачивается.)

Ага, брат, не догнал!
Что? Каково теперь я стала бегать?

(Идет назад.)

А ведь совсем задохлась с непривычки...

(Делает несколько шагов потупя голову и вдруг наклоняется, будто срывает цветок.)

Ах, посмотри — какой же колокольчик
Я сорвала! Лазоревый, а жилки
Как шелковинка аленькая... Правда,
Что он звенит в Ивановскую ночь?

(Покачав головою)

Про эту ночь Петровна говорила
Мне чудеса...

(Указывает рукою налево.)

Вот этот куст зори
Мне подарила Дунюшкина мать.
И славная зоря, чудесный запах!

(Будто срывает ветку и мнет ее в руках.)

Я ею мою руки по утрам.

(Идет дальше.)

А какова смородина, Ванюша?

(Будто поднимает ветку.)

Так ветку ягоды и клонят к зе́ми...
И яблоков по лету много будет...

(Указывает направо.)

Вот эта яблонь вся была в цвету:
Так и белела, словно одуванчик...
Отец под нею и скамью поставил,
Сам сколотил... Не хочешь ли присесть?
Я — так... устала что-то: знать, со сна.

(Садится на «место».)

Ох, этот сон!

(Помолчав)

Как поглядишь на небо,
Подумаешь, как бог его соткал!
Вот ровно синий бархат! Что, Ванюша,
Везде такое небо, как у нас?
И облака такие? .. Погляди-ка —
Вон облачко — ни дать ни взять — венец!
На нас с тобой такие-то наденут...

(Задумывается.)

Грязной

(Малюте)

Нет, не стерпеть!
Веди меня, Малюта,
Веди меня на грозный суд! Но прежде
Последнюю мне службу сослужи:
Дай мне себя потешить, дай мне с немцем
Разведаться!

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Любаша, выбегает из толпы сенных девушек и хватает Грязного за руку.

Любаша

Разведайся со мной!

Грязной

Любаша!

Любаша

Да, опять-таки Любаша!
Ты про меня и позабыл, голубчик? ..
Забывчив стал! .. Что? На тот свет собрался,
Так — на́ тебе! Не хочет и проститься
С своею полюбовницей! .. А жалко,
Куды тебя мне жалко! Понапрасну
Сгубил себя: красавицу твою
И вылечат, да лекарь-то могила!

Что? Ты не разумеешь?.. Стой же,
Я всё тебе по пальцам расскажу:
Ты помнишь, как просил у немца зелья?
Я слышала тогда весь разговор,
Да на другой же день сама я к немцу
Пошла и тоже выпросила зелья...
Ты за свое отсыпал много денег,
Я за свое дешевле заплатила...
Известно — что уж! С девок взятки гладки;
А только зелье будет похитрее:
С него как раз зачахнет человек!

Грязной

Что ты сказала?

Любаша

Человек зачахнет,
Потом умрет... Тут нечему дивиться!
Вот подивись: я зелье подменила,
А ты его наместо своего
Поднес моей разлучнице!..

Грязной отшатывается назад.

Чай, то-то
Был рад! А тут, как выбрали в невесты
И начала прихварывать она,
Трухнул было! Да скоро спохватился:
Дай Лыкова оговорю, а может,
Царь на больной не женится — тогда
На нашей улице и будет праздник.

Грязной

(хватается за нож)

Проклятая!

Любаша

Постой, постой: успеешь,
Дай досказать... Тебе бы всё браниться,
А нет того, чтоб похвалить Любашу!
Уж, кажется, придумала я знатно,
И ты еще мне должен поклониться:
Приворожил по милости моей!

(Смеется.)

Марфа

Иван Сергеич! С кем это Дуняша
Разговорилась?

Любаша

Слышишь ли! зовет!
Ступай, ступай скорее, — полюбуйся!
И есть на что: что дальше — будет лучше!

Грязной замахивается на нее ножом.

Ну что ж, убей! Ты загубил мне душу,
Ни слез моих, ни просьб не пожалел...
Губи же вдосталь!

(Бросается к Грязному.)

Режь меня, разбойник!

Грязной
(ударяет ее ножом)

Так на ж тебе!

Любаша
(падая)

Спасибо: прямо в сердце!

Князь Ростовский, Сабурова, Малюта и сенные девушки подбегают к Любаше.

Сабурова

Ах, батюшки, зарезал!

Грязной

Да, зарезал!..
Собаке и собачья смерть!

Малюта
(наклоняясь к Любаше)

Бедняжка!

Бояре бросаются на Грязного и обезоруживают его.

В. Собакин

Скрутите руки, руки-то скрутите,
Да отнимите нож: всех перережет!

Грязной

Пустите! Я не трону никого
И не уйду... Вы слышали, бояре,
Вы слышали, какого я ей зелья
Поднес?.. Она умрет, умрет. Пустите!

(Вырывается и подбегает к Марфе.)

Бояре его догоняют и схватывают снова.

Собакин

Тащите вон его, скорей тащите!

Грязной

Не троньте, дайте мне проститься с нею!

(Вырывается и бросается перед Марфой на колени.)

Страдалица невинная, прости!

Марфа
(встает)

Иван Сергеич! Ты уж и уходишь!
Куда же ты? Сейчас отец прийдет...

Грязной

Прости меня! Когда прийдешь ты в память
И про меня они тебе расскажут,
Ты проклянешь кромешника... Кляни,
Кляни его! Но о душе проклятой
Хоть раз один усердно помолися!

Марфа

Не уходи... Какой ты несговорный,
Нимало не похож на жениха:
Прийдет к своей невесте в кои веки
И только повернется! Будешь завтра?

Грязной

Прости меня! За каждую слезинку,
За каждый стон, за каждый вздох твой, Марфа,
Я щедрою рукою заплачу:
Сам буду бить челом царю Ивану

И вымолю себе такие муки,
Каких не будет грешникам в аду!

(Встает, его уводят.)

Прощай! Прощай!

Марфа
(кричит ему вслед)

Прийди же завтра, Ваня!..

Примечания

«Скучая вдовством... царь Иоанн Васильевич Грозный уже искал себе третьей супруги. Впадение ханское прервало сие дело; когда же опасность миновалась, царь снова занялся оным. Из всех городов свезли невест в Слободу, и знатных и незнатных, числом более двух тысяч, каждую представляли ему особенно. Сперва он выбрал 24, а после 12, коих надлежало осмотреть доктору и бабкам, долго сравнивал их в красоте, в приятностях, в уме; наконец предпочел всем Марфу Васильевну Собакину, дочь купца новгородского, в то же время избрав невесту и для старшего царевича, Евдокию Богданову Сабурову... Но царская невеста занемогла, начала худеть, сохнуть; сказали, что она испорчена злодеями, ненавистниками Иоаннова семейного благополучия. Разыскивали, вероятно, страхом и лестию домогались истины или клеветы... Не знаем всех обстоятельств; знаем — кто и как погиб в сию «пятую» эпоху убийств. Открылись казни иного рода: злобный клеветник, доктор Елисей Бомелий, предложил царю истреблять лиходеев ядом и составлял, как уверяют, губительное зелье с таким искусством, что отравляемый издыхал в назначаемую минуту. Так Иоанн казнил одного из своих любимцев, Григория Грязного. Между тем, царь женился 28 октября (1572 г.) на больной Марфе... через шесть дней женил и сына на Евдокии; но свадебные пиры заключились похоронами: Марфа 13 ноября скончалась, быв или действительно жертвою человеческой злобы, или только несчастною виновницею казни безвинных».

Вот летописные указания, собранные Карамзиным о третьем браке царя Иоанна Васильевича Грозного: они послужили историческою канвою для моей драмы. Завязка, развязка и весь ход драмы, разумеется, — вымысел; но вымысел, основанный на «могло быть», и выведенные в драме лица по возможности исторически верны. Скажем об этом несколько слов.

Семейный быт наших предков, несмотря на усильные труды любителей старины, все еще не вполне разгаданный вопрос. В наших летописях одни голые факты, одни описания местничества бояр, царских опал, царских пиршеств и т. п., и очень мало о внутренней жизни народа. Иностранцы, очевидцы былин святой Руси, говорят иногда о нравах и обычаях «полудиких москвитян»; но сообщаемые ими сведения — вполовину грубые выдумки, вполовину указания на

то, что выдалось бы углом в собственном их семейном и гражданском быту, да и эти указания для нас весьма незначительны. Остается воссоздать былую жизнь по аналогии с нынешней жизнью народа, остается еще изустная, переходящая из рода в род летопись: пословицы и песни. В пословицах, этой обиходной философии наших предков, отпечатлелся глубокий, затейливый русский ум, в песнях вылилось горячее русское сердце, и в особенности — сердце женщины. Мертвая, едва заметная в летописи русская женщина является в песне живою, повсеместною двигательницею страсти. Здесь она — то лютая свекровь, которая «ходя похваляется: хорошо учить чужих детей, нероженых, нехоженых, невспоенных, невскормленных», то печальная невестка, «думающая крепкую думу о том, как вчера ее мил-сердечный друг загадал неотгадливую загадку, поведал ей про свою затею — застрелить ее нéлюба в зеленóм саду: не тужит она о постылом, о постылом своем муже, а тужит о любимых, о любимых своих детях»; то «душа красная девица, от которой огнем горит ретивое сердце молодецкое», то — разгульная жена, которой «стряпня — рукава стряхня», которой «доспех — всем на смех». Такова-то в песне русская женщина, а «из песни слова не выкинешь».

В моей драме два главные женские лица: Марфа и Любаша.

О Марфе говорит сам Иоанн: «Благословленный митрополитом Кириллом, я долго искал себе невесты, испытывал, наконец избрал; но зависть, вражда погубили Марфу, только именем царицу: еще в невестах лишилась она здравия и через две недели супружества преставилась девою».

Марфа — один песенный тип: робкая, застенчивая девушка, покорная воле отчей, покорная своему жеребью. Безотчетно, без бешеных порывов страсти, полюбила она; безответно, без порывов отчаяния, склонила победную голову под ярем горя. Под кикою жены она могла позволить себе одни слезы, одни тихие упреки:

И я батюшке говорила,
И я свету своему доносила:
Не давай меня, батюшка, замуж,
Не давай, государь, за неровню,
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы,
Не с хоромами жить — с человеком,
Не с богатствами жить мне — с советом.

У нее недостало сил наложить на себя руки при расставаньи с милым, но недостало бы также и сил — пережить этой разлуки:

Я втепоры милá друга забуду,
Когда засыплются глаза мои песками,
Закроются белы груди досками!

Она и без зелья истаяла бы, «как свеча воску ярова»:

Не жилица я на белом свету
Без тебя, моя надеженька!

Поэтому-то и сумасшествие ее — тихая мономания, отчуждение всего, кроме задушевной мысли, постоянное присутствие друга перед очами души.

Любаша — другой тип, другая олицетворенная песня, начинающаяся жалобами красной девицы на заезжего добра молодца, «что сманил он ее от батюшки и матушки, завез на чужедальнюю сторону, а завезши, хочет кинути».

Продолжающаяся упреками:

Хорошо тому на свете жить,
У кого нету стыда в глазах,
Нет стыда в глазах, ни совести:
Нет у молодца заботушки,
В ретивом сердце зазнобушки...
Зазнобил меня сердечный друг,
Зазнобил, сердце повысушил,
Без краснóва солнца высушил,
Без мороза сердце вызнобил.

Кончающаяся угрозами:

Я сама дружка повысушу —
Не зельями, не кореньями,
Без морозу сердце вызноблю,
Без краснóва солнца высушу!
Схороню тебя, мой миленький,
В зеленом саду под грушею,
Я сама сяду — послушаю:
Не стонет ли мать сыра земля,
Не вскрывается ль гробова доска,
Не встает ли мой сердечный друг?
Зарасти, моя могилушка,
Ты травушкой-муравушкой!
Не достанься мой любезный друг,
Ни девушкам, ни молодушкам,
Ни своей змее — полюбовнице!

Вот два песенные первообраза, по которым мне хотелось создать Марфу и Любашу. О Любаше нужно еще заметить, что она была воспитанницей Александровской слободы, одной из обитательниц слободских гинекеев, и потому не могла быть разборчивой на средства к достижению своей цели: голос страсти легко должен был заглушить в ней чувство стыда.

Перейдем к другим действующим лицам.

Понятно, что такой характер, как характер Грязного, мог вылиться в эту эпоху смут, козней и казней. Грязной не был одним из тех опричников, которых Курбский называет «прегнуснодейными, богомерзкими кромешниками, тмы-тмами горшими палачей». Нет. Он был, говоря словами Курбского же, одним из «согласующих царю ласкателей и товарищей трапезы», одним из мóлодцев, жалованных Иоанном за отвагу и преданность, одним из тех, которые могли похвалиться:

Было, братцы, попито-поедено,
В красне-хороше похожено,
С одного плеча платья поношено.

Прихотливый, избалованный удачами, уже утомленный наслаждениями, Грязной полюбил Марфу всеми силами буйной души. Препятствия только раздражили его страсть. Без раскаяния, без сожаления погубил он Лыкова, земского — врага по сердцу и по долгу; не пощадил прежней полюбовницы, но не пощадил и себя... Безумная страсть и дикая сила воли вели его до конца, и он выкупил свой проступок страшными муками тела и души!.. Смерть Висковатова, Шибанова, Митькова и сотни других, свидетельствуя об упорных нравах наших предков, подтверждает возможность существования «вымышленного Грязного».

О Лыкове не стоило бы упоминать, если бы ввод его в драму не был анахронизмом. Курбский, рассказывая о казни Михаила Матвеевича Лыкова, нарвского воеводы, говорит, что царь убил с ним «ближнего сродника его, юношу зело прекрасного, в самом наусию, иже послан был на науку во Ерманию и там навык добре алеманскому языку и писанию: бо там пребывал, учась, и объездил всю землю немецкую и возвратился был к нам в отечество...» Но Лыковы казнены за год до смерти Марфы. Еще одно замечание. В первом действии Лыков защищает немцев и хвалит их жизнь; эти похвалы относятся, собственно, к внутреннему устройству Германии и семейному быту германцев, а тишины и спокойствия в эти годы не могло быть в Германии.

Лицо Бомелия, известное исторически, представляет много затруднений относительно языка: я предпочел ломаные фразы искаженному выговору. Эта роль вся в руках актера.

Прочие лица драмы незначительны, но, кажется, очерчены верно.

Вот краткая отповедь на некоторые вопросы, могущие возродиться при чтении моей драмы. Повторяю: основное ее слово — «могло быть».

1849

170. ПСКОВИТЯНКА

Драма в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Царь Иоанн Васильевич Грозный.
Царевич Иоанн.
Борис Федорович Годунов.
Малюта Скуратов.
Князь Афанасий Вяземский.
Дьяк Елизар Вылузгин.
Иван Бобрищев-Пушкин.
Сокольничий.
Елисей Бомелий.
Князь Юрий Иванович Токмаков, царский наместник и степенный посадник в Пскове.
Боярин Иван Семенович Шелога (пскович).
Боярин Никита Матута (пскович).
Максим Иларионович, бывший степенный посадник в Пскове.
Иван Гахонович, Григорий Хрустолов, Юрий Копыл, Иван Теншин, Яков Кротов — псковские посадники.
Михаил Андреевич Туча, Четвертка Терпигорев — посадничьи сыновья.

Дмитро Патракеевич, сотский.

Федос Гоболя
Иванко Торгоша
Клементий Сесториков
Иванко Подкурский
Ко́лтырь Раков
Василий Суконник
Яков Железов
} очередные псковских концов.

Юшко Велебин, гонец.

Семен Иванов Бороусов, псковский гость.

Боярыня Вера Дмитриевна Шелога.

Боярышня Надежда Дмитриевна Насонова, ее сестра.

Перфильевна, мамка.

Княжна Ольга Юрьевна Токмакова.

Боярышня Степанида Матута
Княжна Дябренская
Боярышня Федосья Умыл-Бородина
} подруги Ольги.

Настька, сенная девушка.

Власьевна
Ипатьевна
Парфеновна
} мамки.

Тысяцкий, судья, псковские бояре, опричники, рынды, московские стрельцы, псковская вольница, сенные девушки, мальчишки, народ.

В первых четырех действиях — Псков; в пятом — берег реки Меледни.

Первое действие в 1555, остальные — в 1570 году.

Действие первое

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Боярин Иван Семенович Шелога.
Вера Дмитриевна, его жена.
Надежда Насонова, сестра Веры.
Князь Юрий Иванович Токмаков.
Матрена Перфильевна, мамка Надежды.

Псков, 1555 год

Светлица. На заднем плане — сенная дверь; направо два окна в сад; одно раскрыто, и в него вбивается несколько веток черемухи. Налево полурастворенная дверь; подле нее стол, и на нем ларец; перед открытым окном пяльцы и два стула с высокими резными спинками. Утро.

ЯВЛЕНИЕ 1

Надежда сидит за пяльцами; Перфильевна стоит у стола и отпирает ларец. Надежда в сарафане; волосы заплетены в косу. Перфильевна в телогрее и кике.

Перфильевна

Вот, матушка-боярышня, так поднизь!..
Гляди-ка-ся, как жемчуг-то подобран —
Роса на травке... Этакую поднизь
Не то что королевишне носить,
Хоть бы самой царице — право слово!

(Подходит к Надежде.)

Прикинем-ка к волосикам твоим
Шелковыим...

(Примеривает поднизь.)

Куда как разуборно!..
Сама-то ты жемчужина в окате,
Аль камешек лазоревый... Во Пскове
Красавиц нету супротив тебя,
Опричь твоей сестрицы.

Надежда

Полно, няня!

Хвали сестру, да не стыди меня:
Мы с Верушкой и сестры, да не ровни.

Перфильевна

Надёженька! Да вы с сестрой — двойчатки,
Две ягодки на веточке одной...
Намедни мы пошли с сестрицей в церковь —
Народу много, и пригожих много, —
Гляжу, гляжу: все девки молодые,
А краше Веры Дмитриевны нет!
Вот, думаю я спросту, хоть и стерто,
Да золото литое, хоть и цельно,
А серебро.

Надежда
(в раздумьи)

Перфильевна! не знаешь,
О чем сестра тоскует?

Перфильевна
(кладет поднизь на пяльцы и вздыхает)

Знает грудь
Да подоплека... Муженек не едет —
Вот и тоскует... Порознь-то давненько,
А молодой жене без мужа скучно.

Надежда

Такая всё печальная, такая
Понурая... Словечка не промолвит;
Сидит себе весь день над колыбелью
Да Оленьку целует...

Перфильевна

Эх, Надёжа!
Как выйдешь замуж, так сама узнаешь
В ту пору — каково оно легко
И мужа-то любить и деток нянчить.
Вот погоди: твой женишок, князь Юрий,
С бояриным вернется из похода —
Уж плачь не плачь, а косу расплету.

Надежда
(наклоняется над пяльцами)

Заплачется, коль суженый невзрачен.

Перфильевна

Князь Юрий-то! Да что ты, бог с тобою!
Не грех тебе? .. Да этакого князя
Все девушки с руками оторвут...
Бывало, он по улице поедет —
Конь, что твой зверь: и фыркает, и пляшет,
И на дыбки, а он-то, рассоколик,
Сидит себе на нем и в ус не дует:
Знай шапочку соболью оправляет
Да встряхивает ку́дрями, а сам
На терем наш всё смотрит, всё-то смотрит...
А то невзрачен!

(Бьет об полы руками.)

Дура же я, дура!
И невдомек, что ты меня морочишь:
Давно ль сама хвалила жениха?

Надежда
(улыбается)

Я пошутила.

Перфильевна

Видно, пошутила!
А плакала зачем, как он уехал? ..
Ну, что стыдиться? Плакать не зазорно
По суженом...

(Качает головой и смеется.)

Забыть мне — не забыть,
Как он в Великих Луках-то со мною
Столкнулся — и давай мне напевать
Про девичью красу, свою зазнобу...
Из Лук-то мы когда с тобой?

Надежда

Великим
Постом.

Перфильевна

Ну вот, на пятой-то неделе
Ровнехонько был год... Аль на четвертой?
Не помню... а распутица стояла:
Такая склизь, что боже упаси!
Плетуся я проулком от вечерен
Да под ноги гляжу, а князь-от Юрий
Навстречу мне: «Перфильевна, здорово!»
Я кланяюсь, а он мне говорит:
«Скажи своей боярышне, родная,
Что вся душа моя по ней изныла
И божий день, мол, без нее не в день
(А сам кису́ мне в руки су́ет, су́ет).
Смотри ж, скажи, Перфильевна!» — «Скажу, мол,
Родимый мой, скажу».

Надежда

И не сказала!

Перфильевна

Как не сказала?.. Да господь с тобою!
Да ты тогда...

Надежда

И слушать не хочу.
Молчи, молчи!

(Зажимает Перфильевне рот и смеется.)

За сценой слышен детский крик.

Ах! Оленька проснулась.
Ведь это мы с тобою разбудили.

Вера

(за сценой)

Шш-шш-шш,
Баю-бай-бай-бай,
Баю-бай-бай-бай.

Перфильевна

(шепотом)

Припрятать поднизь да сходить на погреб.

(Запирает поднизь в ларец и уходит в сенную дверь.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Н а д е ж д а, потом В е р а.

В е р а

(за сценой напевает вполголоса)

Баю-баюшки-баю,
Баю Оленьку мою!
Что на зорьке на зоре,
О весенней о поре,
Птички божии поют,
В темном лесе гнезда вьют.
Баю-баюшки-баю,
Баю Оленьку мою!
Соловейко, соловей!
Ты гнезда себе не вей:
Прилетай ты в наш садок,
Под высокий теремок.
Баю-баюшки-баю,
Баю Оленьку мою!
По кусточкам попорхать,
Спелых ягод поклевать,
Солнцем крылышки пригреть,
Оле песенку пропеть.
Баю-баюшки-баю,
Баю Оленьку мою!

(Входит в светлицу. На ней цветная шубка и каптур.)

Н а д е ж д а

(оборачивается)

Что, Оленька под песенку твою
Заснула?

В е р а

Да.
(Садится на стул.)
А ты чему смеялась?

Н а д е ж д а

С Перфильевной: она хвалила князя,
А я его бранила.

В е р а

Жениха-то?

Надежда

Ведь я шутя.

Вера

(улыбается)

А любишь не на шутку?

Надежда

Не знаю как: люблю и не люблю...
Как здесь он был, так я его боялась,
А как уехал, стало словно жалко...
Бывало, и не думаю о нем,
И не взгляну, когда проедет мимо,
Теперь-то — вот хоть бы глазком взглянула,
Да не на что. Когда они вернутся?
Пора бы нас порадовать...

Вера

(потупилась)

Пора.

Надежда

Давно твой муж под Колывань уехал?

Вера

Давно...

Надежда

И Оли не видал, сестрица?

Вера

(задыхаясь)

Нет.

Надежда

Как же он утешится, сердечный!
Как расцелует Оленьку!

Вера

(вскрикивает)

Молчи!

Не режь меня...

Надежда

(испуганным голосом)

Господь с тобою, Вера!

Вера

(падает на колени)

Сестра, сестра! я обманула мужа:
Моя малютка — не его ребенок!

Надежда

(поднимает Веру)

Голубушка-сестрица, полно, полно!
Перекрестися... Что ты говоришь?
Опомнися!

Вера

(опускается на стул)

Опомнюсь я в могиле.

(Рыдает. Надежда хочет ее обнять.)

Не подходи ко мне, не оскверняйся:
Я грешница, я клятву преступила —
Нет у меня ни друга, ни сестры!

Надежда

(обнимает и целует Веру)

Мой друг!.. Сестра!.. Не надрывай мне сердца...
Господь простит. Давай ему молиться...

Вера

Надёжа! мне не замолить греха,
Не выплакать у господа прощенья!

Надежда

Зачем же так отчаиваться, Вера?
У господа и слезы на счету...

Вера

Не смыть слезам с души любви проклятой,
Не смыть со щек проклятых поцелуев
Любовника...

(Отирает слезы.)

Нет! жéребий мой выпал,
И как мне быть — я твердо порешила...
Приедет муж, подам ему топор,
Скажу: «Пришла с тобою распроститься.
Прискучил мне твой свычай и обычай,
Нашла себе я мужа помоложе,
Да над тобой, седым, и насмеялась!
Ищи и ты хозяюшку другую,
Получше да почище, а с меня
Снимай и стыд и голову...»

Надежда

Ах, Вера!
Как у тебя язык-то повернулся
На эту речь греховную? Татарин —
И тот своей хозяйки не зарежет,
А твой Иван Семенович — крещеный!
Ну... пригрозит, посердится, потужит,
Да и простит...

Вера

Не надо мне прощенья
И милостей! Я мужу не жена
И никогда женой ему не буду:
Люблю другого, и любови этой
Муж и ножом не вырежет из сердца.

(Обнимает Надежду.)

Ох, не кори! И ты бы полюбила!
Когда б *ему* в недобрый час попалась
На зоркий глаз, на ласковое слово...
И ты бы грех на душу приняла!

Надежда

Да кто ж такой?

Вера

Не спрашивай, Надёжа!
Не вымолвить, а то язык отсохнет!
Я и в молитвах шепотом боюся
Проговорить желанное словечко:

Назвать *его* по имени...

(Хватает Надежду за руку.)

Послушай!
Грех говорить, а промолчать не в силу,
Хоть ка́знися, да выслушай...

Надежда
(припадает к плечу Веры)

Не бойся:
Я... не стыжусь... Я... вышла из подростков.

Вера

Так слушай же! Шла замуж я неволей...
Привыкла после... Мой Иван Семеныч
Пренравный, а души во мне не чаял
И баловал, как малого ребенка:
В глаза глядит и мысли-то, кажися,
Все выглядит да высмотрит насквозь...
Сегодня что ни есть мне приглянулось,
А завтра — уж несут во двор купцы...
Дарит, дарит, да сам еще боится —
В угоду ли? Колечко не колечко,
Запястье не запястье... Так мы жили
С ним до весны... Весною слышно стало:
На немцев рать сбирают. Мой хозяин
Куды тужил, что надо нам расстаться,
Да как тут быть? — пошел и он в поход.
Поплакала я, богу помолилась,
Дала обет к печорским чудотворцам
Сходить, как только радостную вестку
Услышу... Вот и прискакал гонец:
«Сломали немцев — бог послал победу».
Недели с три прошло — другой гонец:
«Царь будет в Псков, и наши с ним вернутся...»
Приехал царь, вернулися и наши,
А мужа нет: остался на сторо́же
Под Колыванью — словно ненадолго,
Прислал поклон мне с нашими, гостинцы...
Жду, жду — не едет... Думаю: наверно,
Господь меня за то и наказует,
Что я дала обет и не сдержала...

Взяла с собою девушек, пошла
Угодникам господним поклониться...
Ты не была в монастыре?

Надежда

В Печорском?
Нет, не была...

Вера

Туда дорога лесом...
А лес густой; березы да осины
Переплелися, спутались ветвями,
Как волоса, а молодой кустарник
Сплошным плетнем раскинулся-разросся —
Продору нет. Идем мы по опушке,
Вдруг Степанида мне и говорит:
«Боярыня, гляди-ка: подосинник.
Пойдем искать грибов».

Надежда

Ты и пошла?

Вера

Я и пошла... Давно уж это было,
А как теперь гляжу на этот лес:
Уют, прохлада; солнышко, как зайчик,
По молодым кустам перебегает;
Мох — что ковер шелко́вый под ногами...
А впереди деревья гуще-гуще,
Темней-темнее: так к себе и ма́нят.
Иду... кругом грибов и ягод вдоволь...
Тут боровик, волвянка, подорешник,
Тут земляника... Тишь в лесу такая,
Что ни один листок не шелохнется...
Вот слышится мне, будто бы кукушка
Кукует где-то, только далеко...
Дай, думаю, послушаю поближе:
Надолго ли господь грехам потерпит?
Аукнула и побежала дальше.
За мной: «ау! ау!», а я ныряю
Промеж кустов, не хуже куропатки...

Вот и иду... кустарник чаще, чаще, —
Всё жимолость, да цепкая такая:
То там, то здесь летни́к сучком прихватит...
На ту беду моя кукушка смолкла;
Куда идти — не знаю, да и полно...
Остановилась, дух перевела,
Подумала: «Заблудишься, пожалуй!»,
Пошла назад тихонько, а сама
По сторонам гляжу, ищу дороги...
Кажися, здесь? Прошла шагов с десяток —
Нет, здесь не шла; свернула полевее —
Опять не то; взяла направо — топь:
По щиколтку ушла нога в болото.
Я крикнула — никто не отвечает;
Еще, еще — опять ответу нет...
Я не сробела, крикнула погромче,
Прислушалась: чу! кто-то отозвался...
Я на́ голос бежать, бежать, бежать,
Всё це́ликом, по хворосту, по кочкам,
Изорвала́ летни́к, капту́р сронила,
Валежником все ноги исколола,
Все руки исцарапала — задаром:
Не и́з лесу бегу, а прямо в лес!
Трущоба, глушь!.. А сучья, словно руки,
Так вот тебя за полы и хватают...
Страх обуял. Я побежала шибче,
Куда глаза глядели, без пути,
Без памяти бежала и кричала,
Пока язык и ноги не отнялись;
Споткнулася о что-то и упала —
Тут из очей и выкатился свет...

Надежда

Как ты жива осталась?.. Жутко, Вера!..
И слушать — страх!..

Вера

Не страшен страх, Надёжа,
А страшен грех... Вот как любовь-змея
Под сердце ляжет, словно под колоду,
Да высосет всю кровь из ретиво́го,
Да как не то, что о грехе молиться —

А, кажется, молилась бы греху, —
Так тут вот жутко... что твой лес потемный!

(Помолчав)

Ну... Что со мною было — я не знаю...
Как сквозь просонков слышала: кричали,
Трубили в рог... Очнулася я поздно,
Уж в сумерки... В каком-то я шатре...
Гляжу: ковер подостлан подо мною,
А в головах камчатная подушка,
И парчево́й попоной я накрыта...
Кругом собаки лают, кони ржут,
Народ гуторит...

Надежда

Что ж это такое?
Бояре, что ль, охотилися?

Вера

Он...
Приподняла я голову — подходит...
Впотьмах лица не видно, только очи
Как уголья в жаровне... Говорит:
«Долгонько спалось, гостья дорогая!
А нам бы вот доведаться: как гостья
Велит себя по имени назвать,
Как величать по отчеству?» Сам — в пояс.
Я ни гу-гу: язык не шевелится...
А вижу-то, что из бояр боярин,
По речи слышно: голос так и льется,
Что за осанка, что за рост и плечи!..
Он мне опять: «Мужёвая жена
Аль красная девица — обзовися:
Мы до дому проводим». Я молчу.
Сверкнул глазами, отвернулся, крикнул:
«Князь Вяземский! Послать сюда девчонку!»
И вышел вон... Втолкнули Степаниду...
А там, уж как свезли меня домой,
Как на постель раздели-положили —
Не помню.

Надежда

Вера!.. Знаешь ли ты?

Вера

Что?

Надежда

И я бы так же полюбила...

Вера

Надя,
Да ты скажи мне: как же не любить-то?
Душа из тела рвется... Ты послушай!

Слышен отдаленный звук трубы.

Надежда

(в смущении прислушивается)

Что это? трубы?

Вера

Пусть себе их трубят!
Дослушай лучше песенку мою.
Проснулася я ночью на постели:
Щемит мне сердце, — сладко таково;
По телу дрожь, как искры присекает,
Коса трещит, вертится изголовье;
В глазах круги огнёвые пошли...
Вскочила я, окошко распахнула,
Дышу-дышу всей грудью... а в саду
Роса дымится и укропом пахнет,
И по́д ухом в траве кует кузнечик...
Ну что, Надёжа, что бы ты сказала,
Как если б он да шасть из-за угла,
Да пошептом промолвил: «Эх, молодка!
Аль ласковым глазком на нас не взглянешь?
Аль белою рукою не поманишь?
Пустила бы в светелку...»
Я шатнулась
И о косяк ударилась плечом,
А самое трясет, как в лихоманке...
Сказать хотела: «Отойди, проклятый!»
А говорю: «Влезай же, что ль, скорее!»
Уж, видно, бог попутал за грехи!..

Трубы слышнее. Надежда глядит в окно. Вера опускает голову на руки и плачет. Молчание.

Вера

(встает)

Да что тут! Вырвал сердце мне из груди,
Как из гнезда бескрылую касатку,
Ударил оземь, да и прочь пошел.

(Ходит по светлице.)

Жену завел — Настасьею зовут,
Романовной по батьке прозывают...
Уж я б ее, лебедку, угостила,
Да не достанешь: руки коротки!

Труба раздается у самых ворот.

Надежда

(отскакивает в испуге от окна)

Ах, господи помилуй! Вера, Вера!
Они, они!.. Иван Семеныч с князем!

Вера

(вскрикивает)

Муж!

Надежда

Убеги, голубушка-сестрица!..
Я не пущу их!

(Бросается к сенной двери.)

Вера

(ломает себе руки)

Матушка, не выдай!
Дай унести мне Оленьку: убьет!

(Бежит в дверь налево.)

Надежда

(прислушивается к сенной двери)

Скорей, скорей!.. ворота отворили...
Скорей! идут по лестнице...

Вера

(вбегает с Оленькой на руках)

Пусти!

ЯВЛЕНИЕ 3

Сенная дверь растворяется; на пороге показываются боярин Шелога и князь Токмаков, оба в кольчугах и шлемах.

Шелога

(входит)

Здорово! Дорогих гостей не ждали?

(Снимает шлем и молится.)

Вера

(бросается в беспамятстве между ним и Токмаковым)

Пусти, пусти!

Шелога

(заступает ей дорогу, смеясь)

Аль мужа не признала?
Знать, с немцами и сам я немцем стал.
Здорово, Вера! Дай поцеловаться!
(Хочет ее обнять.)

Кажися, год промаялись...

Вера

(отскакивает от него)

Не тронь,
Не тронь ребенка!

Шелога

(крестится)

Наше место свято!
Ребенка?.. Как ребенка?..

(Делает шаг вперед.)

Вера

(отбегает к окну)

Отойди!
В окошко кинусь...

Шелога

Господи помилуй!..
Неужто я на смертный грех вернулся!..

(Возвышает голос)

Жена!.. А чей пащонок этот?..

Надежда

(падает на колени)

Мой!

Действие второе

Псков, 1570 год

Сад князя Юрия Токмакова. Яблони, груши, кусты смородины, малины и крыжовника. Вдоль сада пробита широкая дорожка. Направо видны боярские хоромы; налево щелистый забор в соседний сад. На первом плане, справа, густое дерево черемухи, под ним стол и две скамьи; слева разросток бузины. На заднем плане, из-за деревьев, виден кремль и часть Пскова. Сумерки. Боярышни и сенные девушки играют в горелки; мамки сидят за столом, перебирают ягоду и шепчутся.

ЯВЛЕНИЕ 1

Ольга «горит». За ней несколько пар; в первой паре княжна Дябренская и боярышня Умыл-Бородина; во второй боярышня Матута и Настька.

Ольга

Горю!

Умыл-Бородина и княжна Дябренская бегут.

Умыл-Бородина

Лови!

Ольга бежит за нею; Умыл-Бородина увертывается.

Проворней — не поймаешь!

(Сбегается с княжной Дябренской.)

Ольга

(смеется и грозит Умыл-Бородиной)

Ну, погоди, Федосья, попадешься!

(Возвращается на место.)

Горю!

Стеша Матута и Настька бегут.

Стеша Матута

(пробегает мимо Ольги)

Сгоришь!

Ольга

(бросается и ловит)

Не ты ли подожгла?

Стеша Матута

(улыбается)

Куда уж нам!.. Соседи ближе...

Ольга

(хватает ее за руку)

Стеша!

Стеша Матута

(откидывает голову)

Ну, Ольга?

Ольга

(вполголоса)

Ну! .. Да ты меня не нукай,
А говори по сердцу всё как есть...

Стеша Матута

(также вполголоса)

Так что ж?.. Скажу... Ты думаешь, боюся?

(Громко)

Параша! Феня!

Княжна Дябренская и Умыл-Бородина подходят.

Будет нам в горелки:
Устала... ноги — точно как колодки.

Кн. Дябренская

И у меня.

Умыл-Бородина

А что ж мы будем делать?

Стеша Матута

Так что-нибудь...

Настька

Боярышни, давайте —
Кто ягоду крупнее наберет?

Умыл-Бородина

Давайте... Кто затянет «По малину»?

Стеша Матута

А хоть бы я... Ну, рассыпайся, жемчуг!..
Подруженьки, ау!

(Ныряет в кусты; остальные рассыпаются по саду с криком.)

Ау! ау!

ЯВЛЕНИЕ 2

Ипатьевна

Вот молодость-то резвая, что зяблик:
Всё прыг да скок, всё с ветки да на ветку —
Не посидит на месте и часочку...

Парфеновна

Ипатьевна, когда ж и порезвиться,
Коль не в подростках?.. Что, твоей-то сколько?

Ипатьевна

Да что? Никак пятнадцатый годок,
Парфеновна!

Парфеновна

Ну, мати, перестарок!
Сложить их четырех-то, вряд дотянут
До Власьевны...

Власьевна

Да! ты гляди на них!
Из молодых, да ранние... Поди-кось!
Одна моя такая егоза,
Что где это такая уродилась?..
Ни в батюшку, ни в матушку... знать, в ветер
Аль в полымя пожарное...

Ипатьевна

Так что ж ты?
Вестимо: надо по коню уздечку...

Парфеновна

По девке — парня...

Власьевна

На-тка, подступися,
Заговори-ка с ней о сватовстве...
(Махает рукой.)
И ворогу того не пожелаю!

Парфеновна
(качает головой)

Ах, мать моя! Да как же это?

Власьевна

Так же:
Росла такая сызмалу. Досужа,
Приветлива, отходчива, а воли
С нее никто — и батька — не снимай!

Ипатьевна

Иные так покорливы: из воли
Родительской не смеют выходить,
И на обычай девичий стыдливы...
Вот хоть бы мы с Перфильевной — известно,
Своим добром не след бы и хвалиться, —
А к слову молвить: вы́носили пташек.

Власьевна

Ну, матушка, у ваших соколён
И путы золотые, а у Стеши
Пеньковые...

Парфеновна

Пеньковые! Порыться
У вас в пеньке, по кладовым-то вашим,
Так, чай, зобницу жемчугу нароешь,
А, говорят, рублями — пруд пруди:
Все закрома насыпаны доверху.

Власьевна

Как вам не знать соседского добра!

Ипатьевна

Уж полно, полно, Власьевна-голубка,
Уж не греши на старости!.. Богат,
Куды богат боярин твой, Никита
Семеныч!..

Парфеновна

Богат и тороват,
Хоша и вдов, а холостого лучше...

Ипатьевна

И молодец — один на целый Псков.
Посватала б ему я и невесту —
Уж был бы благодарен! Отдадут,
Затем жених сподручный им...

Власьевна

Не сватай,
И без тебя найдутся: свах во Пскове,
Что в огороде кочней...

Парфеновна

Знать, что правду
Просвирня наша мне вчера сказала.
Не погневися, матушка Матрена
Перфильевна, на глупый спрос, и ты
Не погневися, Власьевна!

Перфильевна не отвечает.

Власьевна

А мне что?
Звони — язык не колокол, не треснет.

Вдали запевают песню.

Голос Стеши Матуты

По малину я ходила, молода, —
Прилучилась молодешеньке беда.
По малину, по малину, по смородину...

Несколько голосов
(подхватывают)

По малину, по малину, по смородину...

Парфеновна

Вот ты молчок, Перфильевна, и слова
Мне на ушко ни разу не шепнула,
Да быль и правда — всё одно что масло:
Хоть в реку вылей — выплывет наверх.

Перфильевна

Да что ты, мать?

Власьевна

К чему ты прибираешь?

Парфеновна

К тому и прибираю: «Быть княжне
Боярыней...», а вы от нас таитесь:
Нашли простых!

Перфильевна

Что ж? Мало ли княжен!

Парфеновна

Да лих не все наместничие дочки!..
Твоей княжне, Перфильевна!

Перфильевна
(кланяется)

Спасибо
На чести-почести! Не ждали, не гадали,
Ан радость и в ворота к нам!..

Парфеновна

Смекаешь,
Ипатьевна?

Ипатьевна

(качает головой)

Ну, что и говорить?

Голоса ближе.

Стеша

(за кустами)

Уж как рос в лесу да кустик молодой —
Я запуталась в нем русою косой.
По малину, по малину, по смородину...

Голоса девушек

По малину, по малину, по смородину...

Перфильевна

Ну, разыгрались ласточки, распелись:
Знать, будет вёдро...

Ипатьевна

Дай им бог на радость!
А ты-то что разгукалась совою?
Что и взаправду учала таиться?
Диви б чужие... Слава богу, сватья,
Да и кума в придаток.

Власьевна

Эка зависть!
Хоть не носить чужого сарафана,
Так дай рукой поглажу по камке.

Перфильевна

Послушайте-ко, ро́дные, негоже
Хвалить пирог, поколе тесто месишь.
Взойдет опара — дело в полуделе,
И какова-то выдастся начинка;
Вот испечем да подадим на стол,
Тогда хвалите, милостные гости,
И сами мы хвалиться станем... так-тось!
А что теперь?.. какое сватовство?..
Вон вести-то из Новгорода... Лучше
И не слыхать бы...

Парфеновна

А какие вести?..

Перфильевна

Прослышала я мельком, да не верю:
Опять-таки просвирня говорила...

Власьевна

Уж эта — жернов: положи известки —
Всё за муку измелет... Пустомеля!

Перфильевна

Нет, Власьевна! просвирня чисто мелет,
А тут, гляди, посыпать не сумеет...
Такие страсти... Сам ведь князь-от Юрий
Мне сказывал — уж, стало, божья правда.

Ипатьевна

Да не томи, Перфильевна!

Парфеновна

И впрямь!

Перфильевна

Ох, матушки, ведь царь Иван Васильич
На Новгород прогневаться изволил,
Пришел со всей опричиною...

Парфеновна, Ипатьевна и Власьевна

Что ты?!

Перфильевна

Казнит по всем концам и по посадам
И старого и малого — кто винен,
А кто и невиновен — без разбора,
Без жалости, без милости казнит.
Пригнал оттуда к князю спешный вершник:
«Стон-стоном, князь, по городу стоит;
На Волхове, пониже моста с версту,
Набило тел — такая-то плотина,
Что полою водою не размоет...»
Три тысячи, никак — он говорил, —
На площади казнёно было за день,
А что уж там по пригородам, селам,
Монастырям... Ох, господи, помилуй
Нас, грешных!

ЯВЛЕНИЕ 3

Стеша Матута выходит на дорожку; за ней Ольга, другие боярышни и девушки.

Перфильевна
(указывая на них)

Дети... после доскажу.

Стеша Матута
(сбирает ягоды по дорожке и поет)

Кто-то на помочь мне, девице, придет?
Кто-то косыньку от веток отовьет?
По малину, по малину, по смородину...

Боярышни и девушки

По малину, по малину, по смородину...

Все собираются в кучку; в платках у них ягоды.

Стеша Матута
(запевает)

Не видал, не чаял суженый седой:
Увидал — распутал косыньку мило́й.
По малину, по малину, по смородину!..

Все вместе

По малину, по малину, по смородину!..

(Подходят к мамкам.)

Княжна Дябренская
(Ипатьевне)

Смотри-ка, мама, что я набрала!
Видала ты крупнее?

Федосья Умыл-Бородина

Эко диво,
Что крупную малину отыскала!
Ты мне найди смородину такую!

(Развертывает платок.)

Не ягода — бурмицкое зерно.

Стеша Матута

А мне сегодня просто незадача:
Вперед шла Настька — всё обобрала,
Что повидней...

Перфильевна

Уж эта вор-девчонка:
И ягоду наперечет всю знает!

Настька

Я, мамушка, всё с краешка...

Перфильевна

Толкуй ты!

Стеша Матута

Что ж мы стоим? Садитесь разбирать.

Княжна Дябренская и Умыл-Бородина садятся на скамью; Настька и сенные девушки перебирают ягоды стоя.

Ольга

(тихо Стеше Матуте)

Ну, что же, Стеша?

Стеша Матута

(тихо)

Отойди подальше.

Ольга отходит. Стеша Матута садится на скамью.

(Вслух)

Эх, девушки! Прямые вы касатки:
Летали — щебетали без умолку,
А сели — смолкли. Затяните песню,
Иль Власьевну попросим: скажет сказку.

Княжна Дябренская и Умыл-Бородина

Голубка Власьевна, пожалуйста, для нас...
Пожалуйста!.. одну!..

Власьевна

Да отвяжитесь.
Какие сказки! Все перезабыла...

Стеша Матута

Нет, помнит, помнит. Мне еще недавно
Рассказывала на ночь...

Власьевна

Ох юла!
Расслышала ты много!.. Приставала:
«Скажи, скажи!», а стала говорить —
Гляжу — на первой присказке заснула...
Как ключ ко дну... И вся тебе тут сказка.

Стеша Матута
(смеется)

Так доскажи: теперь я не засну...
Начни вот эту: «Про царевну Ладу».

Умыл-Бородина

Ах, расскажи нам, мама, «Про царевну»!

Княжна Дябренская

Да расскажи же, Власьевна.

Ипатьевна

Ну, полно:
Повесели боярышень...

Власьевна

Постойте:
Я, может, вспомню «про царевну»...

(Опирается головой на руки.)

Молчание. Стеша Матута отходит к кустам налево.

Стеша Матута
(рвет бузину; вполголоса)

Ольга!

Ольга

(выходит из-за кустов, шепотом)

Я здесь... Ну, что?..

Стеша Матута
(так же)
Покончим сразу, Ольга!
Ты любишь?..

Ольга
Да.

Стеша Матута
(задыхаясь)
Соседа?

Ольга
(качает головой)
Не соседа.

Стеша Матута
(хватает за руку)
Как, не его, не дьявола Четвертку?

Ольга
Клянусь тебе Заступницею, Стеша!..
Люблю я...
(Шепчет.)

Умыл-Бородина
Что же, мама?

Власьевна
Погоди же!
Ведь сказка не дорóга: там споткнешься,
Да и опять пошел; а тут иное —
И о словечко не моги запнуться...

Стеша Матута
Ох, Ольга! если б ты да разумела,
Какой мне камень сдвинула ты с сердца,
Сама со мной заплакала б навзрыд
От радости...
(Припадает к Ольге на грудь и плачет.)
А я — твоя рабыня:
Возьми меня, вели разнять ножами —
И слова не промолвлю...

Власьевна

Так и быть,
Скажу вам сказку, только чур — уж слушать
Да не мешать.

Умыл-Бородина и княжна Дябренская

Как можно! .. мы не будем.

Ольга и Стеша Матута целуются, подходят, рука в руку, к скамье и садятся. В саду темнеет.

Власьевна

(откашливается)

Сказка про хороброго витязя Горыню, про лютого змея Тугарина и про царевну Ладу.

Починается сказка —
Приговором да присказкой,
Тихим пошептом, частым причитом;
Починается сказка —
Что от синего моря Хвалынского,
От семи рек восточныих,
От семи звезд закатныих,
От семи гор великих полуночных.
Ой, на море-море
Погасают зори,
За поморскою Камень-горой поднебесною,
За янтарным узорочным теремом!
Нá небе темно, в тереме звезды;
Нá небе звезды, в тереме месяц;
Нá небе солнце, в тереме ночь непроглядная...
Зачурован тот терем спокон веков —
И полóжен зарок на нем исстари,
На три сотни голов богатырскиих,
А молодших людей на три тысячи.
Где он стал, та земля неизведана,
Путь-дорога к нему заповедана,
И залег ту дорогу Тугарин-Змей.
Пасть у Змея — что печь раскаленная,
Лапы — словно дубы трехохватные,
Крылья медные, когти булатные,
Хвост на семьдесят сажен волочится...
Русский дух слышит Змей ровно зá семь верст,
Убивает людей ровно зá версту,

Убивает, собака, не чем другим,
Как разбойничьим, громким посвистом:
Зашипит он — деревья шатаются,
Ко сырой мать-земле приклоняются,
А как свистнет...

За соседним забором раздается резкий свист; девушки вскрикивают: «Ай!»

Княжна Дябренская

(в испуге)

Что это, мамушка?

За забором веселый хохот и опять свист, еще сильнее.

Перфильевна

Ах, окаянный! Господи прости,
Перепугал не на живот, а на смерть.

Ипатьевна

Да кто это, Перфильевна?

Перфильевна

А кто же,
Как не постылый сорванец Четвертка!

(Обращается к забору)

Подслушал, видно... Подожди: ужо-тка
Скажу я князю: будет на орехи,
Хоть ты и сын посадничий... Ведь вишь ты,
Какой пострел!

Парфеновна

Перфильевна, уйти бы
Покамест что?..

Перфильевна

Вестимо, что уйти:
С ним до греха недолго...

(Сенным девушкам)

Убирайте
Всё со стола. Боярышни, пойдемте!

Боярышни и девушки торопливо собираются и уходят с мамками.

Умыл-Бородина
(робко)
А что же сказка?

Стеша Матута
Власьевна доскажет
Нам в терему́... Пойдемте поскорее!

Все выходят в калитку; Стеша Матута роняет на полдороге платок и останавливается.

ЯВЛЕНИЕ 4

Стеша Матута и Четвертка Терпигорев за забором.

Стеша Матута
(подходит к забору)
Четвертка, ты?

Четвертка
Всё я же, Степанида
Никитична!
(Показывает голову из-за забора.)
Поволишь перелезть?

Стеша Матута
Вот я тебе поволю!.. Здесь Михайло
Андреич?

Четвертка
Туча?.. У меня на лавке
Сидит повеся голову...

Стеша Матута
Скажи,
Чтобы сюда пришел и дожидался.

Четвертка
А я то что ж, Терпигорёв?

Стеша Матута
А ты
Проваливай!

Четвертка

Благодарим покорно.

Стеша Матута

Смотри ж, Семен Михайлыч, тише...

(Хочет уйти.)

Четвертка

Стеша!

Стеша Матута останавливается.

Зашлю я сватов?

Стеша Матута

Засылай, пожалуй, —
Не ты первóй: у тятеньки ворота
Как впустят, так и выпустят.

Четвертка

Послушай:
Твой рóдный сам жениться норовит?

Стеша Матута

Не знаю.

Четвертка

Эх, не любят нас, не скажут!..
Ну, Стеша, бог с тобою! Дай хоть ручку!..

Стеша Матута молча подходит к забору и подает руку; Четвертка берет ее за руку, притягивает к себе и целует.

Стеша Матута

Пусти, Семен Михайлыч!

Четвертка целует ее еще раз.

Неотвязный.

(Вырывает руку и убегает.)

Прощай!

Четвертка

(тихо)

Прощай! Господь Христос с тобою!

ЯВЛЕНИЕ 5

Сцена сначала пуста. Михайло Туча перелезает через забор и становится за бузинные кусты; на нем терлик и высокая шапка. Четвертка за забором. Из-за кремля выплывает месяц.

Четвертка

(поет вполголоса)

Раскукуйся ты, кукушечка,
Во темно́м лесу, в дубровушке,
Посчитай ты до́бру молодцу
Его годы бесталанные:
Долго ль будет так-то маяться —
На красну́ девку поглядывать,
Горючи́ слезы глотаючи,
Про бездольице гадаючи?..
Что, Миша, ладно ль схоронился?

Михайло Туча

Ладно.

Четвертка

А ладно — стой! Не немца ведь сторо́жишь.

(Поет громче.)

Ох! не тяжко мне бездольице,
А тяжка мне кось да пе́рекось
Со моим гневливым батюшкой,
Со моей слезливой матушкой...
Ох!..

Михайло Туча

(шепотом)

Сс! Нишни...

Четвертка

Ты, Миша, посмелее,
А я уйду...

ЯВЛЕНИЕ 6

Ольга, закутанная в фату, выходит в сад и быстро идет по дорожке; Настька прокрадывается в калитку ползком и прячется в малиннике.

Михайло Туча

(выходит из-за куста навстречу Ольге и приподнимает шапку)

Княжна, ты не тревожься
И не пугайся. Повелишь — уйду.
Пришел сюда в пер**во́**й да и в последний...
Велишь уйти?..

Ольга вся дрожит и не отвечает.

Велишь?..

Ольга

(еле слышно)

Не уходи...
Мне страшно... Как я ночью в сад попала —
Одним-одна... украдкой?.. Ох, мне страшно!
Застыла кровь и разум помутился...

Михайло Туча

Я за тебя не властен отвечать,
А за себя по совести отвечу:
Пришел проститься... Полно мне истомой,
Как угольем горячим, душу жечь!..
Коль доли нет, возьму свою недолю
И убегу за тридевять земель...
Скажи мне только слово на прощанье:
Ведь за меня отец тебя не выдаст?

Ольга

Не выдаст: я просватана другому.

Михайло Туча

(презрительно улыбается)

Матуте?

Ольга

Да... Матуте.

Михайло Туча

Экой свадьбы
Псков-осударь всей сходкой не попустит.
Твой батюшка не знает, кто Матута.
Он — переветчик, прихвостень московский,
Кривая отрасль от прямого корня,
А псковичи не жалуют таких.
Нет! Если бог грехам моим потерпит,
Не побоюсь Матуты...

Ольга

Ах, Михайло
Андреевич! не знаешь ты отца:
Скорее вспять Великую отдвинешь,
Чем батюшкино княжеское слово...

Михайло Туча

Бог милостив!.. Жалела б ты меня,
А там — на всё его святая воля!

Ольга

Да как же мне тебя еще жалеть?

(Подходит к Туче ближе.)

Ты видишь сам: потайно и обманом
Пришла сюда, хоть мельком поглядеть,
Хоть слова два с тобою перемолвить...
Чего ж тебе, бессовестный?

Михайло Туча

Мне надо
Тебя, княжна, да надо не потайно —
Пред богом и пред добрыми людьми.
И быть тому!.. Я беден и безроден,
А никому тебя не уступлю.
Прислушай, что я накрепко задумал:
Пойду к Успенью под Сибирский Камень
С Четверткой и с псковскими удальцами,
Добуду там мехов и серебра,
Вернусь к весне и князю поклонюся
Моим добром и головой сиротской:
Волён казнить и жаловать волён,

А я на помощь божию надеюсь...
Благослови, княжна, меня на путь!

Ольга

(складывает руки)

Желанный мой! задумал ты мне горе!..
Зачем пойдешь в такую даль и стужу?
Уж сколько наших полегло под Камнем,
А много ли вернулося оттуда?
Добыть добра ты хочешь, да отец
И сам богат, и не добра, а зятя
По сердцу и обычаю он ищет.
Попутал бог! Матута подольстился —
Он слово дал и заручил меня,
И о́б полы ударили... Зачем же
Уедешь ты? Зачем меня покинешь —
На слезы да на смертную кручину?

Михайло Туча

Нет, Ольга Юрьевна! Смущать негоже.
Я порешил — и слово мое крепко.

Ольга

Ты порешил! Ты порешил, Михайло
Андреевич, сгубить меня совсем!
(Закрывает лицо руками и плачет.)

Михайло Туча

(берет ее за руку)

Не плачь, слезами горю не поможешь...
Не плачь же, Ольга: ты пытаешь душу,
А с лютой пытки мало ли что скажешь!

Ольга

(поднимает голову)

А ежели отцу я кинусь в ноги,
Скажу ему, что мне постыл Матута,
Что я пойду скорее в монастырь,
Чем под венец?

Михайло Туча

Отец твой посмеется
Над прихотью девичьей — да и полно.

Ольга

А ежели преложит гнев на милость
И отказной поклон пошлет Матуте —
Останешься?

Михайло Туча

Не искушай, княжна!

Ольга

А ежели во всем ему покаюсь,
Как, не спросясь его отцовской воли,
Я молодца другого полюбила
За сиротство, пригожество и удаль,
Как без него и воля мне — неволя
И красный терем — что дощатый гроб...

(Берет Михайлу Тучу за руки.)

И ежели помилует родимый,
Не прогневится на мое бессчастье —
Останешься, мой миленький?

Туча

(рыдает)

Останусь!

Ольга

(весело)

Так жди же! Я в Печорский отпрошусь...
Тебе дам знать и...

ЯВЛЕНИЕ 7

Настька

(выскакивает из куста)

Матушка княжна!

Ольга вскрикивает.

Скорее спрячься: тятенька идет...
Сюда с Матутой... спрячься — не пужайся:
Я в деле — я в ответе!..

(Шелестит кустами.)

Разойдитесь!..

Михайло Туча

(целует Ольге руки)

Прости, княжна!

Ольга

(обнимает его)

Прости, мой милый!

(Исчезает в кустах.)

Михайло Туча без шума перелезает через забор. На дорожке показываются князь Юрий и боярин Матута; оба в кафтанах, но без шапок.

ЯВЛЕНИЕ 8

Князь Юрий, боярин Матута, Ольга и Настька в кустах.

Князь Юрий

(обтирает лицо платком)

Так-то...
Вот здесь не то что в тереме — прохладно,
Да и свободней речь вести, боярин.

Боярин Матута

Постой-ка, князь! Свободнее ли, полно?
Входили мы — почудилось мне, что ли? —
Как будто кто-то крикнул...

(Оглядывается кругом.)

И кусты...
Вон там...

(Указывает рукой.)

Гляди-ка, шевелятся.

Князь Юрий

Что ж, поглядим... Не кошка ли залезла?

(Идет к кустам.)

Настька шевелит ветвями.

Боярин Матута

Двурукая!.. Ты видишь, видишь?

Князь Юрий
(подходит к кусту, громко)

Кто тут?

Настька
(раздвигает ветви и падает в ноги князю)

Князь-осударь! помилуй: виновата!

Князь Юрий

А! .. Это Настька... Что ты, постреленок?
Зачем ушла из девичьей?

Настька
(на коленях)

Помилуй!
По ягодку... ядреная такая...
Попутало... у мамки отпросилась,
Сказала: так...

Князь Юрий

Грех, Настька, воровать!
Как будто мамка ягодой обидит...

Настька

Всего еще пять ягод сорвала...
(Показывает ягоды и кланяется в ноги.)
Помилуй! ..

(Плачет.)

Князь Юрий

Ну, пошла домой, девчонка!
Да берегись — не попадись мне в шашнях...

Настька

Не буду, осударь мой князь, не буду!

Князь Юрий

Пошла домой!

Настька вскакивает и убегает.

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же, кроме Настьки.

Боярин Матута

Я что-то плохо верю...
Девчонка уж на возрасте: не станет
За ягодой шататься по ночам...
Смотри: одна ль была в саду, и нет ли
Еще кого?

Князь Юрий

Нет, не греши, боярин:
Вот тридцать лет худого не случалось
По целой дворне: люди у меня
Под страхом божьим ходят; да и Настька —
Бойка-бойка, а что еще она?
Пискленок...

Боярин Матута

Ну, на ле́та грех не смотрит.
Не худо бы по кустикам пошарить
На всяк случа́й...

Князь Юрий

Э, перестань, Никита
Семенович! Мы время только тратим
По пустякам...

Боярин Матута

Как знаешь!.. Всё бы лучше...
Покойнее... Хоть говори потише...

Князь Юрий

Напуган же ты кем-то!

Боярин Матута

Обожжешься
На молоке, так, знаешь, — станешь дуть
И на воду... Такое ноне время.

Князь Юрий

Не время, а безвременье, боярин!
Да!.. дожили до бури, до невзгоды...

(Вздыхает.)

Боярин Матута

(тихо)

А что, князь Юрий! не к ночи сказать...
Что, если царь из Новгорода прямо
Свернет на Псков... да гневный-то? да грозный?

Князь Юрий

Что ж? Мы — челом... Гроза — господня воля!

Боярин Матута

Да мы-то так... А вольница-то наша?
Поди-ка, ломом нешто уломаешь!
В посадниках-то разума нисколько,
А сыновья посадничьи — те хуже:
Все в лес глядят! Вон хоть Михайло Туча
С своим дружком Четверткой... Попадися
Под лапу им, так закричишь спасибо!
Нет, плохо нам, и Пскову-то не лучше...

Князь Юрий

Всё знаю, всё... Тяжелая обуза
Легла на плечи: господу угодно
На старости послать мне испытанье —
И голову под божий гнев кладу,
А не дремлю: давно послал проведать
Я в Новгород — как там у них и что?
Да вот всё жду ответа...

Боярин Матута

Не дождешься:
Известно — задержали.

Князь Юрий

Статься может...
Опять — всё то ж: на всё господня воля!
Мы, впрочем, завтра больше потолкуем,
Как с миром быть... Теперь свое покончим.

Боярин Матута

Покончим, князь. Уж мне и невтерпеж:
Пора кончать. Как хочешь, всё голубке
Не боязно и грозу перенесть
В гнезде сокольем, под крылом угревным.

Князь Юрий

Святая правда! Я уж и старенек,
И стал меня недуг одолевать...
А ты в поре — и с Олею споешься,
Что зимний ветер с вешнею метелью...
Да, знаешь, я перед тобою винен —
Не всё сказал...

Боярин Матута

А не сказал, так скажешь.

Князь Юрий

Скажу тебе великую я тайну...
Ты думаешь, мне Ольга — дочь родная?

Боярин Матута
(изумлен)

А кто же?

Князь Юрий

Кто?.. Как и назвать — не знаю...
Слыхал ты про боярина Шелогу?

Боярин Матута

Женат был на своячене твоей?

Князь Юрий

На Вере на Насоновой...

Боярин Матута

Слыхали.

Князь Юрий

Ну, Ольга — дочь вот самой этой Веры.

Боярин Матута

Так вот что!

Князь Юрий

Вот что... А отца... не знаем...

Боярин Матута

Э!.. так-то?..

Ольга слабо вскрикивает.

Чу! Ты слышал?..

Князь Юрий

Что такое?

Боярин Матута

(встает)

В кустах налево кто-то крикнул.

Князь Юрий

Полно!
Кому кричать?.. Какой же ты чудно́й!
Ну, воробей спросонок встрепенулся...

Боярин Матута

Нет, князь, постой!..

В кремле удар колокола.

А это что еще?

Еще удар, третий, четвертый.

Князь Юрий

Набат! Набат!

Колокол не перестает гудеть.

На сходку созывают!

За дальним забором частые шаги и голоса; над кремлем вспыхивает зарево.

Боярин Матута

На сходку, точно... Вон костры зажгли...
Князь, я с тобой... аль в тереме дождаться,
Пока ты сходишь?..

Князь Юрий

Постыдись, Никита!
Тут, может, Псков отстаивать придется,
А ты — на печь со страху, словно баба!
Идем проворней...

(Крестится.)

Господи, помилуй!

Оба поспешно уходят.

Действие третье

Торговая площадь в псковском кремле. На заднем плане Довмонтова стена, с храмом св. Афанасия посредине и с двумя всходами; по углам Гремяцкая и Кутная башни. Направо храмы живоначальной Троицы, св. Спаса и Бориса и Глеба; за ними новая стена с Бурковской и Снетовою башнями; Святые и Петровские ворота; налево Княжий двор, Владычен двор и Красный двор; старая стена с всходом и тремя воротами: Княжими, Михайловскими и Смердьими. Посредине сцены вечевое «место» с несколькими ступеньками, крытое алым сукном. На площади разложены костры. На Троицкой колокольне гудит колокол. Во все ворота поспешно входят на площадь толпы народа. Месячная ночь.

ЯВЛЕНИЕ 1

Юшко Велебин, гонец, стоит у нижней ступеньки веча. Около него кружок псковичей: Иванко Тóргоша; Федос Гоболя, мясник; Клементий Сесториков, кузнец; Иванко Подкурский; Исак Шестник; Демешко, мыльник; Федорко — Царский сын; Колтырь Раков; Василий Луковица, суконник; Кирей Шеметов; Яков Железов. Народ постепенно прибывает. Смутный говор.

Иванко Торгоша

(Велебину)

Оглох ты, Юшко! Али закичился
И отвечать не хочешь?

Велебин молчит.

Кирей Шеметов

(Торгоше)

Экий олух!
Ну, что пристал-то? Знаемо — гонец:
Степенному посаднику и скажет...
А ты-то что?

Иванко Торгоша

Эх ты, Кирей Шемётов!

Федос Гоболя

Слышь, Тóргоша, не балуй языком
С похмелья-то...

(Бьет его по плечу.)

Иванко Торгоша
(вскрикивает)

Ох!..

(Оборачивается.)

Он и есть — Гоболя!

(Трет себе плечо.)

Да как же?.. Впрямь мясницкая рука!..
Да как же, дедко? Сходку созвонили,
А вести нет — по что и про кого?

Федос Гоболя

А ты дождаться нáбольших не хочешь?

Иванко Торгоша

А что их ждать?

Голоса в толпе

Ребята! Сотской, сотской!

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и Дмитро Патракеевич, сотский, пробирается к вечевому «месту».

Дмитро Патракеевич
(приподнимает шапку)

Здорово, люд честной!

Народ также приподнимает шапки.

Несколько голосов

Тебе во здравье!

Дмитро Патракеевич

Что, есть со всех концов по сотне?

Голоса

Надоть быть.

Федос Гоболя

Побольше будет, Дмитро Патракеич!

Дмитро Патракеевич

Очередных подняли?

Голоса

Туто все.

Народ продолжает сходиться; колокол не умолкает; в толпе шум и крики.

Дмитро Патракеевич
(во весь голос)

По пошлине, честные господа,
По старине мирской и по порядку!

Голоса

Повольте слушать сотского!
Повольте!
Очередной.. Повольте, осудари!
Не поперечьте!

Голос

Тише, чтоб вас там!..

Народ утихает и собирается в кучки. Молчание.

Дмитро Патракеевич

Пока бояр и тысяцкого нет,
Очередных бы перекликнуть!

Голоса

Ладно!

Дмитро Патракеевич

Очередной Торгового конца?

Исак Шестник
(выходит из толпы)

Исак Шестник.

Дмитро Патракеевич

Опоцкого?

Иванко Подкурский
(выходит вперед)

Иванко
Подкурской...

(Ударяет себя в грудь.)

Я!

Дмитро Патракеевич

Болóвинского?

Мыльник Демешко
(выходит вперед)

Мыльник
Демёшко...

Дмитро Патракеевич

Городецкого?

Гоболя
(из толпы)

Гоболя!

В толпе смеются.

Голоса

Федос Гоболя! Дедко-домоседка!
Воловий крестный! Медосос-Федос!

Гоболя
(громко)

Тьфу, зубоскалы! Распахнули глотки!..

Дмитро Патракеевич

По пошлине повольте, осудари!

Голоса

По пошлине! По-тиху! Шш! По-тиху!

Толпа снова смолкает.

Дмитро Патракеевич

Кто с Острой-Лавицы конца?

Клементий Сесториков
(выходит из толпы)

Клементий
Иванов сын Сесто́риков, кузнец.

Дмитро Патракеевич

А кто конец Богоявленский правит?

Никто не выходит.

Дмитро Патракеевич
(помолчав)

Очередной оправщик богоявлен?..

Голоса

Очередной!
Да кто очередной?
Железов Яков...
Полно врать! Вдругорядь:
Намедни был, и ноне за него же!
Да нету: ноне, братцы, Колтырь Раков...
И то ведь он...
Давай его сюда!
Куда уполз?
Хватай его за клешни,
Ракушку!

В толпе хохот.

Дмитро Патракеевич

Осудари-псковичи!
Присудите: быть сходке аль не надо?..
Идут бояре с тысяцким, с судьею,
И со дьяко́м царёвым, и с подьячим...
И князь-наместник выйти соизволил...

Народ

Быть сходке! быть! На всей на псковской воле!

ЯВЛЕНИЕ 3

Из Княжих ворот выходят на площадь князь Юрий Токмаков, тысяцкий Никита Насонов; бояре: И. Теншин, Я. Кротов, кн. С. Дябренский, Г. Умыл-Бородин, Н. Матута, Андрей Коза, царский дьяк; Ортюша, подьячий; Сидор Оданья, судья; московские стрельцы. Вслед за ними посадники: Иван Гахонович, Григорий Силыч Хрустолов, Юрий Копыл, Михайло Помазов. Псковские ратные люди и новые толпы народа входят из Святых ворот.

Князь Токмаков

(идет к «месту»; толпа перед ним расступается)

Кто созвонил?

Голоса

Гонец Велебин Юшко.

Юшко Велебин

(выступает вперед и кланяется)

Я, осударь, пригнан со спешной вестью:
Вели держать ко Пскову речь.

Князь Токмаков

Держи.

Юшко Велебин

(всходит на «место», снимает шапку, крестится на церкви и кланяется на три стороны)

Поклон и слово Новгорода:
«Братья
Молодшая, все мужи псковичи!
Вам кланялся-де Новгород Великий,
Чтоб помогли вы супротив Москвы,
И вы-де брату вашему старшóму
Не дали помочь ниже никакую
И целованье крестное забыли;
Ино на то вся ваша власть и воля,
И помоги вам троица святая!
А брат-де ваш старшóй открасовался
И наказал вам долго жить да править
По нем поминки...»

(Кланяется и надевает шапку.)

В толпе поднимается шум.

Голоса

Новгород Великий!
Родимый наш!
Ужели и взаправду
Конец ему?
Прийдет конец и Пскову!
И поделом: сидели склавши руки!
Чужой беде порадовались!
Тише!
Пущай гонец всё скажет... Говори
Всю правду, Юшко!
Али всей не скажет?
Уж разом слушать!
Ка́зниться, так вдосталь.
Молчите ж!

Юшко Велебин

(опять снимает шапку и кланяется на три стороны)

Осударь Великий Псков!..

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же, Михайло Туча, Четвертка Терпигорев, Богдан Ковырин, Василий Борбошин и псковская вольница входят в Смердьи ворота и пробиваются сквозь толпу к вечевому «месту». Опять шум. Колокол смолкает.

Голоса

Ну, привалили!
Вольница!
Буяны!
Ори пошибче — знать, глаза-то пропил;
Вишь, сыновья посадничьи!
Да что ж я?..
Я только!..

Юшко Велебин

(громче)

Осударь Великий Псков!

Говор утихает.

Пусть бог меня не милует на страшном
Судилище Христовом, коль прол[г]уся

В едином слове: что заверно слышал,
А что и сам сквозь слезы доглядел...

Мертвая тишина.

Попреж всего, под Новгород Великий
Пришел с Москвы передний полк, изгоном:
Бояре, и князья, и воеводы,
С дворянами, с боярскими детьми
И всяким ратным людом — туча тучей...
Которые поставили заставы
Вкруг города, а кто в монастыри —
Казну печатать, иноков и старцев
Вязать, да в стан с собою, на правеж,
До царского приезда... Да собрали
Со всех церквей новогородских причет,
За приставов раздали по десятку,
И тож, до государева приезда,
Велели ставить на правеж и бить
До искупа, всяк божий день, бесщадно...
А правили по двадцати рублев...
Новогородских с каждого...

Голоса

Злодеи!
Опричина кромешная!

Юшко Велебин

Пождите:
Цветочки только — ягодки-то будут...
Детей боярских отрядили в город —
Ловить гостей, приказных именитых,
И всех — в железа, домы и именье —
Всё запечатать, а детей и жен
Блюсти под стражей твердо...

Федос Гоболя

Юшко, врешь ты!
А дети-то, младенцы-то повинны
В чем ни на есть?

Юшко Велебин

А вру — казни господь!
Постой еще!.. Пришло Богоявленье —

Прошла и поголовная беда:
Сам государь приехал... Разобрали —
Кто правый, кто виновный?..
Ну... не можно
Сказать: была ль доподлинно измена
Аль наказал господь новогородцев
За их грехи... А только был разгром
И городу, и всем его пятинам,
И выселкам, за двести верст и больше...
Про это слышал...
А глазами видел
Такую кару грозную и казнь —
Не приведи господь и лиходею...
Ох! больно грозен царь Иван Васильич!..
Коль прогневят, так что твой гром небесный!
А тут ему лихое подшепнули —
Разгневался на Пимена-владыку,
Не подошел и ко кресту святому:
«Ты, говорит, не крест животворящий
В деснице держишь, а на нас оружье;
Ты наше сердце царское замыслил
Злотворною изменой уязвить:
Богохранимый Новгород Великий,
Державы нашей вотчину, ты хочешь,
Со всем единомысленным синклитом,
Предать Литве, Жигмонту-королю!..
Отселе наречешься ты не пастырь,
Не сопрестольник всесоборной церкви
Премудрости господнией Софии,
А хищный волк, изменник и губитель,
И досадитель нашей багрянице
И нашему престольному венцу!»
Как вымолвил, так Новгород — и полно!..
Вот целый месяц с Волховского моста
В кипучий омут мученых бросают:
Сначала стянут локти бечевою
И ноги свяжут, а потом пытают
Составом этим огненным, *поджаром,*
Да так в огне и мечут с моста в воду...
А кто всплывет наверх, того зацепят
Баграми и рогатиной приколют,
Аль топором снесут ему макушку...

Младенцев вяжут к матерям веревкой —
И тоже в воду.

Князь Токмаков
(поднимает руки к небу)

Господи, мой боже!
Не может быть, чтоб царь Иван Васильич
Казнил так крепко!

Юшко Велебин

Царь на Городище
Всем станом стал, а это без него
Опричники злодействуют...

Федос Гоболя

Да что же?
Когда ж конец-то будет?

Кирей Шеметов

Нет управы
И нет суда на этих окаянных.

Голоса

Вестимо, нет!
А мы-то, псковичи,
Положим также голову на плаху?
Подшепчут что — тю-тю! Не погневися!
Нет! .. как же так?
Аль стены развалились?
Аль у ворот заржавели замки?
Не выдавай, ребята, Псков Великий!
А щит — так щит!
И вправду, что мы дремлем?
Звоните вече!
У святого Спаса!
У Троицы!
За осударя-Псков!
За пошлину мирскую и за вече!
Рубись, ребята!
С улицы аль с дома?

Рубися с дома!
Сельские с сохи!
Звоните вече!
Любо!
Вече! Вече!

За сценой звук колокольчика.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же. В Петровские ворота въезжает взмыленная тройка. Из тележки выскакивает псковский гость Семен Иванов Бороусов. Он запыхался и еле переводит дух.

Кирей Шеметов

Никак еще нам вести?

Юшко Велебин

Не к добру!

Голоса

С вестями гость!
Раздайся!
Пропустите!

Семен Бороусов
(прерывающимся голосом)

Беда!.. беда нам, мужи-псковичи!
На Псков идут!..

(Пробивается к вечу и несколько времени не может выговорить слова.)

Иванко Торгоша

Еще какие гости?
Литва?

Семен Бороусов машет рукою.

Кирей Шеметов

Шальные немцы?

Семен Бороусов
(переводит дух)

Сам идет!..
Татары из полку передового

Пригнали уж в Невадичи... насилу
Уехал...

Иванко Торгоша
(кричит)
Ой, голубчики, пропали!

Юшко Велебин
(сбегает с веча)

Прости-прощай, головушка!

Голоса

Пропали!..
Пропали мы!..
Идет!..
Идет изгоном!..
Ох, батюшки, ворота завалите!
Посады жечь!
Добро-то где нам спрятать?
Детей-то малых с женами куда?
Звоните вече!..

Общая суматоха; снова раздаются удары колокола.

Никита Матута
(тихо князю Юрию Токмакову)
Вот теперь за дело!
Струхнули скоро... Вразуми безумцев...

Князь Токмаков всходит на вечевое «место».

Тысяцкий
(кричит)

Потише, люди вольные, потише!
Степенный наш посадник держит слово!

Сотский

(бегает в толпе)

Повольте, осудари псковичи!
Сам князь-наместник говорить желает.

Вечевое «место» обступают посадники, бояре, царский дьяк, подьячий, судья и московские стрельцы. В первых рядах народа Михайло Туча, Четвертка Терпигорев и Федос Гоболя. Тишина.

Князь Юрий Токмаков
(снимает шапку, крестится на соборы и кланяется народу)

Отцы и братья, мужи-псковичи.
Великая держава государя,
И отчина и дедина его —
Все люди добровольные!
К вам слово!

Народ

Изволь поведать, осударь наместник!

Князь Юрий Токмаков

Бог жаловал и троица святая,
Живоначальная!.. Здоровием царя
И государя нашего и князя
Великого всея Руси управу
Я взял на всей на вашей псковской воле...
А ноне люб аль не́ люб — порешите!

Иван Гахонович

Князь осударь! стоит твоим здоровьем
Великий Псков...

Григорий Хрустолов

И ласкою твоею...

Юрий Копыл

И правдою твоею неумытной...

Иван Теншин

И хитростию ратной...

Яков Кротов

И житием монашеским...

Князь Дябренский

И... всем...

Никита Матута

А *наипаче* милостью царевой!

Четвертка

(тихо)

Ну, погоди ты, старый, *наипаче*!

Князь Юрий Токмаков

Посадники, бояре и князья!
Челом вам бью за милостное слово,
А пусть меня Великий Псков рассудит —
От старшего до меньшего! .. по правде,
По всей заветной псковской старине...

Народ

Князь осударь! Нам за тобою любо!
С тобою мы, князь Юрий, не боимся!
Все за тебя — и стар и мал!

Князь Юрий Токмаков

(кланяется)

А любо,
Так слушайте!

Народ

Всё слышим, осударь!

Князь Юрий Токмаков

Великий Псков! Кого вы испугались?
Законного державца и владыки! ..
Отца родного испугались дети! ..
Что государь идет псковско́й святыне,
Живоначальной Троице и Спасу
Со страхом и молитвой поклониться,
Так вы тотчас за шестопер и бердыш,
Что ворога встречаете...
А может,
Нас государь пожалует и льготой, —
Ведь мы — не наша братья, новгородцы:
С Литвой и с Мистром перевет не держим;
Обельное и все подъезды правим;
Посо́шной ратью завсегда готовы!
А буде нужен человек охочий —
Да только кликни царь и государь —
Весь Псков всел на конь! ..
Так ли, осудари?

Голоса

Оно всё так...
Вестимо: молодцы
У нас охочи...
Что и не срубиться?
Навыкнуть делу надо молодым-то...

Князь Юрий Токмаков

Вот видите!.. За что же государю
Прогневаться на отчину свою?
А не за что!.. Нет, царь Иван Васильич,
Как сел на место царское свое,
Печаловался Псковом, да и ноне
Жалеет Псков...

Четвертка Терпигорев

Жалел и волк кобылу —
Оставил хвост да гриву!

Федос Гоболя

Так-то так!
А Новгород-то как же? Нешто вправду
Владыка Пимен перевет держал
С Литвою али с немцами?

Иванко Торгоша

Пожалуй,
И Псков-то будет без вины виновен!

Кирей Шеметов

А бог их весть! Лихому человеку,
Наушнику беда чужая — прибыль...

Никита Матута

Повольте князь-наместника дослушать:
Ему и сердце царское открыто.
Так нам уж он накажет, что добро.

Князь Юрий Токмаков

Спасибо за присловие, боярин!..
А я не больно падок до наказов:
Прошу совета осударя Пскова,
Как нам служить царю и государю?

Голоса

По речи — князь!
Да он же наш посадник!
Да и степенный!
Что же, осударь,
Что нам почать?
Как быть и как нам с бытом
Псковски́м от злых кромешников отбиться?

Князь Юрий Токмаков

Скажу я вам и — с места не сойти —
Скажу на благо осударю Пскову...
Пеките хлебы, хмельный мед сытите,
Варите брагу... Каждый у ворот
Накрой свой стол с гостиным хлебом-солью;
Всем выходить, от мала до велика,
Во сретенье царю и государю
И бить челом о милости его...
И простоит вовеки Псков Великий
Своим смиреньем, жалованьем царским
И милостью господнею...

Никита Матута

Аминь!

Князь Юрий надевает шапку и садится на верхней ступени вечевого «места». Несколько мгновений тишина.

Четвертка Терпигорев
(выступая вперед)

И я скажу: аминь! аминь! рассыпься!
Не надо Пскову оборотней царских!
Своим-то вбить осиновый кол в спину
Так только впору...
Князю не перечу:
Он любит осударя Псков Великий
И слово молвит — оторвет от сердца...
А ты-то что, Матута? Ты отколе,
Что, словно поп, обедню повершаешь?..
Мы пришлецов-то этаких видали
И провожали с честью за рубёж
Татарской плетью к сватам их, татарам.

Да не робей: по совести, по чести,
Скажи ты нам...

Никита Матута

(делает над собой усилие и перебивает Четвертку)

Что?.. Я-то оробею
Перед тобой, нахалом первоусым?
Постой! Тебя, любезного дружка,
Как раз скрутя́т... Москва-то недалёко!

Четвертка

Подальше, чем кулак мой от иного...
Спасибо, смирен, ссоры не люблю,
А то бы...

(Грозит кулаком.)

Дал раза́, так было б мокро...

Федос Гоболя

(берет его за руку)

Четвертка, стыдно!

Четвертка наклоняет голову. В толпе шум и крики.

Федос Гоболя

(Михайле Туче)

Что же ты, Михайло
Андреевич? Посадничий ты сын,
А словом не порадуешь...

Михайло Туча

Гоболя!
Я жду старшо́го нашего; что скажет —
Тому и быть...

(Оборачивается к Михайловским воротам.)

Да вот он сам бредет.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же и посадник Максим Иларионович входит на площадь, опираясь на клюку. Народ расступается.

Князь Юрий Токмаков

(встает с вечевой ступени, снимает шапку и взводит Максима Иларионовича на «место». Народу)

Порадуйтесь! Родительской молитвой
Помиловал Спас милостивый Псков —
Послал нам ум и разум стародавний.

(Сходит с веча и становится у нижней ступени.)

Четвертка Терпигорев

(подходит к вечу, снимает шапку и кланяется в пояс)

Максим Иларионыч! Пскову плохо...
Ты слышал: царь на Новгород был гневен
И разгромил его, с сердцов, дотла,
А ноне к нам идет — на Псков Великий...
Так что ты нам присудишь — то и будет...

(Кланяется и надевает шапку.)

Максим Иларионович

(крестится и кланяется. Тихим, но внятным голосом)

Не чаял я, отцы мои и братья,
Что мне еще придется молвить слово
С Великим Псковом, осударем нашим.
А бог привел под старость... не взыщите,
Коль в чем и как, непомнящий, промолвлюсь.

Федос Гоболя

Ты говори, а мы уж подберем...
Слова — что жемчуг: если закатились
В какую щелку — лучше половицу
Аль две поднять, чем потерять добро.

Максим Иларионович

Прослышал я про нашу про невзгоду...
Знать, бог велел... а супротив веленья
Господнего никто не возмоги!..
Вот мне теперь девятый уж десяток...
Видал я волю — красною девицей,
Видал ее — старухой беспомóщной

И сам отнес покойницу в могилу...
Ну!.. было время, и не в вашу вёрсту
И потягаться было бы кому
С Москвой... да нет! умнее были деды
Аль Псков-от был им словно подороже:
Покора будто слыхом не слыхали;
Обиды будто видом не видали;
Какие слезы к горлу подступили —
Так отогнали к сердцу пивом-медом...
И веселились... Что ж не веселитесь
По-дедовски?..
Великий князь Василей
И колокол корсунский снять велел,
И вече рушил... Как у нас тогда
Не выпали зеницы со слезами —
И богу весть!.. А всё же веселились,
А всё же Псков Великий сберегли —
Любили Псков побольше внуков деды...
А я сказал...
Кто хочет мне перечить,
Тот, видно, молод и Москвы не знает...
Не то свое — чужое на счету:
Всё выверит, да вывесит, да сметит,
Да и возьмет, — поди ты с ней, судися,
В великий день, перед судом Христовым!
И то сказать: в мое-то время были
Цари в Москве, да только что царями
В Москве звались, а ноне царь московский
На все страны́ и на народы — царь.
Тяжка рука, да и душа — потемки
У Грозного... Проститеся со Псковом.
Хороший будет пригород московский —
И слава богу!

(Сходит с веча.)

Четвертка

Правда, слава богу!
За всё... хоть даже за такие речи:
Как сказаны, так их и заморозит...
А я так речь иную поведу
И буду кликать наших поименно...
Железов Яков!

Ж е л е з о в
(поднимается из-за дальнего костра)
Тут он.
(Идет на голос Четвертки Терпигорева.)

Ч е т в е р т к а
А Василий
Суконник?

В а с и л и й С у к о н н и к
(выходит из толпы)
Тут же!

Ч е т в е р т к а
Колтырь Раков?

К о л т ы р ь Р а к о в
(в толпе)
Тут!

Ч е т в е р т к а
Все *тут*... а *здесь*, со мною, остальные...
(Михайле Туче)
Чего ты ждешь?.. Добром не сговоришь!
Матута князя Юрия поставил
На вече, а тебя-то, брат Михайло,
Кому же ставить, коль не мне, Четвертке?

Б о г д а н К о в ы р и н и В а с и л и й Б о р б о ш и н
И мы поможем...

Ч е т в е р т к а
Ну, кричи, Богдан!
И ты, Борбошин!

Б о г д а н К о в ы р и н
Мужи-псковичи!
Посадников послушали, а кровных,
А сыновей посадничьих не надо?

Василий Борбошин

Зачем их?.. Ну их к ляду! Пусть их гибнут
За мир и вече — миру что за дело?..
Пущай...

Народ начинает шуметь.

Голоса

А что ж мы, братцы, оплошали —
Своих забыли?
Где же сыновья
Посадничьи?
Зови Михайлу Тучу.
Пусть скажет слово...
Тучу! Тучу! Тучу!

Туча подходит к вечевому «месту».

Михайлу Тучу!..
Вышел!.. Не горланьте!
Пусть говорит нам с «места»!
Тучу! Тучу!

Михайло Туча

(с вечевого «места», крестится и кланяется народу)

Псков-осударь!
Посадничьему сыну
И вечнику молóдшему не след
И слово молвить поперек старшому,
А стольному наместнику и князю
Аль выборным посадникам степенным
Перечить — стыд и грех неотпускнóй...
Коль нет на то господнего веленья...
Да божьей воли нам не исповедать:
В уста младенцев он влагает правду
И слабую десницу укрепляет
На силу сил престолов и господствий...
Повольте молвить, мужи-псковичи
И люди добровольные, всю правду,
Как положил мне на душу господь!..
Вы, отчина крестоприимной Ольги,
Любимый стол поборников Руси,
Дом Троицы святой живоначальной,

Вы, осударь Великий Псков! радейте
И о себе всем миром промышляйте
По пошлине...
Аль были мы повинны
В чем ни на есть перед великим князем
И государем? Были, так скажите...

Голоса

Да в чем повинны?..
Словно бы ни в чем...

Михайло Туча

Аль мы Литвы дурной не сторожили?

Богдан Ковырин

Литвы-то?

Михайло Туча

Аль жалели шестоперов
На немцев?

Федос Гоболя

Как-ста не жалеть?.. А чем же
Свиней чудских лобанить?

Василий Борбошин

Ха-ха-ха!
Мясник свое!

Михайло Туча

Скажите, осудари,
За коим прахом лечь нам головою?
За правду-то? за наше-то добро?
За кровь-то нашу и за нашу службу?
За целованье крестное?
Отбейте
Ворота все у нашего кремля,
Мечи и копья наши притупите,
В церквах с икон оклады обдерите
Кромешникам на хмельный смех и радость...
Пусть кто слуга для Пскова-осударя —

Я не слуга ему, да и не будет
Ни мне на вас святое целованье,
Ни вам на мне!.. Не царский гнев обиден —
Обиден подшепт гнусного холопа.
Не царь, а псарь не жалует. Учнется
Ловить ворон да галок соколами,
Тогда меня вспомянете...
А я
Прощаюсь с вечем и иду под Камень...
Кто носит сердце под крестом купельным,
Пойдет со мной, чтоб око не видало
Позора и бесчестия псковско́го,
Чтоб не слыхать, как Псков не скажет правды
И пошлины своей не отстоит
Перед своим владыкою правдивым...

Молчание.

Аль я один, аль нет грозы за Тучей
Над подкупной татарщиной московской?

Голоса

Есть, батюшка, есть, батюшка Михайло
Андреевич!
Нашлися!
Загрозили!
Помилуй бог!

Федос Гоболя

Ох, дурни!.. Гром не грянет,
Мужик не перекрестится...

Боярин Матута

Ну, гром
Из тучи!..

Четвертка

Знать, из ней, а не из кучи
С матутинского за́дворка!

Иванко Торгоша

Ребята!
И вправду, нешто Пскову нет радельцев?

Голоса

Да что тут! Слышь — за Псков и старину
Вались к одной!
Катай-валяй за Тучей!
За Тучею Михайлой!

Михайло Туча
(сходит с «места»)

А за мной,
Так на поле — встречать гостей московских.
За мною!

Голоса

Гой!
Навстречу москвичам!

Четвертка

На проводы!

Голоса

На проводы!
С поклоном!
С гостинцами!
Валися, люд, валися!

Толпа делится надвое. Смятение.

Боярин Матута
(князю Юрию)

Князь, князь! вели стрельцам палить в буянов,
Не выпускай их из кремля!

Михайло Туча
(снимает рукавицу)

Матута!
Мы свидимся с тобою! Повещаю
Тебя зараней... Вот те и гонец!

(Бросает рукавицу в лицо Матуте.)

Боярин Матута
(хватаясь за щеку)

Князь, не пускай: вели палить!

Михайло Туча

Князь Юрий
Иванович! с тобою псковичи —
Охочий люд — прощаются...

Князь Юрий Токмаков
(опомнившись)

Куда?

Михайло Туча

Господь сведет... Не поминай нас лихом!..
Великий Псков оставил государю
Святыню храмов, вече вековое,
Дома и землю, семьи и могилы...
А волю сложит к царскому подножью —
Где бог укажет — с буйной головою.

(Снимает шапку и кланяется.)

Князь Юрий Токмаков

Да стойте ж, полоумные!

Михайло Туча

Стояли,
Пока стоял Великий Псков, а ноне
Пришлось идти куда глаза глядят...

Четвертка

И лучше:
Пройдемся — разгуляемся.

Василий Борбошин

И песню
Споем на путь-дорогу!..

Четвертка
(бьет его по плечу)

Вот так правда!
Где Колтырь Раков?

Голоса

Запевало! Раков,
Проснися!.. Эй!..

Князь Юрий Токмаков

Постойте! Образумьтесь!..
Куды вы рветесь и кому грозите,
Безумцы!.. Что вы кличете на Псков
Правдивый гнев законного владыки?..
Иван Васильич Грозный ведь не шутит...

Четвертка

А пусть не шутит; шутка — не обида,
А от нешутки отпоемся песней...
Ну, Колтырь Раков, где ты?

Колтырь Раков
(выходит из толпы с балалайкой)

Здесь... Ау!..

Четвертка

Прощальную!

Михайло Туча

Со Псковом-осударем!..

(Машет шапкой.)

Полтолпы бежит к нему с криками.

Голоса

Прощальную со Псковом-осударем!

Колтырь Раков
(ударяет по балалайке)

Осудари псковичи!
Собирайтесь на дворы!
Зазубрилися мечи,
Притупились топоры...
То-то лёли, то-то лёли, то-то лёшеньки мои!

Несколько голосов
(подхватывают)

То-то лёли, то-то лёли, то-то лёшеньки мои!

Толпа уходит в Смердьи ворота. М. Туча, Четвертка Терпигорев и К. Раков впереди.

Голос Колтыря Ракова

(вдали)

Али незачем точить
Ни мечей, ни топоров?
Али негде нам сложить
И головушек за Псков?
То-то лёли, то-то лёли, то-то лёшеньки мои!

Голоса

(вдали)

То-то лёли, то-то лёли, то-то лёшеньки мои!

Действие четвертое

Терем князя Юрия Ивановича Токмакова. Столовая. В глуби четыре окна с веницейскими стеклами. Кругом стен лавки с полавочниками. Направо дверь и налево дверь. Перед окнами большой стол со скамьями. Направо кривой стол и лавки, налево княжеское место с навесом. В переднем углу киот с лампадкою; столы накрыты. За окнами шум и говор. По городу звон.

ЯВЛЕНИЕ 1

Перфильевна оправляет скатерть на кривом столе.

Голоса мальчишек

(за окнами)

По бабкам!
Стой!..
Кон за кон!..
Жох!..
Ан ничка!..

Перфильевна

(прислушивается)

Ах, матушки!.. Никак они?.. И вправду...

(Торопливо подходит к окну.)

Ну, так и есть!..

(Стучит в окно.)

Ах ты бесстыжий глаз,
Глаза твои бесстыжие, Матюшка:

Какие дни, а ты всё за свое —
Опять за бабки! .. Вишь ты, постреленок!
Ты говори ему, а он тебе...

Голос мальчишки

Карга!

Перфильевна

И дразнишься? Вот черти-то потянут
Тебе язык!

Голоса мальчишек

Тебя-то, кочерга,
В три гибели согнут, да и заставят
Лизать горячий противень! ..

Перфильевна
(грозит кулаком)

Ужо вас!
Скажу: поднимут на ворот рубашки.

Мальчишки
(поют с присвистом)

Фить-фить-фить!
Видно, для старушек —
Фить-фить-фить —
Мало колотушек!
Бей долбнёй их в лоб,
Чтобы бес их сгреб!

Перфильевна

Вы так-то? .. Ну, постойте ж, жиденята! ..

За окнами хохот. Перфильевна сталкивается в дверях с Ольгою и Стешей Матутой.

ЯВЛЕНИЕ 2

Перфильевна, Ольга и Стеша Матута, обе в летниках и повязках с покрывалами.

Стеша Матута
(берет Перфильевну за плечи)

Постой, постой, не торопись, молодка:
Так с ног собьешь! ..

Перфильевна
(задыхается)
Голубушка моя,
Боярышня! Мальчишки рассердили.
Тут смерть — они, поди ты, разыгрались...

Стеша Матута
Так ты их — знаешь?..

Перфильевна
Нешто убежали?
А то я их...

Стеша Матута
Беги, беги скорее!
(Смеется.)

Перфильевна уходит.

ЯВЛЕНИЕ 3

Ольга и Стеша.

Стеша
Спровадила!

Ольга
Ах, Стеша!.. Как господь
Тебе на шутки силу посылает!

Стеша
А что же? Плакать?.. Буду умирать —
Смеяться буду.

Ольга
(обнимает ее)
Стешенька, я знаю,
Что для меня, голубушка, смеешься, —
Мою кручину шуткою отводишь...
А мне уж нету красного веселья...
(Утирает рукавом слезы.)
Притужно мне...

Стеша

Да перестань же, Оля!

Ольга

Что перестать?.. Да как я перестану!
Ведь я теперь безродная... Не знаю
И отчества... Не знаю, кто отец,
И жив ли он... А бог послал по душу —
Не знаю, как и в церкви помянуть...
И матери своей не целовала,
Благословенья ро́дной не приняла
С святым крестом...
А тут другое горе:
Росла-росла... Приемного отца,
Как батюшку родного, облюбила,
Да сызмалу отцом и величала,
И на могилку к тетушке ходила,
Как к матери...
А рядышком другая,
Забытая могилка зеленела...

(Падает на колени.)

Заступница святая! покарай!
Грех окаянный!..

Стеша

(обнимает ее)

Ольга! Ольга! Оля!

Ольга

Дочь матери могилы не узнала!

(Припадает к ней и рыдает.)

Стеша отвертывается и глядит в окно. Слышен звук колокола. Ольга приподнимается и бросается к окну вместе со Стешей.

Голоса на улице

Ударили в Застенье!
Скачут! Скачут!
В Святых воротах тронули хоругви!
Что пономарь-то машет с колокольни?
Передовые!
Ровно бы татаре...

Они и есть: вишь — меховые шапки,
И лошади, что звери, так и пышут...

Женский голос

Татаре?.. С плеткой... Мати пресвятая!..

Ольга

(заламывает руки)

Ох, если б мне связали руки-ноги
Да прикрутили к конскому хвосту —
Не видела б, не слышала б...

Стеша

Чего?

Ольга

Московского прихода...
Знаешь, Стеша,
Кого я жду, по ком душа заныла!

Стеша

Как мне не знать!

Ольга

Не знаешь.

(Потупляет голову.)

По Иване!..

Стеша хватает ее за руку.

Ольга

По нем... по нем!

(Рвет раструб летника, несколько пуговок отлетает.)

Вот к сердцу подкатило!..
Так вот и жмет... что жернов... Давит, давит...
И свет немил, покаме не взгляну...
Я на него... Про своего Михайлу,
Про бедного, не вспомнила!..

(Плачет.)

Стеша потупляет голову.

Голоса на улице

Встречают!
Стяг за Псковóй...
Никак что Юрги!
Знамо —
Не кто, как он!

Ольга

(крестится)

Готова!

ЯВЛЕНИЕ 4

Князь Юрий и Никита Матута; оба в боярских кафтанах; в руках высокие шапки.

Князь Юрий

Здравствуй, Оля!..
Ты что здесь?.. С гостьей?.. Лучше бы ушли
Пока в светелку... После и сойдете,
Во всем приборе, с чаркой и с подносом,
Да и с поклоном надобным хозяйским
Навстречу гостю жданному... коль будет.

(Указывает на окно.)

Голоса на улице

Маячат!..

Ольга и Стеша уходят.

Слышь: еще маячат стяг!..
Который?
Знать, что от «большого пóлку»...
Спас на херугове!
Вестимо, от «большого»...
Готовы ли столы-то?
Вишь ты, шельма,
Какой ты хлеб выносишь?

Женский голос

А вчерашний:
Сама пекла...
Сама!

Женский голос

А нешто ты?..
Печешь ты!

Никита Матута

Князь, прости меня: два слова...
Великий час.

Князь Юрий

Да говори, Никита
Семенович, затем ведь и пришли.

Оба молчат, понурясь.

Голоса на улице

Еще два стяга, справа да и слева —
А по какой дороге?
По Дубовке —
Тот, правый-то.
А левый-то?
По Врёвке.
Ан по Изборской.
Экие вы дурни!
Не видите: с Невадичей...

Никита Матута
(указывает рукой на окно)

Ты слышишь,
Ты слышишь, князь, как Псков заговорил?..
Заговорю и я.

Князь Юрий

Да только прежде
Меня послушай: если я решился
Дом пресвятыя Троицы оставить,
Оставить Псков для моего бы дома,
Хоть бы на миг, так, верно, уж недаром...
С тобой, боярин, я покончу разом:
Скажу всю правду, если не бежишь...
Не знал тебя — задумал породниться,
Узнал — раздумал...

Никита Матута

Что ты, князь, с похмелья
Или со страху царского?

Князь Юрий

Молчи!
С тобою нас господь и царь рассудят,
Как рассудила и мирская сходка...
А я тебе — перед судом великим —
Поклон прощальный...

(Низко кланяется и указывает на образа.)

Вот тебе и бог...

Никита Матута
(перебивает его)

А вот порог, не правда ли?

Князь Юрий

Без бога
Ни до порога...

Никита Матута

Ладно!.. И не скажешь:
Как и за что?..

Князь Юрий

За то, что не пскович ты,
Что не слуга ни Пскову-осударю,
Ни государю нашему, Ивану
Васильичу.

Никита Матута

А кто же?

Князь Юрий

Переветчик!

Никита Матута

Спасибо, князь, за честь и за почет,
За проводы гостиные!..

(Кланяется.)

Князь Юрий

Никита!
Я стар и хил... рука отяжелела:
На ворога поднимется ли, нет ли,
А на тебя...

Никита Матута

А! Ты еще глумишься!

(Вытягивает руку.)

Глядь на кистень: на всякого был поднят
И гирей бил во всякого — подавно...
Во псковского наместника!..

На улице конский топот и гик татарских наездников.

Мои!..

(Указывает на окно.)

Прихлынули!

(Смеется и грозит кулаком.)

Попомни же, князь Юрий,
Каков я был... Каков я есть — увидишь
И не забудешь!..

(Уходит в дверь направо.)

Князь Юрий
(бросается за ним)

Ах ты пес паршивый!..
Отребье!.. Я-те!..

ЯВЛЕНИЕ 5

В столовой палате князя Токмакова никого; на улице говор и звон, не умолкавшие ни на миг, слышны ближе и ближе.

Голоса

Царь и государь!
Твои рабы ложатся головами
Ко твоему ко царскому подножью:
Твоя на нас царева власть и воля.

Вели казнить!

Звук труб и рогов.

Аль жалуй нас и милуй.

Еще ближе голоса.

Несколько голосов

Мы, государь, невинны-неповинны
И супротив тебя не поднимались!

Звук труб и рогов становится явственнее; слышен мерный топот конной дружины.

Толпа

(у порога токмаковского дома)

Царь-государь! помилуй нас! помилуй!

ЯВЛЕНИЕ 6

Двери справа распахиваются. Князь Юрий держит шапку обеими руками, кланяется в пояс и входит, не оборачиваясь к зрителям; за ним:

Царь Иоанн Васильевич

(в кольчуге и шеломе, останавливается на пороге)

Войти аль нет?

Князь Юрий

Как, государь, поволишь...

Царь Иоанн

(помолчав)

Войти, коль есть и божье милосердье
И милость божья на дому...

Князь Юрий

(еще раз кланяется в пояс)

А где же,
Коль не в твоей державе, божья милость?
Где милосердье божье, коль не здесь —
В дому слуги царева и радельца
И в отчине царевой?

Царь Иоанн

Да не псковской.

Князь Юрий

Перед Христом — во псковской!

Царь Иоанн

Ин — войти!

ЯВЛЕНИЕ 7

Царь Иоанн, князь Токмаков, Малюта Григорьевич Скуратов, князь Афанасий Вяземский, боярин Матута; в дверях видны рынды и опричники.

Царь Иоанн

(оборачивается и машет рукой)

Вы не входите...

(Малюте)

Да скажи, Малюта,
Ванюше и Борису, что... того...

Малюта уходит, двери запираются.

ЯВЛЕНИЕ 8

Царь Иоанн, князь Токмаков, князь Вяземский и Матута.

Царь Иоанн

Ну, здравия желаем вам, князь Юрий!
Присесть поволите?..

Князь Токмаков и Матута торопливо подходят к царю Иоанну и берут его под руки — князь Юрий справа, Матута слева — и усаживают на княжеское место.

Спасибо... Отдохну...
Умаялся...

(Снимает шлем и отдает князю Вяземскому.)

Возьми-ка, Афанасий!

Князь Вяземский берет шлем и отходит к двери.

Спасибо, право, мужи-псковичи!
Царя псковским наместником сажают
Честь честью — под руки!.. Ей-ей, спасибо!..
И как еще сажают-то, — вдвоем,
Как подобает нам по-христиански:
Направо — ангел, а налево — дьявол...
Молчат, а шепчут, уст не отверзая,
Всяк про свое...

(Помолчав)

Да я-то, скудоумный,
Я, худородный, грешный раб господний,
Вас разберу... Коль бог на то поволит.

Матута бледнеет, прокрадывается к князю Вяземскому и целует у него полу кафтана. Князь Вяземский торопливо машет ему рукой. Князь Токмаков покорно наклоняет голову.

Устал теперь... Пора бы чарку выпить
Да закусить... чем ни на есть во Пскове...
Что, у тебя, князь Юрий, есть хозяйка?

Князь Токмаков

(голос у него дрожит)

Нет, осударь, давно похоронил...
Осиротел... лет, надо быть, двенадцать...
Да так и маюсь...

Царь Иоанн

Стало, баб-то нет?

Князь Токмаков

Есть дочка...

Царь Иоанн

И подросточек?

Князь Токмаков

Да надоть
Вести к венцу...

Царь Иоанн

(гладит бороду)

Вели-ка поднести.

Князь Токмаков

(подходит к боковой двери, отворяет ее и шепчет)

Перфильевна!.. Давай скорее Олю,
В приборе и с подносом... Ну, и тех...
Кто там у вас в светелке-то? — с закуской!

Перфильевна

(шепотом за дверями)

Готовы, князь мой, батюшка, голубчик,
Кормилец мой... Закуска только...

Князь Токмаков

(хочет махнуть рукой, но удерживается. Шепотом)

Полно!..

(Оборачивается к царю Иоанну и кланяется.)

Уж не взыщи, великий осударь, —
Чем бог послал.

Царь Иоанн

Эх, князь, на перепутье
И просфоре железной будет рад
Калика перехожий...

Князь Токмаков

(Опять подходит к двери. Шепотом.)

Подносите!

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же, Ольга с подносом, на нем медовая стопа и чарки. Стеша Матута с подносом, на нем разные закуски Сзади Ольги — Перфильевна, Настька и несколько сенных девушек. Ольга, потупив глаза, подходит с подносом к царю Иоанну и становится перед ним на колени.

Князь Токмаков

(кланяется в землю)

Царь-осударь!

(Протягивает руки.)

Челом бью.

Царь Иоанн

Осударь!..
Все — осудари мы, и осударь наш Псков,
И Новгород... Да кто же против бога
И Новогорода Великого?

(Хохочет.)

Цари!
Цари Иваны — дедушка и внучек...
Во Пскове мы не царствуем, а в гости
Приехали!..

(Повертывает голову к входной двери. Князю Вяземскому и Матуте)

Ну, милостные гости!
Садитеся: хозяин подал меду!

Князь Вяземский и Матута садятся.

Садитеся за стол-то: хоть кривой,
А всё же княженécкий...

(Встает с княжеского места и поднимает Ольгу.)

Позабыл!
Прости, княжна! Язык-то разболтался,
Как ваш же *вечник*... Глянь-ка на меня...

Ольга вздрагивает и потупляет голову еще ниже.

Стыдливая!.. Прошу не погневиться
На нас, княжна!.. Твой батюшка поволил,
Чтоб ты мне чарку меда поднесла,
А как тебя по имени назвать, —
И не сказал... Пускай же, в наказанье,
Сам прежде выпьет, да потом и скажет,
Как звать тебя.

Ольга медлит.

Ну, поднеси же!.. Разве
Во Пскове мед полыни горче?

Ольга
(вся дрожит)

Ольга...

Царь Иоанн

Так, Оленька, возьми-ка — поднеси,
Да и налей сама.

Ольга взглядывает искоса на князя Токмакова; он ей кивает головой. Ольга наливает и подносит ему с поклоном чарку.

Князь Токмаков

(пьет)

Тебе во здравье,
Царь-осударь!

Царь Иоанн

(помолчав, Ольге)

Ну, поднеси и мне,
Да не с поклоном только — с поцелуем...

Ольга быстро поднимает голову и взглядывает в первый раз на Иоанна; он впивается в нее глазами и почти вскрикивает.

Что?.. Что такое!..

(Проводит рукой по лбу.)

Мати пресвятая!..
Не наважденье ль?..

(Оправляется и насильственно хохочет.)

Ты, княжна, не хочешь?..
Не хочешь ты со мной поцеловаться?..

В это время Матута толкает локтем князя Вяземского.

Со мною-то?..

Матута

(Вяземскому, шепотом)

Смекаешь ты?

Князь Вяземский

(шепотом)

Нишни!

Ольга

(любовно глядит на царя Иоанна)

Царь-осударь! С тобою целоваться
Твоей рабе победной недостойно;

А повелишь — живая лягу в гроб,
Лишь ты б со мной простился поцелуем.

Царь Иоанн
(повеселев)

Спасибо! .. Вот мой перстенек заветный
Со малого с мизинчика: носи
Его на память о рабе Иване...

(Голос у него слегка дрогнул. Он снимает перстень и кладет его на блюдо.)

За перстенек уж, верно, поцелуешь? ..

(Целует Ольгу, потом берет с подноса чарку меда)

А мед-то слаще будет...
(Пьет.)
Право, слаще!
Пожалуй, что теперь и закусить
Не худо бы...

Стеша Матута
(подходит ближе к царю Иоанну с подносом)

Чем бог послал, во Пскове...

Царь Иоанн
(улыбается и, не глядя на Стешу, берет с подноса кусок пирога)

Чего ж еще? .. Пирог псковско́й!

Стеша Матута
(кланяется в пояс)

С грибами.

Царь Иоанн
(строго взглядывает на Стешу)

Ась? .. С чем? ..

Стеша
(не смущается и кланяется еще раз)

С грибками, осударь! с грибками,
У нас, во Пскове, лета-то грибовны...
Вон издалека гости наезжают,
Так ровно бы и хвалят...

Царь Иоанн

(не спускает со Стеши глаз)

Ты бойка!..

А чьих ты?

Стеша

(кланяется третий раз)

Дочь боярина Матуты.

Царь Иоанн

А как зовут?

Стеша

Крестили Степанидой.

Царь Иоанн

(улыбается)

Бойка ты и... приглядна! Знать, во Пскове
Грибы-то на красавицах растут?..

(Вздыхает.)

Не то, что в нашей Слободе... Слыхала?

Стеша

Как не слыхать?.. Неволею зовут.

Царь Иоанн

Неволей ли аль волею, да только
Ты заезжай к нам, по дороге, в гости...

Стеша

Вели свезти.

Князь Вяземский

(толкает локтем Матуту и говорит шепотом)

Смекаешь ты?

Матута

(бледный и взволнованный, довольно громко)

Нишни!

Царь Иоанн

(услыхал и оборачивается к ним)

Вы что там?

Князь Вяземский и Матута дрожат всем телом.

...Я про вас и позабыл.
Да ладно!.. Вы ступайте-ка!..

Князь Вяземский и Матута уходят, но не вплоть притворяют дверь и подслушивают.

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же, кроме князя Вяземского и Матуты.

Царь Иоанн

(Ольге)

Княжна!
А ты в Москву пожалуешь?

Ольга во все время разговора царя Иоанна стоит понурив голову и не отвечает на вопрос.

Не бойся,
У нас в Москве высокий теремок...
А ты в своем, пока там что, подумай...
Пора хозяйке отдохнуть...

(Делает знак рукой Ольге и Стеше. Они кланяются и уходят с Перфильевной и сенными девушками.)

ЯВЛЕНИЕ 11

Царь Иоанн и князь Юрий Токмаков.

Царь Иоанн

Князь Юрий!
Из головы вон... всё хотел спросить
Я давеча...

(Садится на место.)

Хотел спросить: на ком ты
Женат был?

Князь Юрий

На Насоновой, великий
Царь-осударь!

Царь Иоанн

На Вере?..

Князь Юрий

На Надежде,
Царь-осударь!..
А Вера-то была
За тутошним бояриномШелогой.

Царь Иоанн

Да...
Где ж теперь он?..

Князь Юрий

Немцы уходили,
Царь-осударь, под Невелем...
А Вера,
С тоски бы, что ли, словно как рехнулась
И померла...

Царь Иоанн

Так Ольга-то твоя
Племянница покойнице, выходит?

Князь Юрий

Царь-осударь! перед тобой не скрою:
Побольше, чем племянница...

Царь Иоанн

Да как же?..

Князь Юрий

Да так, что Вера родила без мужа,
И от кого — не знаем, осударь.
А грех ее покойница-хозяйка
Своею честью девичьей прикрыла,
Хоть и была тогда моей невестой!..

Да — лих — Иван Семеныч-то Шелога
Поверил было, только усомнился! ..
Ну, и пошел, с великой со печали,
Под Невель. . . там и голову сложил. . .

Царь Иоанн
(взволнован)

А Вера? ..

Князь Юрий
(вздыхает)

Вот покинула нам Олю
С Перфильевною, мамкой. . .

Царь Иоанн
(встает и крестится на иконы)

Помяни,
О господи! во царствии небесном
Рабу твою!

(Подходит к входной двери и говорит громко)

Малюта!

(Громче)

Гей, Григорьич! ..

ЯВЛЕНИЕ 12

Те же и Малюта Скуратов на пороге.

Малюта

Что повелишь, владыко?

Царь Иоанн
(торжественно)

Да престанут
Убийства! .. Много крови. . . Притупите
Мечи о камни: Псков хранит господь! ..

Действие пятое

Царская ставка. Задняя пола откинута; видна лесистая местность и крутой берег реки Медедни. Ночь. Светит месяц. Ставка устлана коврами. Спереди, налево, медвежья шкура поверх ковра; на ней крытый золотою парчою стол с двумя шестирогими подсвечниками; на столе меховая шапка, кованый в серебро нож, стопа, чарка, чернильница и несколько свитков; направо походный аналогий и на нем зажженная лампадка, складень, развернутый требник, просфора и обожженная восковая свечка. Ставка подперта столпником; на нем броня и оружие.

ЯВЛЕНИЕ 1

Царь Иоанн стоит посреди ставки скрестив руки и опустив голову. Царевич Иоанн за столом; в руках перо; перед ним свиток. Подле аналогия дьяк Елизар Вылузгин; у стола Борис Федорович Годунов. Мимо приподнятой полы ставки ходит сторожевой опричник. На Иоанне опашень с меховой оторочкой; на прочих цветные полукафтанья.

Царь Иоанн

Да, Боря, тяжко!..
Обелил я Псков,
Да... что-то вот...
опять взяло раздумье...
На благо ли его я обелил
И обопричнил! Что ты, Боря, скажешь?

Борис Годунов

Скажу я в лад: что, государь, укажешь?..

Царь Иоанн

Что указать?.. Ведь вольница псковская
Новогородской вольнице сродни...
Попомни ты, князей-то дед управил,
А в лад ему, как сам ты говоришь,
Лихих бояр, досмыслясь, внук убавил,
А с малыми, с молодшими людьми
Управиться?..

Борис Годунов

Царь-государь, не время!

Царь Иоанн

Что, Боря?..

Царевич Иоанн

Отче, ты на нас не сетуй:
С Борисом мы недавно говорили —
Прижать-прижать, да надо обождать.

Царь Иоанн
(смеется)

Ребята вы!.. Туда ж хитрят со мною:
Хотят задобрить, чтоб не клал опалы...
Да на кого-о? На люд-то православный —
Краеугольный камень нашей власти
И наше всевозлюбленное чадо!
В уме ли вы?.. К тому ли речь я вел?
Нет, Ваня, вот тебе завет отцовский:
Поволит бог меня к себе воззвати
И будешь ты царем всея Руси,
Храни тебя Заступница — обидеть
Единого от малых сих... Попомни:
То только царство крепко и велико,
Где ведает народ, что у него
Один владыка, как в едином стаде
Единый пастырь... Если же подпаскам
Пастух даст волю — погибай всё стадо!..
Не то что волки, сами будут резать
Да сваливать вину свою на псов...
Нет, так бы мне управиться хотелось,
Русь оковать законом, что бронею.
Да даст ли бог мне разума и силы?..
Недужен я...

(Вылузгину)

Елеазар, найди-ка,
Вон, в требнике...

Вылузгин берет требник.

Какая бишь страница?..

Вылузгин смотрит на Иоанна.

Сто... сорок... пятая...

Вылузгин перелистывает требник.

Нашел?..

В ы л у з г и н
(читает)

«Молитва. . .»

Ц а р ь И о а н н
(перебивает его)

Молитва... Да! .. над грешным человеком
Очародеянным: «Всесильный боже! ..»

В ы л у з г и н
(читает)

«Всесильный и человеколюбивый господи, Иисусе Христе, боже наш! .. Предвечного. . .»

Ц а р ь И о а н н

Постой! .. Пониже: пятая строка.

В ы л у з г и н
(читает)

«Яко да злодеяния бесовская испраздниши, и учеником своим власть давай, еже наступати на змия и скорпия, и на всю силу вражию».

Ц а р ь И о а н н

Аминь! ..

(Протягивает правую руку и выступает вперед.)

На силу вражью! ..

(Хватается руками за грудь.)

Что-то тошно! ..
Как словно речь подхлынула под сердце
И вверх ползет, и зá горло хватает.

(Царевичу)

Пусти-ка, Ваня! ..

Царевич встает. Иоанн садится на место.

Хочется гуторить. . .
Послушайте. . .

Царевич и Борис Годунов подходят к столу.

Недаром я просил

Прочесть молитву: точно очарован
Я смолоду... да, видно, зачурован...

Вылузгин

«Мать пресвятая!..»

Царь Иоанн
(машет рукой)

Полно, Елизарей,
Молчи и дай сказать немому слово!

Вылузгин
(оторопев)

Я, осударь...

Царь Иоанн

Ну, ладно, помолчи!

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и дворецкий Лев Андреевич Салтыков.

Салтыков
(выглядывает из-за откинутой полы ставки и манит Вылузгина шепотом)

Что?.. Можно?..

Вылузгин отмахивается.

Царь Иоанн
(заметив, оборачивается)

Кто там?..

Салтыков
(входит и кланяется в пояс)

Осударь, поволишь:
Сокольничий Иван Бобрищев-Пушкин
Пришел с докладом.

Царь Иоанн

Что́ ему? Зови!

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Иван Бобрищев-Пушкин.

Царь Иоанн

(говорит, не поворачивая головы)

Нашел гнездо?

Бобрищев-Пушкин

Нашел, царь-осударь,
Да как прикажешь?.. Сокол больно в мытех...

Царь Иоанн

Ну, переждать, а князю Токмакову
Велеть сказать, что выслал бы с надежным
И с спешным к нашей милости гонцом.

Бобрищев-Пушкин

(почесывает затылок)

Ивашко Пушкин, ловчий, похвалялся,
Что царское величество твое
Потешит зверем...

Царь Иоанн

(оборачивается)

Тура подсмотрели?

Бобрищев-Пушкин

Ел, осударь, в стогу полесном сено,
Тут недалечко, у само́й Мededни,
На за́дворках, у сельского дьячка...

Царь Иоанн

Ступай!.. Скажу потом... А казначею
Вели: дьячку дать полтрета́ рубля
За до́смотр...

Пушкин уходит.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же, кроме Пушкина.

Царь Иоанн

Наказать бы, Елизарей,
Чтоб в ставку, кроме Вяземского-князя
Да нашего Григорьича Малюты,
Живой души впускать не смели.

Вылузгин хочет уйти.

Стой же!
Ложися спать: понадобишься — кликну.

Вылузгин уходит. Пола опускается.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же, кроме Вылузгина.

Царь Иоанн

Ну, вот одни... Ну, вот один я с вами,
Любезные сыны, порфирородный
И восприемный!
Уж кого я больше
Люблю — не знаю.

Борис Годунов
(прижимает руки к сердцу)

Смилуйся, владыко!

Царевич
(бросается к отцу и целует ему руку)

Владыко-отче! Не клади опалы
На своего несмысленного сына,
А первый раз я, отче, домекнулся
Теперь, что ты — отец и государь!

Царь Иоанн
(обнимает его и говорит Годунову)

И ты ко мне!

Годунов падает на колена.

Царь Иоанн

(поднимает его)

Ко мне, ко мне, голубчик!

(Целует его в лоб.)

Борис, попомни!.. Коль Иван Васильич
Не снял доселе буйной головы
С широких плеч Малютинова зятя,
А целовал ту голову, так — значит —
Той голове не царским поцелуем,
А божиим нарядом красоваться...
Ну, дети, вы послушайте теперь...

(Помолчав)

Тогда — еще был жив покойный Дмитрий,
А ты еще и не родился, Ваня,
Как болен был я — при смерти... Так крепко
Сломил меня недуг, что я не чаял
В живых остаться и молился только,
Чтоб вас, сирот, и русскую державу,
Свой дом от века избранный, святая
Заступница покровом осенила!..
Никем-кого у моего одра:
Лежу один — недвижим и безгласен...
Последний вздох мне сердце поднимает...
А за дверьми моей опочивальни
Все слуги и все близкие мои
Заранее уж ризы наши делят,
И мечут жребий об одежде нашей,
И брата Володимера соборне
Зовут на царство, а младенца Митю
Известь хотят, как извели голубку
Мою Настасью, мать твою родную!..
Взглянул я скорбно на господний образ,
На Спаса лик нерукотворный: силюсь
Крест сотворить десною, — нету силы
Поднять десной.. И горько я заплакал!

Царевич утирает слезу.

И внял господь мольбе моей безгласной
О сиротстве невинного младенца —

Не допустил, чтоб лиходейный нож
Из тела душу ангельскую вынул!
В груди моей внезапу смерти льдину
Пробила слез горячая струя,
И снова кровь по жилам побежала,
И отошли замерзнувшие мышцы...
Я встал с одра — на радость и веселье
Моим друзьям, моим слугам любезным,
Князьям-боярам... было же им любо!..

Борис Годунов

А кто тут были, государь?

Царь Иоанн

Да все:
Курлетевы и Шуйские, Алешка
Адашев со милым своим дружком,
Попом Сильвестром... Как припомню только,
Что сотворили эти доброхоты
С державой нашей — сердце содрогнется.
А кажется, кому бы и радеть,
Коли не им, изменникам?

Царевич Иоанн

Я слышал,
Что жаловал Адашева ты много,
Не по заслугам.

Царь Иоанн

По каким заслугам!
Не ведаю, каким уж обычáем
Он из батожников во двор наш царский,
Когда мы были молоды, явился,
Я взял его от гноища, поставил
С вельможами моими наряду...
Каких честей, каких богатств не принял
Он от меня, да не один он только —
Весь род его! Какое же смиренье
Я от него, лихой собаки, видел!
Сочли меня с Сильвестром недоумком
И стали власть снимать с меня бесстыдно
Не только в думе нашей царской — в доме,

Кормили, одевали, обували
И клали спать, когда и как хотели...
Ну, наконец меня взяла тоска!

Борис Годунов

Царь-государь, твое долготерпенье
Нам ведомо...

Царь Иоанн

Тогда я не стерпел!
Хоть мы порфиру золотую носим,
Но также тленны, также человеки
И немощью людской облечены...
Сыскал вины изменника Алешки
И всех его советников лукавых
И милостивый гнев свой учинил:
Не положил на них я смертной казни,
А разослал по дальним городам.
Потом нашлись другие доброхоты:
Вон Курбский-князь сбежал, как вор, в Литву
Да лается оттуда на меня,
Что я бояр всеродно погубляю!
Лих лжет он, вероломец и предатель:
Кладу опалу на рабов ослушных,
А казнь везде изменникам бывает...
Да и казненных милую по смерти:
В монастыри, по грешным их душам,
Я сколько поминаний рассылаю;
Своей рукой синодики пишу
И вкладами в дом божий не скуплюся
За них, моих злодеев и врагов...
Пускай нас бог на свете том рассудит.

Пола ставки приподнимается; входит князь Вяземский в кольчуге и снимает шлем.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же и князь Вяземский.

Иоанн

Где побывал, голубчик?

Князь Вяземский

Под Печорским.

Иоанн

Не вздумал ли за грубость ты обидеть
Николу-старца?

Князь Вяземский

Нету, осударь,
А по пути настиг купца с товаром,
Да не своим, захваченным. Так, кстати,
Уж и его с собою захватил...

Иоанн

Ну, разыскать... товар отдать хозяям!
А вора, до расправы с ним, в колодки.

Князь Вяземский

Он говорит, что вез к тебе с поклоном...
Товар хорош, и вор-то мне знакомый...

Иоанн

Да что ты мне загадки задаешь?
Какой там вор?

Князь Вяземский

Боярин изо Пскова,
Матута.

Иоанн

Что ж ему за треба?

Князь Вяземский

Треба
Такая, что... И как сказать — не знаю.
Шли в монастырь псковские богомолки...
Одна-то больно пригожа́: так он
Наехал с дворней и умчал голубку.

Иоанн

(нахмуривает брови)

А кто она?

Князь Вяземский

(помолчав)

Дочь князя Токмакова.

Иоанн

(вскакивает с места)

Холоп!.. И ты дерзнул с такою речью
Предстать пред око своего владыки?
Малюту мне!

Князь Вяземский

(падает на колени)

Помилуй, осударь!

Иоанн

(грозно)

Долой с очей!

(Годунову)

Борис, ввести скорее
Сюда, ко мне, Матуту!.. Где мой посох?

Вяземский и Годунов быстро уходят. Иоанн берет в углу ставки посох.

ЯВЛЕНИЕ 7

Иоанн и царевич.

Царевич

(тихим голосом)

Владыко отче!

Иоанн

(в сильном волнении)

Не проси, Иван!
На псов жалеть не подобает палки...
Разбойники!.. Я снял вину со Пскова,
Молился у угодников печорских,
Не наказал монаха грубой речи,
А эти воры смели увезти
Дочь моего наместника и князя!

ЯВЛЕНИЕ 8

Малюта, Годунов, князь Вяземский, Матута и несколько опричников.

Матута

(при входе в ставку падает на колени и бьет челом оземь)

Помилуй!

Иоанн

Я помилую тебя!

(Малюте)

Григорьич! Тотчас молодцов в железа
И в Псков вести у стремени, а дочь
Князь Юрия сажайте прямо на воз
И отвезите бережно к отцу:
Обидчиков, за то бесчестье, князю
Я соизволил выдать головою,
Со всеми их поместьями и скарбом.
А прежде их...

(Поднимает посох.)

Матута

(складывает руки)

Царь, осударь великий!
Казни своей рукою недостойных,
Но повели сказать под пыткой слово.

Иоанн

(опускает посох и опирается на него)

Солги еще!

Матута

Ни, осударь, ни йоты.
Дочь Токмакова в монастырь ходила —
Не пресвятой заступнице молиться,
А видеться с посадничиим сыном
Михайлой Тучей: это он из Пскова,
Перед твоим приездом государским,
Увел с собою вольницу псковску́ю.
Он да еще Четвертка, тоже сын
Посадничий, — ослушники твои,

Смутители... Так дочь-то Токмакова
Мы увезли, чтоб ты велел о воре,
Михайле Туче, опросить ее.

Малюта

Так, государь! Я посылал уж сыскных.
Разведали, что вольница псковска́я
Взаправду бродит по лесам печорским.

Иоанн

Ин ладно... Уводи с собою этих,
А ту ко мне... Да одного оставьте
Меня на малый час.

Малюта, Вяземский, Матута, опричники уходят.

ЯВЛЕНИЕ 9

Иоанн, царевич и Борис Годунов.

Иоанн

Я говорил,
Что торопливо порешил со Псковом, —
И вышло так...
Никак ее ведут?
(Царевичу)
Ступай в шатер к Борису...
Я узна́ю
Всю подноготную...

Царевич и Годунов уходят.

ЯВЛЕНИЕ 10

Иоанн, Ольга откидывает полу ставки и останавливается.

Иоанн
(идет ей навстречу)

Здорово, Ольга
Ивановна... бишь Юрьевна! Здорово!

Ольга заламывает руки, кланяется Иоанну в ноги и рыдает.

Иоанн

(приподнимает ее)

Привстань, привстань! Поди-ка вот сюда,
Присядь да отдохни.

(Ведет ее и сажает на место.)

Не ждал, не чаял
Тебя увидеть об ночную пору,
Да где еще? — В моей походной ставке.
Как довезли тебя?

Ольга рыдает и не может сказать ни слова.

Не плачь, касатка!
Я не медведь, не людоед косматый,
А твой хозяин, гостья дорогая,
Да правду молвить, кстати и должник!
Ты чарку мне с поклоном подносила —
Я принимал; теперь черед за мною:
Мне подносить, а принимать тебе.

(Наливает из стопы чарку и подносит с поклоном Ольге.)

Пригубь из нашей чарки, не гнушайся...
Отведай: мед и у меня недурен...

Ольга встает, прихлебывает и со слезами целует у Иоанна руку.

(Ставит чарку на стол и опять усаживает Ольгу.)

Ну вот, теперь немножко отдохнула...
Рассказывай, как увезли тебя?

Ольга

(складывает руки)

Царь-государь, спаси меня, помилуй!
Я сирота...

Иоанн

А кто же князь-то Юрий
Иванович?

Ольга

Он мне отец приемный.
Я ни отца ни матери не знала...
Не откажи в помоге беспомóщной!
Оборони от недруга лихого!..

Иоанн

А кто твой недруг?

Ольга

Самый он, Матута.
Ему меня просватали сначала,
Да я потом упала в ноги князю
И упросила, слезно умолила —
Не загубить моей девичьей воли
За старым, ненавистным и постылым...
За то и злится... Нынче наскакал
С холопьями у монастырской рощи...
Схватили, завязали рот платком
И на седло втащили... Девку Настю
С ног сбили плетью... Тут уж я не помню.

Иоанн

Зачем же ты ходила в монастырь?

Ольга

У князя отпросилась помолиться.

Иоанн

Об суженом.

Ольга

Не скрою, государь,
Есть суженый.

Иоанн

Когда же будет свадьба?

Ольга

Как бог велит.

Иоанн

А за кого выходишь?

Ольга

За сына за посадничьего.

Иоанн

Тучу?

Ольга

(удивленная)

Так, государь.

Иоанн

Ведь свадьбе не бывать!..
За то, что ты всего мне не сказала,
Я увезу тебя в Москву с собою...
Скажи: кого у рощи дожидалась?

Ольга

(падает на колени)

Прости: его...

Иоанн

И не проси прощенья!
Пошлю сказать князь Юрью, что в Москву
Везу тебя, а воли моей царской
Ослушника, посадничьего сына,
Велю поймать и привезти в железах...
Где он теперь?

Ольга

Помилуй, государь!

Иоанн

Где он теперь?

Ольга

Не ведаю, не знаю.

Иоанн

(грозно)

Где он теперь?

Ольга

(плачет)

Хотел быть в келью старца
Николы.

Иоанн

Встань и поцелуй меня.

(Целует ее в лоб.)

Я пошутил: в Москву тебя возьму,
Отдам тебя за молодца любого,
Кого сама захочешь... А Михайлы
Казнить не стану — засажу в темницу...
И денег дам тебе на калачи —
Корми его по праздникам...

Ольга

Вели
Меня казнить за то, что головою
Я выдала милóго.

Иоанн

(смеется)

Ни-ни-ни!
Зачем казнить красавиц? Замуж выдам.

Ольга

(складывает руки)

Ох, государь! не тешься надо мною:
Пусти во Псков молиться за тебя —
Я в монастырь пойду.

Иоанн

Небось в Печорский?
Как не пойти!..

(Смеется и опирается рукой о стол.)

Ольга

Великий государь!
Перед тобою мне, как перед богом,
И помысла не можно утаить.
Дозволь сказать всю правду.

Иоанн

Только правду!

Ольга

Девичьи слезы и девичье горе
Тебе смешки и шутки, государь...
Да над молитвой ты шутить не станешь...
Так ведай же: ребенком несмышленым
Я за тебя молиться научилась;

За мамкою, перед иконой Спаса,
Я лепетала: «Господи, помилуй
Отца и государя моего!»

Иоанн видимо взволнован; Ольга складывает руки.

Ты властен посмеяться надо мною
И не поверить истинному слову...
А я тебя тогда еще почасту
Во сне видала.

Иоанн

Жаль — не наяву!
Похож был, чай, я на царя Ивана
Васильича?

Ольга

Да, государь, похож!..
Одно, что был моложе, веселее
И...

Иоанн

Что? Красивей?..

Ольга

Вымолвить не смею.

Иоанн

Не бойся, Ольга Юрьевна!..

(Качает головой.)

Не знал я,
Что ты у нас забавница такая...

Молчание. Ольга стоит, печально опустив голову.

Иоанн

(пристально глядит на Ольгу)

Скажи-ка ты мне лучше без утайки —
Кем чаще: букой иль царем Иваном
Тебя пугали в детстве?..

Ольга молчит.

А когда
Ты подросла, чай, наслыхалась притчей

О некоем злодее, кровопийце,
Гонителе бояр и слуг усердных,
Мучителе, казнителе...

Ольга

Дозволь...

Иоанн

(не слушая ее)

Об изверге!.. От слова и до слова
Готов я всю их песенку пропеть:
«Он, мол, какой: чем только кто правее,
Тем на суде его и виноватей;
Кто житием, воистину молчальным
И монастырским, господу угоден,
Тот у него — ханжа и лицемер;
Кто лестию гнушается — завистник,
А кто стоит за правду на присяге
И целованью крёстному — отмётник,
Злокозненный изменник и предатель!..
И вот, мол, он мужей, толико доблих,
Преславных царства русского синглитов,
Всеродно истребляет, аки зверь,
О нем же нам гласит Апокалипсис...
Ни возраста, ни пола не жалеет:
Грудных младенцев, старцев беспомóщных,
Невинных дев терзает лютой мукой
И тешится их кровью, со своею
Кромешной тьмой, что сатана с бесами...»
Что? Так ли, Ольга Юрьевна, аль нет?
Аль, может, и послаще напевали?
Ты не таи: ведь сказано — не бойся.

Ольга

Мне нечего бояться; не причастна
Моя душа ни лести, ни обману,
И видит бог, что я сказала правду.
Да и скажу: я в бéреже, в охране
У батюшки названого жила;
Пустых речей ко мне, в девичий терем,
Не заносил никто и никогда;
А если от подружек и от мамок

И доводилось слышать что такое,
Так понимать мне было не по летам
Про царский гнев и царскую опалу...
А после...

Иоанн

Видно: после домекнулась?

Ольга

(смело взглядывает на Иоанна)

Да, домекнулась!.. Как не домекнуться,
Когда везде стон стоном по Руси?..
Ох! не о том тебе бы допроситься,
А о моих молитвах многогрешных,
Что слышала ли, нет ли полуночь...
Узнал бы ты...

За ставкой слышен шум и оклик сторожевого.

Сторожевой

Что за люди такие?
Что за народ?

Голос Четвертки

Народ всё божий: мы.

К ставке приближаются быстрые шаги толпы; раздается звук рога; выстрелы и шум схватки.

Вперед, ребята, к ставке!

Иоанн

(откидывает полу)

Что такое?

Голос Четвертки

Вот это — ставка Вяземского-вора:
Сюда! Правей, правее забирайте!

Из шатров выбегают толпы стрельцов; слышны выстрелы пищалей и звук оружия.

ЯВЛЕНИЕ 11

Царевич, Годунов и Малюта вбегают в ставку.

Малюта

(запыхавшись)

Царь, вольница псковская!

Ольга вскрикивает.

Иоанн

(сдергивает со столпника меч)

Всех их лоском!

Царевич

(заступает Иоанну дорогу)

Владыко отче! не труди напрасно
Своей десницы.

Иоанн

(в бешенстве)

Слышишь? Всех, Малюта!
А вожака треклятых взять живьем!

ЯВЛЕНИЕ 12

Те же, кроме Малюты.
Крики, выстрелы и схватка сильнее.

Голос Михайлы Тучи

Князь Вяземский! Где Ольга Токмакова?
Отдайте Ольгу Токмакову, Ольга!
Ты здесь ли, Ольга?

Ольга

Здесь!

(Хочет броситься вон из ставки. Годунов сильно ее отталкивает.)

Ольга

(шатается и падает на одно колено)

Христе-Исусе!

За сценой беглый огонь и сеча.

Голос Тучи

(ближе)

Прости! С тобой нам больше не видаться!

Голос Малюты

Бери живьем!

Несколько голосов

Не дался! Соскочил
В Меде́дню. По́плыл... Вот он... Эй, вы, разом!

Залп.
Ольга вскакивает.

Голоса

Стреляй!..
Попали!..

Выстрелы утихают; входит Малюта.

ЯВЛЕНИЕ 13

Те же и Малюта с окровавленным бердышем.
За ним опричники.

Малюта

Всех угомонили!

Иоанн

(беспокойно)

А Туча?

Малюта

(Машет рукой)

Ко́ дну!

Ольга

(хватает со стола нож)

Господи! прости мне...
(Падает в крови на пол.)

Иоанн

Безумная!..
Бомелия сюда!

(Подбегает к Ольге и относит ее с царевичем и Годуновым на «место».)

Безумная!.. Ты слышишь ли?.. Ты слышишь?..
Ведь я тебе...

(Наклоняется к Ольге и осыпает ее поцелуями.)

ЯВЛЕНИЕ 14

Те же и Бомелий, поспешно подходит к Ольге.

Иоанн
(задыхается)

Спаси ее, Бомелий!

Бомелий берет Ольгу за руку и прикладывает ухо к ее сердцу.

Иоанн
(ломает себе руки)

Спаси мою голубку!..

Бомелий
(качает головой)

Государь!
Господь единый воскрешает мертвых...

Примечания

Царь Иван Васильевич Грозный был два раза во Пскове — один раз в 1546 году, другой раз в 1570 году. Первый раз был он во Пскове как-то загадочно, глухо; второй его приезд еще загадочнее.

На этих двух загадочных посещениях и основан вымысел моей драмы. Вот летописное свидетельство о первом приезде царя Иоанна:

«В лето 1546, князь великий Иван Васильевич, да брат его князь Георгий, быша в Новегороде и во Пскове месяца декабря 28-й день в неделю; одну ночь ночевали и на другую ночь на Вороночи были, а 3-ю ночь были у Пречистой в Печорах; паки во Пскове в среду; и быв не много поеде к Москве, с собою взем князя Володимера Андреевича, а князь Юрий, брат его, оста, и той быв немного, к пойде и той к Москве, а не управить своей отчины ничего. А князь великий все гонял на мсках; а христианом много протор и волокиде учинили». *Пск. летопись.*

Какой же был тогда великий московский князь, и какие были отношения Москвы ко Пскову?

Летопись отвечает и на последний вопрос и на первый.

На последний отвечает она так:

«В лето 7018/1510 князь великий Василий Иванович ходил ратью ко Пскову. Генваря в 24 день, на Оксеньин день, и город Псков взял, и колокол свез к Москве, и посадников, и Пскович торговых людей вывел к Москве, а Москвич гостий прислал во Псков».

На первый вопрос Новгородская 1-я летопись отвечает сначала кратко:

«Того же лета 7038/1530 родись великому князю сын Иван Васильевич, августа в 25 день,[1] а крестили его у Троицы в Сергиеве монастыре, а держали его игумен Данил Всесвяцкий из Переславля, да Косьян Босой из Осифровы пустыни...» *Новгор. 1-я летопись.*

А потом летопись распространяется и даже начинается заголовком:

ПОСТАВЛЕНИЕ ЦАРЯ ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА

Привожу это летописное *поставление* от слова до слова:

«Того же лета 7056/1548[2] венчан бысть на царство Московское государь царь и великий князь Иоанн Васильевич, всея Росии самодержец, генваря в 16-й день и помазаша святым миром, и венчан бысть святыми бармами и венцем Мономаховым, по древнему закону царскому, яко же Римстии и Гречистии царии православнии поставляхуся; и наречеся царь и великий князь всея великия Росии самодержец великий показася, и страх его обдержаше всея языческие страны, и бысть вельми премудр, и храбросерд, и крепкорук, и силен телом и легок ногами, аки пардус подобен деду своему великому князю Иоанну Васильевичу: прежде бо его никто же от прадед его царем словяше в Росии, не *смеяше* от них никийждо поставитися царем; и зватися тем *новым* именем, блюдущася зависти и восстания на них *поганых* царей и неверных...» *Новгор. 3-я летопись.*

Двумя-тремя чертами обведен в этом летописном очерке грозный образ царя Ивана IV, зато как верно и как смело.

Весьма премудрый, и силен телом и легок ногами, аки пардус, «гоняет» юный царь *«на мсках и ишаках»* по лесным островам великого Пскова...

«А христианом много протор и волокиде учинили...»

Другими словами: вволю натешился тогда царь над псковскими дубровами и псковскими теремами...

Второй приезд царя Ивана Грозного был лет 15 спустя, а именно в 1570 году.

Летописи говорят об этом приезде подробно, но я предполагаю, что лучше сделать из них извлечение.

---

[1] Ошибка: Иоанн родился 29 августа 1530 года; умер 18 марта 1584 г.

[2] Неверно: Иоанн венчан несомненно в 7055/1547 году.

«Того же лета 7051/1553 ноября, в 20-й день, поставлен бысть Новуграду и Пскову Пимин, клирик честныя обители Кирилова монастыря с Белаозера. . .»

В 1570 году прогневался царь и государь Иван Васильевич на владыку Пимена. Неизвестно — за что. Встречаются в летописи темные указания на то, что держал владыка *перевет* с Литвою, то есть хотел присоединить Новгород к великокняжеству Литовскому; но положительных доказательств этому нет. Так или не так, только пошел Иван Васильевич на Новгород изгонною ратью и разгромил его по всем концам.

В мою драму вошел весь летописный рассказ об этом плачевном событии, и повторять его незачем. [1]

С Новгорода Иван Васильевич свернул ко Пскову. . . но псковичи его уже ждали и встретили хлебом-солью и повинными головами, а впереди всех — его же царский наместник князь Юрий Иванович Токмаков. Умилился государь и пожаловал Псков своею царскою милостью: не казнил Псков, во гневе своем, нещадно, а указал опричникам: «Притупите мечи о камень: да перестанут убийства!»

С первого взгляда это неожиданное помилование покажется действительно загадочным, и Карамзин не мог объяснить его обстоятельно, а вдался в какие-то психологические отвлеченности, даже в мистицизм.

По его словам, царь Иван Васильевич посетил в Печорском монастыре юродивого схимника Николу Салоса и убоялся его откровенной речи.

Дело было постом. Никола подал царю кусок кровавого мяса. «Не ем я в пост мясного», — возразил ему Иоанн. «Ты делаешь хуже, царь! — отвечал, по Карамзину, инок. — Ты пьешь кровь християнскую!»

И не рассердился государь и Псков помиловал. . .

Стал он станом невдалеке от Пскова, на реке Меде дне, и пробужден был в первую же ночь благовестом псковских церквей.

«Сердце его умилилось чудесным образом, — говорит опять же Карамзин, — и. . .»

И Псков простоял дольше Новгорода. . .

Но так ли это? Потому ли это?

Вряд ли.

Царь Иоанн IV прежде всего был политиком. Разгромляя Новгород, он хладнокровно рассчитывал, как и кем населит он его сожженные концы и урочища, кто и как приурочит этот вольный город к Московскому великокняжеству. . . Да еще и не так, не к великокняжеству московскому, — к царству. . . И населили, по царскому его государеву слову, великий Новгород — ярославцы, калужане, рязанцы, москвичи; а новгородские семьи переселены в Вологду, в Вятку, в Пермь, в Архангельск, под Сибирский Камень и к Белому морю. . . Все, что было в Новегороде живого и стародавнего, все или вырвано с корнем вон, или выселено и замещено другими стихиями.

[1] В 3-й Новгородской летописи это событие озаглавлено так: «О приходе царя и великого князя Иоанна Васильевича всей Русии самодержца, как казнил великий Новгород, еже оприщина и разгром именуется».

Словом, покончил царь Иван Васильевич с Новым-городом, да уж кстати хотел и со Псковом покончить, и вдруг... передумал.

Отчего же?

Неужели для Иоанна, не устрашившегося ни святыни собора, ни митры московского святителя, были так важны слова печорского отшельника? Неужели поверил он чистосердечно коленопреклоненным воздеяниям рук псковичей и возгласам их, и молениям, и повинной их голове, и хлебу-соли наместника своего?

Положительно можно отвечать: *нет!*

До тех пор он крепко не жаловал Псков; в летописи псковской то и дело читаешь, что князь великий опалився на псковичь, а псковичи ему челом бьют, «чтоб князь великий печаловался своею отчиною, мужей псковичь добровольных людей». Но редко удавалось псковским послам сразу умилостивить разгневанного государя. Он приказывал сажать их в поруб, жечь им бороды, по месяцам не отпускал в Псков, и только псковское серебро, которым псковичи начали торговать с 1420 года, задерживало *возметную* грамоту. Наместникам своим во Пскове государь не раз напоминал, «что они делают не гораздо, гораздо государева указа и росписи не слушают и государевым делом не промышляют». О первом его приезде во Псков мы уже говорили; но тогда с ним не было ни опричников, ни войска, и от приезда его пострадали немногие, большею частью богатые псковичи. Второй его приход был вполне грозен и вещал недоброе Пскову. С государем была вся опричина и отборное войско, до 25 тысяч человек.

Взглянем на тогдашнюю

РОСПИСЬ ВОЕВОДАМ

В большом полку: Кн. Великий Семион Бекбулатович Тверской, да бояр. князь Ив. Ф. Мстиславский, да кн. Данило Андр. Ногтев, да кн. В. Кривоборской.

В правой руке: Кн. Петр Тутаевич Шейдяков, да бояр. кн. Ив. Петр. Шуйский, да окольничей Вас. Шереметев.

В передовом полку, бояре: кн. Ф. И. Мстиславский, да кн. Сем. Дан. Пронской, да окольничей кн. Дмитр. Иван. Хворостинин.

В сторожевом полку, бояре: кн. В. Ив. Мстиславский, да кн. Вас. Юрьев. Голицын, да воевода кн. Мих. Юрьев. Лыков.

В левой руке: бояр. кн. Ив. Юр. Голицын, да окольничей Борис Вас. Шеин, да воевода князь Андрей Дмитриевич Палецкой.

А бояр и приказных людей из земского с государем: бояр. Ник. Романов. Юрьев, дворецкий, кн. Фед. Ив. Мих. сын Пушкин, казначей Петр Головин.

Из двора бояре: кн. Фед. Михайлович Трубецкой, кн. Вас. Фед. Скопин-Шуйский, Дмитрий Иванович Годунов.

Кравчей Борис Федорович Годунов, оружничей Богдан Яковлевич Бельской.

Дворяне, которые в думе:

Аф. Фед. Нагой, Вас. Григ. Зюзин, Дементей Ив. Черемисинов, Баим Вас. Воейков, Роман Мих. Пивов.

Дьяки: Андрей Шерефидинов, Иван Стрешнев, Андр. Арцыбашев, Сава Фролов, Елизарей Вылузгин, Петр Тиунов.

А которым людям с государем быти: князей служилых и Черкасских князей, и Оболенских князей, Суздальских кн., Ярославских кн., Стародубск. кн., Мосальских и дворян выборных 212 человек.

Рынды: у большого саадака кн. Ив. Шуйский, *у большого копья* Ф. Мих. Романов.

У другого саадака Ал. Мих. Романов.

У рогатины кн. Борис Петрович Татев.

У третьего саадака кн. Андр., княж. Вас. сын Сицкой.

У сулицы кн. Фед. Андр., сын Татев.

Поддатни рындов — жильцы.

Дворецкий, Лев Андреевич Салтыков.

Протопоп Евстафий.

И всего всяких людей 27 969 человек.

Зачем же, при ясном желании сокрушить Псков, пощадил царь Иван свою отчину?

Уж, во-первых, потому, что досталась она ему от крестоприимной Ольги.

Потому, во-вторых, что со Псковом, прежде его, управился его родитель, великий князь Василий Иоаннович, по летописи тако:[1] «По сем нача князь В. деревни давати бояром своим сведеных бояр Псковских и посади наместники во Пскове: Григория Федоровича Морозова, да Ивана Андреевича Челагина, а диака Мисюря Мунехина, а другим диаком ямским Андрея Волосатого и 12 городничих и старост Московских 12, и Псковских 12, и деревни им даша».

Потому еще пощадил царь Иван Псков Великий, что, добиваясь своей отчины, Лифляндов, или, попросту сказать — Балтийского моря, царь при всей опале на своеволие и неурядицу, очень хорошо помнил, что Новгород и Псков были ганзейскими городами и что в них всеми Балтийскими заливами входила европейская жизнь на шведских и норвежских шкунах, на голландских и английских судах, и наоборот — новгородские и псковские лодии передавали Европе могучими веслами могучую русскую жизнь.

И, наконец, потому, что бил ему осударь великий Псков челом и просил его, великого осударя, печаловаться о его осударевой отчине...

Ну, как было устоять царю Ивану против этих, так называемых, *политических* доводов?

На этом-то, признаться, утлом историческом *челноке* и основал я свою драму... Не знаю — впопад ли.

Впрочем, так как, по закону, собственное признание паче всего, привожу:

ВЫПИСКИ ИЗ СКАЗАНИЯ КНЯЗЯ КУРБСКОГО

Содержание 1-го письма Иоанна к Курб. Смот. часть 2-ю, стран. 11.

«И аще праведен еси и благочестив, почто не изволил еси от меня, строптивого владыки, страдати и венец жизни наследити?

---

[1] В 1510 году.

Понеже, божиим изволением, деду нашему, великому государю, бог их поручил в работу, и они, дав свои души, и до смерти своей служили, и вам, своим детем, приказали служити деда нашего детем и внучатам. И ты то все забыл, собацким изменным обычаем преступил крестное целование, ко врагом христианским соединился еси, и к тому, своея злобы не рассмотряя, сицевыми и скудоумными глаголы, яко на небо камением меща, нелепая глаголеши и раба своего во благочествии не стыдишася и подобная тому сотворити своему владыце отвергляся еси.

Аще есть малое согрешение, но сие от вашего ж соблазна и измены; паче же и человек есмь: несть бо человека без греха, токмо един бог; а не яко же ты, яко мнишися быти выше человека, со ангелы равен. А о безбожных человецех что и глаголати! Понеже тии все царствии своими не владеют: како им повелят работные их, тако и владеют, а Российское самодержество изначала сами владеют всеми царствы, а не бояре и вельможи. И того в своей злобе не могл еси рассудити, нарицая благочестие, еже под властию нарицаемого попа и вашего злочестия повеления самодержеству быть! А се по твоему разуму нечестие, еже от бога данной нам власти самим владети и не восхотехом под властию быти попа с вашего злодеяния! Се ли разумеваемая *сопротив* яко вашему злобесному умышлению тогда, божьею милостью и пресвятыя богородицы заступлением, всех святых молитвами и родителей своих благословением, погубити себе не дали есми? А какова зла я от вас тогда пострадах! Се убо пространнейши напреди слова известит.

Как же и сего не могл еси разумети, яко подобает властелем не зверски яритися, ниже бессловесно смирятися? Яко же рече апостол: *овех убо милуйте рассуждающе, овех же страхом спасайте, от огня восхищающе;* видишь ли, яко апостол повелевает страхом спасати? Тако же и во благочестивых царей временех, много обрящется злейшее мучение. Како же убо, по твоему безумному разуму, единако быти царю, а не по настоящему времени? То убо разбойницы и татие мукам неповинни, паче же и злейшая сих лукавые умышления, то убо вся царствия не в строении и междоусобными браньми вся растлятся? И тако ли убо пастырю подобает, еже не рассмотряти о нестроении от подвластных своих?

Како же не стыдишися злодеев мученики нарицати, не рассуждая, за что кто пostраждет? Апостолу вопиющу: *аще кто незаконно мучен будет, сиречь не за веру, не венчается*; божественному убо Златоусту и великому Афанасию в своем исповедании глаголющим: *мучими убо суть татие, и разбойницы, и злодеи, и прелюбодеи: таковы ли убо блажении? Понеже грех ради своих мучими бысть, а не бога ради*; божественному же апостолу Петру глаголющу: *лучше убо благотворяще пострадати, неже зло творящим мучения.* Вы же злобесным своим обычаем, подобещеся ехиднину отрыганию, яд изливающи, ничто же повиновения, человек, и законопреступления, и времен рассуждающи, свою злолукавую измену, бесовским умышлением, лестью языка покрыти хотяще! Се ли убо сопротивно разуму,

еже по настоящему времени жити? Воспомяни же и во царех великого Константина: како, царствия ради, сына своего, рожденного от себе, убил есть! Князь Федор Ростиславич, прародитель ваш, в Смоленске на Пасху колики крови пролиял есть! И во святых причитаются.

И повсегда убо царем подобает обозрительным быти: овогда кротчайшим, овогда же ярым; ко благим убо милость и кротость, к злым же ярость и мучение; аще ли же сего не имея, несть царь: царь бо несть боязнь делом благим, но злым: хощеши ли не боятися власти? благотвори; аще ли злое твориши, бойся: не бо туне меч носит, в месть злодеем, в похвалу же добродеем.

Почесому же и учитель еси души моей и телу моему? Кто убо постави судию или властеля над нами? Или ты даси ответ за душу мою в день страшного суда, апостолу Павлу глаголющу: *како убо веруют без проповедующего, како же и проповедуют, а не послани будут*? И се убо бысть в пришествие Христово; ты же от кого послан еси? и кто тя рукополагателя постави, яко учительский сан восхищающи, апостолу Иакову сие и т. д.

Нигде же бо обрящеши, иже не разоритися царству, еже от попов владому. Ты же убо по что ревнуеши? иже во Грецех Царствие погубивших и Турком повинувшихся? сию убо погибель и нам советуеши? И сия убо погибель на твою главу паче да будет! К сему же и сему подобен еси.

Или убо сие светло, попу и прегордым, лукавым рабом владети, царю же токмо председанием и царствия честию почтенну быти, властию же ни чим же лучше быти раба? А се ли тьма яко царю содержати повеленная? Како же и самодержец наречется, аще не сам строит? Яко же рече апостол Павел к Галатом пиша: *в несколько лет наследник есть младенец, ни чим же есть лучше раба; но под повелительми и приставники есть, до нарока отча.* Мы же, благодатию Христовой, дойдохом лет нарока отча, и под повелительми и приставники быти нам не пригоже. Induceдеши же убо, яко едино слово обращая семо и овамо, пишу? Понеже бо есть вина всем делом вашим злобесного умышления, понеже с попом положисте совет, дабы аз словом был государь, а вы б с попом владели; сего ради вся сия сключишася, понеже и доднесь не престаете, умышляюще советы злые. Воспомяни же, егда бог, изводяще Израиля из работы, егда убо постави священника владати людьми, или многих рядников? Но единого Моисея, яко царя постави владетеля над ними; священствовати же ему не повеле но Аарону, брату его, повеле священствовати, людского же строения ничего не творити; егда же Аарон сотвори людские строи, тогда и от бога люди отведе. Смотри же сею, яко не подобает священником царская творити. Тако же Дафан и Авирон. . .»

Убежден был царь Иван Васильевич, что противников его и супостатов поглотит сама земля... Да и как же не убедиться было в этом царю всея Руси, тому, про кого весь православный народ сложил песню:

Зачиналася каменна Москва —
Зачинался в ней и грозный царь,
Грозный царь Иван Васильевич:
Он Казань-город походом взял;
Мимоходом город Астрахань;
Полонил царство Сибирское;
Выводил измену из Новагорода,
Выводил измену из Пскова...

Как же было не верить ему в свою звезду? Он и комету 1584 года считал провозвестницей своей судьбы — и не ошибся; 18 марта 1584 г. скатилась звезда его с поднебесья...

Кажется, из приведенных мной летописных отрывков, из народных песен, из личной исповеди Иоанна на ухо князю Курбскому ясно видно, что за мощь, что за светлая мысль таилась, *под Мономаховой шапкой*, на челе царя Ивана!

Вот мой ответ на все грядущие возражения против моей «Псковитянки».

«Отцы и братия! Чтите, бога деля, но не кляните...»

1849—1859

171. ЛАГЕРЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА

Драматическое стихотворение

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Вахмистр } из карабинерного полка
Трубач } Терцкого.
Констабль.
Стрелки.
Два конные егеря Голька.
Драгуны Буттлера.
Пищальники из полка Тиффенбаха.
Кирасир Валлонского полка.
Кирасир Ломбардского полка.
Кроаты.
Уланы.
Рекрут.
Горожанин.
Крестьянин.
Парень, его сын.
Капуцин.
Учитель солдатской школы.
Маркитантка.
Служанка.
Солдатёнки.
Гобоисты.

Действие — перед городом Пильзеном, в Богемии.

ПРОЛОГ

Произнесен при возобновлении и открытии Веймарского театра, в октябре 1798 года.

Шутливой маски важная игра,
К которой мы и взор, и слух, и сердце
Так часто и охотно преклоняли,
Вновь в этом зале нас соединяет...
И вот — старинный зал помолодел:
Его во храм искусство превратило,
И слышится нам голос благозвучный
За благородной этой колоннадой, —
И вновь в душе — торжественные чувства.

А между тем не раз помост старинный
Был колыбелью юношеских сил
И поприщем возросшего таланта,
Мы те же всё, которые когда-то
Так ревностно пред вами развивались.
На этом месте пламенный художник
Переносил вас творчеством своим
В обитель лучезарную искусства.

О, если бы величье новой сцены
Достойнейших в среду нас привлекло
И столько лет лелеянной надежды
Исполнилась заветная мечта!
В душе высокой образец высокий
Соревнованье должен пробудить
И творчеству дать высшие законы.
Да будет же возникший вновь театр
Свидетелем созревшего таланта!
И где же можно испытать так силы,
Помолодить маститый облик славы,
Как не пред кругом зрителей избранным?
На первый же волшебный зов искусства
Они летучей мыслию и чувством
Уловят образ мимолетный духа.

Да! скоро и бесследно перед мыслью
Скользит искусство пламенное мима,
А образцы резца и песнь поэта
Тысячелетья могут пережить.
Да! обаянье гибнет вместе с мимом

И замирает отдаленным звуком,
И вековечной славы за собою —
Мгновенное созданье — не оставит.
Искусство мима строго, но потомство
Не для него сплетет венок лавровый,
Затем-то он скупится настоящим
И жадно каждым мигом дорожит,
Чтоб им зажечь, в сиянии и блеске,
Сердца людей достойнейших и лучших,
Себе поставить памятник при жизни
И слить бессмертье с именем своим:
Кто лучшим современникам приносит
Благую пользу — не умрет вовеки.

Теперь, когда для Талии настала
На этой сцене новая эпоха,
Становится смелее стихотворец:
Он покидает наторённый путь —
И вас, за тесный круг мещанской жизни,
Выводит на позорище иное,
Достойное великого момента
Нам современной и тревожной жизни, —
Великого: потрясть основы мира
Могли одни великие событья.
Как тесный круг теснит мысль человека,
Так эта ж мысль растет с высокой целью.
Так и теперь, на самом склоне века,
Когда вся жизнь — поэзия, когда
Кипит борьба меж ярыми бойцами,
И всё стремится к неуклонной цели,
И подняты великие вопросы
О власти самобытной и свободе, —
Так и теперь, под сению театра,
Искусство выше воспарить должно,
Не устыдясь житейской сцены всуе.

Мы видим — распадается во прах
Та старая, устойчивая форма,
Что, полтораста лет тому, Европе
Мир благодатный дал, — та форма,
Бесценный плод войны тридцатилетней.
Но вас опять фантазия поэта

В ту мрачную эпоху переносит —
И веселей глядеть на наше время,
И светит мне надежды луч в грядущем.

Война в разгаре. В самый пыл вас вводит
Певец. Шестнадцать лет опустошенья,
Разбоя и невзгоды пронеслися;
Мир всё еще бурливой массой бродит, —
И не блестит надежды луч вдали;
Всё царство обратилось в поле битвы;
Все города и села запустели;
Лег грудой щебня Магдебург; торговля,
Промышленность — о них нет и помину;
Везде и всё — солдат, а горожанин —
Ничто; и безнаказанная наглость
Над нравами бесстыдно поругалась;
И шайки, одичалые в войне,
Разбили стан в стране опустошенной.

На этом мрачном и кровавом поле
Выходит ярко горделивый образ —
С неукротимым нравом человек.
Вы знаете творца отважных шаек,
Кумира их, бича страны, опору
Для цесаря, страшилище его
И первого любимца — полководца.
Он, счастья баловень, достигнул быстро
Всех почестей, но всё стремился дальше —
И пал безумной жертвой честолюбья.
Дух партий, благосклонность и вражда
Как исторический характер нам не ясно
Представили его: теперь искусство
Должно его приблизить к вашим взорам —
И к сердцу. Находя всему пределы
И связь, искусство всё наружное опять
Приводит в первый прирожденный образ:
Оно следит за человеком в жизни
И многие вины его относит
К влиянию несчастливых созвездий.

Не он сегодня появиться должен
На сцене. Но средь шаек удалых,

Ему покорных, им одушевленных,
Предстанет перед вами тень его,
Покамест муза робкая решится
Облечь его в живую плоть и тело:
Затем что власть ему прельстила сердце,
А *лагерь* будет только обличитель
Его высокомерного проступка.

Простите же поэту, если он
Не поведет теперь вас прямо к цели,
А развернуть посмеет перед вами
Лишь ряд картин великого событья.
Пусть это представление успешно
Преклонит слух ваш к необычным звукам.
Со временем я скоро вас опять
На дикую, воинственную сцену,
На место действий нашего героя
Перенесу.

Но если бы сегодня
Богиня пения и пляски, муза,
По старому германскому закону,
Потребовала рифмы — ничего!
Благодаря ей, мрачный облик правды
В обители искусства озарен
И изменился, но подлог невинный
Исчезнет сам собою, а сиянье
Горит затем, что не гореть не может:
Жизнь сумрачна, но свет искусства ясен.

ЯВЛЕНИЕ 1

Маркитантская палатка и перед ней мелочная и ветошная лавочки. У входа теснятся солдаты разных мундиров и знамен; все столы заняты. Кроаты и уланы что-то варят на жаровне. Маркитантка наливает вино. Солдатёнки играют в кости на барабане; в палатке слышны песни.

Крестьянин и его сын.

Парень

Батька, смотри — не случилось бы худа:
Видишь — их сколько! Уйти бы отсюда.
К этим ходить неповадно и в гости:
Как бы они не помяли нам кости!

Крестьянин

Э, ничего! Не съедят. А солдату
Надо ж гульнуть на наемную плату.
Видишь ли, всё собрались новички —
Прямо с Заалы да с Майны полки:
Чай, понаграбили вдоволь, злодеи!
Только бы дело повесть поумнее,
Всё будет наше. Парнюга, смотри —
С этим народом хитри да хитри!
Ротный — зарезали бедного черти —
Пару костей подарил мне при смерти:
Ну уж и кости! — как хочешь их кинь,
Деньги бери со стола — и аминь!
Знаешь, прикинуться, парень, нам надо...
А уж какое солдатик наш чадо —
Дело известное: только польсти —
И как угодно его оплети.
Пусть нашу брагу он цедит ковшами,
Всю перечерпаем ложками сами;
Пусть он и рубит, и колет с плеча —
Хитрость крестьянину вместо меча.

В палатке песни и хохот.

Эк расшумелися! — видно, в охотку!
Если б попались — заткнул бы им глотку.
Тешатся с нашего всё же добра.
Не сбережешь ни кола, ни двора:
Как побывают любезные гости,
В целом селе не найдешь ни пера —
Хоть голодай, хоть гложи себе кости.
И при Саксонце — нельзя не сказать —
Было не лише, а эти-то псарни
Надо имперскими, вишь, величать...

Парень

Батька! вот двое идут из поварни:
Кажется, с этих уж нечего взять?

Крестьянин

Нечего! Это, голубчик, не немцы, —
Просто и напросто, видишь, — богемцы,
Карабинеры у Терцкого... Ой!

Вот так на славу пришли на постой!
Вот так уж сказано: дикие звери
Сели себе на тепле и квартере,
Да уж и рюмка-то станет колом,
Ежели выпить пришлось с мужиком, —
К черту их!.. Сказано: все однопольцы,
Стало быть, все — и стрелки, и тирольцы.
Верно, хоть руку себе отрубить,
Эдаких нам бы добыть да добыть:
Пташки веселые, ну, и болтливы, —
Благо им много добра и поживы.

Входят в палатку.

ЯВЛЕНИЕ 2

Прежние. Вахмистр, трубач, улан.

Трубач

Что тебе, сволочь? Проваливай, что ль!

Крестьянин

Воин честной, молвить слово дозволь.
Крошки не съел я вот целые сутки.

Трубач

Да, вам бы только что пичкать желудки.

Улан

(со стаканом)

Ну, коль не завтракал, вот тебе, пес!

(Ведет крестьянина в палатку).

Прочие выходят на авансцену.

Вахмистр

Слушай-ка, братец! такой тебе спрос:
Думаешь как ты, что даром *двойное*
Выдали нам на харчи и хмельное?

Трубач

Выдадут даром! Не даром, когда
Едет сама герцогиня сюда
Вместе с сиятельной дочкой...

Вахмистр

Едва ли!
Сказки-то эти мы сами слыхали:
Тут герцогиня твоя ни при чем.
Тут не ее, а вот пришлые войски
Надобно нам приголубить по-свойски —
Добрым глотком да хорошим куском,
Чтобы не только остались друзьями,
А побраталися накрепко с нами.

Трубач

Да... Знать — идти на другие квартиры...

Вахмистр

Всё генералы ведь, всё командиры...

Трубач

Да... Ну, опасного очень-то нет?

Вахмистр

Нету: послал бог любовь и совет.

Трубач

Что же слетелись-то? Али для смены?

Вахмистр

Шепчутся... Видно: в чесотке язык...

Трубач

Разве!

Вахмистр

А этот-то старый из Вены?
Видно по волосу, что за парик!
Коль на груди золотая цепочка —
Значит, недаром, голубчик!.. и точка.

Трубач

Правда! охотиться всё норовят,
Вот и послали такую ищейку,
Что хоть и герцога выследит, брат!

Вахмистр

Выследит, если узнает лазейку...
Нам-то нет веры; Фридландец-то им
Кажется только не чертом самим,
Вырос — так видишь ли: дай опрокинем!

Трубач

Как же! А мы его нешто покинем?
Нешто не все мы ему не рука?

Вахмистр

Полк наш и прочих четыре полка
Терцкий управит — он герцогу шурин,
Ну и полки — ни который не дурен;
Да и под каждым мундиром сердца
Бьются за герцога, что за отца:
Только бы выбрал да дал бы нам ходу —
Все за него и в огонь мы, и в воду!

ЯВЛЕНИЕ 3

Кроат с ожерельем, за ним стрелок. Прежние.

Стрелок

Где ожерелье подтибрил, кроат?
Вот так находка! Послушай-ка, брат,
Разве с тобой поменяться мне, что ли?
Хочешь, возьми за него терцероли...
Целую пару, голубчик, бери.

Кроат

Нет, брат, надуешь.

Стрелок

Хитри ты, хитри!
Мало? Так трону тебя я за струнку:
Вот, посмотри-ка колпак-то какой?
Синий, дворянский: достался в фортунку.

Кроат

(играет ожерельем на солнце)

Ну, да и мой-то товар не простой —
Купим, так будем с тобою богаты:

Это ведь жемчуг, а это гранаты,
И настоящие: видишь ли, как
Блещут на солнце?

Стрелок

(берет ожерелье)

Ты — просто дурак!
Вот тебе только уж так, для подарку,
Дам я, пожалуй, походную чарку:

(глядит на ожерелье)

Так только — будто игра не дурна...

Трубач

Правда, что дело мое — сторона,
А надувает, голубчик, кроата...
Чур — пополам, так, пожалуй, смолчу.

Кроат

(надел колпак)

Точно: колпак твой с дворянчика-хвата, —
Я потому и купить-то хочу.

Стрелок

(кивает трубачу)

Стало быть, мы поменялись с тобою —
Будьте свидетельми все, господа!

ЯВЛЕНИЕ 4

Прежние. Констабль.

Констабль

(подходит к вахмистру)

Как поживается карабинерам?
Долго ли эдаким, братцы, манером
Около печек-то руки нам греть?
Ведь неприятелю скучно сидеть!

Вахмистр

Скучно? Зудят у него, видно, ноги;
Только, голубчик, не сыщет дороги.

Констабль

Мне так наверное бы не сыскать!
А вот на месте пришлося узнать,
Что Регенсбург удалося им взять.

Трубач

Что же, что взяли! Назад мы отнимем.

Вахмистр

Да и с Баварцем умком пораскинем,
Как он на князя ни злись! Ничего!

Констабль

Будто бы? Знать — не слыхали всего.

ЯВЛЕНИЕ 5

Прежние. Двое егерей, потом маркитантка, солдатёнки, школьный учитель, служанка.

Первый егерь

Вот так компания! Вот удалая!

Трубач

Что за плащи?.. Знать — не сволочь какая?

Вахмистр

Гóльковцы: слово ты молвил не зря —
Все на подбор, как один, егеря.

Маркитантка

(входит и приносит вино)

Здравствуйте! С праздником!

Первый егерь

Вот так находка:
Из Близевица попалась красотка!

Маркитантка

Прямо оттуда... Здорово, мусьё,
Петер в две сажени, из Ицейо!
Как ты, припомни-ка, чуть не сорочку

Пропил в Глюкштадте в веселую ночку
С нашим полком?..

Первый егерь

Видно, знает сноровку —
Как на перо мы меняем винтовку?

Маркитантка

Ох! ведь мы исстари с ними знакомы.

Первый егерь

Вот и сошлися в Богемии мы.

Маркитантка

Точно, в Богемии нонче сошлися,
Только вот завтра-то где, шуринок,
Где бы сойтися? Война — что поток:
Мчит тебя вдаль, и как знаешь держися...

Первый егерь

Верю: понятно само по себе.

Маркитантка

Веришь? Так слушай — скажу я тебе:
От Тамесвара пришла я с обозом.
Там мы травили Мансфельдера... Да,
Так-то травили, что просто беда!
Ну, не поверила я и угрозам:
Вместе с Фридландцем я в Штральзунд пошла —
И обобрали голубку дотла!
В Мантуе вместе с резервом жила
И воротилася, с Ферией рядом,
Вместе с помóщным испанским отрядом.
Вот и пришла маркитанткой я в Гент,
А из него в эти страны: быть может,
Здесь получу за долги хоть процент,
Ежели добрый наш герцог поможет.
Вишь, маркитантскую ставку разбила...

Первый егерь

Так-то всё так! Что тужить о гроше!
Ты вот мне лучше скажи по душе —
Где твой шотландец?

Маркитантка

А ну его к черту!
Просто мошенник был первого сорту.

Солдатёнок

(вбегает вприпрыжку)

Мама! да ты про кого так? Про тятю?

Первый егерь

Ну, этих цесарь кормить не устал:
Войско ему год от года нужнее.

Школьный учитель

(входит)

Эй! ребятишки! марш в школу скорее!

Первый егерь

Тоже ведь знают, что тесен их класс.

Служанка

(входит)

Тетушка, гости уходят.

Маркитантка

Сейчас.

Первый егерь

Это какая-такая плутовка?

Маркитантка

Это — племянница.

Первый егерь

Ай да головка!
Будь я ей дядей!..

Второй егерь

(удерживая девушку)

Куда ты? Аль тут
Скучно?

Служанка

Не скучно, да гости-то ждут.
(Вывернулась и ушла.)

Первый егерь

Да!.. На охотника эта красотка!
Только б поспорила прежде с ней тетка...
Все передрались в полку за нее.
Ну, не такое и было житье:
Нонече разве на прежде похоже?
Нонече разве, как прежде, всё то же?
Право, не то: да и дни-то летят,
Хочешь — лови, а поймаешь навряд!

(Вахмистру и трубачу)

Аль, на здоровье вам, вспрыснуть сердечко?
Только дадите ль нам, грешным, местечко?

ЯВЛЕНИЕ 6

Егеря, вахмистр, трубач.

Вахмистр

Милости просим! Садитесь сюда.
Ждали в Богемию вас, господа,
Мы уж давненько...

Первый егерь

Да вам ничего!
Вы бы спросили: вот нам каково?

Трубач

Вам-то?.. Да щеголей эдаких мало!

Вахмистр

Точно, что с Мейссена, да и с Заалы
Вести покуда худые про вас.

Второй егерь

Полноте! Лучше послушайте нас:
Мы перед богом и правы, и святы;
Если шалил кто, так разве кроаты.

Трубач

Ой! воротник-то у вас в кружевах,
Да и франтите вы в знатных штанах!

Ну и белье, и перо на берете —
Всё это стоит ведь денег на свете:
Бурш будет рад, коли так наряди,
А уж на нас, горемык, не гляди.

Вахмистр

Тряпки-то! Бабам их разве? А с нами
Честь и почет, и фридландское знамя.

Первый егерь

Что ж ты Фридландцем-то тычешь нас зря?
Будто бы мы не его егеря!

Вахмистр

Точно: и вы в косяке замешались.

Первый егерь

Мы-то? .. А вы-то что больно зазнались?
Разница только в мундирах — так стой:
В свой я, пожалуй, уйду с головой.

Вахмистр

Вы, господин егерь, в дело не вникли:
Вы к деревенщине только привыкли,
Ну, а манеры хорошие, тон —
Их надо видеть в персоне персон,
То есть в фельдмаршале!

Первый егерь

Экая штука!
Вот уж наука, скажу, так наука:
Плюнет он, что ли, аль высморкнет нос,
Вы за ним тоже... Да вот ведь вопрос:
Ум-то его, глубину его взгляда
Вынес ли кто за собой с вахтпарада?

Второй егерь

Черт побери! Поспросили б об нас,
Так и узнали бы правду как раз —
Скажут все в голос вам: «У *самого-то*
Вот так охотники, вот так охота!»
Вражье ли поле аль нивы друзей —
Слышны повсюду рога егерей!

Миг — мы вот здесь, а другой — нет и следу;
Дальше ищите, где трубят победу...
Как бы сказать-то?.. Да вот как, точь-в-точь:
Пламя охватит деревню в полнóчь;
Спят сторожа; суматоха; задаром
Мечется сонный, испуганный люд —
Где ему сладить с лукавым пожаром!
Так-то и мы: жжем и там, да и тут —
Пламенем вспыхнем, потопом нахлынем,
Сзади нас нет ни кола, ни двора:
Всё истребим, разорим, опрокинем,
А потому, что такая пора,
Дело военное — пахнет добычей.
Тут не до жалости, не до приличий:
Каждая девушка — наша сестра,
Ну и братались... бывала пора!..
Не в похвальбу... а вы то разумейте:
Если в Вестфалии, или в Байрейте,
Или в Фойхтланде расспросите вы:
Знаете гольковцев? Что? Каковы?
Лет через триста — а меньше нисколько, —
Может, забудут про нас и про Голька!

Вахмистр

Вот оно что! Вам бы в рыло, да в ус,
Да на разводе прикрикнуть в придачу —
Вы уж того... разрешили задачу:
Может солдатом быть даже хоть трус,
А что до сметки, приглядки, привесу —
Нет вам и дела!..

Первый егерь

Да ну тебя к бесу!
Что ты поёшь мне! По-моему, брат,
Всякая школа — прямая докука,
Воля — кормилица, мать и наука:
Ежели волен, так вот и солдат!
Нешто затем я со школьной-то лавки
К вам убежал, чтоб, как мальчик, опять
Преть над указкой, читать и писать
В душной каморке да в каторжной давке?
Нет, извините! Я воли хочу:

Я на просторе как ветер лечу
Встречу всего, что и свеже, и ново,
В чем я заслышал законное слово!..
Продал я цесарю шкуру затем,
Чтоб не тревожиться мне уж ничем,
Ни в настоящем, ни в будущем. Скажет
Старший мне слово — истлею в огне,
Кинуся вброд, хоть бы в Рейн по весне;
Там, где не трое, так третий уж ляжет, —
Словом: и бровью навряд шевельну;
Ну, а конец — не взыщите: гульну!

Вахмистр

Ну, если только и надобно вам,
Милости просим под крылышко к нам.

Первый егерь

Вот живодерство-то видели тоже
Мы при Густаве, при шведе... Ах, боже!
В пустынь свой стан обратил, почитай:
С первой зарею — вставай и читай,
А загуляешь — сейчас и нагрянет,
С клячи читать поучение станет.

Вахмистр

Богобоязненный был молодец!

Первый егерь

Девушка в лагере — истое чудо,
А заманил, так веди под венец...
Вижу я: плохо!.. и драла оттуда!

Вахмистр

Нынче там иначе всё, говорят?

Первый егерь

Вот и махнул я к лигистам-то, брат!
Только что, только под Мáгдебург сбились,
Там уж иная статья подошла,
И покутили мы, повеселились:
Пьешь да играешь — была не была!
А ненаглядных-то — целое стадо...
Лихо жилося, убей меня бог!

Тилли смекал, как командовать надо:
Сам-то к себе уж куда он был строг,
А для солдата с ним льгота прямая...
Только его сундуков не замай,
А у него поговорка такая:
«Сам поживай и другим жить давай!»
Эх! сорвалося у нас, ускользнуло
Прежнее счастье, что рыба с крючка!
С самого Лейпцига нам не рука,
Сунешься — глядь: на рожон и наткнуло.
Где ни покажешься, где ни стучишь —
Заперто, братец, и по́д нос те шиш!
Шлялись мы, шлялись так с места на место,
Нет нам почета нигде и никак...
Я поскорее с такого насеста
Прямо к саксонцам — и деньги в кулак.

Вахмистр

Мм!.. разумеется: вас раздразнили
Чешской добычей.

Первый егерь

Дери их горой!
Просто — пришли на казенный постой...
Нас дисциплиной вконец заморили:
За́мки имперские, вишь, карауль,
Честь отдавай, снаряжайся в патруль...
А на войну, как на шутку, бывало,
Смотришь... и сердце-то к ней не лежало...
Думаешь: право, не лестно и бить —
Где уж тут чести воинской добыть?
Я ведь, пожалуй, без шума-огласки
В школу свою, за перо и указки,
Мигом опять бы вернулся... Да вот
Ваш-то Фридландец под знамя зовет...

Вахмистр

Ну, и пробудете с нами вы долго?

Первый егерь

Шутите, что ли?.. Не знаю я долга?
Вот вам: покуда начальником он,
Не убегу я из лагеря вон...

А потому, что ведь нашему брату
Негде такую добыть себе плату.
Да и опять же: здесь пахнет войной;
Здесь у вас всё на широкий покрой;
Все заодно; все — что вихорь да вьюга:
Рейтер последний — и тот головой
Ляжет тотчас за товарища-друга...
Как же, подумайте, к вам не пристать?
Знаю, какой вы почтенный народец!
Знаю, что с вами начну помыкать
Целым мещанством, как наш полководец
Герцогством или там княжеством, что ль?
Стало быть, с вами что хочешь — изволь,
Лишь бы палаш-то побрякивал с бока...
Правда: дождешься, пожалуй, попрека,
Да ведь за что же?.. Особая речь:
Слову начальника ты не перечь;
Что ж не бывало в полку запрещёно,
Значит — дозволено... вó время óно...
А уж про то и не спросит никто:
Веришь ли ты? почему? и во что?
Служба гласит нам простыми словами:
«Это вот — наше, а это вот — нет!
Верь в них, да верь в полководца и в знамя».

Вахмистр

Ай, молодец! Что ни слово — привет:
Словно родился и рос между нами.

Первый егерь

Точно: *он* начал командовать вам
Не по-имперскому, не по чинам...
Нешто он цесарю служит из службы?
Разве что, разве, пожалуй, из дружбы...
И удружил же! Смотри-ка какой,
Целой державе сулит он покой!
Чем оградил ее? Чем успокоил?
Царство военное в царстве устроил.
Жжет да громит, ну и вся недолгá;
Станет на верх, коль не дрогнет нога.

Трубач

Тише! Мы речи такой не выносим.

Первый егерь

Вы не выносите? Милости просим!
«Слово свободно!» — *он* сам нам сказал.

Вахмистр

Точно: не раз говорил генерал:
«Слово свободно и делу закрепа;
Дело без слов; послушание слепо».
Так он говаривал нам завсегда.

Первый егерь

Он ли, не *он* ли, а точно — что да!

Второй егерь

Да!.. К нему счастье не станет спиною:
Он — не другой кто; иного покрою...
Тилли вон пережил славу свою,
А за Фридландцем и горя мне мало.
Ежели он полководец мой, стало —
Будет победа, — на том и стою.
Приколдовал к себе счастье, сдается...
Кто у него под знаменами бьется,
Тот заворожен, того сторожат
Темные силы: ведь все говорят,
Что полководец наш черта из ада
Нанял в услуги и платит что надо.

Вахмистр

Не без греха тут, сдается и мне —
Вот хоть под Люценом: жарко нам стало
Так, что ой-ой же! А он-то в огне
Рыщет себе как ни в чем не бывало!
Пулями весь продырявлен берет,
Сквозь сапоги у него и колет —
Видим мы — пули свистят то и дело,
И хоть одна б ему кожу задела!
А отчего? Знает чертову мазь.

Первый егерь

Вот так доподлинно дивная штука!
Чай, он лосиный колет не вчерась
Вздел на плеча? Прошиби его, ну-ка!

Вахмистр

Нет, это мазь уж такая: она,
Слышь, из волшебной травы сварена́.

Трубач

Несдобровать ему!

Вахмистр

Вот ведь болтают,
Будто читает он всё по звездам,
Будто они ему всё открывают;
Всё это сказки — проведал я сам.
Дело-то вот оно в чем, чтоб вы знали:
По́ ночи ходит к нему старичок,
Даром что дверь заперта на крючок...
И часовые не раз окликали...
Вот как придет этот седенький — быть
Важным делам: замечали нарочно.

Второй егерь

Закабалил себя черту он, точно...
Ну, оттого нам и весело жить.

ЯВЛЕНИЕ 7

Прежние. Новобранец, горожанин, драгун.

Новобранец

(выходит из палатки; на голове у него шишак; в руке фляжка)

Батьке и дядям — поклон, и — клянуся
Честью солдата — домой не вернуся!

Первый егерь

Вон: притащили еще новичка!

Горожанин

Франц! образумься — не поздно пока...

Новобранец

(поет)

Бьют барабаны;
Трубы трубят;

В страны и страны
Бóрзые мчат...
В воду, в огонь —
Вихрем твой конь;
Острый меч с бока;
Гладко — широко...
Зябликом пой
В шири лесной!
То ли не доля?
То ли не воля?
Луг и леса,
И небеса!
Эх! поступлю под знамена к Фридландцу!

Второй егерь

Парень-то бравый! Мы будем свои!

(Кланяются ему.)

Горожанин

Полно! Он, право, из честной семьи...

Первый егерь

Что же? а мы — не чета новобранцу?
Нешто на улице подняли нас?

Горожанин

Есть у него кое-что про запас:
Вон балахон-то — притроньтеся раз,
Что за сукно-то — уж, стало, есть средства...

Трубач

Ежели цесарь кафтан даст, ну, да —
Это вот честь!

Горожанин

Ведь ему, господа,
Шляпная фабрика будет в наследство.

Второй егерь

Деньги без воли — да черт ли мне в том!

Горожанин

Да мелочную от бабушки лавку
Приймет он...

Первый егерь

Фуй! торговать-то тряпьем!

Горожанин

Ну, да от крестного вон, на прибавку,
Погреб достанется знатный такой,
Бочек десяток-другой наберется.

Трубач

Что же? С друзьями не то разопьется!

Второй егерь
(новобранцу)

Слышь! Мы с тобою в палатке одной.

Горожанин

Да без него ведь невесте болезно;
Плачет бедняжка все дни напролет...

Первый егерь

Что ж, молодец! Значит — сердце железно.

Горожанин

Ну, а как бабушка с горя умрет?

Второй егерь

С богом! Скорее наследство получит.

Вахмистр
(важно подходит к новобранцу и кладет ему на шишак руку)

Слушай! Вот ты на дорогу попал,
Просто другим человеком ты стал:
Каска и перевязь сразу научит,
Как меж достойных товарищей жить...
Должен ты храбрость в душе пробудить...

Первый егерь

Главное: деньгами должен сорить.

Вахмистр

На корабле у Фортуны вы внове,
А уж поднять паруса наготове;
Как на ладони весь мир пред тобой;
Будь только смелым — и всюду удача.
Что мещанин с его глупой башкой?
Словно в красильне ленивая кляча,
Ходит в кругу на веревке бедняк...
Ну, а солдату живется не так:
Он может всем быть, затем что на свете
В деле — война, и она же в ответе.
Вот погляди на меня: вот кафтан
С посохом вместе мне цесарем дан.
А почему? По такому, вишь, толку:
Посох — управа всемирному пóлку;
Скипетром держится наша земля,
Что же он? — посох в руке короля:
Это уж ведают даже ребята...
Если ж капралом ты стал из солдата,
Тут уж рукою тебя не достать,
Тут нипочем ни граница, ни мера...

Первый егерь

Если умеешь читать и писать.

Вахмистр

Вот, расскажу я тебе для примера, —
Это я пережил сам на веку.
Видишь ли, шеф есть в драгунском полку,
Буттлер... Ну, с ним постояли довольно
Мы рядовыми на Рейне, у Кёльна...
Лет этак с тридцать прошло с этих пор...
Что же? Ведь он — генерал уж майор!
Всё оттого: отличился с оглаской,
Пó свету славу умел протрубить...
Я не трубил — так с капральской указкой
Нянчусь... Да что тут далёко ходить?
Наш высокоповелительный сам-от:
Что у него и титýлов и грамот!
Есть ли на ком-нибудь эдакой чин!
Что ж он был прежде? Да так — дворянин...

Ну, а к войне прилепился душою —
Экую дóбыл и славу и честь:
Сделался цесарю правой рукою!
Да еще то ли с ним будет?.. Бог весть!

(Лукаво)

Вечера утро всегда мудренее...

Первый егерь

Да! — начал малым, а кончил большим.
Помню его я студентом простым
В Альтдорфе: жил, как умел, веселее;
Ветреным буршем был. Право, не лгу;
Раз уходил было насмерть слугу.
Вот господа нюренбергцы за это
Приговорили к темнице его,
Просто вот так — ни с того ни с сего.
Ну, а гнездо-то, как на смех, пригрето
Не было пташкой еще ни одной:
Только что свили, и не было клички —
Назвали б именем первой жилички.
Что ж молодец-то наш? Перед собой
Пуделя в двери пустил на забаву!
Так и зовется собачьей тюрьмой
До сих пор... вот одурачил на славу!
Более громких и доблестных дел
Эта мне штучка пришлася по нраву.

В это время входит служанка и начинает прислуживать; второй егерь заигрывает с нею.

Драгун

(становится между ними)

Полно, не трогай!

Второй егерь

А ты что поспел?

Драгун

Сказано толком: девчонки не трогай.

Первый егерь

Хочет один прогуляться дорогой —
Прочие в сторону! Что ты? Проснись!

Второй егерь

Хочет особо месить толоконце?
В лагере нашем красотка, кажись,
Всех достоянье, как красное солнце.

(Целует девушку.)

Драгун

(вырывает ее у него из рук)

Слушай, пока до греха, не замай!

Первый егерь

Тише вы! Экой народ сумасбродный!
Праговцы и́дут...

Второй егерь

(драгуну)

Ты драться? Давай!

Вахмистр

Полно же вам! Поцелуи свободны!

ЯВЛЕНИЕ 8

Входят рудокопы и начинают наигрывать вальс, сначала медленно, потом быстрее и быстрее. Первый егерь пляшет с служанкой; маркитантка с новобранцем. Служанка отскакивает в сторону, егерь гонится за ней и ловит только что вошедшего капуцина.

Капуцин

Гэй, вы! раз, гэй вы! Ну, как вас — и как? ..
Сразу попал я на пир и впросак! ..
Это ли воинство, свита Христова?
Или мы турки, иль снова-здорово
Анабаптисты? Без рук и без ног,
Видно, хирагрою мучится бог,
Что не сразит он вас громом небесным,
Шутите, что ли, вы днем-то воскресным?
Разве теперь вам настала пора
Пить-пировать от утра до утра!

Quid hic statis otiosi? [1]
Что вы сложили и руце и нози?
Уж под Дунаем был трах-тарарах;
Пали окопы Баварии в прах;
Регенсбург также во вражьих клещах;
А вы — в Богемии... близко от дела!..
Что же! утроба зато потолстела!
Не о войне ведь здесь речь — о вине;
Лучше точить себе зубы — не сабли;
Лучше девчонок захватывать в грабли!
Что Оксенштирн вам? — бычачий то лоб!
Лучше, коль целую тушу загреб!..
Все христиане, во вретище, в пепле,
Еле от слез пролитых не ослепли,
А у солдата карманы полны.
В небе явления, знаменья, дива;
В облацех ризой кровавой войны
Бог потрясает над миром правдиво
И с многозвездной выси голубой
Людям кометой грозит, что лозой.
Свет обратился в юдолю печали;
Церкви ковчег утопает в крови;
Римской *империей* прежде мы звали,
Римской *остерией* нынче зови;
Рейнские волны погибели полны;
Монастыри все теперь — *пустыри*;
Все-то аббатства и *пу́стыни* ныне
Стали не братства — прямые *пусты́ни;*
Каждый маститый епископства *склеп*
Преобразился в позорный *вертеп;*
И представляет весь *край* благодатный —
Край безобразия... Всё отчего?
Всё оттого, что вы грешны, развратны,
Не признаете святым ничего;
Идолочтение — вот ваша вера
От рядового и до офицера.
Грех ведь магнит неотклонный, и вот
В нашу страну он железо влечет.
А за неправдой жди кару да муку,
Словно слезы́ после горького луку;

[1] Что за безделье? (лат.). — *Ред.*

После *он* следует тотчас *покой*:
В азбуке нашей порядок такой.
Ubi erit victoriae spes
Si offenditur Deus? [1] Какая победа,
Если лукавый смущает вас бес,
Если вы пьяны еще до обеда,
Если вам проповедь — скука одна?
Правда, что во́ время о́но жена
Некая лепту свою отыскала;
Вот и Саул заблудился сначала,
Да отыскал же ослиц он отцу;
Братьев Иосиф нашел же к концу;
Всё это правда; но кто у солдата
Будет искать божий страх и почет,
Скромность и стыд, тот не много найдет,
Если хоть сто фонарей он зажжет.
Так-то в пустыню пророка когда-то
Несколько воинов слушать сошлось:
Каясь крестились, во имя закона,
И вопрошали: Quid faciemus nos? [2]
Как нам достичь Авраамова лона?
Et ait illis, [3] и стал им вещать:
Neminem consutiatis [4] —
Не живодерничать и не терзать,
Neque calumniam faciatis [5] —
Не клеветать никогда и не лгать;
Contenti estote [6] — а будьте вы рады,
Stipendiis vestris [7] — коль дали оклады...
Будь в вас привычка ко злу проклята.
Слышали заповедь: «Имени бога
Всуе твои не глаголят уста»?
Ну, рассудите вы: где же так много
Бо́жатся и проклинают подчас,
Как на фридландских постоях у вас?

---

[1] Где желанье победы — бог оскорбляется? (лат.). — *Ред.*
[2] Что нам делать? (лат.). — *Ред.*
[3] И он сказал им (лат.). — *Ред.*
[4] Никого не мучайте (лат.). — *Ред.*
[5] Не клевещите ни на кого (лат.). — *Ред.*
[6] Будьте довольны (лат.). — *Ред.*
[7] Вашим пособием (лат.). — *Ред.*

Если б за каждою клятвою вашей—
Только ее изрыгнете вы зря —
В колокол бить, скоро б в области нашей
Ни одного не нашлось звонаря;
Если ж бы с каждой молитвы лукавой,
Сродной нечистому лишь языку,
Брать из хохла у вас по волоску —
За ночь бы вы оплешивели, право, —
Будь ваш загривок такой же густой,
Как у Давидова Авессалома.
У Иисуса Навина с войной
Тоже была ведь десница знакома,
И Голиафа низвергнул Давид:
Кто же про них, как про вас, говорит?
Где про них писано слово: ругатель?
То-то не очень-то глотку дери,
Чаще молися: «Помилуй, создатель!»,
Нежели вскрикивай: «Черт подери!»
Но у кого уж сосуд в недогляде
И переполнен — всегда потечет...
Заповедь есть и еще: «Не укради!»
Этой вы держитесь, честный народ! —
Явно утащите что ни попало...
Да, для таких ястребиных когтей
И для крючков никогда не бывало
Да и не будет надежных ларей:
Вы и в корове теленка найдете;
Курицу вместе с яичком в мешок...
Что говорят вам? «Contenti estote», [1]
Сиречь: «Вот ешьте артельный кусок».
Впрочем, в каком же тут слуги расчете,
Ежели сверху — соблазн и порок?
Уж голова для такого народца!
Он ни во что и не верует, чай?

Первый егерь

Отче! солдат ты, пожалуй, ругай,
Но не моги оскорблять полководца.

---

[1] Будьте довольны (лат.). — *Ред.*

Капуцин

Ne custodias gregem meam![1]
Это — Ахав или Иеровоам!
Правую веру с лица земли сгонит,
К идолам сердце народа преклонит!

Трубач и Новобранец

Не говори ты еще так при нас!

Капуцин

Вот шпагоед-то уж, вот Брамарбас!
Хочет все замки разрушить зараз,
Хвалится нагло, в безбожной гордыне,
Что овладеет штральзундской твердыней —
С неба держись она сотней цепей.

Трубач

Глотки никто не заткнет ему, верно?

Капуцин

Эдакой он заклинатель чертей,
Хуже Иэгуа и Олоферна!
Вздумал отречься, исчадье греха, —
Вот ему страшен и крик петуха.

Оба егеря

Ну! Берегись: не спасет власяница!

Капуцин

Вот уж лукавый-то Ирод-лисица!

Трубач и оба егеря
(бросаются к нему)

Эй, замолчи ты! Иль чешется лоб?..

Кроаты
(загораживают капуцина)

Батюшка, полно, не трусь: расскажи-ка
Лучше нам притчу какую, аль что б?

---

[1] Не твое дело стеречь мое стадо! (лат.) — *Ред.*

Капуцин

(кричит громче [1]*)*

Вот Вавилона надменный владыка!
Вот прародитель всех зол, еретик!
И Валленштейном ведь зваться привык:
Я, дескать, камень — какой вам опоры?
Подлинно — камень соблазна и ссоры!
Дондеже войско в когтях сатаны,
Мира не будет для целой страны.

При последних словах, произнесенных громким голосом, капуцин начинает понемногу отступать; кроаты охраняют его от остальных солдат.

ЯВЛЕНИЕ 9

Прежние, кроме капуцина.

Первый егерь

(вахмистру)

Что за нелепость про крик петушиный
И полководца несла эта дрянь?
Так, что ли, брякнул, в насмешку и брань?

Вахмистр

Нет! он сказал не совсем без причины.
Наш полководец рожден мудрено —
Ухо его чересчур щекотливо:
Кошки мяуканье, а особливо
Крик петуха для него — всё равно
Нож.

Первый егерь.

У него это общее с львами.

Вахмистр

Вкруг его ставки не пикни никто,
И часовые уж знают про то.
Правда, что занят такими делами..,

---

[1] Вся речь капуцина исполнена у Шиллера едва ли переводимою игрою слов, а перевод заключительных строк решительно невозможен, по крайней мере для меня.

Голоса
(в палатке, где суматоха)

Так его, шельму! Скрути его! бей!

Голос крестьянина

Ай, помогите! уходят до смерти!

Несколько голосов

Полно вам, смирно!

Первый егерь

Колотят, ей-ей!

Второй егерь

Как, без меня-то?

Оба бегут в палатку.

Маркитантка
(выходит из палатки)

Бездельники! черти!

Трубач

Что вы, хозяйка, в таких попыхах?

Маркитантка

Вор! побродяга! бесстыдным манером
Сметь плутовать у меня на глазах!
Что я скажу господам офицерам?

Вахмистр

Что там, сестрица?

Маркитантка

А то, господа:
Шельма крестьянин забрался к нам в гости —
Вздумал поддеть на фальшивые кости!

Трубач

Вон его тащат с сынишкой сюда.

ЯВЛЕНИЕ 10

Солдаты волочат по земле крестьянина.

Первый егерь

Этому петля!

Стрелки и драгуны

К профо́су! к профо́су!

Вахмистр

Да, и приказ есть на это.

Маркитантка

А тот
Мигом повесит его, без допросу!

Вахмистр

Подлинно: худо к добру не ведет.

Первый пищальник
(другому)

Это с отчаянья он и с недоли.
Видишь: их прежде вконец разорят —
Ну, к воровству и приучат.

Трубач

Что, брат?
Ты за него заступаешься, что ли?
Черт ли во псе?

Первый пищальник

Да возьмите вдомек:
Хоть и крестьянин, а всё человек!

Первый егерь
(трубачу)

Полно, оставь их! Из Брига невежи;
Всё гарнизонные; смотришь — портным
Или башмачникам сваты — так где же
Знать и обычай военный таким?

ЯВЛЕНИЕ 11

Прежние. Кирасиры.

Первый кирасир

Смирно! Зачем здесь крестьянское рыло?

Первый стрелок

Шельма! .. в игре плутовать захотел!

Первый кирасир

Что ж, не тебя ль и поддел-то он было?

Первый стрелок

Да ведь и как еще ловко поддел!

Первый кирасир

Что? .. Ты фридландский солдат, — и не стыдно,
И не зазорно тебе, не обидно
Счастья с крестьянскою швалью пытать?

(Крестьянину)

Эй! удирай, чтобы пятки сверкали!

Крестьянин убегает; прочие сходятся в кружок.

Первый пищальник

Сразу покончил — его ли видали:
Этот молодчик и нам бы под стать...
Кто он такой? Не богемец.

Маркитантка

Валлонец.
Этому низкий да низкий поклонец:
Он паппенгеймовский был кирасир!

Первый драгун
(вмешивается в разговор)

Да... Молодой Пикколомини ими
Нынче начальствует: как командир
Был он под Люценом ими самими
Выбран, когда Паппенгейм был убит.

Первый пищальник

Видно, что очень их полк знаменит?

Первый драгун

И не задаром: дерутся чертовски;
Всех впереди они в каждом бою;
Ну, и управу имеют свою,
Да и Фридландец их любит отцовски.

Первый кирасир
(второму)

Верно ли это? Кто вести принес?

Второй кирасир

Сам я сейчас от полковника слышал.

Первый кирасир

Кат подери их! Да нешто я пес?

Первый егерь

Что у них там? Али спор какой вышел?

Второй егерь

Нет ли чего, господа, и до нас?

Первый кирасир

Да в Нидерланды идти есть приказ...
Вряд ли утешат кого эти вести!

Солдаты подходят к нему.

С конных стрелков, с кирасир, с егерей
Выставить восемь, что ль, тысяч людей..

Маркитантка

Вот тебе раз! Не сидится на месте...
Только вчера я из Фландрии — на!

Второй кирасир
(драгунам)

Буттлерцы! с нами и вы в стремена!

Первый кирасир

Пуще всего им — Валлонцев в разгоны.

Маркитантка

Что ни на лучшие всё эскадроны!

Первый кирасир

Что же? ведь служба должна быть слепа;
Нам провожать приказали Миланца.

Первый егерь

Как так? Инфанта? Забавно!..

Второй егерь

Попа?
Лопни сам черт!

Первый кирасир

Мы оставим Фридландца
И распрощаемся с нашим отцом?
В поле с кощеем Испанцем мы выйдем,
С тем, что издáвна душой ненавидим?
Нет!.. Подождут: мы — налево кругом.

Трубач

Черта ль там делать? Мы продали кровь
Цесарю — но уж не шапке испанской.

Первый егерь

Мы из доверия к слову Фридландца
В рейтары шли, и когда б не любовь
Наша к Фридландцу, конечно б, под знамя
Нас Фердинанд не собрал никогда.

Первый драгун

Нас ведь Фридландец сбирал — так над нами
Пусть и сияет Фридландца звезда!

Вахмистр

Следует прежде подумать: словами
Дела не двинешь вперед, господа!
Верьте — я вижу вас далее вдвое:
Кроется в этом походе дурное.

Первый егерь

Слушай приказа, и смирно, народ!

Вахмистр

Ну-ка, сестрица Густэль! Наперед
Чарку мельне́ккерца мне, для желудка,
Да и за речи...

Маркитантка

(наливает вино)

Вот вам, господин
Вахмистр!.. Ах, господи, страх-то один!..
Видно, плохая сыграется шутка!..

Вахмистр

Видите: точно, что надо ступать
Каждый шаг в жизни весьма осторожно;
Но полководец нас учит неложно:
Главное — надо всё дело понять.
Все мы фридландские носим мундиры;
Нам горожанин готовит квартиры,
Должен похлебку варить для стола;
Должен крестьянин — во сколько ни стало б —
Впрячь нам в обоз и коня, и вола,
Да еще как — безо всяких без жалоб.
Что тут! Ефрейтор да семь молодцов
Чуть появились — деревня и наша:
Всем и командуй! И каждый готов
Лучше на черта взглянуть, воля ваша,
Чем на фридландский наш желтый колет!
А отчего у них смелости нет
Выгнать нас вон — и с руками пустыми?
Их ведь гораздо нас больше числом;
Машут дубьем, что и мы палашом;
Так отчего ж мы смеемся над ними?
Вот что: сплошною стеною идем!

Первый егерь

Именно, именно! В этом вся сила!
Это Фридландец и сам разгадал,
Вот как для цесаря войско сбирал,

Лет тому девять... Они-то ведь, было,
Тысяч двенадцать задумали сбить.
«Их, говорит, будет нечем кормить;
Вот шестьдесят тысяч — дело иное:
Эти не будут со мной голодать!»
С тех пор и начал он нас собирать.

Вахмистр

Взять для примера, ну, что бы такое?
Ну хоть, положим: такой-то отсек
Правый мизинец мне... Все и решили —
Только, мол, палец отсек! А забыли,
Что он мне руку испортил навек.
Всё, что увечно, куда оно гоже?..
Да... Вот и восемь-то тысяч коней,
Что отряжают во Фландрию, тоже —
Только мизинец у армии всей;
А отпусти их, небось нас убудет
Только что пятая часть? Как не так:
Всё распадется! И всякий забудет
Страх и почтенье к нам: каждый батрак
Гребень заломит, что твой петушина,
Да еще в Вену отпишет иной:
Мне, мол, давно, за прокорм и постой,
Следует вот что с такого-то чина.
Ну, и начнем мы опять бедовать;
Всё и пойдет, что под кручу колеса;
И полководца замыслят отнять:
Там, при дворе, на него смотрят косо...
Тут и прийдет нам погибель сама.
Кто нам оклады отдаст по расчету?
Кто о контрактах приложит заботу?
И у кого из них столько ума
И прозорливой воинской науки?
Столько значенья?.. Чьи крепкие руки
Сплотят в одно составные куски
Нашего войска — с доски до доски?
Вот, я пример приведу вам покуда...
Слушай, драгун: ты записан откуда?

Первый драгун

Из самодальней губернии, знать.

Вахмистр

(обоим кирасирам)

Вы ведь — валлонец: узнал мимоходом;
Вы — итальянец: по речи слыхать.

Первый кирасир

Кто я? .. не знаю — откуда я родом!
Знаю, что краден с младенческих лет.

Вахмистр

Чай, ведь и ты не из близка, поди-ка.

Первый пищальник

Я из Бухау.

Вахмистр

А вы-то, сосед?

Второй пищальник

Прямо из Швица.

Вахмистр

(второму егерю)

Ну, егерь, скажи-ка:
Ты-то отколе забрел к нам в полки?

Второй егерь

Да за Висма́ром живут старики.

Вахмистр

(указывая на трубача)

Этот и я — мы из Эгера оба.
Видите — вот оно что! Ну, а кто бы,
Глядя на всех нас, ну, кто бы такой
Мог догадаться, что с севера, с юга
Ветер нас сдул и наснежила вьюга?
Будто бы мы не из щепки одной?
Будто бы, вражьи встречая колонны,
Мы не стоим, словно слиты-склеёны,
Будто, летучее мельничных крыл,

Мы не стремимся один за другого
С первого знака и с первого слова?
Кто же нас вместе так крепко сплотил,
Что отличить нас нельзя посемейно?
Всё это дело его — Валленштейна!

Первый егерь

Ну, признаюся, что мне никогда
Не приходило и в голову даже,
Будто мы пригнаны так, господа!
Мне бы лишь воля, а жизнь всё одна же...

Первый кирасир

Вахмистра все мы одобрить должны:
Дворские точно не любят войны,
Тотчас солдата унизить готовы,
Только бы в руки всю власть захватить...
Это — *их* заговор, это — *их* ковы!

Маркитантка

Заговор! Господи! Как же мне быть?
Ведь господа перестанут платить!

Вахмистр

Да! Тут банкротства бывают немалы...
Многие шефы у нас, генералы
Войску платили из собственных касс:
Сильно хотелось им стать напоказ —
И зарвались выше средств, поджидая,
Что ниспадет к ним роса золотая.
Ну, а когда полководец упал, —
Нечего делать — прости, капитал!

Маркитантка

Ах, мой Спаситель! На мне как вериги!
Чуть не полвойска записано в книге.
Граф Изолани — уж вот господин! —
Двести мне талеров должен один.

Первый кирасир

Как же, товарищи? надо решиться!
Нам остается спасенье одно:

Следует слиться в такое звено,
Чтоб побоялися к нам подступиться.
За *одного* поголовно стоим,
И — хоть приказами б нас завалили —
Мы здесь, в Богемии, корни пустили
И не идем никуда — не хотим,
А остаемся спокойно на месте:
Нынче солдат ведь дерется из чести.

Второй егерь

Мы не позволим собой помыкать:
Сунься-ка к нам — мы дадим себя знать!

Первый пищальник

Эх, господа! Да поймите вы сразу:
Тут ведь кто? — цесарь! .. С его же приказу.

Трубач

Очень нам нужно! — пожалуй, скажи!

Первый пищальник

Слышишь — язык за зубами держи!

Трубач

Как же! Сказалось — пускай и сказалось!

Первый егерь

Да: вот и мне это слышать случалось,
Что голова нам Фридландец один.

Вахмистр

Точно! на нем и уряд весь и чин.
Знайте, что властен он беспрекословно
Длить нам войну иль покончить любовно;
Властен имения конфисковать;
Властен он вешать и властен прощать.
Может в полковники он рядового
Жаловать, если захочет какого:
Всё это цесарь доверил ему.

Первый пищальник

Герцог светлейший велик по всему,
Но, как и все мы, не сам он собою —
Цесарским должен почтен быть слугою.

Вахмистр

Нет! не как все мы! Ума не спросясь,
Сказано. Он — независимый, вольный,
Как и Баварец, империи князь.
Был на часах я в палате престольной,
Слышал, как цесарь его убеждал,
Чтоб он берета пред ним не снимал.

Первый пищальник

В те поры цесарь, мне помнится это,
Мекленбург отдал Фридландцу как есть.

Первый егерь
(вахмистру)

Как, перед ним не снимает берета?
Вот уж так подлинно редкая честь!

Вахмистр
(шарит в кармане)

Ежели вас не уверишь словами,
Вот — поглядите, уверьтеся сами.

(Показывает монету.)

Чья здесь фигура и чья здесь печать?

Маркитантка

Ну! Валленштейна-то нам не узнать!

Вахмистр

Вот вам! Ну что ж еще? Князь он аль нету?
Али чеканить не может монету,
Как Фердинанд, да и все короли?
Аль нет людей у него и земли?
Если светлейшим Фридландца признали,
Стало — он может солдат вербовать.

Первый пищальник

Спору нет, точно; но — правду сказать —
Нас ведь в цеса́рские войски сбирали:
Цесарь за это и платит теперь.

Трубач

Цесарь-то наш и не платит, поверь!
Хочешь, присягу дадут все солдаты?
На обещанья-то все тороваты,
А на оклады вот — туги куда!

Первый пищальник

Не пропадет наш оклад никогда:
В верных руках он теперь...

Первый кирасир

Господа,
Полно вам! Эдак дойдет и до ссоры...
Что за сомнения, что тут за споры:
Цесарь властитель над нами иль нет?
Именно в том-то у нас и совет,
Что, ратовав под его знаменами,
Нам непригоже пастися стадами
И непригоже реветь табуном
Под шутовским иль испанским бичом!
Ну, ведь и цесарю прибыли мало...
Надо, чтоб войско его поддержало,
Надо, чтоб цесарь наш был потентат
Купною силою верных солдат.
Да и кому ж, коль не нам, его слово
Ставить законом во имя Христово?
Уж не яремникам робким его
И не ватаге льстецов бестолковых,
Что с ним пирует в чертогах дворцовых?
Что же нам цесарь дает? Ничего,
Кроме труда и заботы вседневной...
Вот и люби его тут задушевно!

Второй егерь

Даже и в Риме тиран и злодей
Вел себя в этом гораздо умней:
Мучили прочих они и казнили,
Но уж куда как солдата честили.

Первый кирасир

Так! И поэтому каждый солдат
Должен быть честен в душе, благороден,
Или солдатом он быть непригоден.
Ежели ставлю я жизнь наугад,
Должен же быть я другого достойней
В чем-нибудь, — или не битвой, а бойней
Станет борьба и солдат, как кроат,
Шею подставит.

Оба егеря

Честь жизни дороже!

Первый кирасир

Меч — не соха и не заступ ведь тоже;
Глуп, кто захочет им землю пахать:
Всходов зеленых ему не видать...
Нет у солдата родимого крова,
Нет у него своего очага,
Быстро его пробегает нога
Мимо приманок жилья городского
И деревенских зеленых лугов;
Нет для него колосистых венков,
Нет для него виноградного сбора...
Что же, скажите, солдату опора,
Что же он должен хранить и беречь?
Честь! Надо собственность дать человеку —
Иначе станет он резать и жечь.

Первый пищальник

Плохо житье нам!

Первый кирасир

А лучше от веку
Не было людям. Помыкался я,
Понасмотрелся житья да бытья!..
Всем послужил: и короне испанской,
Ну и республике Венецианской,
Ну, и Неаполю... Что ж? как назло,
Просто нигде мне, нигде не везло!
Видел я рыцарей, знался с купцами,

С мастеровыми, подумайте сами —
Вот ни один мне наряд не пришел
Так по душе, как вот этот камзол.

Первый пищальник

Ни? .. Не могу с вами я согласиться.

Первый кирасир

Ежели в свете кто хочет нажиться,
Должен работать и должен трудиться;
Кто за почетом сановным пойдет,
Пусть себе спину пред золотом гнет;
Кто с юных лет осенен благодатью,
Благословен от родителей, рад
Жить посреди и детей, и внучат, —
Мирному пусть предается занятью...
Всё это так, только мне не рука:
Жил я на воле, умру я на воле;
Грабить чужое, наследовать что ли —
Я не хочу, и за мною пока
Нету наследства, опричь чапрака.

Первый егерь

Браво! И сам я таких же вот правил.

Первый пищальник

Правила просты: конем как управил,
Так и рыщи по чужим головам!

Первый кирасир

Нет! тяжелы времена, и мечам
Столько не весить, как прежде... Конечно,
Не упрекнуть меня, если сердечно,
Так сказать, я применился к мечу:
Значит, что быть человеком хочу
И не позволю себя оболванить
Иль на спине у себя барабанить.

Первый пищальник

Ну, а кому, коль не всем нам, укор,
Что горожанином зваться — позор?

Штука! Шестнадцатый год, без отдышки,
Длится война, и резня, и нужда!

Первый кирасир

Братец! и бог вон, с лазоревой вышки,
Разом всех просьб-то не выполнит. Да!
Просит один, чтобы солнце светило,
А для другого, вишь, больно светло;
Этому надо, чтоб сухо всё было,
А вон тому, чтоб побольше дождило;
Что для тебя на подъем тяжело,
То для меня, может, клад, а не ноша...
Спору нет: если коснется что гроша,
Иль горожан, или там поселян, —
Жалко мне будет за ихний карман,
Да пособить я не в силах. Сравненье:
Вот началося, положим, сраженье...
Кони зафыркали — только держи,
Взвились, и кто на пути ни лежи —
Брат ли родимый твой, сын ли любезный,
Как ни терзай тебя стон их болезный —
Скачешь на них, и нельзя своротить
Даже с дороги...

Первый егерь

Куда тут!

Первый кирасир

Бывает —
Счастье солдата порой приласкает:
Кажется, как бы руками схватить,
Да и держать! Ан схватил неудачу:
Вечером — бой, к ночи — мир заключен,
Ну и конец. И разнуздывай клячу...
А у крестьянина конь запряжен —
Значит, что старые будут порядки.
Но ведь покамест мы все заодно,
Не выпускаем из пальцев тетрадки
И друг на друга пока без оглядки
Мы ведь не скачем... А то неравно —
С хлебом мешок и повыше поднимут.

Первый егерь

Ну, уж куска-то у нас не отнимут:
Все мы — один человек.

Второй егерь

Решено!

Первый пищальник
(вынимая кожаный кошелек, маркитантке)

Сколько, кума?

Маркитантка

Ах, не стоит и счета!

(Считаются.)

Трубач
(пищальникам)

И хорошо, что пришла вам охота
Взяться за шапки: вы нам не под стать.

Пищальники уходят.

Первый кирасир

Жаль их: ребята на что уж честнее!

Первый егерь

Честны, зато — мыловаров глупее.

Второй егерь

Благо свои всё, пора б столковать,
Как нам разрушить-то замысел новый?

Трубач

Что же? Как будто не все мы готовы?

Первый кирасир

От дисциплины, друзья, ни на пядь!
Каждый в свой корпус иди, да толково
Дай сослуживцам разумный совет
И докажи им, от слова до слова,
Что разбрестися нам порознь — не след.

Я за Валлонцев ручаюся смело:
Если мое — так и ихнее дело.

Вахмистр

Терцки полки, на коне и пешком,
Все заодно, и одна у них доля.

Второй кирасир
(становится рядом с первым)

Вот и Ломбардец с Валлонцем рядком.

Первый егерь

Воля для егеря — воздух.

Второй егерь

А воля
Следом за силою ходит всегда:
Жизнь или смерть — при одном Валленштейне!

Первый стрелок

Мы, Лотарингцы, — что волны на Рейне,
Любим простор и стремимся туда,
Где нам привольнее.

Драгун

Счастья звезда
Водит Ирландца.

Второй стрелок

Тиролец от веку
Службу несет одному человеку.

Первый кирасир

Ладно! Теперь по полкам от солдат
Взять pro memoria[1]: пусть их напишут,
Что расходиться они не хотят;
Что про поход хоть и слышат — не слышат,
И не идут; что ни сила, ни лесть
Не загрозит им, фридландским ребятам,
Так как Фридландец отцом был солдатам...

---

[1] На память (лат.). — *Ред.*

А как напишется — чинно отнесть
Всё к Пикколомини, ведомо — к сыну:
Тот разберет всему делу причину,
И у Фридландца всё сделает он...
И при дворе-то куда как силен:
Жалует цесарь его беспримерно...

Второй егерь

Кончено! Все по рукам! — и уж верно,
Что отстоит Пикколомини нас.

Трубач, драгуны, первый егерь, оба кирасира и стрелки
(вместе)

Пусть отстоит Пикколомини нас!

(Хотят уйти.)

Вахмистр

Стой: по стакану!.. Ведь нас не убудет...

(Пьет.)

За Пикколомини!

Маркитантка
(приносит бутылку)

Рада всегда!
Этой бутылки на бирке не будет:
Счастливо кончить дела, господа!

Кирасиры

Все мы и всякий да здравствуем в стане!

Оба егеря

И да прокормят наш стан горожане!

Драгуны и стрелки

Да процветает веселие в войске!

Трубач и вахмистр

И да царит в нем Фридландец геройски!

Второй кирасир

(поет)

Живее, друзья! На коня, на коня!
На поле! на волю честную!
На поле — на воле ждет доля меня,
И сердце под грудью я чую!
Мне в поле защитником нет никого:
Один я стою — за себя одного!

На песню из глубины сцены подходят несколько солдат и составляют хор.

Хор

Мне в поле защитником нет никого:
Один я стою — за себя одного!

Драгун

Нет воли на свете!.. Владыка казнит
Рабов безответно послушных;
Притворство, обман и коварство царит
Над сонмом людей малодушных...
Кто смерти бестрепетно выдержит взгляд —
Один только волен... А кто он? — Солдат!

Хор

Кто смерти бестрепетно выдержит взгляд —
Один только волен... А кто он? — Солдат!

Первый егерь

Житейские дрязги — с души он долой,
Нет страха ему и заботы;
Он смело судьбу вызывает на бой:
Не нынче, так завтра с ней счеты,
А завтра — так что же? Ведь чаша полна, —
Сегодня ж ее мы осушим до дна!

Хор

А завтра — так что же? Ведь чаша полна, —
Сегодня ж ее мы осушим до дна!

Стаканы налиты снова; певцы чокаются и пьют.

Вахмистр

Солдату веселье хоть с неба сошли,
А сам он труда и не знает!
Поденщик копает утробу земли
И думает — клад откопает.
И заступом роет, всю жизнь удручен,
Покамест могилы не выроет он.

Хор

И заступом роет, всю жизнь удручен,
Покамест могилы не выроет он.

Первый егерь

И к замку ездок подлетел на коне —
Нечаянный гость и нежданный;
А в свадебном замок пылает огне, —
И в замок он входит незваный...
Не долго он ждал, серебром не бренчал —
С налету награду любви он сорвал!

Хор

Не долго он ждал, серебром не бренчал —
С налету награду любви он сорвал!

Второй кирасир

Что плачет красотка? Тоскует по ком?
Пусти! не собьешь ведь с дороги:
С семейною кровлей солдат незнаком —
Не ведал сердечной тревоги...
Влечет его быстро судьба за собой,
И слов он не знает: *приют* и *покой*.

Хор

Влечет его быстро судьба за собой,
И слов он не знает: *приют* и *покой*.

Первый егерь

Живей же, друзья! Вороного седлай:
Бой жаркую грудь расхолодит...
И юность, и жизнь так и бьет через край:
Пей смело, пока — еще бродит...

И жизни своей на игру не жалей:
Не выиграть иначе ставки, ей-ей!

Хор

И жизни своей на игру не жалей:
Не выиграть иначе ставки, ей-ей!

Занавес опускается при пении хора.

Конец 1858

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Варианты приводятся согласно порядку строк в произведении. После нумерации стихов указывается источник варианта; если он не указан, это означает, что источник тот же, что и для предыдущего.

27

вместо 79—83 РС	Встречные граждане все от него сторонились; по рынку Словно чума он прошел — испугалися даже торговки: Так он был страшен и бледен, и тайною мыслью встревожен... Думали: «Знать не за добрым пришлось человеку из дому Выйти, что вышел он к ночи в глухую ненастную пору». Думали так, а кто во́зрился: «Э, да ведь это могильщик...»

29

после закл. ст. Авториз. копия ПД	О, боже мой! Как понял я Арашку! Ему приветны только старый сад Да, в куще кедров, дедовские бюсты, А новой жизни непонятен склад: Ее призывы для него молчат, И оживленные хоромы внука пусты.

54

эпиграф РС	Цвели в поле цветики, цвели да поблекли... Любил парень девушку, любил да покинул!.. *(Простонародная песня)*

69

между 130—131 Автограф ПД	Октавия не долго потерпела, В горячей ванне бедную сожгли И голову поруганного тела В кровавый дар Поппее принесли. Она, подняв безжизненные веки, Вперила взоры в неподвижный взор,

Но в нем прочла один немой укор
Создания, усопшего навеки,
И, отвернувшись, в мертвые глаза
Вонзила шпильки...

Вместо 356—370 «Да здравствует божественный Нерон!

Вместо 415—425 [Потухли всюду пирные лампады;
О мрамор стен неверная рука
Скользит, нигде не находя опоры,
И ливнем льется с хор и с потолка
Цветной потоп немилосердной Флоры.
Увы! тот век был]

421—423 Нерон шутил!
Поздней Гельогобал,
Безумный отрок, похититель трона,
Поклонник и приверженец Нерона,
Своим гостям такой же пир задал;

83

«Голоса из России» Над рекою, над пенистым Волховом,
На широкой Вадимовой площади,
В голос плачет заливистый колокол,
Для чего созывает он Новгород?
Не сменяют ли миром посадника?
Не вломились ли немцы с полу́хмеля?
Аль пора молодцам позабавиться —
Подостлать соболей да некупленных
Под гульливые ноги лебедушкам?
Аль и то, что послы сановитые
От великого князя Московского
За конем(?) перекорым(?) приехали?
Нет, поет про недоброе колокол,
Напевает он вестку печальную,
С буйным Волховом песню прощальную:

«Брат мой названый, крестовый, буйный Волхов мой, прости!
Без меня ты силу-удаль в темных омутах крути...
Завтра утром, спозаранок, по тебе я поплыву:
Царь Иван меня отвозит в крепкостенную Москву.
Не давай меня в обиду, вольной силы не таи:
Разнеси в щепы, в осколки все московские ладьи,
А меня на дно потайно, заповедно схорони,
Да волною вечевою по бокам моим звони...
Нет... не надо — не услышат: на века и на века
Своевольных оглушила неподатная рука!»

Над рекою, над пенистым Волховом,
На широкой Вадимовой площади,

В голос плачет заливистый колокол...
Волхов плещет и бьется и пенится...
О ладьи москвичей крутогрудые...
А в поднéбесьи тучи сбираются,
Да кресты на церквах белокаменных
Золотистыми слезками светятся.

88

после 30, до конца М

Вдруг, неподалеку, между пней и кочек,
Вспыхнул, словно свечка, синий огонечек,
Змейкой потянулся под травой высокой,
Светляком запрыгал над густой осокой,
Звездочкою взвился к деревам ветвистым
И закапал с листьев дождиком огнистым.
Искры, словно кудри, нá ветер бросая,
Он перед русалкой пляшет, распевая:
«Слушай, водяная! быль, не небылица,
Как жила на свете красная девица,
Красная девица — из девиц царица:
То ль не черноброва, то ль не белолица!
Да на грех та девка с парнем полюбилась,
С парнем полюбилась, в прорубь утопилась!»
Вспрыгнула русалка, злится и топочет,
Изловить блудящий огонечек хочет;
Но проворней зайца огонек несется,
Около русалки по тропинкам вьется,
Скачет, словно белка, с ветки на другую,
Манит за собою, дразнит водяную:
«Слушай! полюби-ка ты меня, молодка!
Я ли уж не парень? Для любой находка!
У меня в болоте тина да трясина:
Спи не просыпайся, что твоя перина!..
Полно, не поймаешь: я тебя проворней;
Поплывем-ка лучше — в озере просторней!»
Он уж над водою и дрожит и вьется,
А за ним русалка бешено несется...
И опять по ветру искры рассыпая,
Огонечек пляшет, тихо напевая:
«А бывало, девка в божий храм ходила,
На селе под праздник хоровод водила,
Ночь на посиделках вплоть до утра пряла
Да своей старухе песни распевала...
Чай теперь получше у тебя есть прялка?..»

Но его не слышит более русалка:
Воду разогнала взмахом торопливым
И на дно нырнула с хохотом тоскливым.

между 52 и 53 БдЧ

Соберутся пряхи к ночи у соседа —
Затрещит лучина, зашумит беседа,

Зажужжат под лавкой веретена дружно —
Что твой пир похмельный — и вина не нужно!

89

129—136 БдЧ

Всё село решило:
«От себя пропала;
Ей от этой *страсти*
Божиим крестом
Оградиться было...
Разве что не знала?
А лихой напасти
Не снести серпом!»

108

вместо 35—56 СО

Рабыни готовят ей масть благовонную,
И царь посылает спросить приближенную:
«Не это ли дочь Элиава, жена,
Живущая вместе с хитгийцем Урией? ..
Зовут Вирсавией?»
Раба отвечает: «Она».

157—160

Но бог не попомнил Давидова зла
И благословил Вирсавиино лоно...
Царя Соломона
Давиду она родила.

170

Автограф ГПБ на одном листе с действующими лицами (ниже)

Не решаюсь посягнуть ни на какие примечания к моей драме: ее может проверить с минувшим всякий, кто знаком с русской летописью, с русской песней и с былой русской жизнью. Заранее приношу искреннюю благодарность за все возможные указания на неизбежные с моей стороны промахи. *Л. М.* 12 декабря 1859 г.

загл. «На новый год»

Отрывок из драмы «Псковитянка»

вместо 2—4

Гляди-ка, как осыпали оправу
Жемчужины: что крупные росинки
Подсолнечник... Уж эдакую поднизь
Не стыдно королевишне носить,
Да и самой царице... право слово!

8—9

Сама-то ты наш жемчуг ненаглядный,
Наш камешек лазоревый: во Пскове

вместо А краше Веры Дмитриевны нет!
19—23 Заря зарей!

Надежда

Не знаешь ли ты, няня,
О чем грустит сестрица?

Перфильевна

38—39 Чего уж ты не выдумаешь, Надя!
Не грех тебе? .. Да эдакого парня

вместо Назвать *его* по имени... А хочешь —
163—169 Я расскажу, как я *его* взлюбила...
Во всем тебе, как на духу, откроюсь...

Надежда

Рассказывай, голубушка-сестрица!

Вера

Садись и слушай... Сердцу как-то легче,
Когда есть с кем тоскою поделиться...

Надежда

(садится)

Да, Верочка, мы сестры, не чужие:
И радости, и горе пополам!

Молчание.

Вера

(задумчиво)

Я замуж шла и мужа не любила;
Потом привыкла... Мой Иван Семеныч
Пренравный, а во мне души не слышал.

вместо Прошло еще три месяца иль больше,
189—193 Приехал царь, приехали и наши,
А мужа нет... Остался на стороже
Под Колыванью; впрочем, ненадолго...
Прислал поклон мне с нашими, гостинцы...
Взгрустнулось мне: как будто кто ножом
Ударил мне под сердце... плачу-плачу,
Вот как ручей немолчный, да молюся...
Ждать-ждать — не едет. Думаю: наверно

вместо Все руки исцарапала — напрасно:
247—256 Не из лесу бегу, а дальше в лес!
Трущоба, глушь! Деревья так столпились,
Как будто мне дорогу заступают
И изловить хотят меня ветвями...
Страх обуял! Я побежала шибче,
Куда глаза глядели, без пути,

Без памяти; бежала и кричала,
Покуда ноги шли и голос замер;
Да напоследок выбилась из мочи,
Упала и заплакала... Как вдруг...

между 502 и 503 Автограф ГПБ Вот видит бог, с поклоном отдадут,

551 Опять-таки дьячиха говорила...

вместо 713—714 *Черновой вариант:*
Мне страшно... Как я в этот сад попала
[Скажи: зачем?]
Зачем ты здесь? .. Зачем я здесь с тобой? ..
Одна... к ночи... украдкой? .. Я не знаю:

вместо 724—730 *Черновой вариант:*

Ольга

Не выдаст: заручил меня другому
И полу об полу ударил.

Михайло Туча
(шепотом)

С кем?

Ольга

С Матутой.

М. Туча

а) С Матутой... нет, княжна, ты верно шутишь?
На дочери князь Юрия Матуте
Псков-осударь жениться не поволит:
[Матута — он недобрый человек]
[Затем, что он — недобрый человек]
[Твой женишок — недобрый человек]
[Твой батюшка по доброте не видит,
Что женишок — недобрый человек]
[Ведь твой жених недобрый человек]

б) Этой свадьбе
Не быть княжна! .. не быть и не бывать,
На дочери князь Юрия Матуте
Псков-осударь жениться не поволит:
Ведь твой жених — недобрый человек

вместо 740—745 *Черновой вариант:*
Пришла сюда, чтоб хоть глазком взглянуть,
Хоть выслушать желанное словечко...
Чего ж тебе, бессовестный?

М. Туча

[Тебя]
Чего же
Тебя мне, Ольга Юрьевна, не тайно,
Перед людьми и перед богом — надо!

вместо 2-й пол. ст. 878

Черновой вариант:
[Жена моя] Покойница [хозяйка] Надёжа
[говорила] [намекала],
[Что будто] [Как будто знает] может знала,
Да с тем и умерла...

Б. Матута

Как так?

Беловой вариант:
Покойница, Надёжа, может знала
Что от сестры, да с тем и умерла...

Б. Матута

Э!.. Так-то?..

вместо 1295—1299 ОЗ, ДС Соч. 1862

Я послужил...
А вы когда учнете

Я дослужил...
А вы когда учнете

Соч. 1887

Я дослужил... Не царский гнев обиден,
Обиден подшиб гнусного холопа,
Не царь, а псарь не жалует. Учнете

вместо 1306—1309 Автограф ГПБ, Соч. 1887

Аль я один, аль нет грозы за Тучей

вместо 1306—1310 ОЗ

Аль я один, аль нет грозы за Тучей?

вместо 1320—1324 ОЗ, ДС

...А за мною,
Так на поле — уж там поговорим,
Кто лишний-то во Пскове нашем...

Голоса

Гой!
Поговорим!

Четвертка

Дружней!

Голоса

Валися, люд честной, валися!

Соч. 1862 ...А за мною,
Так на поле — уж там поговорим,
Кто лишний-то во Пскове...

Голоса

Гой-гой!

Четвертка

Дружней!

Голоса

Валися, люд честной, валися!

Соч. 1887 ...А за мною,
Так на поле — встречать гостей московских.

Голоса

Дружнее! Гой, навстречу москвичам!
Валися, люд честной, дружней валися!

вместо полстиха 1344—1365 Автограф ГПБ

...Ребята, образумьтесь!
Куда вы рветесь и кому грозите?
Безумцы!.. Что вы кличете на Псков
Беду и правый гнев царя Ивана
Васильича? Ведь он шутить не любит.

Четвертка

Да пусть не шутит: шутка — не обида,
А от нешутки песней отпоемся

вместо 1378—1383

Нешто для старухи —
Фить-фить-фить! —
Не найти порухи?
Фити-фити!
Как нам жити
По старухам, по порухам?
Да и ох — выдь, выдь,
Да и ох — фить! фить!

вместо 1431—1433

И свет не мил, поколе не взгляну...
И про Михайлу — вот те крест святой —
Не вспомнила про бедного!..

Голоса на улице

Встречают!
Стяг за Псковой...
Никак Георгий?..

вместо 1460—1462

Оставить город стольный государя
Для дома государева слуги —
Оставить Псков для моего бы дома,
Хоть бы на час — так верно уж недаром...

между 1838 и 1839	Все псковитянки — прах их побери! — Такие уж гульливые, что полно... Вон и моя третьево дни сбежала Нивесть куда... Сказала только маме: «Коль батюшка что спросит, доложи: Гулять ушла, мол, Стешенька — ищите, Коль не вернется, где ни есть подальше» Так вот они какие — псковитянки.
вместо 2014	[Царь] [мертвых воскресить Здесь на земле господь единый может... Да разве царское величество твое]

171

676—680 «Драм. соч. Шиллера», ДС, Соч. 1862	Это ль блюстители божией воли? Анабаптисты иль турки мы, что ли? Видно, всевышний лицо отвратил, Видно, отринул он вас и забыл, Что не ударит в вас громом небесным?

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание представляет собой собрание избранных стихотворных произведений Л. А. Мея. За пределами сборника остались лишь малоинтересные в идейном и художественном отношении стихотворения, в том числе — почти все ранние, лицейские; стихотворения «на случай» и драма «Сервилия».[1] Переводы отобраны значительно строже. Состав их несколько обновлен по сравнению с первым изданием Большой серии «Библиотеки поэта» (Л. А. Мей, Стихотворения и драмы. Вступительная статья, редакция и примечания С. А. Рейсера, Л., 1947). В настоящее издание вошли наряду с широко известными переводами Мея также и переводы, менее знакомые советскому читателю, но являющиеся по своим художественным достоинствам несомненной удачей поэта.

При жизни Мея вышли два сборника его стихотворений: «Стихотворения Л. Мея» (СПб., 1857) и «Сочинения и переводы Льва Мея. Книга первая. Былины и песни» (СПб., 1861). Незадолго до смерти поэта было начато издание «Сочинений Л. А. Мея», тт. 1—3, СПб., 1862—1863. Два первых тома этого издания, содержащие драматические произведения и оригинальные стихотворения, были одобрены цензурой еще при жизни Мея (22 января и 6 апреля 1862 г.), последний — переводы — уже в 1863 г. (5 марта). Несомненно, что план этого собрания сочинений, т. е. распределение материала по томам, их композиция, разделение на оригинальные и переводные произведения, а также состав двух первых томов, — принадлежат Мею. Из воспоминаний А. Г. Полянской[2] известно также, что поэт, уже больной, держал корректуру первого тома. Последний том готовили, по-видимому, Н. В. Гербель и Г. Е. Благосветлов. Издание 1862 г. — далеко не полное, в тексте его много опечаток и пропусков, тем не менее в ряде случаев приходится использовать его в качестве источника текста, так как в двух томах наличествует авторская правка, а некоторые произведения Мея были напечатаны здесь впервые.

Из посмертных дореволюционных изданий следует назвать «Полное собрание сочинений Л. А. Мея», СПб., 1887, тт. 1—5, а также

---

[1] См. список стихотворных произведений Л. А. Мея, не включенных в настоящее издание, на с. 668.

[2] К биографии Л. А. Мея. — «Русская старина», 1911, № 10, с. 75.

издания «Полного собрания сочинений Мея», вышедшие под редакцией П. В. Быкова, в особенности изд. 4-е (тт. 1—2, СПб., 1911).

В собрании сочинений 1887 г. было опубликовано несколько неизвестных ранее и большое количество затерянных в журналах стихотворений; восстановлены (по памяти) цензурные изъятия и замены в «Псковитянке» и переводе «Лагеря Валленштейна» Шиллера и впервые собрана проза Мея. В первом томе были помещены вступительная статья В. Р. Зотова и библиография произведений Мея, составленная П. В. Быковым. Однако в текстологическом отношении издание было сделано небрежно: тексты изобиловали опечатками, одно из стихотворений — «Русалка» («Вечереет... волны чутко встрепенулись...») — было приписано Мею ошибочно, целый ряд переводных произведений был отнесен к оригинальным.

«Полное собрание сочинений» под редакцией Быкова представляет собой первую попытку научного издания произведений Мея. Редактором были снова тщательно обследованы современные Мею журналы и газеты, а также рукописи лицейского архива. В результате в собрание сочинений Мея было введено несколько новых стихотворений, удалось устранить многие искажения, установить оригиналы некоторых переводов и пополнить библиографию произведений поэта.

В советское время заслуга критического пересмотра стихотворного наследия Мея принадлежит прежде всего С. А. Рейсеру, который в 1947 г. выпустил в первом издании Большой серии «Библиотеки поэта» «Стихотворения и драмы» Мея. Для этого издания была заново просмотрена периодика, а главное — обследованы московские и ленинградские архивохранилища, что позволило пополнить собрание оригинальных произведений поэта несколькими новыми стихотворениями и устранить в ряде случаев цензурные искажения текста. Издание 1947 г. было первым по-настоящему комментированным изданием стихотворных произведений Мея. Комментарии содержали сведения текстологического, историко-литературного и отчасти реального характера. К сожалению, в текст издания вкралось довольно много опечаток, и это снижает его ценность. Кроме того, не была использована рукопись «Псковитянки», хранящаяся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (фонд «Русского слова»).

С учетом сохранившейся рукописи текст «Псковитянки» был издан Е. И. Прохоровым в книге «Л. Мей. Драмы. А. Майков. Драматические поэмы» (М., 1961), а затем Н. Н. Петруниной в 3-м издании Малой серии «Библиотеки поэта»: Л. А. Мей. Избранные произведения (Л., 1962).[1] Вообще сборник стихотворных произведений Мея, вышедший в 3-м издании Малой серии, должен обязательно учитываться текстологами, так как в нем даны хорошо выверенные тексты и установлены даты ряда стихотворений поэта.

Рукописное наследие Мея разбросано по архивам Москвы и Ленинграда. В основном рукописи стихотворений и писем Мея, а также писем других лиц с упоминанием поэта, сосредоточены в Центральном государственном архиве литературы и искусства (Москва), Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (Москва), Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки

---

[1] См. об этом подробнее с. 641—642 настоящего издания.

им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) и в Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР (Ленинград).

Для настоящего издания была заново произведена сплошная сверка текста со всеми прижизненными публикациями произведений поэта и сохранившимися рукописными источниками, в результате чего удалось устранить ряд опечаток предшествующих изданий (в том числе — прижизненных) и уточнить даты написания некоторых произведений поэта.

В сборнике выделены два больших отдела: «Стихотворения» и «Драмы», а в каждом из них два подраздела: оригинальные (I) и переводные произведения (II).

В первом отделе в основном сохранена традиционная для изданий Мея композиция (особенно четко она проведена в «Сочинениях» 1862 г.). Вначале идут оригинальные стихотворения, не объединенные тематически, главным образом лирические,[1] затем стихотворения на античные, русские — летописные и фольклорные — темы и, наконец, на библейские. Затем следуют переводы. В отступление от традиции прижизненных сборников поэта библейские стихотворения отнесены в конец оригинальных произведений, тогда как Мей по соображениям идеологического порядка обычно предпосылал их своим лирическим стихам.

Второй отдел состоит из двух оригинальных драм Мея («Царская невеста», «Псковитянка») и перевода «Лагеря Валленштейна» Шиллера. Внутри подразделов стихотворения расположены в хронологическом порядке. В издании 1862 г. Мей не присваивал тематическим разделам названий. В настоящем сборнике эти разделы для удобства читателя и по традиции посмертных собраний сочинений поэта условно озаглавливаются: «Лирика», «Из античного мира», «Былины, сказания, песни», «Библейские мотивы».

Даты первой публикации (или год, не позднее которого написано произведение) заключены в угловые скобки; даты предположительные отмечены вопросительным знаком. Все примечания в тексте, не оговоренные как редакторские, принадлежат автору.

В разделе «Другие редакции и варианты» приводятся лишь наиболее интересные и значительные по размеру или смыслу изменения текста, либо же дается целиком другая редакция произведения.

В примечаниях вслед за порядковым номером стихотворения указывается первая публикация, затем — последующие ступени изменения текста и источник, по которому печатается произведение. Простые перепечатки текста (в том числе и отдельные издания) не отмечаются. Ссылка на первую публикацию без дальнейшего указания на источник текста означает, что произведение печатается по первой публикации, так как текст его не перепечатывался более или перепечатывался без изменений. Оговаривается также факт включения произведения в прижизненные издания стихотворений Мея (кроме издания 1862 г., поглотившего большинство стихотворений поэта) и

---

[1] Исключение составляет помещенное в этом разделе стихотворение эпического характера «Графиня Монтэваль», которое Мей обычно помещал среди своих лирических стихотворений, так как только этот раздел не был построен по тематическому принципу.

все случаи невключения. Подпись поэта указывается лишь в тех редких случаях, когда она не совпадает с его обычной подписью: «Л. Мей», «Лев Мей». Звездочка перед порядковым номером примечания означает, что к этому произведению имеется материал в разделе «Другие редакции и варианты». Пояснения мифологических имен (кроме библейских), устаревших и малоупотребительных слов и выражений вынесены в словарь. Библейские легенды, важные для понимания всего произведения в целом, комментируются в соответствующих примечаниях.

Орфография и пунктуация текстов приближены к современным. Сохранены только те индивидуальные и исторические особенности написания, которые имеют значение для произношения слов, ритма и интонации стиха.

Составитель приносит искреннюю благодарность С. А. Рейсеру, который передал для настоящего издания накопившиеся у него с 1947 г. материалы, относящиеся к жизни и творчеству Мея. Эти материалы были в основном использованы в примечаниях к №№ 14, 25, 33, 38, 148 данного сборника.

Условные сокращения, принятые в примечаниях и разделе «Другие редакции и варианты»:

БдЧ — «Библиотека для чтения».
БЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
Б. с. — Большая серия.
ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ДС — «Драматический сборник», СПб., 1861.
И — «Иллюстрация».
Изд. 1962 — Л. А. Мей, Избранные произведения. Вступительная статья Г. М. Фридлендера. Подготовка текста и примечания Н. Н. Петруниной, «Б-ка поэта», М. с., М.—Л., 1962.
М — «Москвитянин»
М. с. — Малая серия.
ОЗ — «Отечественные записки».
ПВ — «Петербургский вестник».
ПД — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР.
РМ — «Русский мир».
РС — «Русское слово».
РСт — «Русская старина».
С — «Современник».
СО — «Сын отечества».
Соч. 1861 — Сочинения и переводы Льва Мея. Книга первая. Былины и песни, СПб., 1861 (Изд. Е. П. Печаткина).
Соч. 1862 — Сочинения Л. А. Мея, тт. 1—3, СПб., 1862—1863 (Изд. гр. Г. А. Кушелева-Безбородко).
Соч. 1887 — Полное собрание сочинений Л. А. Мея, тт. 1—5, СПб., 1887 (Изд. Н. Г. Мартынова).
Соч. 1947 — Л. А. Мей, Стихотворения и драмы. Вступительная статья, редакция и примечания С. А. Рейсера, «Б-ка поэта», Б. с., Л., 1947.

СПч — «Северная пчела».
ст. — стих.
Стих. 1857 — Стихотворения Л. Мея, СПб., 1857 (Изд. А. Смирдина (сына) и К^0).
ф. — фонд.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив.
ц. р. — цензурное разрешение.

СТИХОТВОРЕНИЯ

I

Лирика

1. «Маяк современного просвещения и образованности», 1840, ч. 4, с. 29, подпись: Зелинский. Автограф — ПД, в лицейском рукописном журнале «Вообще», с подзаг.: «2-й отрывок», без ст. 1—15, 18—27, 34—38. В прижизненные издания не вошло. Первое напечатанное стихотворение Мея (см. вступ. статью, с. 8). *Гванагани* — один из островов группы Багамских (какой именно, неизвестно), на который 12 октября 1492 г. высадился Колумб, открыв тем самым Америку. Туземцы называли остров Гуанахани, Колумб назвал его Сан Сальвадор (Спаситель).

2. «Маяк современного просвещения и образованности», 1840, ч. 11, с. 12, подпись: Зелинский. В прижизненные издания не вошло (см. вступ. статью, с. 8).

3. М, 1845, № 3, с. 16; БдЧ, 1857, № 9, под загл. «К***», датировано. Печ. по Стих. 1857, с. 167. Обращено к Софье Григорьевне Полянской (1820—1889), в 1850 г. ставшей женой поэта. Положено на муз. К. К. Альбрехтом.

4. СО, 1856, № 14, с. 33, датировано. Печ. по Стих. 1857, с. 163. Автограф — ПД (собр. П. А. Дашкова), датировано. Обращено к С. Г. Полянской (см. предыдущее примеч.). Положено на муз. П. С. Макаровым.

5. СО, 1856, № 15, с. 54, датировано. Печ. по Стих. 1857, с. 139. Обращено к С. Г. Полянской (см. примеч. 3). *Она искала родственных объятий.* Софья Григорьевна воспитывалась не дома, а у дальних родственников.

6. СО, 1856, № 18, с. 125, с подзаг.: «Елене Григорьевне Полянской», датой и с пропуском ст. 4—5 в строфе 7; Стих. 1857, с тем же подзаг., датой и пропуском стихов. Печ. по Соч. 1862, т. 2, с. 150. *Полянская* Е. Г. (ум. 1893), в замужестве Головина, — старшая сестра жены поэта. *Замолк победный крик твоих орлов.* Орлы на древ-

ках знамен римских легионов символизировали могущество Древнего Рима. *Торквато* Тассо (1544—1595) — итальянский поэт, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим» (1581), написанной октавами (восьмистишиями особой рифмовки). *Капитолий* — древнейшая укрепленная часть Рима, центр общественной жизни города. Строфы 10—14 посвящены какой-то фрейлине, в которую был влюблен Мей-лицеист.

7. БдЧ, 1856, № 8, с. 137, под загл. «В альбом (С. Г. П.)», датировано. Печ. по Стих. 1857, с. 133. С. Г. *Полянская* — см. примеч. 3.

8. Стих. 1857, с. 129. Датируется предположительно по содержанию и по Соч. 1887 (т. 2, с. 121) 1844 г., так как, вероятно, обращено к С. Г. Полянской (см. примеч. 3).

9. М, 1845, № 3, с. 14, подпись: «А. — Мей». В прижизненные издания не вошло.

10. Соч. 1947, с. 18, где напечатано по копии ПД, принадлежавшей А. Г. Полянской. В прижизненные издания не входило. Вероятно, обращено к С. Г. Полянской и относится к концу 1840-х — началу 1850-х годов. В Соч. 1947 датировано предположительно: 1849—1850.

11. СО, 1850, № 4, с. 3. В прижизненные издания не вошло. Положено на муз. С. В. Юферовым.

12. М, 1851, № 18, с. 265, с предисловием Мея о строении секстины. В Соч. 1862 в ст. 14 и 17 опечатка, нарушившая рифмовку секстины (ст. 14 — «тень» вместо правильного «лень», ст. 17 — «лень» вместо «тень»). «Помещая это стихотворение, — писал Мей в журнальном предисловии, — считаем не лишним сказать несколько слов о составе *секстины.*

Секстиною называется стихотворение, состоящее из шести шестистрочных строф. Кроме того, что конечные рифмованные слова остаются одни и те же во всех строфах секстины, самый порядок размещения этих слов подчиняется известному закону. Именно: в 1-й строфе рифмы располагаются по произволу, обыкновенно вперемежку, женские и мужские. 2-я строфа составляется из первой следующим образом: 1-я рифма 2-й строфы есть последняя рифма 1-й; 2-я рифма 2-й строфы — 1-я рифма 1-й; 3-я рифма 2-й строфы — 2-я с конца 1-й; 4-я рифма 2-й строфы — 2-я с начала 1-й; 5-я рифма 2-й строфы — 3-я с конца 1-й; и наконец, 6-я рифма 2-й строфы есть 3-я рифма с начала 1-й строфы. Точно таким же порядком составляется из 2-й строфы — 3-я, из 3-й — 4-я и т. д. До сих пор известны только две секстины: одна принадлежит Петрарке, другая одному из французских писателей... кому именно, не помним. Автор позволяет себе сделать маленькую оговорку и покорнейше просит благосклонных читателей не искать в его стихотворении ничего, кроме желания привести еще один пример гибкости русского стиха и послушности могучего русского слова — даже неопытной руке».

13. Соч. 1887, т. 1, с. 284, датировано.

14. Стих. 1857 (ц. р. 7 ноября 1856), с. 159. *Майкова* Екатерина Павловна (р. 1836, урожд. Калита) — жена Вл. Н. Майкова, писателя, брата поэта Аполлона Майкова. *Дженни* — очевидно, роль Майковой в каком-нибудь любительском спектакле, на который намекает вся образная система стихотворения.

15. Стих. 1857, с. 173. В Соч. 1887: «Татьяне Павловне Еремеевой».

16. Стих. 1857, с. 197. *Ростопчина* Евдокия Петровна (1811—1858) — писательница, в начале литературного пути — либерального, а в конце жизни — консервативного направления. Живя в Москве, Мей часто бывал в салоне Ростопчиной; она была посаженой матерью на его свадьбе. *От старых гроз.* Намек на правительственные гонения, которым подверглась поэтесса в связи с опубликованием в 1846 г. ее нашумевшего стих. «Насильный брак», где осуждалась колонизаторская политика русского самодержавия в Польше.

17. СО, 1856, № 38, с. 250, датировано. В прижизненные издания не вошло. Обращено, по всей вероятности, к Любови Ивановне Голубцовой (урожд. Кроль), ставшей в 1857 г. женой графа Г. А. Кушелева-Безбородко (см. о нем вступ. статью и примеч. 22). Сохранилась запись, сделанная Меем в дневнике 18 ноября 1856 г.: «Отданы стихи Ратковскому для положения на голос (Л. И.) — „Красавице“» (Соч. 1887, т. 1, с. XXXIV).

18. СО, 1860, № 31, с. 981, подпись: «Л. М.» Автограф — ПД (собр. П. А. Дашкова), датировано. Было начато еще осенью 1856 г. В. Р. Зотов приводит дневниковую запись Мея от 15 ноября 1856 г.: «„Покойным“ не идет что-то» (Соч. 1887, т. 1, с. XXXIII). Считая стихотворение слишком интимным, поэт долго не решался печатать его, колеблясь вплоть до последней минуты. 26 июля 1860 г. он писал А. В. Старчевскому (издателю СО), что просит приостановить печатанье стихотворения или хотя бы «подписать его просто Л. М.». По этой же причине не вошло в Стих. 1857 и Соч. 1861. Возможно, что последние строфы написаны поэтом в 1860 г. *Младенец брат... мой милый Сашенька.* По-видимому, речь идет о брате поэта, умершем во младенчестве; на одном из петербургских кладбищ похоронен Александр Мей, родившийся 17 июня 1826 г. и умерший 10 сентября 1827 г. *Отец* — Александр Иванович Мей (ум. ок. 1827), см. о нем вступ. статью, с. 6. *И ближе всех одна.* Речь идет об Александре Ивановне Шлыковой (1806—1828), тетке поэта, умершей в молодом возрасте. Мей описал ее в очерке «На паперти» (1859). *Две бабушки* — Аграфена Станиславовна Шлыкова и Мария Ивановна Мей (урожд. Кострицкая). *Поклонник пламенный и мученик искусства* — Алферьев В. П. (1823—1854) — поэт, в середине 1840-х годов сослуживец Мея по канцелярии московского генерал-губернатора. *Сложил тебя в могилу Нахальной выходкой журнальный пустоцвет.* Алферьев умер вскоре после выхода в свет ноябрьской книжки БдЧ, где была напечатана первая часть язвительной статьи Сенковского о драме Мея «Сервилия» и трагедии Алферьева «Диагор» («Новые драмы из греко-римского мира»). Вторая часть статьи, напечатанная в декабрьском номере, была написана уже после смерти Алферьева

(как это явствует из текста статьи). *Отшельник старый, дед.* Имеется в виду, вероятно, дед С. Г. Полянской и дальний родственник Мея — М. К. Полянский, который под старость вел отшельническую жизнь (подробнее см. в воспоминаниях А. Г. Полянской: РСт, 1911, № 3, с. 670—673). *Две тени, две сестры* — мать поэта Ольга Ивановна Мей, урожд. Шлыкова (ум. 1849), и ее сестра Елизавета Ивановна Шлыкова (ум. 1851). *Мой незабвенный друг.* О ком идет речь, точно неизвестно. Если предположить, что стихотворение завершалось в 1860 г., то здесь может иметься в виду лицейский товарищ Мея С. Я. Голубцов (см. стих. и примеч. 38), умерший ок. 1860 г.

19. СО, 1857, № 12, с. 269, под загл. «Словесность». Печ. по автографу ПД (собрание В. И. Яковлева), так как появление заглавия в журнале и вариант ст. 5 («всесильного творца») вызваны, вероятно, цензурными соображениями: и то, и другое плохо согласуется со смыслом стихотворения. *Я твой талант в душе лукаво не зарыл* — намек на евангельскую притчу о лукавом рабе, зарывшем в землю деньги, данные ему господином, а не преумножившем их (Ев. от Матфея, гл. 25).

20. «Ласточка», 1860, № 2, с. 69, с посвящением Варваре Александровне Кропоткиной, датировано. Печ. по Соч. 1862, т. 2, с. 91. Автограф — ПД. Кропоткина В. А. — будущая жена П. П. Мея, двоюродного брата поэта. *Кораллово* — подмосковное имение Г. А. Кушелева-Безбородко, в котором Меи жили летом 1857 г. Положено на муз. В. И. Богословским, В. Э. Добровольским, Г. А. Кушелевым-Безбородко и др.

21. Соч. 1947, с. 28, где напечатано по автографу ГПБ (ф. «Русского слова»).

22. СО, 1858, № 23, с. 659, с пропуском ст. 29, датировано. Печ. по Соч. 1862, т. 2, с. 129, с восстановлением ст. 29 по автографу ЦГАЛИ. *Кушелев-Безбородко* Г. А., граф (1832—1870) — литератор, бывший лицеист, с 1859 по 1862 г. издатель журнала «Русское слово», издатель Соч. 1862. Мей сблизился с Кушелевым и его кружком, в котором тот играл роль мецената, вскоре после приезда в Петербург (см. вступ. статью, с. 14). *Rachette* — Д. Рашетт (1744—1809), французский скульптор, с 1779 г. работавший в России. Стихотворение навеяно статуей Цереры, воздвигнутой в честь Екатерины II в парке Полюстрова, имения Кушелевых-Безбородко. В Соч. 1947 приводится описание ее, сделанное П. Н. Столпянским: «12 столбов поддерживали купол храма, посреди которого возвышалось бронзовое изваяние императрицы Екатерины II в образе Сибиллы ⟨ошибка, — следует: Цереры⟩. На статуе была надпись: «Rachette fecit 1789. Отливал и отделывал имп. Академии художеств мастер Василий Металов». Впоследствии эта статуя была переведена в Царское село» («Столица и усадьба», 1916, № 30, с. 9). *Князь* — А. А. Безбородко (1746—1799), двоюродный прадед Г. А. Кушелева-Безбородко, вице-канцлер при Екатерине II, пользовавшийся ее неограниченным доверием; он сохранил свое влияние и при Павле I, который сделал его государственным канцлером и возвел в княжеское достоинство.

23. «Женское дело», 1899, № 10, с. 66, без подзаг. и выделения заглавных букв, датировано; точнее — «Литературный архив, изд. П. Картавовым», СПб., 1902. Печ. по датированному автографу ГПБ (архив Быковых). Стихотворение представляет собой акростих — первые буквы стихов составляют слово «Рябиновка». Л. П. *Шелгунова* (1832—1901) — жена революционного демократа Н. В. Шелгунова, а впоследствии гражданская жена поэта-революционера М. Л. Михайлова. Она приводит акростих в своих воспоминаниях («Из далекого прошлого», СПб., 1901, с. 79). С Шелгуновыми и Михайловым Мей сблизился сразу же после переезда в Петербург.

24. БдЧ, 1857, № 6, с. 16. Печ. по Соч. 1862, т. 2, с. 140. *Мей* В. А. — см. примеч. 20.

25. СО, 1857, № 48, с. 1186. Обращено к В. Р. Зотову (1821—1896) — литератору, лицейскому товарищу Мея, не раз выступавшему со статьями и фельетонами о его стихах (см.: Б. Ф. Егоров, В. Р. Зотов — критик и публицист 1850-х гг. — «Ученые записки Тартуского университета», вып. 78, 1959, с. 140). В 1855—1857 гг. Зотов вел в СО раздел критики, где и была помещена им без подписи (1857, № 47) рецензия на Стих. 1857 и «Слово о полку Игореве» (СПб., 1856) в переводе Мея, а также на «Стихотворения» Е. Вердеревского (М., 1857), которая и вызвала, видимо, «Ответ» Мея. По мнению Зотова, «оригинальные пьесы» Мея в Стих. 1857 «гораздо слабее переводных. Это большей частью или альбомные или интимные произведения, до которых читателям мало дела. Особенно некоторые, так называемые любовные, стишки могли бы остаться в портфеле автора безо всякого ущерба литературы» (с. 1157). Далее следовал критический разбор этих стихотворений, относящихся, как правило, к 1844 г. В № 51 (с. 1264) Зотов в свою очередь отвечал на «Ответ» Мея. *Я горжусь 44-м* — т. е. лирическими стихотворениями этого года, обращенными к С. Г. Полянской.

26. «Общезанимательный вестник», 1858, № 4, с. 195. В прижизненные издания не вошло. *Катя Мей* — Екатерина Екимовна Мей (урожд. Никотина), жена Вяч. А. Мея, младшего брата поэта. *В глуши Хамовников.* Дом Меев в Москве, куда поэт вернулся после окончания лицея, был расположен в Хамовниках; половину его занимал штабной доктор Е. Никотин, отец Кати. *Чур* — см. стих. и примеч. 33.

***27.** РС, 1859, № 1, с. 137, датировано. Печ. по Соч. 1861, с. 79, с исправлением опечатки в ст. 38 по Соч. 1862: «хватало» вм. ошибочного «хваталось» (в РС — «хватило»). *Вещее слово Евангелья: «Во время оно...».* Речь идет о «воскресении из мертвых» («...мертвые услышат глас сына божия и услышавши оживут». Ев. от Иоанна, гл. 5, ст. 25). Примечания. *В первую революцию* — во время французской буржуазной революции 1789—1794 гг.

28. «Общезанимательный вестник», 1858, № 9, с. 433, дата: 22 марта. Датируется 1858 г. по письму А. В. Старчевскому (ПД) от 16 марта 1858 г., в котором Мей, посылая стихотворение, пишет: «Оно принадлежит Вам по праву. Потрудитесь прочесть». 22 марта — ве-

роятно, дата окончательной отделки. Положено на муз. М. М. Ивановым.

*29. СО, 1858, № 22, с. 631, датировано. Авторизованная копия — ПД, с заключительным непубликовавшимся шестистишием (см. варианты). В прижизненные издания не вошло. *Фелица* — Екатерина II, которую Державин воспел в своих одах под этим именем.

30. СО, 1858, № 33, с. 946, датировано.

31. СО, 1859, № 28, с. 762. Положено на муз. В. Бюцовым, М. М. Ивановым, П. И. Чайковским, Ю. Д. Энгелем. *Зюлейка* — героиня восточных поэм Байрона.

32. «Северный цветок», 1859, № 46, с. 311. В прижизненные издания не вошло.

33. СО, 1859, № 49, с. 1373, с цензурным исключением второй половины ст. 43 (ЦГИА, «Список о движении рукописей и печатных книг у цензора Ярославцева», СПб. университет, 1860, № 30, л. 69 об.). Печ. по Соч. 1862, т. 2, с. 137. *Чур* — собака, жившая у Мея еще в Москве (см. стих. 26). По воспоминаниям современников, Мей до страсти любил животных.

34. И, 1859, № 64, с. 219. *С...* — возможно, означает «Соне» или «Софи», т. е. С. Г. Мей. В прижизненные издания не вошло.

35. РМ, 1859, 30 января, под загл. «Полежаевской цыганке», датировано. Печ. по Соч. 1862, т. 2, с. 95. Имеется в виду стих. А. И. Полежаева «Цыганка» (в тексте — «фараонка»). *Фараонка.* В XVIII — начале XIX в. родиной цыган ошибочно считался Египет. После «Цыганской пляски» Державина (1804) образ «египтянки» получил распространение в поэзии. Положено на муз. П. И. Бларамбергом, К. С. Шиловским.

36. СО, 1859, № 16, с. 421. Датируется началом 1859 г., так как в письме к А. В. Старчевскому от 20 марта 1859 г. Мей ему сообщает о посылке «Зяблика».

37. БдЧ, 1859, № 8, с. 152, датировано. *Вся, как цветок, создана для венца.* Возможно, имеется в виду Л. И. Кроль (см. о ней стих. и примеч. 17).

38. «Время», 1861, № 5, с. 60, датировано. В прижизненные издания не вошло. Возможно, адресовано Степану Яковлевичу Голубцову (1820 — ок. 1860), лицейскому товарищу Мея, составителю лицейского альманаха «Столиственник», служившему впоследствии в департаменте герольдии. П. В. Быков утверждает, что Голубцов умер вскоре после окончания лицея (см.: Л. А. Мей, Полн. собр. соч., т. 1, СПб., 1911, с. 10—11), но в ряде авторитетных изданий указывается «ок. 1860 г.» (см.: Дмитрий Кобеко, Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843, СПб., 1911; «Па-

мятная книжка лицеистов», СПб., 1911; С. А. Венгеров, Источники словаря русских писателей, т. 2, СПб., 1910).

39. СО, 1859, № 52, с. 1465, без вступления; Соч. 1862, т. 2, с. 85, также без вступления; вступление вместе со всем стихотворением, напечатанным не вполне точно, — «Петербургский листок», 1866, № 37, с. 3, с датой: сентябрь 1848-го года, с. Покровское. Печ. по Соч. 1862, с добавлением вступления. В «Петербургском листке» примеч. публикатора: «Стихи эти, написанные покойным поэтом Львом Александровичем Меем, общим нашим коротким приятелем, и посвященные одной нашей общей знакомой, были предоставлены в полное мое распоряжение в 1860 г. Так как все, что касается деятельности поэта, не напечатанное в полном издании его стихотворений, должно быть дорого для русской публики, то я считал бы непростительным не напечатать этих стихов. В. Толбин». Н. Д. *Половцева* и ее муж Половцев М. А. (1801—1853) — московские знакомые Мея, с которыми он сблизился во второй половине 1840-х годов и в имении которых Покровском он провел в эту пору два лета. *«Деревня летом — рай»* — цитата из «Горя от ума» (д. 3, явл. 6). *Мильтон* Д. (1608—1674) — английский поэт, автор поэмы «Потерянный рай» (1667).

40. СО, 1860, № 24, с. 785. В прижизненные издания не вошло. *Липина* Юлия Ивановна (урожд. Мей) — двоюродная сестра поэта. Стихотворение было пародировано в «Искре» Н. А. Гнутом (1860, № 39).

41. СО, 1860, № 28, с. 897. Автограф — ПД (собр. П. А. Дашкова). В прижизненные издания не вошло.

42. РМ, 1861, 22 марта, датировано. В прижизненные издания не вошло.

43. «Семейный круг», 1860, № 31, с. 110, датировано. В прижизненные издания не вошло. Г. Гейне умер 17 февраля 1856 г. *«Встань, Лазарь, и воскресни»*. В Евангелии этими словами Иисус Христос воскресил умершего Лазаря. Один из циклов второй книги «Романсеро» Гейне носит название «Лазарь».

44. Соч. 1887, т. 1, с. 292, где напечатано по датированному автографу, полученному от В. И. Головина, мужа сестры С. Г. Мей — Е. Г. Полянской. В прижизненные издания не вошло. Возможно, обращено к С. Г. Мей.

45. СО, 1860, № 43, с. 1322, датировано. В прижизненные издания не вошло. Обращено к Любови Николаевне Липиной (в замужестве — Масловой), дочери двоюродной сестры Мея Ю. И. Липиной. Стихотворение было пародировано Н. А. Гнутом в «Искре» (1860, № 46). *Взгляните на лилии* — цитата из Евангелия («И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, ни прядут». — Ев. от Матфея, гл. 6, ст. 28). *Сионские одежды* — белоснежные царственные или священные одеяния; Сион — гора, на которой был расположен иерусалимский храм; в переносном значении — еврейское царство, народ или даже царство божие.

46. «Русская мысль», 1887, № 7, с. 73, в воспоминаниях С. В. Максимова «Лев Александрович Мей». Авторизованная и датированная копия (рукой С. Г. Мей) — ПД. В прижизненные издания не вошло. На копии помета: «Л. Мей диктовал это своей жене, а он лишь подписал и в день ангела преподнес Н. С. Курочкину. От него автограф попал к Сергею Максимову, а он мне вчера его подарил. М. Микешин. 22 дек. 1893. СПб., Фонтанка 128, кв. 6». С. В. Максимов в своих воспоминаниях утверждал, что стихотворение было записано экспромтом в альбом Н. С. Курочкину в день проводов его на службу на Черное море (т. е. в 1858 г.), но авторизованная копия не подтверждает этого. *Курочкин* Н. С. (1830—1884) — брат В. С. Курочкина, также поэт, журналист, сотрудник «Искры», по образованию — врач. *6 декабря* ст. стиля православной церковью отмечался день Николы Зимнего.

47. «„Радуга". Альманах Пушкинского Дома», Пб., 1922, с. 204, где опубликовано под загл. «Не пропущенные цензурой стихи», с комментариями Б. Л. Модзалевского. Датировано Модзалевским 1860 г. Корректура с пометой цензора («По определению цензурного комитета печатать не разрешается. Цензор П. Дубовский. 4 мая») — ПД (архив А. В. Старчевского, собр. П. А. Дашкова). Сверху на корректуре: «Для „Сына отечества"». В прижизненные издания не вошло.

48. ОЗ, 1861, № 1, с. 215, с посвящением И. Г. Полянскому, шурину Мея. Печ. по Соч. 1862, т. 2, с. 96. *О господе* — по воле бога. *Крепость* — Петропавловская крепость. *Исакий* — Исаакиевский собор. *Академия* — имеется в виду Академия наук или Академия художеств, расположенные на набережной Невы. *Стрелка* — стрелка Васильевского острова со зданием Торговой биржи. *Купалась под Купало.* По народному обычаю, купаться можно начинать 23 июня, в канун праздника Ивана Купалы. *Радужные бумажки* — деньги.

49. «Светоч», 1861, № 2, с. 67. В прижизненные издания не вошло.

50. ПВ, 1861, № 24, с. 542. В прижизненные издания не вошло.

51. РМ, 1861, 2 сентября. В прижизненные издания не вошло. *Где восстал от сна народ* — отклик на крестьянскую реформу 1861 г. или на общественный подъем конца 50-х — начала 60-х годов.

52. Соч. 1862, т. 2, с. 89.

53. Соч. 1862, т. 2, с. 92. Положено на муз. М. М. Ивановым, П. И. Чайковским.

***54.** РС, 1861, № 2, с. 44, с эпиграфом (см. варианты), датировано. Печ. по Соч. 1862, т. 2, с. 133. *Троица* — весенний праздник, установленный церковью в честь св. Троицы (бога-отца, бога-сына, святого духа); по народным обычаям, в этот день девушки гадали, заплетая венки и пуская их вниз по реке; утонувший венок предвещал беду.

55. РМ, 1861, 27 мая, датировано. *Григорьев* А. А. (1822—1864) — поэт, критик, переводчик. Знакомство с ним Мея относится ко второй половине 1840-х годов. В начале 1850-х годов оба входили в «молодую редакцию» «Москвитянина», позднее в Петербурге сотрудничали почти в одних и тех же изданиях и поддерживали приятельские отношения. *Огоньки.* По народным поверьям, болотные огоньки — это души самоубийц и некрещеных детей.

56. PC, 1861, № 6, с. 68, датировано.

57. СПч, 1861, 13 сентября, датировано. В прижизненные издания не вошло. Вызвано общественным подъемом второй половины 1850-х — начала 1860-х годов и выражает либеральные надежды, связанные с крестьянской реформой.

58. РМ, 1862, 21 июля, датировано, с редакционным примеч.: «Стихотворение это, отданное покойным Л. А. Меем редакции «Русского мира» в июле прошедшего года, оставалось ненапечатанным до сих пор, потому что он желал переделать его». *Бурбоновский музей* — музей в Неаполе, основанный неаполитанской династией испанских Бурбонов (впоследствии — Национальный музей), располагающий в результате совершенно хищнических раскопок в Помпеях и Геркулануме богатейшим собранием античных древностей. *Точат о песок заржавые ножи... сердце у твоей Италии — Везувий* — намек на только что отгремевшие в Италии события. В октябре 1860 г. Неаполитанское королевство в результате победоносного похода Гарибальди на Юг было присоединено к Северной Италии, и ненавистная народу династия Бурбонов вскоре перестала существовать; в марте 1861 г. завершился основной этап объединения Италии. *Витрувий* (I в. до н. э.) — римский архитектор.

59. PC, 1861, № 7, с. 2, с подзаг.: «Посвящается графу Григорию Александровичу Кушелеву-Безбородко», датировано. Печ. по Соч. 1862, т. 2, с. 82. *Орас Верне* (1789—1863) — французский художник. *Кушелев-Безбородко* — см. примеч. 22.

60. И, 1861, № 181, с. 91, датировано. В прижизненные издания не вошло. *Сверчков* Н. Е. (1817—1898) — батальный и жанровый живописец, мастерски изображавший лошадей.

61. Соч. 1947, с. 60, где напечатано по датированному автографу ЦГАЛИ. На автографе помета: «Подлежит рассмотрению духовной цензуры. 3 октября 1861. Ценсор Новосильский». По-видимому, разрешено к напечатанью не было.

62. Соч. 1947, с. 60, где напечатано по датированному автографу ЦГАЛИ. Ст. 16 исправляется по автографу. В автографе слово «номерная» подчеркнуто и написано рядом, вероятно, цензором: «Что-то непонятно»; ниже ответ: «Номерные — дети воспитательного дома». Возможно, навеяно посещениями «Приюта для приема кормилиц и вскармливания детей», основанного в 1857 г. Г. А. Кушелевым-Безбородко. Мей упоминает об этом приюте в биографии Г. А. Куше-

лева-Безбородко, написанной им в 1859 г. Те же мотивы см. в стихотворениях №№ 48, 54, 55.

63. СПч., 1861, 8 ноября, в статье Г. А. Кушелева-Безбородко: «Полувековой юбилей Императорского Александровского лицея», датировано. В прижизненные издания не вошло. Написано к пятидесятилетию лицея (основан 19 октября 1811 г.) и, как явствует из статьи Кушелева, было прочитано Меем в лицейском саду. *«При кликах лебединых»* — цитата из первой строфы 8-й главы «Евгения Онегина» Пушкина.

64. «Иллюстрированная газета», 1866, 24 февраля, с примеч. В. Р. Зотова: «Это стихотворение, ненапечатанное в полном собрании сочинений покойного поэта, мы нашли в наших бумагах». Дата написания неизвестна. По связи с мотивами других стихотворений 1861 г. может быть отнесено предположительно к этому времени.

65. Соч. 1887, т. 1, с. 285. Авторизованная копия — ПД (собр. П. А. Дашкова). Датируется по тем же основаниям, что и предыдущее стихотворение.

66. «Зритель общественной жизни, литературы и спорта», 1862, № 10, с. 324, дата: Петербург, 13 февраля. *Колошин* Сергей Павлович (1825—1869) — фельетонист, поэт-юморист.

67. «Зритель общественной жизни, литературы и спорта», 1862, № 2, с. 56, дата: 22 апреля 18... *Мосты полиция наводит.* Мосты через Неву были в то время плавучими, они наводились весной, после ледохода. *Графское аббатство* — вероятно, имеется в виду дом Кушелевых на Гагаринской ул. *Дед вельможный* — вероятно, генерал-адмирал Г. Г. Кушелев, дед Г. А. Кушелева-Безбородко. *Она* — возможно, Л. И. Безбородко, жена Г. Г. Кушелева, племянница князя Безбородко (см. примеч. 22). *Внук-вельможа* — Г. А. Кушелев-Безбородко (см. примеч. 22). Обращено, по всей вероятности, к Л. И. Кушелевой-Безбородко, урожд. Кроль (см. о ней стих. и примеч. 17).

68. Соч. 1887, т. 1, с. 294, где было напечатано по автографу, полученному от В. И. Головина, датировано. Последнее, неоконченное стихотворение Мея.

Из античного мира

***69.** БдЧ, 1855, № 2, с. 1, без посвящения; Стих. 1857. Печ. по Соч. 1861, с. 60, с исправлением опечатки в ст. 104 по Соч. 1862 («простиралась» вм. ошибочного «простилась»). Автограф (др. ред.) — ПД (собр. П. А. Дашкова). Там же, на отдельном листе — автограф отрывка «Упала пышнолиственная роза...» (ст. 356—368), отсутствующего в первом автографе. В письме к А. В. Старчевскому от 1854 г. (помета карандашом) Мей обещает доставить ему «Цветы» для напечатанья. Однако неизвестно, кому принадлежит помета (вероятно, Дашкову), кроме того, работа над текстом могла вестись и в 1855 г., поэтому стихотворение нельзя безоговорочно датировать

1854 г. Некоторыми деталями восходит к римским историкам — Светонию и Тациту, но основной сюжетный ход, по-видимому, художественный вымысел, хотя сам Мей и отрицал это. «Приношу Вам искреннюю благодарность за историческое указание о Гелиогобале, — писал он М. П. Погодину, — хотя я твердо уверен, что проделка с цветами принадлежала также и Нерону» (БЛ, без даты). *Кушелев-Безбородко* — см. примеч. 22. *Золотые чертоги* — роскошный и огромный дворец, выстроенный Нероном и названный им «Золотым»; включал не только различные строения, но также луга, пруды и рощи. *Нерон* — римский император (54—68), известный своей распущенностью и жестокостью; считал себя великим артистом (певцом, музыкантом, актером) и жестоко расправлялся с людьми, которых подозревал в неуважении к своим талантам. *На раздвижном... потолке.* Светоний сообщает, что в Золотом дворце потолки были с поворотными плитами для того, чтобы рассыпать цветы. *Софоний-Тигеллин* (ум. 69) — временщик Нерона, начальник преторианской гвардии. *За дочерей Германика когда-то* и т. д. Тигеллин был возлюбленным двух дочерей римского военачальника Германика (15 до н. э. — 19) — Агриппины (матери Нерона) и Юлии, за что был сослан на юг Италии (в Калабрию). *Энобарб* (Агенобарб) — родовое прозвище Неронов (буквально: меднобородый); будучи усыновлен императором Клавдием, Нерон отказался от этого имени, но потом принял его вновь. *Агриппа* (62—12 до н. э.) — римский полководец и государственный деятель, зять императора Августа, построивший в Риме водопровод, бани и множество других сооружений; пруд Агриппы находился предположительно на поле Агриппы, к востоку от Марсова поля; плот, сооруженный Тигеллином, описан у Тацита. *Поппея* Сабина — вторая жена Нерона, впоследствии убитая им. *Октавия* Клавдия (42—62) — первая жена Нерона, оклеветанная и казненная им. *Петроний* Гай (ум. 66) — римский вельможа, писатель-сатирик, считавшийся в Риме законодателем вкусов, судьей изящного. *Альбион* — Англия. *Мона* — остров у берегов Англии, на который в 61 г. высадился римский полководец *Светоний* Паулин. *Орлы* — см. примеч. 6. *Капитолий* — см. примеч. 6. *Внимал стихам, написанным на тему* и т. д. Светоний сообщает, что Нерон часто «пел трагедии» (т. е. песенные переработки трагедий, среди которых были «Роды Канаки», «Орест-матереубийца» и др.). *Певцов лидийских цитры зазвучали.* Лидия — область в Малой Азии; ее певцы славились своим искусством. *В железных клетках завывали звери.* Нерон держал в своем огромном дворце диких зверей для цирковых представлений. *Гельогабал* (Гелиогобал) Марк Аврелий Антоний — римский император (218—222), известный своим распутством.

70. БдЧ, 1855, № 11, с. 90, с предисловием автора; Стих. 1857 с посвящением «Графу Григорию Александровичу Кушелеву-Безбородко» и без предисловия. Печ. по Соч. 1861, с. 55. Приводим в сокращении предисловие журнальной редакции. «Фринэ — знаменитая греческая гетера, по одним авторам, уроженка г. Мегары... В 364 г. до Р. Х. она появилась в Афинах между бедными торговками Народной площади. Нищенское рубище не могло скрыть ее ослепительной красоты, и вскоре слава ее разнеслась по всей Элладе... Появление

ее на Элевзинских таинствах Кипридой Анадиоменой (выходящей из воды) — также исторический факт. Пракситель тогда же изваял с нее свою Киприду Милосскую». *Пракситель* (ок. 390—340 до н. э.) — древнегреческий скульптор. *Гнатена* — известная коринфская гетера, современница Фринэ. *Прометеева жгучая сила* — огонь, похищенный титаном Прометеем с небес и отданный людям; здесь: вдохновение. *Элевзинские празднества* — ежегодные религиозные торжества в г. Элевсине, посвященные богине земного плодородия — Деметре. *Аттика* — часть Греции (главный город — Афины). *Венчанные Крона рукою* — т. е. седые.

71. «Пантеон», 1856, № 2, с. 51, под загл. «Графу Ф. П. Толстому». Печ. по Стих. 1857, с. 175. Автограф — Рукописный отдел Института литературы АН УССР. Датируется по автографу. Федор Петрович *Толстой* (1783—1873) — медальер, гравер, скульптор и живописец. *Пермесская богиня* — муза (от реки Пермесс, стекавшей с горы Геликон, где обитали музы).

72. СО, 1858, № 5, с. 129, с посвящением: «(Посвящается графу Федору Петровичу Толстому)», датировано; Соч. 1861. Печ. по Соч. 1862, т. 2, с. 170. *На рынке паросском.* Парос — остров в Эгейском море, который славился своим мрамором. *Феб утомленный закинул свой щит златокованный за море* — т. е. солнце зашло; Феб — бог солнечного света, изображался на колеснице с солнечным диском в руках. *Гелиос с неба спускал колесницу* — т. е. наступала ночь.

73. СО, 1859, № 3, с. 71, датировано. Вошло в Соч. 1861. *Светозарный* — Феб (Аполлон). *Юный пастырь Адметов* — Аполлон, который, искупая убийство циклопов, служил пастухом у царя Адмета.

74. «Дамский вестник», 1860, № 1, с. 3, с подзаг.: «(Помпейская фреска)», датировано. Печ. по Соч. 1861, с. 59, где дано вслед за стихотворением «Фрески. Дафнэ», но совершенно самостоятельно (это подтверждается шрифтом заглавия и оглавлением). То же расположение и соотношение стихотворений в Соч. 1862 г. Очевидно, Мей так и не создал цикла «Фрески», написав только первое стихотворение («Дафнэ»); «Плясунью» же по каким-то соображениям он туда не включил. Датируется по письму к А. В. Старчевскому от 13 октября 1859 г., которому Мей посылал видимо только что созданную «Плясунью».

75. «Светоч», 1860, № 5, с. 1. Печ. по Соч. 1862, т. 2, с. 199. Вошло в Соч. 1861. *Месяц Януса вешнею ночью встречает.* Из-за вставных месяцев в римском календаре (в високосном году вставлялось три лишних месяца) январь (месяц Януса) мог приходиться на весну. *Август Октавий* (63 до н. э. — 19) — римский император. *Меценат* Гай Цильний (I в. до н. э.) — советник Августа в гражданских войнах; удалившись от государственных дел, приобрел известность как покровитель поэтов; его дом и сады находились на Эсквилине, в самой здоровой по природным условиям части Рима; Август часто бывал и подолгу гостил у Мецената. *Юлия* — очевидно, дочь Августа Юлия Старшая (39 до н. э. — 14); император Калигула, правнук Августа, уверял, как сообщал Светоний, что его мать Агриппина

родилась от кровосмесительной связи Августа с дочерью Юлией, впоследствии она была сослана Августом за развратное поведение. *Агриппа* — см. примеч. 69. *Пилад* — мимический актер, знаменитый во времена Августа. *Гораций* Флакк (65—8 до н. э.) — римский лирический поэт, друг Мецената и Августа. *Овидий* Назон (43 до н. э. — 17) — римский поэт, сосланный Августом на Дунай как свидетель преступлений его внучки Юлии Младшей (у Мея ошибочно — Юлии Старшей). *«Золотой чертог»* — Золотой дворец Нерона (см. примеч. 69). *Витрувий* — см. примеч. 58. Ему принадлежало в Риме множество прекрасных сооружений. *Зевес-Электор* — т. е. метатель молний. *Звезда загорелась на небе восточном.* По евангельскому преданию, о рождении Христа возвестила загоревшаяся на небе звезда. *«Слава в вышних богу!»* — в Евангелии славословие ангелов во время рождения Христа; начальные слова рождественской молитвы. *Вынимает из яслей мать младенца.* Христос, по Евангелию, родился в яслях (кормушке для скота).

76—81. ПВ, 1861, № 15, с. 331, с посвящением Н. И. Кролю, с ценз. исключением двух последних стихов в камее 4. Печ. по Соч. 1862, т. 2, с. 178, с исправлением опечатки в ст. 4 камеи 4 по журналу («тирские» вм. ошибочного «турские»). Примеч. к камее 4, видимо, вызвано цензурными соображениями.

1. *Юлий Кесарь* — Юлий Цезарь (100—44 до н. э.). *Сервилия* — возлюбленная Юлия Цезаря; по преданию, свела с Цезарем также и свою дочь Юнию Третью.

2. *Юлия* — Юлия Старшая, см. примеч. 75. *Требония* — Скрибония, первая жена Августа (см. примеч. 75), мать Юлии. *Ливия* Друзилла (55 до н. э. — 29) — вторая жена Августа. *Лидия* — имя вымышленное. *Овидий* — см. примеч. 75.

3. *Тиверий* — Тиберий (42 до н. э. — 37), римский император, пасынок Августа, отличавшийся крайней жестокостью и распутством; его правление отмечено бесконечными казнями; последние 10 лет жизни провел на Капрее (о. Капри), считая, что в Риме ему грозит опасность. Тиберий страдал язвами, покрывавшими его тело.

4. *Калигула* Гай (12—41) — римский император, прозванный Калигулой (солдатский сапог), так как воспитывался среди солдат; был в связи со своими сестрами. *Тирские ковры.* Тир — ремесленный и торговый город на Ближнем Востоке.

5. *Клавдий* (10 до н. э. — 54) — римский император; женился на своей племяннице *Агриппине* (сестре Калигулы), которая, по преданию, и отравила его, дав ему яд в белых грибах, с целью передать власть своему сыну — Нерону.

6. *Поппея* — см. примеч. 69.

82. РС, 1861, № 8, с. 36, датировано. Печ. по Соч. 1862, т. 2, с. 181. *Галлиен* (218—268) — римский император.

Былины. Сказания. Песни

***83.** «Голоса из России», кн. 4, Лондон, 1857, с. 41, без подписи; Соч. 1887, т. 1, с. 318, под загл. «Последнее прощанье» (возможно, редакторским, так как в тексте вступ. статьи к изданию В. Р. Зотов

называет стихотворение — «Вечевой колокол»). Печ. по «Голосам из России» с исправлением опечаток по Соч. 1887. Автограф (др. ред.) — ЦГАЛИ, под загл. «Вечевой колокол». В прижизненные издания не вошло, очевидно по цензурным причинам. Датировано на основании указания В. Р. Зотова 1840 г. В 1478 г. Новгородское вече было уничтожено Иваном III, а вечевой колокол, символ новгородской вольности, был снят и увезен в Москву. *Вадимова площадь* — площадь против Ярославова дворца, где на вечевой башне висел колокол. *Рыцари* — рыцари Тевтонского или Ливонского ордена. *Югория* — территория, расположенная на северных отрогах Урала и населенная в XV в. кочевниками (югрой); новгородцы вели с ними торг. *Ганзейские.* Ганза — торговый и политический союз северо-германских городов в XIV—XV вв. *От великого князя Московского* — от Ивана III (1440—1505), присоединившего Новгород и его земли к Москве. *Ярослав* Мудрый (978—1054) — киевский князь; в 1014—1018 гг. был новгородским князем; новгородцы помогли ему занять киевский стол, за что получили относительную самостоятельность. Андрей *Боголюбский* (1111—1174) — великий князь владимиро-суздальский; в 1170 г. осадил Новгород, желая подчинить его своей власти, но был разбит новгородцами. *Александр* Невский (1220—1263) 15 июля 1240 г. во главе новгородского ополчения разгромил шведов и финнов на Неве, при впадении в нее Ижоры (Невская битва).

84. М, 1849, № 12, с. 43, с пропуском ст. 21—22. Печ. по СО, 1856, № 21, с. 186, где было напечатано с редакционным примеч.: «Это стихотворение было уже напечатано в июльском № «Москвитянина» 1849 года, но напечатано со случайным пропуском. Редакция «Сына отечества», с согласия автора, помещает это стихотворение вполне». Вошло в Соч. 1861. Автограф — ГПБ (альбом Г. П. Данилевского, с двойной датой: 14 февраля 1849/1855; вторая дата, — очевидно, время альбомной записи).

85. БдЧ, 1855, № 1, с. II; Стих. 1857, без загл. Печ. по Соч. 1861, с. 100.

86. СО, 1856, № 17, с. 96; Стих. 1857. Печ. по Соч. 1861, с. 126. Хотя Мей и настаивает в примечаниях на том, что он ничего не менял в своей записи, однако вероятнее всего «Предание» подверглось литературной обработке, недаром поэт помещал его во всех собраниях своих произведений. Это предположение подтверждается и мнением фольклористов, например Н. П. Андреева (см. его вступ. статью к сб. «Былины», «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1938, с. 10). П. Д. Ухов, отстаивая подлинность предания (былины), ссылается на почти полное совпадение текста Мея и Шевырева, хотя последний и получил свой список от некоего Никотина (П. Д. Ухов, О подлинности текста былины, записанной Меем. — «Научные доклады высшей школы. — Филологические науки», 1958, № 1, с. 86—99). Однако исследователь упускает из виду, что Никотин — это сосед и родственник Мея и располагал он, по всей вероятности, не собственной записью, а копией с текста Мея (это утверждает и сам Мей в своих примечаниях к былине). Примечания. *Шевырев* С. П. (1806—1864) — поэт, литературный критик консервативного направления, профессор Москов-

ского университета. *Вельтман* А. Ф. (1800—1870) — писатель, автор ряда романов, повестей, стихотворений, исторических трудов, в 1840—1850-х годах заведовал Оружейной палатой в Кремле.

87. СО, 1856, № 30, с. 69, под загл. «Песня на два голоса». Печ. по Стих. 1857, с. 231. Автографы — ПД, без загл. и даты, и ГПБ (альбом С. Г. Мей), дата: 17 апреля 1858 г. Вошло в Соч. 1861. Положено на муз. Ю. К. Арнольдом, А. Дюбюком. Е. И. *Э⟨сауло⟩ва* (Есаулова) — двоюродная сестра С. Г. Мей, воспитывалась в семье Полянских. *Чернобровая.* Вероятно, речь идет о С. Г. Мей.

***88.** М, 1850, № 21, с. 94 (др. ред.); БдЧ, 1857, № 11, с примеч., разъясняющим, что вторая половина стихотворения написана заново; Стих. 1857. Печ. по Соч. 1861, с. 114. Легло в основу оперы П. И. Бларамберга «Девица-русалка».

***89.** БдЧ, 1856, № 11, с. 2, с другой заключительной строфой и примеч. Мея, датировано. Печ. по Стих. 1857, с. 213. Вошло в Соч. 1861. Примеч. в БдЧ: «*Вихрем* называется пыльный столп, вдруг поднимающийся воронкой на песчаной дороге, на жниве или на пару; поднявшись из земли, он вертится и продвигается вперед как-то осмотрительно — будто идет. Вероятно, на этом непонятном для простолюдина физическом явлении основано связанное с языческими преданиями поверье, что вихри — существа одушевленные; что если в вихорь бросить какое-нибудь острое орудие, например нож, — на ноже останется кровь, а бросивший умрет ровно через год».

90. Стих. 1857, с. 209. Вошло в Соч. 1861. В Соч. 1861 и Соч. 1862 открывало раздел песен, былин, сказаний. Возможно, именно это стихотворение упоминает Мей в письме А. В. Старчевскому от 21 июля 1856 г.: «„Русскую песню“ передам и прочту лично. Не-едурна!» (ПД). Песни, озаглавленной «Русская», у Мея нет; «Запевка» же названа русской песнью в ее первом стихе. Положено на муз. К. К. Альбрехтом, М. А. Балакиревым, А. К. Глазуновым и др.

91. РС, 1859, № 3, с. 203. Печ. по Соч. 1861, с. 178, с исправлением опечаток в примеч. по РС. О датировке см. Соч. 1947, с. 537. В письме к Н. Ф. Щербине (ПД, без даты) Мей писал: «Хочу прочесть, хотя и чужими устами, Вам хочу прочесть «кн. Ульяну Вяземскую». Это вывод из всей моей летописной работы». *Вяземский* П. А. (1792—1878) — поэт, критик, друг А. С. Пушкина. *Духов день* — церковный праздник (сошествия святого духа), второй день Троицы. *Как сам Спас наказал нам в Евангельи* и т. д. Видоизмененные цитаты из Апокалипсиса, книги Евангелия, содержащей пророчества о конце света. *Василий* I (1389—1425) — великий князь московский, сын Димитрия Донского. *Опочка* — старинный город (ныне в Великолукской обл.). *Немига* — р. Немиза, приток Свислочи, которая в свою очередь является притоком Березины. *Изгибается он в три погибели* и т. д. Имеются в виду различные мотивы плясовых песен и сопровождающие их телодвижения: спиря — пляска под песню «Спиря, Спиря, Спиридон! . .»; ходить селезнем — охорашиваться, поднимая голову; фертом — т. е. избоченясь, может быть, плясать под песню «Там я барыней пройдуся, фертом в боки подопруся. . .» и т. п. *Вздви-*

женье — Воздвижение честного креста, церковный праздник, отмечавшийся 14 сентября. Примечания. *В великокняжение Димитрия Ивановича Донского* — т. е. в период с 1359 по 1389 г.

92. РМ, 1859, 2 января, датировано. Вошло в Соч. 1861. *Загуляева* Н. А. (в замуж. Арнольд) — сестра литератора М. А. Загуляева, приятеля Мея. *Основу сновать* — ткать.

93. СО, 1859, № 10, с. 259. В прижизненные издания не вошло.

94. БдЧ, 1859, № 11, с. 1; Соч. 1861. Печ. по Соч. 1862, т. 2, с. 271, с исправлением опечатки в ст. 34 («подкатили» вм. ошибочного «покатили», ср. в ст. 36: «подлетели») и в ст. 91—92 (два стиха ошибочно слиты в один в Соч. 1861: «хоть пришлось бы в Чернигове», эта погрешность наличествует и в Соч. 1862). *Евпатий Коловрат* — легендарный герой, фигурирующий в летописи. Глава 1. *Юрий Ингоревич* — рязанский князь Георгий Игоревич (ум. 1237). Глава 2. *Батый* (ум. 1255) — монгольский хан, внук Чингисхана, основатель Золотой Орды; Рязань была взята и разорена им в 1237 г. Глава 9. *Вся насыпана жемчугом; Весь серебряный.* По народным русским повериям, видеть во сне жемчуг и серебро не к добру. Примечания. *Охабиса лестию* — здесь: обманув, притворно согласившись. *Аще благая прияхом от руки господня, то злых ли не потерпим* — т. е. если благо принимаем от руки господа, то не потерпим ли зла.

95. «Светоч», 1860, кн. 3, с. 23. Вошло в Соч. 1861. Положено на муз. М. А. Балакиревым, П. И. Чайковским.

96. «Светоч», 1860, кн. 5, с. 16, с подзаг.: «Песня из оперы «Ивановская ночь». Музыка М. А. Балакирева». Печ. по Соч. 1861, с. 99. В. Р. Зотов сообщает, что Мей собирался писать либретто оперы (Соч. 1887, с. XXXIX). Положено на муз. также П. С. Макаровым, М. П. Мусоргским, П. Щуровским.

97. «Светоч», 1860, кн. 11, с. 64. Печ. по Соч. 1861, с. 97. В прижизненные издания не вошло.

98. «Светоч», 1861, кн. 6, с. 46. В ст. 9 исправляется по Соч. 1887 опечатка: «угадчивый» вм. ошибочного «угарчивый». В Соч. 1887, т. 1, дан несколько иной текст, как предполагает С. А. Рейсер — правленный В. Р. Зотовым (см. Соч. 1947, с. 541). *Крестовский* Всеволод Владимирович (1840—1895) — писатель, сотрудник «Русского слова».

99. «Время», 1861, № 2, с. 411, без посвящения, датировано. Печ. по Соч. 1861, с. 117, с исправлением по журналу опечатки в ст. 113 («на стороже» вм. ошибочного «на сторожке»). В журнале примеч.: «*Клич* — народный синоним эха». *Липин* Н. И. (1812—1877) — муж двоюродной сестры Мея Ю. И. Липиной, инженер-путеец. *До третьего... Спаса* — т. е. до конца лета (третий Спас — 16 августа). *Для ней-то под Купалу* и т. д. Папоротник, по народному поверью, цветет только в волшебную ночь под Ивана Купала (23 июня).

100. СО, 1861, № 11, с. 340, датировано. Печ. по Соч. 1861, с. 175. В Соч. 1862 в ст. 38 «бесстыдные», однако, по-видимому, это опечатка, а не авторская правка, так как и в первопечатном тексте, и в тексте Соч. 1861, подготовленном самим Меем, — «бесстудные». В основе лежит летописный рассказ («Новгородская летопись») о событии второй половины XI в. Сюжет был использован ранее В. Н. Олиным («Эстонский кудесник», 1827) и Н. М. Языковым («Кудесник», 1827). *Щербина* Н. Ф. (1821—1869) — поэт; Мей находился с ним в дружеских отношениях. *Благовестник* — колокол Софийского собора в Новгороде.

101. СПч, 1861, 18 апреля, датировано. Печ. по Соч. 1862, т. 2, с. 323, с исправлением опечаток и восстановлением опущенных ст. 71—73 по СПч. В основе — летописный рассказ о победе Александра Невского (см. примеч. 83) над шведами. Н. А. Римский-Корсаков начал кантату на текст стихотворения, но не закончил ее. *Ижора* — см. примеч. 83. *Варяжское... море* — Балтийское море. *Пелгусий* — старейшина Ижорской земли. *Александр Ярославич* — Александр Невский. *Владыка* — архиепископ Новгородский и Псковский Спиридон (ум. 1249). *Борис* и *Глеб* — сыновья киевского великого князя Владимира Святославича, убитые в 1015 г. своим братом Святополком и причисленные православной церковью к лику святых. *Магнус* — имя нескольких шведских королей; однако Невская битва произошла не при Магнусе, а в правление Эрика Эриксона XI. *Ратмир, Миша, Яков, Савва, Сбыслав Якунович, Гаврило Олексич* — упоминаемые в летописи (в «Житии Александра Невского») «шесть мужей храбрых и сильных», сподвижники Александра Невского. Гаврило Олексич — по преданию, предок А. С. Пушкина. *Александр Благоверный* — Александр Невский. *Софийский собор* — главный храм в Новгороде, так как покровительницей города считалась св. София. *Бюргер* — Биргер (ум. 1266), зять короля Эрика XI, предводитель шведов в Невской битве. *Сам Спиридон* — здесь: шведский епископ и воевода. *Благовестник* — см. примеч. 100. *Грамота смертная* — лист с отпущением грехов, который вкладывался по христианскому обряду в руку покойного.

На библейские мотивы

102. М, 1852, № 8, с. 245, под загл. «Картины древнего мира. Видение» и без ст. 1—15 и ст. 183—186, замененных по цензурным соображениям строкой отточий; Стих. 1857. Печ. по Соч. 1861, с. 38. Датируется 1851 г., так как еще в июле 1851 г. должно было быть напечатано в М (№ 13), но было снято (уже набранное) по требованию духовной цензуры и заменено в последний момент стихотворением Фета (см. А. А. Григорьев, Материалы для биографии. Под ред. Влад. Княжнина, Пг., 1917, с. 129 и 381; Н. П. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 11, СПб., 1897, с. 403—405 и 530, 547). В письме к М. П. Погодину от 12 августа 1851 г. Мей писал: «С сокрушенным сердцем, исправив начальные строки и уничтожив многопоминаемое *мимо*, спешу доставить Вам... корректурный листок моего стихотворения» (БЛ). Сняв начало и концовку, Мей уничто-

жил связь стихотворения с евангельским сюжетом (искушение Христа сатаною, Ев. от Луки, гл. 4), на который оно написано. *Синай* — горный массив у берегов Красного моря. на юге Синайского полуострова. *Иордан* — река в Палестине, где, по преданию, крестился Христос. *Десницей карающей выжженный край.* Вероятно, подразумеваются Содом и Гоморра — города в Иудее; они были испепелены богом за то, что жители их закоснели в разврате. *Сион* — см. примеч. 45. *Голгофа* — холм, на котором был распят Христос. *Мерид* — озеро в Египте. В *ст. 79—98* речь идет о России. *Тарпейская скала.* В Древнем Риме с этой скалы сбрасывали осужденных на смерть. *Капитолий* — см. примеч. 6. *Тирринея* — Тирренское море. *Капрея* — о. Капри, который сделал своей резиденцией в последние годы жизни император Тиберий (см. примеч. 76—81). *Под кустом отдыхает сатир-паразит* и т. д. Римский историк Светоний рассказывает, что Тиберий на Капри «в лесах и рощах... повсюду устроил Венерины местечки, где в гротах и между скал молодые люди обоего пола предо всеми изображали фавнов и нимф». *С змеей на груди.* У Тиберия была ручная змея. *Лаисы* и *Глицерии* — традиционные в поэзии имена развратных и продажных женщин.

103. «Раут», кн. 3, М., 1854, с. 17, под загл. «На реках Вавилонских». Печ. по Стих. 1857, с. 29. Автограф — БЛ (ф. М. П. Погодина). Наборная цензурованная рукопись — ГПБ (описание см. примеч. 109—121). Вошло в Соч. 1861. Переложение 136-го псалма Давида. В 588 г. до н. э. Иерусалим, по библейскому преданию, был разрушен вавилонским царем Навуходоносором, а жители его уведены в плен. В русской поэзии существуют многочисленные переложения этого псалма; некоторые из них, особенно принадлежащие декабристским и околодекабристским поэтам, имеют социальный смысл (например, у Ф. Н. Глинки, Н. М. Языкова). *Давид* — по Библии, второй иудейский царь (1055—1015 до н. э.), поэт, псалмопевец и воин. *Иеремий* (Иеремия) — древнееврейский пророк; в Библию входят «Книга пророка Иеремии» и «Плач Иеремии», в котором он предрекал падение Иерусалима. *О вершинах сионских.* Сион — см. примеч. 45. *Шалим* — Иерусалим. *Эдомляне* — жители Эдома, древнего государства, расположенного на территории современного Иордана и враждовавшего с Иудеей, одно время поработившей его. По Библии, во время разрушения Иерусалима ассирийцами эдомляне ликовали и злорадствовали.

104. БдЧ, 1856, № 1 (ц. р. 31 декабря 1855), с. 3; Стих. 1857. Печ. по Соч. 1862, т. 2, с. 18. Вошло в Соч. 1861. Переложение библейской «Книги Юдифи». Ст. 170—200 — переложение песни Юдифи («Книга Юдифи», гл. 16, ст. 1—17). *Ветилуя* — иудейский город, осажденный ассирийцами. *Олоферн* — вождь ассирийцев, посланный вавилонским царем Навуходоносором для усмирения волнующихся еврейских племен. *Ниневия* — столица древней Ассирии.

105. СО, 1856, № 22, с. 212, без посвящения. Печ. по Стих. 1857, с. 31. Вошло в Соч. 1861. Наборная цензурованная рукопись — ГПБ (см. примеч. 109—121), с посвящением «Николаю Ивановичу Кролю». *Кроль* Н. И. (1823—1871) — литератор, брат Л. И. Кроль, жены Г. А. Кушелева-Безбородко.

106. БдЧ, 1857, № 3, с. 50, под загл. «Псалом Давида», подзаг: «(На единоборство с Голиафом)». Печ. по Соч. 1861, с. 19. Наборная цензурованная рукопись — ГПБ (см. примеч. 109—121). Вошло в Стих. 1857. Переложение 151-го псалма Давида. *Давид* — см. примеч. 103. *Пас отцовские стада.* Давид до помазанья на царство был пастухом. *Иноплеменник* — вождь филистимлян, великан Голиаф, которого Давид убил камнем из пращи в ответ на вызов, брошенный Голиафом еврейским воинам. Положено на муз. Ю. К. Арнольдом.

107. PC, 1859, № 4, с. 176, датировано. Печ. по Соч. 1862, т. 2, с. 26. Вошло в Соч. 1861. Написано на библейский сюжет («Первая книга царств», гл. 28). *Саул* — в Библии первый царь еврейский, помазанный на царство пророком *Самуилом*; вначале был любим народом, но впоследствии возгордился, погряз в преступлениях и разврате; его преследовал злой дух, отступавший только перед пением Давида, однако и Давида Саул злобно преследовал как претендента на престол. После того как евреи были разбиты филистимлянами в битве при Гелвуе, а дети Саула убиты, царь покончил с собой и на престол взошел Давид, еще при жизни Саула тайно помазанный Самуилом на царство. *Сулем* — Иерусалим. *Филистимляне* — племя, жившее в Палестине и воевавшее с израильтянами; в битве при Гелвуе филистимляне нанесли им серьезное поражение. *Сион* — см. примеч. 45.

***108.** СО, 1858, № 25, с. 715, датировано. Печ. по Соч. 1861, с. 20. В СО к ст. 20 было сделано примеч. (возможно, из цензурных соображений): «Принимая это выражение в смысле неточном». Переложение библейского рассказа («Вторая книга царств», гл. 11—12). *Нафан* — библейский пророк, современник Давида и Соломона. *Псалмопевец и царь* — Давид (см. примеч. 103, 106, 107). *Аммониты* — племя, жившее в древности на восточном берегу Иордана и враждовавшее с израильтянами. *Раббав* — Рабба, главный город аммонитов. *Иоав* — иудейский военачальник Давида. *Бэт-Шэба* (в греческой транскрипции — Вирсавия) — супруга *Урии*, одного из военачальников Давида. *Сын его умер.* Имеется в виду Авессалом, второй сын Давида, который убил своего старшего брата, а затем бежал из Иерусалима и поднял восстание против Давида; был убит в сражении, принесшем поражение восставшим (см. также примеч. 171). *Соломон* — в Библии царь еврейского народа (ок. 960—935 до н. э.), сын и наследник Давида; славился своей мудростью.

109—121. В качестве цикла: БдЧ, 1856, № 9, с. 3 (№№ 2, 4, 6); Стих. 1857, с. 11 (№№ 1—6); СО, 1860, № 25, с. 813 (№№ 7—11); СО, 1860, № 28, с. 897 (№№ 12, 13); Соч. 1861, с. 27 (№№ 1—13). Автографы песен 1—6 — ГПБ (ф. С. Г. Мей, наборная цензурованная рукопись, датированная 1858 г.) и там же авторизованная писарская копия песен 7—13, датированная 29 июня 1859 г.; автограф песен 1, 8, 9, под загл. «Подражание восточным» — ПД (собр. П. А. Дашкова) и там же, в ПД, автографы отдельных песен (см. ниже). Наборная рукопись ГПБ, куда входят шесть еврейских песен, а также «Псалом Давида на единоборство с Голиафом», «Давиду — Иеремием» и «Подражание восточным», кроме цензорского разрешения

(5 июня 1858) имеет различные пометы, из которых явствует, что Мей продал за 200 руб. серебром 5 песен с нотами для музыкально-художественного альбома, посвятив их «графине Любови Ивановне Кушелевой-Безбородко». На обороте рукописи расписка Мея в получении 100, а затем 50 р., дата: 17 ноября 1858 г. «Еврейские песни» — переложения из «Песни песней», библейской книги, резко отличающейся от других книг Библии своим мирским содержанием; легенда приписывает сочинение «Песни песней» царю Соломону (см. примеч. 108). Загл. цикла, возможно, вызвано цензурными соображениями. Некоторые неудачные выражения переложений были обыграны в пародиях Н. С. Курочкина и др.

1. СО, 1857, № 7, с. 154, под загл. «Подражание восточным». Печ. по Стих. 1857, с. 11. Датированный автограф — ПД. Положено на муз. П. Щуровским.

2. БдЧ, 1856, № 9, с. 3, датировано. Печ. по Стих. 1857, с. 12. *Шалим* — Иерусалим. *Энгадд* — Эн-гадди, иудейский город, известный в древности обилием пальм в его окрестностях.

3. СО, 1856, № 38, с. 250, под загл. «Подражание восточным», датировано. Печ. по Стих. 1857, с. 14. Положено на муз. В. И. Главачем, М. П. Мусоргским.

4. БдЧ, 1856, № 9, с. 4, датировано. Положено на муз. В. И. Главачем. *Гор Вефильских однолеток* — т. е. одногодовалый олень, обитатель Вефильских гор. *Обрезания время* — здесь: время жатвы, созревания плода.

5. М, 1849, № 16, с. 207, под загл. «Подражание восточным». Печ. по Стих. 1857, с. 17. Положено на муз. Ю. К. Арнольдом, В. И. Главачем, Н. А. Римским-Корсаковым и др.

6. БдЧ, 1856, № 9, с. 5, датировано. Печ. по Стих. 1857, с. 18.

7. СО, 1860, № 25, с. 813. Печ. по Соч. 1861, с. 32. *Сион* — здесь: еврейский народ.

8. СО, 1860, № 25, с. 813. Положено на муз. С. В. Юферовым.

9. СО, 1860, № 25, с. 813. Датированный автограф — ПД.

10. СО, 1860, № 25, с. 813.

11. СО, 1860, № 25, с. 813.

12. СО, 1860, № 28, с. 897. Автограф — ПД (собр. П. А. Дашкова), вне цикла, под загл. «Еврейские песни».

13. СО, 1860, № 28, с. 897. Черновой автограф — ПД.

122. И, 1861, № 187, с. 187. В прижизненные издания не вошло. Написано на библейский сюжет («Исход», гл. 17). *Моисеевых книг — исход.* В Библии пять Моисеевых книг; «Исход» — вторая из них. *Моисей* — вождь еврейского народа, избавивший соплеменников от египетского плена; после долгих скитаний по пустыне (40 лет) он привел их в землю обетованную. *Днем облако, а ночью столп огня.* По Библии, бог вел евреев в пустыне, указывая им путь, днем в виде облака, а ночью — огненного столпа.

123. СПч, 1861, 30 июня, датировано. Написано на евангельский сюжет (Ев. от Матфея, гл. 9; от Марка, гл. 5; от Луки, гл. 8). На этот же сюжет И. Е. Репин написал одну из своих ранних картин: «Воскрешение дочери Иаира» (1872). *Он* — Иисус Христос. Концовка отражает либеральные надежды Мея, связанные с крестьянской реформой 1861 г.

124. СПч, 1861, 10 августа, датировано. Печ. по Соч. 1862, т. 2, с. 15. Переложение библейской легенды («Книга судей», гл. 16). *Сампсон* — древнееврейский герой, отличавшийся огромной силой, секрет которой таился в его волосах. *Филистимлянка* (см. примеч. 107) Далила выведала у Сампсона эту тайну и, во время сна обрезав ему волосы, предала врагам. Сампсон был ослеплен и посажен в подземелье храма *Дагона. Тир* и *Сидон* — финикийские города, враждовавшие с Иудеей. *Неодолимый бог* — бог любви, Эрот. *Спой, как господь поведал Моисею* и т. д. Имеется в виду исход евреев из Египта под водительством Моисея (см. примеч. 122). Во время скитаний в пустыне усталые и изверившиеся люди стали поклоняться *златому тельцу*, и с ними брат Моисея первосвященник *Аарон*; когда об этом узнал Моисей, беседовавший в это время с богом на горе Синай, он в гневе разбил *скрижали* (каменные доски с господними заповедями).

II. ПЕРЕВОДЫ

С древнегреческого

АНАКРЕОН

В 1855—1856 гг. Мей перевел целиком сборник стихотворений, приписывающийся Анакреону (ок. 570—478 до н. э.), куда, помимо нескольких стихотворений Анакреона, вошли и позднейшие подражания ему. В Соч. 1862 г. было опубликовано пространное вступление к этим переводам, содержащее мысли о существе и развитии греческой поэзии, и «Заметки об Анакреоне», где говорится о времени Анакреона, приводятся сведения о жизни поэта, его русских изданиях, говорится о трудностях перевода произведений Анакреона на русский язык. Приблизиться к «изящной простоте» их формы, по словам Мея, «крайне трудно, если не невозможно». «Заметки» завершаются указанием, что песни переведены непосредственно с греческого и что «перевод сличен с переводами иностранными и уложен, за весьма немногими исключениями, в размер, близкий к подлинному» (Соч. 1862, т. 3, с. 114).

125. СО, 1858, № 17, с. 487. Печ. с исправлением опечатки в ст. 28 («промолвил» вм. ошибочного «примолвил»). Перевод стих. «Ἄλλο Μεσονυχτίοις ποθ᾽ὥραις ...» *Как Медведица вращалась Под рукою Волопаса.* Имеется в виду положение созвездий. *Печень* у древних греков считалась местопребыванием души.

126. Соч. 1862, т. 3, с. 24. Перевод стих. «Ὑαχινθινη με ῥαβδῷ ...»

127. Соч. 1862, т. 3, с. 28. Перевод стих. «Τοῦ αὐτοῦ εἰς Ἔρωτα χήρινον — Ἔρωτα χήρινόν τις ...». *Дорическая речь* — одно из греческих наречий.

128. Соч. 1862, т. 3, с. 38. Перевод стих. «Εἰς τὸ δεῖν Πίνειν ...».

129. БдЧ, 1855, № 4, с. 197, без подзаг. Печ. по Стих. 1857, с. 51 (подзаг. — в оглавлении). Автограф — ГПБ (альбом Н. В. Гербеля), под загл. «К Вафиллу», вместе со стих. «Дайте мне вина, девицы. . .» под общ. загл. «Из Анакреона», с пометой (другими чернилами): (1854 года). Перевод стих. «Εἰς Βαθυλλον» («Παρὰ τεν σχιὴν Βαθύλλου...»).

130. Соч. 1862, т. 3, с. 44. Перевод стих. «Εἰς ἑαυτον» («Ἐπειδὴ Βροτός 'ετεχθην ...»).

131. Соч. 1862, т. 3, с. 55. Перевод стих. «Εἰς χελιδόνα». *Мемфис* — город Древнего Египта, одно время был его столицей.

132. Соч. 1862, т. 3, с. 63. Перевод стих. «Εἰς Ἔρωτα». («Ἔρως πότ εν ρόδοισι ...»).

133. Соч. 1862, т. 3, с. 66. Перевод стих. «Εἰς ἑαυτόν» («Ποθέω μὲν Διονύσου ...»).

134. Соч. 1862, т. 3, с. 92. Перевод фрагмента: «Ξανθῇ δ'Εὐρυπύλῃ μέλει ...». В некоторых изданиях Анакреона вместо этого фрагмента два самостоятельных, но Мей, очевидно, пользовался французским изданием «Odes d'Anacréon, traduites en françois avec le texte grec, la version latine, des notes critiques, et deux dissertations», Paris, de l'imprimerie de Pierre Didot l'âîné, an VII, в котором приводятся параллельно греческий, латинский и французские тексты и дан, как у Мея, один фрагмент об Артемоне, со строкой отточий внутри этого фрагмента.

ФЕОКРИТ

Мей начал переводить идиллии Феокрита (III в. до н. э.), завершив перевод Анакреона, т. е. в 1856 г. Кроме греческого подлинника поэт использовал французские и русские переводы Феокрита.

135. БдЧ, 1856, № 5, с. 1, с подзаг. «Идиллия Феокрита», без ст. 200—203, второй половины ст. 205 и ст. 206—208, изъятых по цензурным соображениям, датировано. Печ. по Стих. 1857, с. 93. Перевод идиллии II «Φαρμακεῖτριαι». *Багряного руна заворожений свиток.* Шерстяными красными нитями обвязывались во время магических обрядов разные предметы, чтобы привязать заклинаемое лицо к совершающему обряд. *Лают псы... Их вой вещает нам.* Собак приносили в жертву Гекате, поэтому считалось, что в полнолуние они воют от страха, почуяв приближение страшной богини. *Спешите в медный щит ударить.* Удары в медный щит или чашу отвращали духов, по повериям древних. *Гиппоман* — аркадская травка, буквально: «конское безумие». В сочинениях Вергилия и Плиния это

какой-то яд, выделяемый животными в брачный период. *Филин* — бегун с острова Кос, победитель на Олимпийских играх в 264—260 гг. до н. э. *С свежими плодами.* Подношение яблок у древних считалось объяснением в любви. *В венке из тополя.* Венки из веток серебристого тополя носили юноши-атлеты, так как тополь был посвящен Гераклу, их покровителю. *Бывал и бог огня огнем любви сожжен.* Имеется в виду или Гефест, в греческой мифологии бог огня, супруг богини любви и красоты Афродиты (по другому мифу — хариты Аглаи), или бог небесного огня (молнии) Зевс, известный своими любовными приключениями. *Едва лишь кони Феба* и т. д. — т. е. едва взошло солнце. По греческому мифу, бог солнца Гелиос, который часто отождествлялся с богом солнечного света Фебом (Аполлоном), каждое утро выезжает на небо на колеснице, запряженной четверкой огнедышащих коней, а вечером спускается в Океан.

Из народных славянских песен

136—137. 1. М, 1845, № 3, с. 15, с другим порядком строф 3 и 4, без подписи; СО, 1856, № 12. Печ. по Стих. 1857, с. 193. Положено на муз. П. П. Булаховым, Н. А. Нельсоном.

2. СО, 1858, № 8, с. 224.

138—139. В виде цикла — Соч. 1862, т. 3, с. 623.

1. М, 1849, № 20, с. 335, под загл. «Русняцкая песня». Печ. по Стих. 1857, с. 199. Положено на муз. Л. Ф. Энгелем.

2. БдЧ, 1855, № 11, с. 142, под загл. «Русняцкая песня». Печ. по Стих. 1857, с. 165. Положено на муз. М. П. Мусоргским, Ц. А. Кюи, Л. Ф. Энгелем.

140—141. В виде цикла из двух стихотворений под загл. «Моравские песни» — альм. «Поэтические эскизы», М., 1850, с. 20.

1. «Поэтические эскизы», с. 20, без двух последних строф, изъятых, вероятно, по цензурным причинам; СО, 1856, № 13, полностью, в качестве первого стихотворения цикла из трех стихотворений под загл. «Моравские думы». Печ. по Стих. 1857, с. 177.

2. «Поэтические эскизы», с. 24; СО, 1856, № 13, в качестве третьего стихотворения цикла. Печ. по Стих. 1857, с. 179.

Оба стихотворения встречаются в песенниках до 1906 г.

С украинского

Т. ШЕВЧЕНКО

142. «Народное чтение», 1859, № 3, с. 159, датировано. Печ. по изд. «Кобзарь Т. Шевченко в переводе русских поэтов», СПб., 1860, с. 75. Перевод стих. «Хустина». *Госпожинки* — двухнедельный пост перед Успеньем богородицы и самый день Успенья (15 августа); праздник совпадал с уборкой урожая, после которой обычно игрались свадьбы. *Чигирин* — резиденция Богдана Хмельницкого; одно время столица гетманской Украины. *Полковник* — глава казачьих войск, уходящих в поход.

С польского

А. МИЦКЕВИЧ

В 1857 г. Мей вместе с Н. В. Гербелем собирался выпустить сочинения А. Мицкевича в переводах русских поэтов и даже обратился за разрешением на издание в Главное управление цензуры. Однако это намерение осуществлено не было, хотя имя Мицкевича в то время уже не находилось под цензурным запретом (в николаевскую эпоху переводы из Мицкевича выходили без его имени).

143. М, 1849, № 12, с. 212, под загл. «„Pieszczotka moja" (С польского)». Печ. по Стих. 1857, с. 171; подзаг. («С польского») не воспроизводится. Перевод стих. «Do D. D.». Положено на муз. П. И. Чайковским, В. И. Главачем, Н. А. Римским-Корсаковым, П. Щуровским.

144. М, 1852, № 2, с. 166, под загл. «„Kochanka moja". (С польского)». Печ. по Стих. 1857, с. 191; подзаг. не воспроизводится. Перевод стих. «Rozmowa».

145. СО, 1859, № 22, с. 598, под загл. «Отрывок из поэмы Мицкевича „Пан Тадеуш"»; № 23, с. 625, под загл. «Облава. Отрывок из „Пана Тадеуша" (продолжение)»; № 24, с. 654, под загл. «Облава. Из поэмы Мицкевича „Пан Тадеуш" (окончание)»; датировано. Перевод отрывка из 4-й кн. поэмы «Pan Tadeusz» (1834). *Ноев ковчег.* По Библии, бог, карая грешное человечество всемирным потопом, повелел праведнику Ною построить огромный корабль — ковчег и спасти на нем свою семью, а также семь пар чистых и семь пар нечистых животных, чтобы населить землю после потопа. *Как в день шестой* и т. д. Человек, по библейской легенде, был создан на шестой день сотворения мира и до его грехопадения среди живых существ не было ни вражды, ни смерти. *Праотец* — Адам. *На горячий* (охотн. термин) — на горячий след. *По зрячему* (охотн. термин) — гон по уже видимому зверю.

Б. ЗАЛЕССКИЙ

146. «Светоч», 1861, кн. 4, с. 35. Перевод стих. Б. Залесского (1802—1886) «Dwojaki koniec».

З. КРАСИНСКИЙ

147. «Время», 1861, № 2, с. 356. Датируется по Полн. собр. соч., т. 3, СПб., 1911. По предположению Н. Н. Петруниной, стихотворение представляет собой обработку мотивов из фантастической драмы Красинского (1812—1859) «Небожественная комедия» (Изд. 1962, с. 451). Положено на муз. С. В. Юферовым.

В. СЫРОКОМЛЯ

Владислав Сырокомля (псевдоним Л. Кондратовича, 1822—1862) в 1860-е годы пользовался большой популярностью в русской демократической среде. Мей перевел 9 его стихотворений, в том

числе солдатскую сказку «Капрал Терефера и капитан Шерпентына» (1860). На этот перевод Сырокомля откликнулся благодарственным стихотворением, в котором называл Мея братом по духу («Lzc radosna, mily bracie»). Мей в свою очередь отвечал ему стих. «И похоже, да не то же...» (см. оба стихотворения — «Иллюстрированный листок», 1862, № 20, с. 518, в статье «Письма из Вильно»).

148. СО, 1858, № 1, с. 9.

С английского

Д. БАЙРОН

149. «Модный магазин», 1865, № 8, с. 113, под загл. «Отрывок из «Чайльд-Гарольда» (Байрона)» и с примеч.: «Неизданное стихотворение Льва Александровича Мея». Датируется по письму к А. В. Старчевскому от 18 октября 1859 г., в котором Мей пишет, что не успел кончить перевода прощания Чайльд-Гарольда и пришлет его завтра. Перевод отрывка из первой песни «Чайльд-Гарольда» «Adieu, adieu, my native shore...».

150. СО, 1860, № 11, с. 281. Перевод стих. «The girl of Cadix». *Кадикс* — город в Испании, в провинции Андалузия.

С немецкого

В. ГЕТЕ

151. М, 1852, № 22, с. 49, в составе перевода «Вильгельма Мейстера». В оглавлении ошибочно приписано А. Григорьеву, которому принадлежит перевод двух первых частей романа. Далее переводил Мей. Авторство Мея подтверждается его письмом (без даты) к М. П. Погодину: «„Вильгельма Мейстера“ я начал переводить — вот Вам и песня Миньоны, которая стоит во главе 3-й книги» (ЛБ). Печ. по Стих. 1857, с. 131. Датируется по Соч. 1862. Перевод песенки Миньоны из романа «Ученические годы Вильгельма Мейстера» («Kennst du das Land, wo die Zitronen blühn? ..»).

152. СО, 1858, № 2, с. 33, под загл. «Из Гете». Перевод песни арфиста из 4-й книги романа Гете «Ученические годы Вильгельма Мейстера». Положено на муз. П. И. Чайковским, В. И. Главачем.

Ф. ШИЛЛЕР

153. «Лирические стихотворения Шиллера в переводах русских поэтов, изданные под редакцией Ник. Вас. Гербеля», т. 2, СПб., 1857, с. 82. Перевод стих. «Punschlied».

Мей много и удачно переводил Гейне, отдавая предпочтение его любовной лирике.

154. СО, 1858, № 41, с. 1185, № LVIII, вместе с № LI («Отравой полны мои песни...») и № LXII («Погребен на перекрестке...») под общим загл. «Из Гейне (Intermezzo)». Перевод стих. «Der Herbstwind rüttelt die Bäume...».

155. СО, 1858, № 37, с. 1053, под загл. «Из Гейне (LXIV)». Перевод стих. «Nacht lag auf meinen Augen» из цикла «Lyrisches Intermezzo».

156. См. примеч. 154. Перевод стих. «Am Kreuzweg wird begraben...». *На перекрестке* хоронили самоубийц, так как церковь запрещала их погребение на освященной земле (кладбище).

157. PC, 1859, № 5, с. 49. Перевод стих. «Ich wollt' meine Schmerzen ergossen...» из цикла «Die Heimkehr». Положено на муз. К. Кехрибарджи, М. П. Мусоргским, П. И. Чайковским и др.

158. СО, 1859, № 38, с. 1048, с подзаг. «(Из Гейне)». Перевод стих. «Apollogot» из цикла «Historien». *Девять богинь* — девять муз. *В лесу охотилась сестра* — т. е. Артемида, богиня охоты, сестра Аполлона. *Всякой всячины обрезчик* — т. е. исполняющий ритуальный обряд обрезания. *Олоферн* — см. стих. и примеч. 104. *Царь Давид* — см. примеч. 103.

159. ПВ, 1861, № 9, с. 186, датировано, с предисловием, в котором приводилось свидетельство Геродота о Рампсените. Перевод стих. «Rhampsenit». Геродот рассказывает, что зодчий, строивший сокровищницу Рампсенита, умышленно сделал один камень подвижным и, умирая, сообщил об этом двоим своим сыновьям. Они воспользовались тайной, но один из них попался в расставленные сети. Чтобы остаться неузнанным, он уговорил брата отрезать ему голову и унести с собой. Желая найти похитителя, «Рампсенит приказал своей дочери сесть в одну из публичных палаток и допустить к себе на ложе всякого, кто решился бы купить наслаждение ценой загадочной тайны, а потом, выведав тайну, задержать легковерного. Смелый владелец тайны принял и этот вызов. Он отрезал по самое плечо руку свежего трупа, спрятал ее под мантию и вошел в палатку царевны. Вероятно, она осталась довольна его рассказом, потому что он объяснил ей откровенно все, но в заключение, вместо своей руки, оставил в руках царевны мертвую руку и поспешно убежал. Рампсениту оставалось только одно средство — обнародовать указ о милостивом прощении неизвестного татя и клятвенно обещать ему руку и сердце царевны». *Мероэ* — город на правом берегу Нила в Египте, столица Эфиопского царства.

160. И, 1861, № 191, с. 243. Перевод стих. «Rückschau» из цикла «Lazarus». *Как Геллерт... на борзом коньке.* Немецкий поэт

К.-Ф. Геллерт (1715—1769), очень болезненный, в 1768 г. получил от курфюрста Саксонского в подарок боевого коня.

161. РМ, 1861, 23 сентября. Перевод стих. «Wir sassen am Fischerhause...» из цикла «Die Heimkehr». *Лапландия* — Северная Финляндия.

С французского

А. ШЕНЬЕ

162. С, 1855, № 5, с. 218, с подзаг. «(Из Шенье)». Печ. по Стих. 1857, с. 137, подзаг. не воспроизводится. Перевод стих. «Salut, belle Amymone; et salut onde amère...». *Пеней* — река в Греции, протекающая близ Олимпа.

П. БЕРАНЖЕ

163. СО, 1858, № 20, с. 590, с подзаг. «(Из Беранже)» и посвящением Н. С. Курочкину, датировано. Подзаг. не воспроизводится. Перевод стих. «Le docteur et ses malades...». Обращено к Н. С. Курочкину (см. о нем стих. и примеч. 46). В. С. Курочкин также посвятил брату свою обработку этого стихотворения Беранже: «Брату Н. С. Курочкину (Доктору. Подражание Беранже)». *Кифереин сын* — Эрот.

164. СО, 1858, № 27, с. 771, подзаг. «(Из Беранже)», датировано. Автограф — ЦГАЛИ. Подзаг. не воспроизводится. Перевод стих. «Les cinq ètages».

165. СО, 1858, № 44, 1291, датировано. Перевод стих. «Jeanne la rousse».

166. «Развлечение», 1862, № 30, с. 57, подзаг. «Из Беранже». Подзаг. не воспроизводится. Перевод стих. «Le bon ménage».

Г. НАДО

167. «Искра», 1859, № 38, с. 376, в цикле «Песни Густава Надо». Перевод стих. «La petite ville». Циклу предшествовало редакционное примеч. о «поэте-песеннике» Г. Надо (1820—1893), особенностью произведений которого является, по мнению «Искры», «очень неглубокое содержание в очень игривой форме» (с. 373). Помещение цикла в журнале (№№ 38—40) было вызвано, вероятно, тем интересом к Надо, который пробудило в русской публике успешное исполнение многих его песен П.-Т. Левассором (в Михайловском театре). *Семнадцатый Людовик* (1785—1795) — сын казненного Людовика XVI; умер в тюрьме.

168. «Искра», 1859, № 39, с. 385. См. предыдущее примеч. Перевод стих. «Voilà pourquoi je suis garçon». *Будь Митридатом я,*

тогда бы Я не боялся ничего. Понтийский царь Митридат IV (111—63 до н. э.), боясь быть отравленным, принимал из предосторожности небольшими дозами различные яды и сделался невосприимчивым к ним.

ДРАМЫ

I

169. М, 1849, № 18, с. 81, под загл. «Царская невеста. Драма в трех действиях», с цензурными исключениями в 1-м явл. 2-й сцены, д. 1; отд. издание [М.], 1849, под загл. «Царская невеста. Драма в 3-х действиях»; ДС, 1861, кн. 4, под загл. «Царская невеста. Драма в четырех действиях» (картина 2 д. 2 ранней редакции была превращена в д. 3). Печ. по Соч. 1862, т. 1, с. 3. Цензурный характер мелких изъятий в М, коснувшихся упоминаний одежды духовенства, религиозных символов, колокольного звона, подтверждается документально (см.: Н. В. Дризен, Драматическая цензура двух эпох, изд. «Прометей», [б. м. и б. г.], с. 101). Впервые поставлено на сцене в Москве в том же 1849 г. в подцензурной редакции. В дальнейшем неоднократно ставилась на сцене Александринского и Малого театров. В 1898 г. на сюжет драмы Н. А. Римский-Корсаков написал оперу (первая постановка 22 октября 1899 г. на сцене Товарищества русской частной оперы). Либретто в основном было написано самим композитором, дополнительные сцены — И. Ф. Тюменевым. Песня «Ты краса ли моя девичья...» положена на муз. также П. С Макаровым.

Действующие лица. *Князь Михаил Темгрюкович* — брат второй жены Грозного, Марии Темрюковны (ум. 1569). *Малюта Скуратов* (ум. 1572) — Г. Л. Бельский, думный дворянин, любимый опричник Грозного, непременный участник его расправ и казней. *Елисей Бомелий* (ум. 1569) — лекарь Грозного, голландец. *Александровская слобода.* В 1564 г. Грозный выехал из Москвы и поселился в Александровской слободе, которая стала центром опричных (особых, личных) владений Иоанна (в противовес владениям «земским», т. е. всей остальной русской земле). Грозный устроил в слободе что-то вроде монастыря, набрав из опричников братию, а себя объявив игуменом, причем молитвы и покаяния перемежались в слободе с пирами и разгулом.

Действие 1. Сцена 2. Явл. 2. *Нету росписи местам.* Речь идет о так называемом местничестве, т. е. о распределении служб между отдельными лицами, а также мест за пиршественным столом, в зависимости от степени родовитости этих лиц, которая устанавливалась согласно «Поколенной росписи» («Родословцу») и «Разрядным книгам». Явл. 3. *Слава на небе солнцу высокому* и т. д. — незначительно измененный подлинный текст величальной песни. *Покойная княгиня* — Елена Глинская, мать Ивана Грозного. *Князь Курбский* А. М. (1528—1583) — политический деятель, идеолог крупного боярства, в молодости сподвижник Грозного; в 1564 г., будучи несогласен с политикой Грозного, изменил ему и «отъехал» в Литву, откуда вступил в политическую переписку с царем. *За сед-*

лсми царь метлы привязал. Собачья голова и метла были прикреплены к седлу опричников в знак того, что они грызут и метут изменников царя. *За реченькой яр-хмель* — начальные слова народной плясовой песни. *«Я маленький был...»* и *«Вот еду я...»* — несколько измененные народные небылицы. Явл. 4. *Пора идти на колокольню.* Малюта в Александровской слободе (см. выше) носил чин параклисиарха, т. е. пономаря, на обязанности которого было зажигать свечи и звонить на колокольне.

Действие 2. Явл. 2. *Госпожинки* — см. примеч. 142. *Пришел брат божий Яков.* День апостола Иакова, по Евангелию двоюродного брата Христа, отмечался православной церковью 5 ноября. *Егорий с мостом да Микола с гвоздем.* День Георгия Победоносца отмечался 9 декабря, к этому времени обычно реки уже замерзали («мостились»), а Никола Зимний праздновался 19 декабря, лед на реках в это время окончательно креп («мост» «гвоздем забивался»). Явл. 3. *Фомина неделя* (или Красная горка) — первая неделя после пасхальной; в это время обычно игрались свадьбы. Явл. 9. *Девах* Иван Белобород — известный в то время голландский купец-ювелир.

Действие 4. Явл. 1. *Годунова Марья* — жена Бориса Годунова, дочь Малюты Скуратова. *Царевич Федор* (1557—1598) — третий сын Грозного, в 1584 г. вступил на престол. *Царевич Иван Иваныч* (род. 1554) — второй сын Грозного, женатый первый раз на Евдокии Сабуровой; убит отцом в 1582 г. Явл. 6. *Ивановская ночь* — ночь под Ивана Купалу (23 июня), по народным поверьям, полная волшебных явлений.

Примечания. Мей цитирует здесь несколько народных свадебных и семейных песен.

* **170.** Отрывок д. 1 (явл. 1 и часть 2-го до ст. «Как ты жива осталась?.. Жутко, Вера!..») — «На Новый год. Альманах в подарок читателям „Москвитянина"», М., 1850 (ц. р. 31 декабря 1849), с. 132, под загл. «Отрывок из драмы „Псковитянка"»; песня «Баю-баюшки-баю...» — Стих. 1857, с. 225, под загл. «Колыбельная песня». Полностью — ОЗ, 1860, № 2, с. 295, под загл. «Псковитянка. Драма в пяти действиях», без примечаний, с цензурными искажениями в д. 4, явл. 6; с теми же искажениями — ДС, 1860, кн. 8, под загл. «Псковитянка. Драма в пяти действиях Л. Мея, с примечаниями и музыкой», приложены ноты трех песен («Колыбельная», «По малину я ходила, молода...», «Раскукуйся ты, кукушечка...», — композитор К. Вильбоа). Печ. по Соч. 1862, т. 1, с. 263, с восстановлением испорченных цензурой стихов в д. 3, явл. 6 (1195—1199, 1210, 1220—1224) по рукописи ГПБ (частично черновой автограф, частично авторизованная копия; ф. «Русского слова»). Первая попытка освободить драму от цензурных искажений была сделана в Соч. 1887, где в текст монолога Тучи были внесены исправления со слов М. А. Загуляева, якобы сохранившего в памяти авторскую редакцию текста. Впервые по рукописи текст явл. 6 был реконструирован Е. И. Прохоровым в изд. «Л. Мей. Драмы. А. Майков. Драматические поэмы», М., 1961, к сожалению с неправильным прочтением отдельных слов рукописи. Правильное чтение, но иной план реконструкции, не учитывающий, в отличие от принципиально верного варианта Прохорова, нейтральную авторскую правку в прижизнен-

ных изданиях, предложены Н. Н. Петруниной в Изд. 1962 г. Работа над драмой была начата в 1849 г., когда были написаны 1-я и часть 2-й сцены д. 1, опубликованные затем в альманахе «На Новый год». Продолжения драмы ко времени этой публикации еще не было, как это явствует из переписки М. П. Погодина с Меем относительно концовки публикуемого отрывка. В письме от 23 декабря 1849 г. Погодин писал: «Прежнее Ваше окончание не оканчивало сцены, а теперешнее портит... весь эффект» (ЛБ, ф. М. П. Погодина). Мей отвечал на обороте этого же письма: «Я, право, не знаю, что будет дальше. Мне хотелось перебить монолог Веры появлением юродивого мальчика и Перфильевны. Если это не годится для альманаха, можно написать: «Вдруг слышу...» или что Вам, почтеннейший Михаил Петрович, будет угодно». В том же 1849 г. Мей прервал работу над драмой, возможно в связи с тем, что он увлекся новой темой (поэт написал в начале 50-х годов драму «Сервилия» на античный сюжет), но, возможно, и потому, как пишет Н. Н. Петрунина, что «в условиях цензурного террора конца 40-х — начала 50-х годов выводить на сцене царствующих особ, и в частности Ивана Грозного, было запрещено» (Изд. 1962, с. 452). «Псковитянка» была завершена только через 10 лет, т. е. в 1859 г. Известно, что Мей предлагал драму в «Современник», но она была не принята Чернышевским, которому И. С. Тургенев прочел ее первый акт. (Об истории театральной постановки драмы см. вступ. статью, с. 40). В 1868—1872 гг. Н. А. Римский-Корсаков написал на сюжет драмы (по собственному либретто) оперу, поставленную впервые в Петербурге в 1873 г., в Мариинском театре, а в 1897 г. им был написан пролог к опере — «Боярыня Вера Шелога». Кроме того, композитор написал в 1877—1882 гг. музыку к драме Мея. Колыбельная песня положена на муз. также Е. Ф. Аленевым, П. Веймарном.

Действующие лица. *Царевич Иоанн, Малюта Скуратов* — см. предыдущее примеч. *Вяземский* А. И. (ум. 1571) — один из приближенных к Грозному людей; впоследствии был обвинен в измене и умер под пыткой. *Бомелий* — см. предыдущее примеч.

Действие 1. Явл. 2. *Колывань* — старинное название Таллина. *К печорским чудотворцам* — т. е. в Печорский монастырь под Псковом. *Трубили в рог.* Карамзин в «Истории государства Российского» писал, что Иван IV в молодости «ездил по разным областям своей державы... единственно для того, чтобы видеть славные их монастыри и забавляться звериной ловлей в диких лесах» (т. 8, гл. 2). *Настасьею зовут.* Имеется в виду первая жена Грозного Анастасия Романовна (урожд. Захарьина; ум. 1560).

Действие 2. *Сенные девушки* — служанки в горницах. Явл. 3. *Заступница* — богородица. *Море Хвалынское* — древнее название Каспийского моря. Явл. 6. *Великая* — река, на которой расположен Псков. *Успенье* богородицы отмечалось православной церковью 15 августа. *Сибирский Камень* — Уральский хребет.

Действие 3. Явл. 1. *Гоболя* — вероятно, от «гобина» (богатство, довольство). *Колтырь* — вероятно, от новгородского «колтыхать», т. е. ходить вразвалку, ковылять, хромать. Явл. 4. *Пимен-владыка* — архиепископ Новгородский; в 1571 г. был обвинен в измене и сослан в Венев. *Жигмонт* — Сигизмунд II Август, польский король и великий князь Литовский (1548—1572). *София* — св. Со-

фия считалась покровительницей Новгорода; ей был посвящен главный собор в городе (Софийский собор). *Волховской мост* — мост через Волхов, место казни. *Городище* — село на правом берегу Волхова, близ Новгорода. Я в л. 5. *Невадичи* — один из псковских посадов. *Псковская святыня* — Троицкий собор. *Мистр* — магистр Ливонского ордена, с 1562 г. ставший вассалом польского короля. Я в л. 6. *Великий князь Василий* и т. д. Великий князь Василий III Иванович (1505—1533) в 1510 г. упразднил вече во Пскове, заменив его своими наместниками, и снял вечевой колокол. *Отчина крестоприимной Ольги.* Псков, по преданию, считался родиной княгини Ольги (ум. 969), жены киевского князя Игоря, которая первая на Руси приняла христианство.

Действие 4. Я в л. 3. *Застенье* — предместье Пскова, расположенное за стенами города. *Пскова* — приток реки Великой. *Юрга* — святой Георгий. Я в л. 4. *Спас на херугове* — изображение Христа на знамени. Я в л. 9. *Цари Иваны.* Имеются в виду Иван III и его внук, Иван IV. *В нашей слободе* — т. е. в Александровской слободе (см. примеч. 169).

Действие 5. Я в л. 5. *Малютинов зять* — Борис Годунов, женатый на дочери Малюты Скуратова. *Дмитрий* (1552—1553) — имеется в виду первый сын Грозного (от Анастасии Романовны), умерший младенцем. *Володимер* — князь В. А. Старицкий (1533—1569), двоюродный брат Грозного, казненный им. *Курлетевы* и *Шуйские* — старинные боярские роды, возглавлявшие боярскую оппозицию. *Адашев* А. Ф. (ум. 1561) — приближенный молодого Грозного; в конце 1550-х годов примкнул к боярской оппозиции; умер в заточении. *Сильвестр* (ум. ок. 1566) — священник, духовник молодого Грозного, перешедший впоследствии на сторону бояр; в 1560 г. был удален из Москвы. Я в л. 6. *Никола-старец* — Никола Салос (ум. 1576), монах Печорского монастыря. Я в л. 10. *Апокалипсис* — последняя книга Нового Завета, мистического содержания, повествующая о конце мира; враги Грозного отождествляли его с упоминаемыми в книге Антихристом и Зверем.

Примечания. *Брат его Георгий* — глухонемой и слабоумный брат Ивана IV Юрий, умерший в юности. *Князь Володимер Андреевич* — Старицкий (см. о нем выше). *Венец Мономахов.* Венцом Владимира Мономаха с 1498 г. венчались на царство русские цари. *В мою драму вошел весь летописный рассказ.* В речи Юшко Велебина Меем почти дословно передается летопись. *Из земского* — т. е. из Земского приказа, ведавшего делами той части России, которая не входила в опричнину (см. примеч. 169, с. 640). *Сказание князя Курбского.* Имеется в виду переписка Курбского с Грозным, изданная под этим названием Н. Г. Устряловым в 1833, 1842 и 1868 гг. *Под властию ... попа.* Речь идет о Сильвестре (см. выше). *Златоуст.* Иоанн (347—407) — греческий проповедник, одно время архиепископ Константинопольский, один из «столпов» православной церкви. *Великий Афанасий* (298—373) — архиепископ Александрийский, прозван «отцом православия». *Великий Константин* (274—337) — римский император, основатель Константинополя; убил своего сына и наследника Юлия Криспа. *Федор Ростиславич* — князь Смоленский и Ярославский, предок Курбского, причисленный к лику святых; в 1298 г. «крепко» осаждал Смоленск, занятый его двоюрод-

ным братом, но не сумел его взять. *Апостол Павел к Галатом пиша.* В Евангелие вошли послания апостола Павла к галатам. *Изводяще Израиля из работы; Моисей; Аарон* — см. примеч. 122 и 124. *Дафон и Авирон* — в Библии сыны Елиава, бывшие среди восставших против власти Моисея во время скитаний евреев по пустыне и наказанные за это богом: земля разверзлась и поглотила их вместе с шатрами и домочадцами.

II. ИЗ ШИЛЛЕРА

* **171.** «Драматические сочинения Шиллера в переводах русских писателей, изданные под редакцией Ник. Вас. Гербеля», т. 6, СПб., 1859, с. 2, под загл. «Валленштейн. Драматическая поэма. Часть первая», с цензурной заменой ст. 677—681, с той же заменой — ДС, с. 1, под загл. «Лагерь Валленштейна. Драматическое стихотворение Шиллера». Печ. по Соч. 1862, т. 1, с. 477, с исправлением искаженных цензурою стихов по Соч. 1887, где они впервые были восстановлены со слов М. А. Загуляева. Перевод был сделан в конце 1858 г. по заказу Н. В. Гербеля. 12 ноября 1858 г. Мей пересылает Гербелю его начальные листы, а 5 декабря сообщает, что наконец «одолел ненавистную... сцену из „Валленштейнова лагеря“», «ненавистную», очевидно, потому, что «обмен солдатских речей отдаленного века» составлял для Мея, как он признается ниже, «некое препятствие — положим Рубикон» (ГПБ, ф. Н. В. Гербеля). Сюжет трилогии Шиллера «Валленштейн» («Wallenstein», 1797—1799) взят из истории Тридцатилетней войны (1618—1648). Тридцатилетняя война, имевшая в качестве основных экономические и политические причины (борьба за единство Германии), приняла форму религиозной войны между двумя союзами: протестантской унией и Католической лигой, последняя поддерживала императора Священной Римской империи Фердинанда II. Непосредственным поводом к войне явилось восстание в протестантской Богемии (Чехия), на сторону которой встали в дальнейшем ряд германских князей и Швеция. Для «Лагеря Валленштейна» («Wallensteins Lager») Шиллер выбрал тот исторический момент (1634 г.), когда Валленштейн после поражения имперских войск под Люценом отступил в Богемию и упорно медлил прийти на помощь курфюрсту Баварскому Максимилиану, на которого наступали шведы. *Валленштейн* (Вальдштейн) А.-В.-Э., герцог Фридландский (1583—1634) — полководец, главнокомандующий имперскими войсками, чех по происхождению. После 1625 г. пытался вести самостоятельную политику; это вызвало серьезное недовольство в лагере императора Фердинанда II и среди католического духовенства и привело в конце концов к убийству Валленштейна.

Действующие лица. *Терцкий* А.-Э. — чешский протестант, друг и родственник Валленштейна, командовал у него полком карабинеров. *Гольк* — Хольк (1599—1633), австрийский фельдмаршал. В Тридцатилетнюю войну сначала сражался на стороне датчан и участвовал в защите Штральзунда, после Любекского мира (1630) перешел к имперцам. *Буттлер* — ирландец, рядовой имперской армии, выдвинутый Валленштейном и дослужившийся до командира

драгунского полка; участвовал в убийстве Валленштейна. *Тиффенбах Р.* — один из генералов Валленштейна.

Пролог. *Пламенный художник* — А.-В. Ифланд (1759—1814), драматический актер, драматург, директор Берлинского театра; в Веймаре гастролировал в 1796 и 1798 гг. *Достойнейших в среду нас привлекло.* Имеется в виду Л. Шредер, актер Гамбургского театра, которого Гете собирался пригласить в Веймар; упоминание о Шредере вставлено по совету Гете. *За тесный круг мещанской жизни.* Преобладающее место на немецкой сцене занимали в это время «мещанские драмы». *Достойное великого момента.* Имеются в виду события французской буржуазной революции конца XVIII в. *Распадается во прах Та старая, устойчивая форма* и т. д. Имеется в виду крах экономических, политических и религиозных форм, которые были установлены Вестфальским договором (1648) по окончании Тридцатилетней войны. Этот договор стал одной из основ государственного устройства Европы в XVII—XVIII вв. Французская революция нанесла этому устройству решительный удар. *Лег грудой щебня Магдебург.* Магдебург был взят и разрушен предводителем войск Католической лиги Тилли в 1631 г. *Цесарь* — император так называемой Священной Римской империи Фердинанд II (1578—1637) из австрийских Габсбургов; яростный враг протестантов; его политика в Богемии вызвала там восстание, которым началась Тридцатилетняя война.

Явл. 1. *Заала* — река в Тюрингии. *Майн* — правый приток Рейна. *Саксонец* — курфюрст (т. е. владетельный князь) саксонский Иоанн-Георг (1611—1656); в начале войны был на стороне императора, но затем стал колебаться; тогда Тилли разорил Магдебург, и это заставило Саксонца перейти на сторону шведов; в 1631 г. саксонцы временно оккупировали Богемию.

Явл. 2. *Двойное Выдали нам.* Валленштейн щедро заплатил солдатам из собственной казны, так как они уже давно не получали жалованья. *Герцогиня* — жена Валленштейна (Валленштейн был женат вторым браком на дочери графа Гарраха, советника и любимца императора). *Старый из Вены* — имперский посол фон Квестенберг. *Фридландец* — Валленштейн, владевший поместьем Фридланд в Богемии и получивший в 1625 г. от императора звание герцога Фридландского.

Явл. 4. *Регенсбург* — баварская крепость на Дунае, занятая шведами после битвы при Люцене в 1632 г.; была взята обратно имперскими войсками в июле 1634 г. *Баварец* — курфюрст баварский Максимилиан (1573—1651), глава Католической лиги, сторонник императора и личный враг Валленштейна, активно содействовавший его падению (временной отставке) в 1630 г.; в 1634 г. Максимилиан, теснимый шведами, ожидал помощи от Валленштейна, но тот не торопился ее оказать.

Явл. 5. *Близевиц* — Блазевиц, городок близ Дрездена. *Ицейо* (или Ицего) — город в Пруссии (Шлезвиг-Голштиния). *Глюкштадт* — город в Пруссии (Шлезвиг-Голштиния); в 1627—1628 гг. безуспешно осаждался имперскими войсками. *Мансфельдер* — граф Мансфельд Э. (1580—1625), глава протестантских войск; в 1625 г. у Дессауского моста Валленштейн разбил Мансфельда и преследовал его до венгерского города *Тамесвара* (Темешвара). *Штральзунд* — город на

побережье Балтийского моря, который за отказ впустить имперские войска был осажден и почти взят Валленштейном в 1628 г.; прибытие датского флота заставило Валленштейна снять осаду. *Ферия* — герцог, кардинал-инфант, миланский наместник; в 1633 г. был послан по распоряжению брата испанского короля в Германию. *Гент* — город во Фландрии (Бельгия).

Явл. 6. *Мейссен* — город в Саксонии. *Фридландское знамя* — знамя Валленштейна. *Вестфалия* — провинция Пруссии. *Байрейт* — город и княжество на берегах Красного Майна; во время Тридцатилетней войны несколько раз разрушался дотла. *Фойхтланд* — местность в Саксонии. *Густав* II Адольф (1594—1632) — шведский король, участник Тридцатилетней войны; погиб в битве под Люценом. *Нынче там иначе всё.* После смерти религиозного Густава-Адольфа в шведских войсках быстро воцарилась обычная для наемников разнузданность. *Лигисты* — войска Католической лиги, основанной в 1609 г. *Тилли* (1559—1632) — полководец Католической лиги, одержавший ряд побед над протестантами. *С самого Лейпцига* — т. е. с поражения под Брейтенфельдом. *Старичок* — астролог Баптист Сени.

Явл. 7. *Он — генерал уж майор.* Буттлер был не генерал-майором, а полковником. *Альтдорф* — университетский город в Баварии (Нюренбергский округ); университет основан там в 1623 г. *Праговцы* — здесь: жители Праги или солдаты полка, сформированного из пражан.

Явл. 8. *Гэй, вы! раз, гэй вы! Ну, как вас — и как?..* и т. д. Речь капуцина — подражание проповедям августинского монаха Г.-У. Мергеле (1642—1700); его проповеди, бичевавшие пороки, были пересыпаны каламбурами и остротами и пользовались большой популярностью. *Оксенштирн* А. (1583—1654) — шведский канцлер, направлявший политику государства после смерти Густава-Адольфа; буквально: бычий лоб. *Ковчег* — см. примеч. 145; здесь употреблено в переносном значении как оплот веры, прибежище верующих. *Римская империя* — так называемая Священная Римская империя, средневековая империя, включавшая Германию (занимала главенствующее положение) и другие королевства, герцогства и земли (часть Италии, Чехию, Швейцарию, Нидерланды, Австрию и др.), которые в разное время в различной степени подчинялись германским императорам. Основана в 962 г. и номинально просуществовала до 1806 г., хотя после Вестфальского мира (1648) германские императоры почти утратили свою власть. *Лепту свою отыскала.* В Евангелии некая бедная вдова пожертвовала в храме две лепты (мелкие монеты), составлявшие все ее дневное пропитание. *Саул ... отыскал же ослиц.* По библейскому преданию, Саул (см. примеч. 107), отправившись искать ослиц своего отца, обратился за советом к пророку Самуилу, тот ответил ему, чтобы он не заботился об ослицах: они уже нашлись, и открыл ему его предназначение. *Братьев Иосиф нашел же к концу.* Библейский герой Иосиф был продан своими злыми братьями в Египет, где достиг положения приближенного фараона; когда во время голода его братья пришли за хлебом в Египет, он признал их, отплатив добром на зло. *Авраамово лоно* — здесь: рай; Авраам — родоначальник еврейского народа. *Авессалом* — см. примеч. 108; волосы его, как сказано в Библии, весили 200 сиклей,

т. е. более 2,5 кг; он погиб, зацепившись на скаку волосами за сук дерева в лесу, где шла битва, и в этом положении был убит. *Иисус Навин* — библейский герой, победитель врагов еврейского народа. *Голиаф* — см. примеч. 106. *Ахав* — в Библии нечестивый иудейский царь, поклонявшийся языческим божествам и преследовавший обличавших его пророков. *Иеровоам* — царь израильтян, установивший в своих владениях поклонение Золотому тельцу. *Брамарбас* — имя литературного героя, ставшее нарицательным в значении «бахвал», «хвастун»; в немецкую литературу и язык введено И.-К. Готшедом, который опубликовал свой перевод комедии датского драматурга Я. Хольберга «Яков Тибос, хвастливый солдат» под названием «Брамарбас, или Хвастливый солдат» (1741). *Иэгуа* — израильский царь, наследовавший Ахаву и истребивший его род, однако сохранивший поклонение идолам. *Олоферн* — см. примеч. 104. *Крик петуха.* Намек на евангельское сказание об отречении апостола Петра от Христа; последний предсказал Петру, что он отречется от него прежде, чем петух пропоет три раза. *Ирод* — жестокий иудейский царь, его имя связано с «избиением младенцев» в Вифлееме, которое он предпринял с целью убить новорожденного Христа. *Вавилона надменный владыка* — Навуходоносор, разрушивший Иерусалим и угнавший евреев в плен. *Я, дескать, камень* — игра слов: Wallenstein — allen Stein (для всех нас камень).

Явл. 10. *Бриг* — прусский город на берегу Одера.

Явл. 11. *Паппенгеймовский был кирасир.* Граф Г. Г. Паппенгейм (1594—1632) командовал у Валленштейна кирасирами, которые славились своей храбростью; был убит под Люценом. *Пикколомини* Макс (ум. 1648) — в 3-й части трилогии выведен как сын (на самом деле племянник) Октавио Пикколомини, командовавшего гвардией Валленштейна. *Миланец* — герцог Ферия (см. выше, с. 646), который направлялся в это время к месту своей новой службы, в Нидерланды. *Шапка испанская* — кардинальская шапка. *Бухау* — город в Богемии. *Швиц* — кантон и главный город кантона в Швейцарии. *Висмар* — город на Балтийском море (в Мекленбурге). *Эгер* — город в Чехии. *Граф Изолани* И.-Л.-Г. (1580—1640) — имперский генерал; графский титул получил позднее за измену Валленштейну. *Мекленбург отдал Фридландцу.* Фердинанд II отдал земли герцогов Мекленбургских, перешедших на сторону протестантов, Валленштейну.

СЛОВАРЬ

Абие (слав.) — тотчас.

Агаряне — в Библии народ, враждовавший с израильтянами, в русской литературной традиции — татары, турки.

Агнцы (слав.) — ягнята.

Агора — площадь.

Адонаи (евр.) — господь.

Адонис (греч. миф.) — прекрасный юноша, возлюбленный Афродиты.

Ай — обезьяна-ленивец.

Акафист — хвалебная молитва в честь спасителя, богородицы или святых.

Аки (слав.) — как.

Аксамит — бархат.

Алкид (греч. миф.) — Геркулес.

Алтын — старинная серебряная монета в 3 копейки.

Амброзия (греч. миф.) — пища богов, дарующая бессмертие.

Анабаптисты — одно из течений религиозной реформации в Германии и Голландии.

Аналогий — аналой, высокий столик с покатым верхом для книг и икон.

Ара́ — порода попугаев.

Аргамак — порода персидских или кабардинских коней.

Ариадна — дочь критского царя Миноса, спасшая Тезея (см.) из лабиринта Минотавра и предательски покинутая им во время сна на о. Наксос.

Архимагир — главный повар у древних греков и римлян.

Архонты — старейшины в Древней Греции.

Асессор — заседатель, младший член в губернском правлении; коллежский асессор — гражданский чиновник 8 класса (соответствовал майору).

Ассуры — ассирийцы.

Астарта (финик. миф.) — богиня земного плодородия и любви.

Ахерон (греч. миф.) — река в подземном царстве.

Ахилл (греч. миф.) — храбрейший из греческих героев, осаждавших Трою. Гневу Ахилла, оскорбленного предводителем греков Агамемноном, посвящены первые песни «Илиады» Гомера.

Багряница — торжественное царское облачение: пурпурная мантия, подбитая горностаем.

Баркарола — песня венецианских гондольеров; позднее — музыкальное произведение, в котором лирическая мелодия сопровождалась аккомпанементом, подражающим звуку волн.

Батожник — служитель с батогом (палкой), расчищавший путь от народа.

Батыри — в Древней Руси, у соседних кочевых народов и татар удальцы, богатыри, удалые наездники.

Баядеры — храмовые танцовщицы и певицы в Индии, участницы религиозных церемоний.

Бегинки — члены женских мирских общин, существовавших в Европе с конца XII в. и преследовавших благотворительные цели (уход за больными, помощь покинутым женам и девушкам и проч.).

Белица — женщина или девушка, живущая в монастыре, но не принявшая обета.

Бердыш — старинное оружие, топор на длинной рукоятке и с широким закругленным лезвием.

Бесстудный — бесстыдный.

Бесталанная — несчастливая.

Бесчастье — отсутствие доли, злая судьба.

Бить — золотая или серебряная нить.

Братина — старинный сосуд, в котором разносилось питье (большая медная или деревянная чаша).

Буерак — овраг.

Бурмицкие зерна — крупный жемчуг.

Бурш — немецкий студент.

Былье — трава, трава-колосянка; быльем поросло — давно забыто.

В мытех (о птицах и животных) — линяет.

Валлонцы — уроженцы Валлонии, т. е. южной и восточной части Бельгии.

Вельми (слав.) — очень, весьма.

Вертоград — виноградник, сад.

Вершник — верховой, всадник.

Весталки — жрицы римской богини домашнего очага Весты; давали обет девственности, за нарушение которого карались смертью; пользовались в Риме большим уважением.

Вестальная — целомудренная (от «весталки»).

Вечник — участник веча, имеющий право голоса.

Виват (лат.) — ура.

Виллисы (слав. миф.) — юные женские существа, покидающие каждую ночь свои могилы и пляшущие до утра.

Виссонная — т. е. из виссона, дорогой белой или пурпурной ткани, употреблявшейся в античных странах и на Востоке для торжественной одежды.

Водополь — разлив, половодье.

Восприемник — крестный отец.

Вретище (слав.) — дерюга, рядно; мешок из этих тканей, грубая одежда.
Врещи (слав.) — ввергать.
Всуе (слав.) — напрасно.
Выя (слав.) — шея.

Гаер — балаганный шут.
Гайтанчик — шнурок, веревочка.
Галатея (греч. миф.) — статуя, созданная скульптором Пигмалионом и оживленная по его мольбе богами.
Ганимед (греч. миф.) — прекрасный мальчик, похищенный за красоту Зевсом; на Олимпе разливает богам вино.
Геба (греч. миф.) — богиня юности; на Олимпе подает богам амброзию и нектар.
Геката (греч. миф.) — богиня ночи, призраков, ночных кошмаров, властвующая над злыми демонами; носилась с душами умерших по перекресткам в сопровождении адских псов и ведьм.
Геликон — гора в Греции; в греч. миф. — обиталище Аполлона и муз.
Гелиос (греч. миф.) — бог солнца.
Гетера — в Древней Греции незамужняя женщина, ведшая свободный образ жизни, обычно образованная и владеющая различными видами искусств.
Гимен, Гименей (греч. миф.) — бог брака.
Гимназий, гимназия — общественная школа физического воспитания в Древней Греции.
Гинекей — в Древней Греции и Риме женская половина в доме.
Головолом — палица, каменный топор.
Горé (слав.) — на небесах.
Горлатная (шапка) — меховая, из горла и грудки зверя, отличающихся по цвету от остальной шкурки.
Гость — купец.
Гривна — в Новгороде крупная серебряная монета (при Ярославе равнялась 70 г. серебра).
Гридница — комната для гридней (телохранителей, дружины) при княжеском дворе в Древней Руси; вообще — приемная комната и комната, где играли свадьбу.
Гуня — ветхая одежда; полушубок или армяк, крытый холстом; рубаха.
Гусь — парадная запряжка лошадей (одна за другой или попарно — одна пара за другой).

Дагон — в Библии верховный бог филистимлян.
Дафнэ (греч. миф) — нимфа; преследуемая влюбленным в нее Аполлоном, обратилась с мольбой о помощи к богам и была превращена ими в лавровое дерево.
Дворские — придворные.
Дедина — наследство, полученное от дедов.
Денница — утренняя заря.
Державцы — царствующие особы.
Десная, десница (слав.) — правая рука; рука.

Диана (римск. миф.) — целомудренная богиня Луны, покровительница зверей, охоты.
Дий (греч. миф.) — Зевс.
Дионис (греч. миф.) — бог виноделия, праздники в честь которого сопровождались пирами и играми.
Доблий (слав.) — доблестный, благородный, стойкий в добродетели.
Доезжачий — главный псарь, на обязанности которого лежало и обучение гончих собак.
Долбня — колотушка, долото.
Дольный — юдольный, т. е. земной, полный горестей и страданий.
Дондеже (слав.) — пока, покуда.
Донечки — донские лошади.
Драхма — денежная единица в Греции.
Дресва — песок, мелкий щебень.
Дриада (греч. миф.) — лесная нимфа.
Друиды — жрецы у древних кельтов.
Дьяк — правитель канцелярии, письмоводитель.

Есмя (слав.) — есть.

Жильцы — уездные дворяне, жившие при царе временно, находясь на воинской службе.
Жох — при игре в бабки положение кости хребетиком вверх.

Зажоры — ямы с подснежной водой на дороге.
Зане — так как, потому что.
Запястье — здесь: браслет или дорогая обшивка рукава.
Засека — срубленные деревья с необрубленными сучьями, которыми загораживают дорогу; служит рубежом владений или оградой в лесу от скота.
Застреха — доска, поддерживающая снизу солому на крыше.
Звенья — часть изгороди от кола до кола; или часть стены — от столба до столба.
Зело (слав.) — очень.
Зеница (слав.) — зрачок глаза; глаз.
Зернь — игра в кости или зерна, которые употреблялись в азартной игре «чет-нечет».
Зобница — плетушка, лукошко для дачи лошадям овса или ячменя.
Зоря — пахучий кустарник с желтыми цветами (иначе: любисток).

Иверни — осколки.
Иегова — одно из имен бога в Библии.
Иереи — священники.
Изгон — набег, нападение.
Ино (слав.) — если.
Истопель — охапка дров на одну топку.

Каженница — скаженница, т. е. бешеная.
Калика — странник.

Калмычок — калмыцкая лошадь.

Камеи — резное изображение на агате или яшме; у Мея также — камелии, т. е. дорогие содержанки, продажные женщины.

Камелек — камин.

Камена (греч. миф.) — муза.

Камка — шелковая китайская ткань с разводами.

Канака (греч. миф.) — дочь бога ветров Эола; родила ребенка от кровосмесительной связи со своим братом и покончила самоубийством по приказу отца.

Капеллан — католический священник при домашней церкви.

Капище — языческий храм.

Каплун — кастрированный петух, пускаемый на откорм.

Каптур — капюшон, воротник с наголовником.

Капуцин — католический монах нищенствующего монашеского ордена.

Карманьолка — здесь: красная шапка, входившая в костюм якобинцев, носивший в целом и по частям название «карманьола».

Касатка — ласточка.

Кассава — извлеченный из маниока (см.) крахмал, из которого делают муку и хлеб (Мей спутал кассаву с каким-то ядовитым растением).

Касталия (греч. миф.) — нимфа, которая, спасаясь от преследований Аполлона, превратилась в источник на горе Парнас; в переносном значении — источник вдохновения.

Кат — палач.

Кацик — туземное название вождей и старейшин индейских племен в эпоху завоевания Америки.

Квириты — римские граждане.

Кентавр (греч. миф.) — мифическое существо, полулошадь-получеловек.

Кивелла — Кибела, фригийская (Малая Азия) богиня плодородия и возрождения природы, культ которой был распространен также в Греции и Риме.

Кидар (перс.) — головной убор (тюрбан).

Кика — старинный русский женский головной убор.

Кимадос (греч. миф.) — одна из нереид, дочерей морского бога Нерея.

Кимвал — древний музыкальный инструмент в виде медных тарелок.

Кинамон — корица.

Киот — поставец, т. е. открытый плоский шкафчик, для икон.

Кипень — белая пена от кипения.

Киприда (греч. миф.) — одно из имен богини любви Афродиты, которая, по преданию, родилась из морской пены у берегов о. Кипр.

Киса — кошелек.

Кистень — род оружия: ядро на ремне или набалдашник на короткой рукояти.

Китайка — бумажная ткань.

Киферея (греч. миф.) — Кифера, одно из имен Афродиты, которая особенно почиталась на о. Кифера.

Когорта — строй римских легионеров.

Койжд (слав.) — каждый.
Колет — короткий мундир в кирасирских полках.
Компанейцы — наемное гетманское войско.
Констабль — канонир.
Концы — части города; Псков делился на 6 концов.
Коронада — венец, венок.
Косящатое — окно с косяками, в отличие от волокового, косяков не имеющего.
Котурны — у древнегреческих и древнеримских актеров сандалии на очень высокой подошве, увеличивающей рост.
Кошница — корзина.
Красен — красив.
Красоуля — стопа, большая кружка.
Кратеры — чаши.
Кривой стол — овальный, круглый, изогнутый.
Крин (слав.) — лилия.
Кричане — загонщики.
Кроаты — в Тридцатилетнюю войну лёгкие (пешие и конные) венгерские войска.
Кромешник — опричник; буквально: обитатель ада.
Крон (греч. миф.) — древнейший из богов, отец Зевса, Геры, Деметры и др.; первоначально — бог земледелия, потом, по созвучию имен, стал отождествляться с богом времени (Хроносом).
Кружало — кабак.
Куманика — лесная ягода.
Купельный крест — крест, надеваемый младенцу при крещении.
Купно (слав.) — вместе.

Ладзарони — итальянский бедняк, нищий.
Лайдак — шатун, гуляка, плут.
Лепота — красота.
Лествицы (слав.) — лестницы.
Леторосль — годовая прибыль роста деревьев, растений; растения одного лета, новая зелень.
Летник — старинная женская верхняя одежда с длинными широкими рукавами.
Ливан — смола ливанского кедра.
Лития — богослужение, совершаемое вне храма или в притворе его; краткая молитва об «упокоении душ усопших».
Лиэй (греч. миф.) — одно из имен Диониса; буквально: распускающий, освобождающий.
Ложница — спальня.
Ломбер — карточная игра.
Лытки — ноги или голени, икры.

Маниок — растение тропических стран, богатое крахмалом; также зерна переработанного крахмала этого растения, употребляемые в пищу.
Марево — мираж.
Маркитантка — торговка, сопровождающая армию в походе.
Маханина — конина.

Медея (греч. миф.) — дочь колхидского царя, волшебница; помогла греческому герою Язону завладеть золотым руном и бежала с ним в Коринф. Когда Язон задумал бросить ее и жениться на коринфской царевне, страшно отомстила, послав новобрачной волшебную одежду, сжегшую ту заживо, и убив своих детей от Язона.
Мельнеккерц — богемское вино.
Мельпомена (греч. миф.) — муза трагедии.
Менады (греч. миф.) — вакханки, неистовые спутницы Диониса — Вакха.
Мессия — божественный посланец, Спаситель.
Миндиец — уроженец г. Минда на побережье Эгейского моря.
Мирро — благовонная смола.
Митра — архиерейская или архимандритская шапка при полном облачении.
Мордашки — особая порода похожих на бульдога охотничьих собак.
Мски — мулы.

На полы — пополам.
Назарей — здесь: назорей; так назывались в древности у евреев люди, посвятившие себя богу; они давали обет не стричь волос, не пить вина, избегать всякого осквернения.
Наипаче (слав.) — более всего, особенно.
Налой — покатый столик для икон или священных книг.
Намет — шатер.
Нард — индийское пахучее растение.
Нарцисс (греч. миф.) — прекрасный юноша, влюбившийся в свое отражение в воде и превращенный богами в цветок.
Насочи (слав.) — наговорил, наклеветал.
Наяда (греч. миф.) — речная или морская нимфа.
Нерея (греч. миф.) — одна из нереид, дочерей морского бога Нерея.
Ниже́ (слав.) — даже не, отнюдь не.
Ничка — положение кости при игре в бабки на правом боку.
Нозе (слав.) — ноги.
Ырки — птицы из семейства уток.

Обаче (слав.) — но, однако, напротив того.
Обельное — повинность в Древней Руси.
Обопричнить — взять в опричники.
Овамо (слав.) — туда, там.
Овии, овы (слав.) — иные.
Овогда (слав.) — иногда, по временам.
Одалыки — одалиски, наложницы в гареме.
Окат — округлость.
Океан (греч. миф.) — прародитель богов, река, окружающая Землю, куда спускались светила.
Оклад — металлическое покрытие на иконах.
Окольничий — сан приближенного к царю по службе лица (второй сверху по чину).
Окуп — выкуп, контрибуция.

Олетрида — в Греции так называли флейтисток, непременных участниц праздников, забавлявших гостей во время пиршеств.

Он — церковно-славянское название буквы «о».

Опашень — старинная летняя верхняя одежда: широкий долгополый кафтан с короткими широкими рукавами.

Опида (греч. миф.) — одна из нереид, дочерей морского бога Нерея.

Оправщик — представитель от городского конца на вече.

Опричь (слав.) — кроме.

Орать (слав.) — пахать.

Оры (греч. миф.) — богини, ведавшие сменой времен года, порядком в природе.

Остерия — трактир, кабачок.

Остров — небольшой отдельный лес.

Остроги — шпоры.

Отлика — отличие.

Отмётник — изменник.

Отроча (слав.) — дитя, отрок.

Охабень — старинная верхняя зимняя одежда с четырехугольным откидным воротником и прорехами под рукавами.

Ошую (слав.) — слева.

Паникадило — люстра в церкви.

Паразит — услужник, прихлебатель и шут, непременный гость за столом во время празднеств у богатых римлян.

Параклисиарх — пономарь, т. е. церковный служитель, на обязанности которого лежало зажигать свечи и звонить в колокола.

Пардус — барс.

Парки (греч. миф.) — богини судьбы, старухи, прявшие нить человеческой жизни и обрезавшие ее.

Пататы — сладкий картофель, растущий в южных странах.

Пектида — древний музыкальный инструмент вроде лютни.

Пени — жалобы.

Пеплум — длинная верхняя одежда без рукавов в Древней Греции, одевавшаяся поверх туники.

Перевет — измена, тайные переговоры.

Перимеда — имя колдуньи, встречающееся в элегиях Проперция; предполагают, что Перимеда и «златокудрая Агамеда», упоминаемая Гомером, которая знала все волшебные зелья, порождаемые землей, — одна и та же мифическая колдунья.

Перун — молния.

Пигмалион (греч. миф.) — скульптор, создавший прекрасную статую Галатеи и влюбившийся в нее.

Пиит — поэт.

Пищаль — орудие или ружье (ручная пищаль).

Плошка — блюдце или плоская чашка, залитая салом или маслом, с фитилем.

По пошлине — по старине, по стародавнему обычаю.

Победная — бедная, горемычная, горькая.

Побудка — инстинкт.

Повойник — старинный головной убор замужних женщин: повязка или платок, обвитый поверх волосника, т. е. шапочки, надеваемой прямо на волосы.

Поворуза — обвязка, петля для прикрепления чего-либо к руке.
Погост — кладбище.
Поддатни — приданные лица, помощники.
Поднизь — жемчужная или бисерная сетка, бахромка на старинном женском головном уборе.
Подорешник — гриб.
Подъезд — дань, пошлина.
Подьячий — приказный служитель, писец в суде.
Поезжанин — свадебный гость, участник свадебного поезда.
Позорище — зрелище, сцена.
Покой — церковно-славянское название буквы «п».
Полавочники — ковры, покрывающие скамьи.
Полтрета — вероятно: полтретья, т. е. два с половиной, но может быть и полтрети, т. е. одна шестая.
Понева — домотканая шерстяная юбка.
Портик — крытая галерея с колоннадой.
Поруб — погреб, яма, темница.
Порфироносный — царского рода.
Посад — в старину торгово-промышленная часть города вне городской стены; пригород, предместье.
Посадник — старшина города, выборный воевода; после присоединения Новгорода и Пскова к московскому государству назначался Москвой; степенный посадник — правящий в настоящее время.
Посошная (рать) — набранная из расчета с одной сохи.
Поставец — шкафчик, посудный шкаф.
Потентат — владетельное лицо, вельможа, коронованная особа.
Потеры — кубки для питья.
Правеж — взыскание денег (долга, штрафа) битьем, наказание несостоятельных должников батогами или кнутом.
Пращурный — принадлежащий предкам.
Предсение — первые, наружные сени церкви.
Приап (греч. миф.) — бог полей, садов и сладострастия, чувственных наслаждений.
Приказные — служащие приказа, писцы.
Причет (причт) — все духовенство какой-либо церкви; в переносном значении — вся группа соучастников.
Прометей (греч. миф.) — титан, похитивший огонь с неба и отдавший его людям.
Пропять — пронзить.
Профос — военный полицейский служитель, полковой палач.
Прошлец — проходимец.
Псалтырь — древний струнный музыкальный инструмент.
Пу́стыни — монастыри.
Пятина — пятая часть чего-либо. Древняя новгородская земля делилась на пять частей (пятин).

Раввуни (евр.) — учитель.
Раделец — заступник.
Развальная — большая.

Рамена (слав.) — плечи.
Регент — здесь: начальник хора певчих, капельмейстер.
Рейтар — наемный солдат-кавалерист.
Реша (слав.) — сказали, ответили.
Ритон — сосуд в виде рога животного или его головы, первоначально имевший культовое назначение.
Роброн — женское платье XVIII века с широкой юбкой.
Розмысл — военный инженер.
Роспашень — халат.
Руно — овечья шерсть.
Руснаки (русины) — в эпоху австро-венгерской монархии официальное название украинцев Галиции, Прикарпатья и Украины.
Рында — телохранитель, оруженосец.

Саадак — чехол на лук; иногда весь «прибор»: лук с налучником и колчан со стрелами.
Саваоф — одно из имен бога в Библии.
Сальсапарель — сарсапарель, вечнозеленая кустарниковая лиана, встречается в тропических лесах Центральной Америки.
Сатир (греч. миф.) — козлоногое существо, спутник Диониса (Вакха).
Сатрап — здесь: наместник, правитель области.
Свалилися — соединились вместе две стаи гончих собак (охотн. термин).
Селена (греч. миф.) — богиня Луны, влюбленная в юношу Эндимиона, погруженного богами в вечный сон.
Семо (слав.) — сюда.
Сестерций — древнеримская мелкая монета.
Синклит — собрание старейшин; здесь: высшего духовенства.
Синодики — поминальные списки, памятные книжки, куда вписывали имена умерших для поминовения на литургиях и панихидах.
Сицевые (слав.) — таковые.
Складень — складная икона, закрывающийся образок.
Скрижаль — доска, плита с какими-либо письменами; в переносном значении — хранилище идей, заветов.
Скуфейка — тюбетейка, круглая низкая шапочка.
Смирна — ароматическая смола.
Со стем — с сотней.
Сокольничий — боярин, ведавший царской соколиной охотой.
Сорокатый (медведь) — сороковой, по народным повериям роковой для охотника.
Сполынья — северное сияние.
Сретоша (слав.) — встретил.
Ставка — шатер.
Степенной — см. посадник.
Стогны (слав.) — площади.
Стольный — столичный, верховный.
Стопа — большой стакан с раструбом.
Студ — стыд.
Сулица — род копья или рогатины.
Сый (слав.) — сущий.

Талия (греч. миф.) — муза комедии.
Таро — тропическое растение, клубни которого употребляются в пищу.
Тарок — карточная игра.
Татие, тать — воры, вор.
Тафта — тонкая глянцевитая шелковая ткань.
Тафья — шапочка у духовных лиц, род скуфьи (см.)
Тедеска (итал.) — германка, немка.
Тезей (греч. миф.) — герой, убивший с помощью Ариадны (см.) чудовище — Минотавра, обитавшего в лабиринте на о. Крит.
Тенета — сети.
Терлик — род длинного кафтана с перехватом и короткими рукавами.
Термы — римские бани.
Терцероли — карманные пистолеты.
Тимпан — древний музыкальный ударный инструмент.
Тога — верхнее одеяние римлян: кусок материи, свободно драпировавшийся поверх туники.
Токмачи — колотушки, долбни.
Тоня — одна закидка, один улов невода.
Треба — богослужебный обряд, совершаемый по просьбе верующих.
Требник — книга, по которой отправляются требы (см.)
Триклиниум — в Древнем Риме столовая, пиршественный зал
Туника — у древних греков и римлян рубаха с короткими рукавами, надеваемая под верхнюю одежду.
Тысяцкий — в Древнем Новгороде и Пскове начальник внутренней охраны города.
Тьма тем — бесчисленное множество.

Убо (слав.) — итак, следовательно, ибо, потому что.
Убрус — плат, фата.
Увясло — головная повязка.
Узорочье — дорогие разукрашенные вещи, главным образом ткани, но также чеканное золото, серебро, ювелирные изделия.
Улус — становище кочевников.
Унос — место пристяжных лошадей при запряжке тройкой.
Урзамецкое — от «мурзамецкое», т. е. восточное, татарское.
Уряд — порядок, строй.

Фалернское — красное вино из Фалерна (область в Италии), прославленное римскими поэтами.
Ферязь — длинная мужская одежда с рукавами, но без воротника и перехвата.
Фетида (греч. миф.) — нереида, старшая дочь морского бога Нерея.
Флора (римск. миф.) — богиня цветов и юности.
Флорин — флорентийская золотая монета XIII века, название которой получило распространение в Европе.
Фортуна (греч. миф.) — богиня счастья, удачи, счастливого случая.
Форум — главная площадь в Древнем Риме, на которой в эпоху республики происходили народные собрания.
Фряжское — французское.

Характерник — колдун; здесь: старый казак-запорожец.

Хариты (греч. миф.) — три богини, спутницы Афродиты, олицетворяющие юную прелесть, веселье, радости жизни.

Хароновская лодка (греч. миф.) — лодка Харона, перевозчика в царстве мертвых, который перевозил души умерших через реки подземного царства

Хвалынская (лебедь) — т. е. с Хвалынского (Каспийского) моря.

Хирагра — подагра.

Хитон — в Древней Греции длинная одежда в виде рубахи.

Хоругви — значки, знамена; часть войска, при которой состоит хоругвь.

Хрущатая — хрустящая, шелестящая.

Церера (римск. миф.) — богиня полей, земледелия, хлебных злаков и плодородия.

Цитра — струнный музыкальный инструмент.

Чапрак — чепрак.

Червленые — багряные, красные.

Четверик — единица меры хлеба, 1/8 четверти (4 четверти составляли кадь, или бочку).

Чингалище — большой нож, кинжал.

Чресла (слав.) — бедра.

Чугунка — железная дорога.

Чудь — в русских летописях название эстонских племен и занимаемой ими территории.

Чуйки — длинные суконные кафтаны, армяки, в середине XIX в. одежда купцов и крестьян.

Чумбур — повод уздечки.

Шеломы (слав.) — шлемы.

Шестопер — жезл с шестью перьями, символ власти; позднее оружие, палица с шестью металлическими пластинами.

Ширинка — полотенце.

Шишак — старинный шлем с острием, заканчивающимся шишкой.

Шнеки — парусно-гребные суда, род карбаса.

Шуйца (слав.) — левая рука.

Эдем — земной рай.

Элизий (греч. миф.) — поля блаженных (для праведников и героев) в загробном мире.

Эпанечка (епанча) — старинный плащ широкого покроя.

Эреб (греч. миф.) — наиболее мрачная часть подземного царства мертвых.

Эсаул (есаул) — в старину помощник кошевого атамана у казаков.

Юдоль — земная жизнь с ее заботами и печалями.

Явор — белый клен.
Ямь — финское племя.
Янус (римск. миф.) — бог начала и конца, входов и выходов, покровитель дорог и путешественников; считался также богом времени, ему посвящались первый месяц года январь и календы (первые числа месяца).
Ярый (воск) — белый, чистый.
Яша (слав.) — взяли.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СПИСОК ОРИГИНАЛЬНЫХ СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л. А. МЕЯ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫХ В НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ[1]

1. ⟨À la Heine⟩ («От волненья то бледен, то красен...»). *1851 (?).*
2. Акростих («Есть детская веселая игра — в портрет...»). *Между 1848 и 1850.*
3. Акростих («Ладно — есть вопрос о Мее...»).
4. Аполлону. *6 февраля 1860.*
5. Брань тетки. *Начало 30-х годов.*
6. «Братья, помните ль, бывало...». *1841 (?).*
7. ⟨Буриме⟩ (1. «Молодая суеверка ли...»; 2. «Вот-с, господин Аскоченский...»; 3. «По всем лугам Полюстрова...»).
8. ⟨В альбом А. Л. Жемчужникову⟩ («Быть может, некогда пред светом...»). *30 сентября 1840.*
9. ⟨В альбом жене⟩ («Альбом мой наполнен: всё врезано, вклеено...»). *1858.*
10. ⟨В альбом жене⟩ («Я не пошел с тобою в храм сегодня...»). *14 сентября 1853.*
11. ⟨В альбом В. Р. Зотову⟩ («Поэт! В твоем сердце чудесный есть клад...»). *17 сентября 1840.*
12. ⟨В альбом О. А. Милюковой⟩ («Дай вам бог, моя милая Оля...»). *24 декабря 1861.*
13. ⟨В альбом С. Н. Степанову⟩ («Манит даль запретная...»). *25 декабря 1858.*

* 14. 22 августа 1851 года.
* 15. 19 октября 1861 года.
* 16. Жиды. *8 апреля 1860.*
17. М. А. Загуляеву (В день именин). *8 ноября 1861.*
18. ⟨В. Р. Зотову⟩ («Пишется в пoтý лица...»). *1858 (?).*
* 19. «И шелкóвые ресницы...» *1840.*

---

[1] Большинство произведений (кроме отмеченных звездочкой) помещено в Соч. 1947 г.; остальные — в Полном собр. соч. Л. А. Мея, тт. 1—2, изд. 4, СПб., 1911.

* 20. Из книги Иова. *1860.*

21. Из фантазии «Мысли и звуки». *1840.*

22. В. С. Курочкину (По поводу перемены названия «Молния» на «Искра»). *1858.*

* 23. Моисеевых книг бытия. *1861.*

24. Москва. ⟨*1840*⟩.

25. Песня лицеиста («Жажда познаний...»). *1840.*

26. Прощание лицеиста со шпагой. *1840.*

* 27. Прощание лицеистов XI курса с директором Гольтгоером. ⟨*1841*⟩.

28. Сампсон («Тает в праздничных огнях...»). *1840.*

* 29. Сервилия. Драма в пяти действиях. *1854.*

* 30. Слепорожденный. *1855.*

* 31. Союзникам. *6 июля 1855.*

* 32. Спаситель. *1857.*

* 33. Stabat mater. ⟨*1840*⟩.

34. «Хоть делят горы нас и реки...». *1851(?).*

* 35. Царскосельские воспоминания (иначе: «Екатерина II». См. Соч. 1947, с. 526, а также вступ. статью к настоящему сборнику, с. 8). *1840.*

36. ⟨Экспромт. На обеде у гр. Г. А. Кушелева⟩ («Графы и графини...»).

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* Л. А. Мей. Фотография Везенберг и К°. 1850-е годы. Музей Института русской литературы АН СССР.

2. *С. 53.* Автограф стихотворения «Не знаю, отчего так грустно мне при ней. . .» 1844 г. (ПД).

3 *С. 127.* Автограф стихотворения «Цветы». 1854 г. (ПД).

4. *Между с. 224 и 225.* Л. А. Мей. Гравюра на стали Ф. А. Брокгауза. Музей Института русской литературы АН СССР.

5. *Между с. 256 и 257* Л. А. Мей с женой С. Г. Мей. Акварель неизвестного художника начала 1850-х годов. Музей Института русской литературы АН СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

I

Лирика

Из античного мира

Былины. Сказания. Песни

На библейские мотивы

II. ПЕРЕВОДЫ

С древнегреческого

АНАКРЕОН

ФЕОКРИТ

Из народных славянских песен

С украинского

Т. ШЕВЧЕНКО

С польского

А. МИЦКЕВИЧ

Б. ЗАЛЕССКИЙ

З. КРАСИНСКИЙ

В. СЫРОКОМЛЯ

С английского

Д. БАЙРОН

С немецкого

В. ГЕТЕ

Ф. ШИЛЛЕР

Г. ГЕЙНЕ

С французского

А. ШЕНЬЕ

П. БЕРАНЖЕ

Г. НАДО

ДРАМЫ

I

II. ИЗ ШИЛЛЕРА

Мей Лев Александрович
ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1972, 680 стр. План выпуска 1972, № 320.

Редактор *В. С. Киселев*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Ксмм*
Корректор *И. Г. Клейнер*

Сдано в набор 14/VII 1972 г. Подписано в печать 19/IX 1972 г. М 55001. Бумага 84×$\times108^1/_{32}$, № 1. Печ. л. $21^1/_4$+3 вкл. (35,96). Уч.-изд. л. 31,76. Тираж 25 000 экз. Заказ № 981. Цена 1 р. 34 к.

Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзно-республиканского Государственного Комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Красная ул., 1/3.